

CENTRE FOR RUSSIAN STUDIES – 35 YEARS!

RUSSIAN
STUDIES

HU

2025/2

EDITED BY GYULA SZVÁK

RUSSIANSTUDIESHU

Editor-in-chief / Главный редактор / Főszerkesztő: Szvák Gyula, DSc

Deputy Editor-in-chief / Заместитель главново редактора /
Főszerkesztő-helyettes: Sashalmi Endre, DSc

Executive Editor / Ведущий редактор / Vezetőszerkesztő: Bagi Dániel, DSc

Members / Члены редакции / Tagok: Vladimir Boldin, PhD
Farkas Ádám, PhD
Igari Léna

Publisher / Издатель / Kiadó
Alapítvány az Orosz Nyelvért és Kultúráért

Published by / Ответственный издатель / Felelős kiadó
Az Alapítvány az Orosz Nyelvért és Kultúráért elnöke
1088 Budapest, Múzeum krt. 6–8.

Contact / Контакты / Kapcsolat
centre@russianstudies.hu
Website: <https://www.russianstudies.hu>

ISSN 2677-1640 RussianStudiesHu (print)
ISSN 2677-0660 <https://www.russianstudies.hu> (online)

© Alapítvány az Orosz Nyelvért és Kultúráért, 2025
All rights reserved

EDITORIAL BOARD

Member of RAS Veniamin Alekseev (Yekaterinburg) • Professor Evgenii Anisimov (Saint Petersburg)
Professor Dániel Bagi (Budapest) • Professor Emeritus Chester S. L. Dunning (College Station,
Texas A & M University) • Professor Márta Font (Pécs) • Paul Mellon Distinguished Professor
Wendy Z. Goldman (Pittsburgh) • Corresponding Member of RAS Andrei Golovnev (Saint Petersburg)
Professor Hieronim Grala (Warsaw) • Professor Claudio S. Ingerflom (Buenos Aires)
Head of the editorial board, Professor Emeritus Tamás Krausz (Budapest)
Professor Andrei Medushevsky (Moscow) • Professor Emeritus Peter Pastor (New Jersey)
Jay Richard Judson Distinguished Professor Donald J. Raleigh (Chapel Hill) • Professor Dmitrii Redin
(Yekaterinburg) • Corresponding Member of RAS Lorina Repina (Moscow) • Professor Richard Sakwa
(Canterbury) • Professor Endre Sashalmi (Pécs) • Professor Ludwig Steindorff (Kiel)
Professor Emeritus Léna Szilárd (Sassari) • Professor Emeritus Gyula Szvák (Budapest)
Professor Igor Tyumentsev (Volgograd) • Professor Andrei Yurganov (Moscow)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Академик РАН Вениамин Васильевич Алексеев (Екатеринбург) • Профессор Евгений Викторович
Анисимов (Санкт-Петербург) • Профессор Даниел Баги (Будапешт) • Заслуженный профессор
Венди З. Голдман (Питтсбург) • Член-корреспондент РАН Андрей Владимирович Головнёв
(Санкт-Петербург) • Профессор Иероним Граля (Варшава) • Профессор-эмерит Честер С. Л. Даннинг
(Колледж-Стейшен, Техасский университет А&М) • Профессор Клаудио С. Ингерфлом (Буэнос Айрес)
Председатель редколлегии, профессор-эмерит Тамаш Краус (Будапешт)
Профессор Андрей Николаевич Медушевский (Москва) • Профессор-эмерит Петер Пастор
(Нью-Джерси) • Заслуженный профессор Дональд Дж. Рейли (Чапел Хилл)
Профессор Дмитрий Алексеевич Редин (Екатеринбург) • Член-корреспондент РАН
Лорина Петровна Репина (Москва) • Профессор Ричард Саква (Кентербери)
Профессор-эмерит Дюла Свак (Будапешт) • Профессор-эмерит Лена Силард (Сассари)
Профессор Игорь Олегович Тюменцев (Волгоград) • Профессор Марта Фонт (Печ)
Профессор Эндре Шашалми (Печ) • Профессор Людвиг Штайндорфф (Кил)
Профессор Андрей Львович Юрганов (Москва)

SZERKESZTŐBIZOTTSÁG

Veniamin Alekszejev akadémikus (Jekatyerinburg) • Jevgenyij Anyiszimov professzor (Szentpétervár)
Bagi Dániel professzor (Budapest) • Chester S. L. Dunning professor emeritus (College Station,
Texas A & M University) • Font Márta professzor (Pécs) • Wendy Z. Goldman “Paul Mellon” Professzor
(Pittsburgh) • Andrej Golovnyov OTA levelező tag (Szentpétervár) • Hieronim Grala professzor (Varsó)
Claudio S. Ingerflom professzor (Buenos Aires) • Andrej Jurganov professzor (Moszkva)
Krausz Tamás professor emeritus, elnök (Budapest) • Andrej Medusevszkij professzor (Moszkva)
Peter Pastor professor emeritus (New Jersey) • Donald J. Raleigh “Jay Judson” professzor
(Chapel Hill) • Dmitrij Regyin professzor (Jekatyerinburg) • Lorina Repina OTA levelező tag (Moszkva)
Richard Sakwa professzor (Canterbury) • Sashalmi Endre professzor (Pécs) •
Ludwig Steindorff professzor (Kiel) • Szilárd Léna professor emeritus (Sassari)
Szvák Gyula professor emeritus (Budapest) • Igor Tyumencev professzor (Volgográd)

CONTENTS / СОДЕРЖАНИЕ / TARTALOM

ESSAYS / СТАТЬИ / TANULMÁNYOK

- 13 Gyula Szvák**
Три истории России
Three “Histories of Russia”
- 37 Tamás Krausz**
Заметки об истории одной исторической аналогии, или о чём на самом деле речь в аналогии Сталина и Гитлера?
Remarks on the History of a Historical Analogy – in Other Words, What is the Stalin–Hitler Analogy About?
- 57 Beáta Varga**
Ukraine: the “State to Nation” Country?
- 73 Katalin Schrek**
The Balkans as a Sphere of Russia’s Imperial Power – Thoughts on New Perspectives and Approaches in Modern Historical Research
- 89 Elena V. Alekseeva, Tatiana Iu. Bystrova**
История индустриального города в культурной памяти и современном культурном пространстве Екатеринбурга
History of the Industrial City in the Cultural Memory and Modern Cultural Space of Yekaterinburg
- 115 Viktoriia S. Gruzdinskaia, Mikhail V. Kovalev**
Венгерский историк в интерьере советской историографии: случай профессора Йожефа Перени
A Hungarian Historian within Soviet Historiography: The Case of Professor József Perényi
- 139 Gábor Gyóni**
Расстрел царской семьи: Венгерский след
The Execution of the Royal Family: The Hungarian Trail

- 165** **Dmitry A. Redin**
Социальная организация России раннего нового времени:
Языки описаний
The Social Organization of Early Modern Russia: Languages
of Description
- 185** **Igor' O. Tiumentsev, Nina E. Tiumentseva**
Новая и новейшая историография земского освободительного
движения 1608–1612 годов. Часть первая
New and Recent Historiography of the Zemstvo Liberation Movement
of 1608–1612. Part One.
- 201** **Ann M. Kleimola**
Plus ça change: The Shaping of Early Muscovite Diplomatic Rituals
- 213** **Márta Font**
Галицко-волынская русь в последней трети XIII в.:
Между Золотой ордой, Польшей и Литвой
Galicia–Volhynia in the Last Third of the Thirteenth Century:
Between the Golden Horde, Poland, and Lithuania

GUEST PAGE / ГОСТЕВАЯ СТРАНИЦА / VENDÉGROVAT

- 229** **Andrei L. Yurganov**
Категория «как было на самом деле» в теоретическом рассмотрении
(к методологии исторического исследования)
The Category of “What Really Was” in Theoretical Consideration
(Towards a Methodology of Historical Research)
- 239** **Maya S. Petrova**
Aristotelian Features in Medieval Oneirocriticism

LECTORI SALUTEM!

RussianStudiesHu is an open-access online academic periodical covering historical Russian Studies. It uses double-blind peer review and, since 2021, has published two issues a year, with online content being continually expanded throughout the year. Besides being accessible on the periodical's own website, issues are freely accessible at the Eötvös Loránd University of Sciences' repository (EDIT), the Electronic Periodicals Archive & Database of the Hungarian Electronic Library (EPA) as well as in many other major international databases, including Scopus. The periodical materials are also made available in printed format by the Publisher.

Manuscripts are accepted in English and Russian, and in rare, exceptional cases, in Hungarian, on condition that the article has not been published elsewhere in any language. *RussianStudiesHu* welcomes authors who can provide an academic treatment of any issue related to Eastern Slavic, Russian or Soviet history (including their Hungarian and Eastern European aspects), either as a historian or by means of a related discipline, provided they accept the periodical's Rules of Publication.

* * *

This special commemorative issue was prepared by the colleagues of the ELTE Centre for Russian Studies and their foreign colleagues, which provides the intellectual foundation for the journal *RussianStudiesHu*, on the occasion of the Centre's 35th anniversary. The following is a brief summary of its history and main milestones to date.

When can we consider the Centre to have been founded? Traditionally, we associate its founding with 1995, because that was when the decision was made at the Faculty of Humanities of Eötvös Loránd University, but the Centre only began its activities the following year. However, the intellectual predecessor of the Centre, the Hungarian Institute of Russian Studies, which operated physically in the University building but legally within the framework of the Hungarian Association of Russian Studies, was established in 1990 as an autonomous association of Hungarian Russianists working for the love of it. We have already commemorated elsewhere the work carried out at that time in the face of massive socio-political headwinds, the "heroic age" of the early years. In professional terms, the first 12 volumes of the Soviet and Post-Soviet Notebooks series, launched at that time, serves as the best reference for that work.

There is no doubt that, in academic terms, it is more appropriate to link the beginnings of the Centre to 1995, as this year saw the publication of the first book in our monograph series entitled "Russian Studies Books" (Ruszisztikai Könyvek), which would be followed by 51 more by 2025. These include books containing the proceedings of our biennial international conferences on Russian studies, launched in 1998, with a total of 13 volumes from 14 conferences to date (the 14th is being prepared for printing). Our current conference is the 15th in the series. Since it was founded, the Centre has organized more than fifty conferences, symposiums, and

round tables, not only in Budapest, but also in Moscow, St. Petersburg, Brussels, Pisa, and at the University of Sassari in Sardinia, thanks to the help of our colleagues abroad.

The next significant date is 2003, when, in addition to the Centre for Russian Studies, the ELTE-MTA Historical Russian Studies Research Group was established as part of a collaboration between the Hungarian Academy of Sciences and ELTE. During its nine years of operation, it produced 51 books (including four PhD dissertations) and 133 studies. Many of these were produced between 2007 and 2011 as part of a research project entitled “State and Nation: Russian and Eastern European Power Doctrines in the Context of National and Cultural Specificities in the 10th–20th Centuries (Sources and Historiography)”. (It should be noted that this group had the smallest allowable budget, consisting (on paper) of two members (actually of 15)). The Russian Studies Research and Methodology Center, which still exists today, and the Russian Studies Cabinet and Library were established in 2008 and 2009 respectively.

2010 was a decisive year for the Centre, as, after decades of attempts to do so, it finally succeeded in launching a master’s degree program in Russian Studies at ELTE, the first such master’s program in Hungary and in the region. Then, in 2013, an international version of the same program was accredited, offering a double degree in collaboration with Russian universities. Also in 2010, we admitted our first PhD students, who were able to apply for the independent Russian Studies program at ELTE’s Doctoral School of History. From the beginning until 2018, the head of the Centre and the Department was Professor Gyula Szvák.

The current organizational structure was established in 2019, when the Department of Eastern European History and the Department of Historical Russian Studies were merged. It is within this structure that the “Tsentri Rusistiki”, or Centre for Russian Studies, continues to operate. It was also at this time that the Vasily Klyuchevsky Seminar was established at the department and the international academic journal *RussianStudiesHu*, now indexed in Scopus, was launched.

The Centre’s honorary members include such internationally renowned figures as Nicholas V. Riasanovsky and Ann M. Kleimola from the United States, Paul Dukes and Philip Longworth from the United Kingdom, Andrei N. Sakharov and Ruslan G. Skrynnikov from Russia, as well as Hungarian academician Emil Niederhauser, our former rector, academician Ferenc Hudecz, and our former dean, Professor Károly Manherz.

Gyula Szvák – Editor-in-Chief

LECTORI SALUTEM!

Онлайн-издание *RussianStudiesHu* – это проходящая двойное слепое рецензирование (peer reviewed) научная онлайн-периодика по исторической русистике, которая кроме своего веб-сайта, находится в свободном доступе в репозитории Университета им. Лоранда Этвёша (EDIT), и в архиве и базе данных электронных периодических изданий венгерской электронной библиотеки (EPA), а также в ряде крупных международных баз данных, включая Scopus. Материалы издания также публикуются Издательством в печатной форме.

Публикации принимаются на английском, русском и, в редких исключениях, на венгерском языках. К публикации в журнале принимаются научные статьи, содержащие новые, ранее не публиковавшиеся результаты научных и практических исследований, соответствующие профилю журнала.

* * *

Настоящий юбилейный выпуск подготовлен сотрудниками Центра русистики ЭЛТЕ и их зарубежными коллегами, который служит интеллектуальной основой журнала *RussianStudiesHu*, по случаю 35-летия Центра. Далее приводится краткое изложение его истории и основных этапов развития

С какого момента можно вести отсчёт рождения Центра? Традиционно мы связываем его основание с 1995 годом, когда на Гуманитарном факультете Университета им. Лоранда Этвеша было принято решение о его создании, однако фактическую деятельность Центр начал только в следующем году. В то же время его идейным предшественником был Венгерский институт русистики, который, находясь физически в стенах Университета, функционировал в рамках Венгерского общества русистов как автономное объединение отечественных специалистов-русистов и был создан ещё в 1990 году. О работе в те годы, в условиях серьёзного общественно-политического противостояния, о «героическом времени» первых лет мы уже писали в других местах; в научном плане лучшей рекомендацией могут служить первые 12 выпусков серии «Советские, а затем Постсоветские тетради».

Научный отсчёт несомненно правильнее вести с 1995 года, так как именно тогда вышла первая книга из нашей монографической серии «Книги по русистике», за которой до 2025 года последовало ещё 51 издание. Среди них – тома, содержащие материалы наших международных конференций по русистике, проводимые каждые два года, начиная с 1998 года: на сегодняшний день это 13 томов по материалам 14 конференций (14-й находится в печати). Настоящая конференция – уже 15-я по счёту. За время своего существования Центр организовал более полусотни конференций, симпозиумов и круглых столов не только в Будапеште, но и благодаря поддержке зарубежных коллег в Москве, Санкт-Петербурге, Брюсселе, Пизе и, например, в Университете города Сассари на Сардинии.

Следующая важная дата – 2003 год, когда при Центре русистики в рамках сотрудничества Венгерской академии наук и Университета им. Лоранда Этвеша

была создана Исследовательская группа по исторической русистике, которая за девять лет своей деятельности подготовила 51 книгу (в том числе четыре докторские диссертации PhD) и 133 научные статьи.

Значительная их часть была опубликована в рамках темы «Государство и нация: российские и восточноевропейские доктрины власти в контексте национально-культурных особенностей X–XX вв. (источники и историография)». Отметим, что эта группа работала с минимальным финансированием и формально числилась как состоящая из двух человек (на деле – пятнадцати). Действующий и поныне Научно-исследовательский и методический центр русистики, а также Библиотека и кабинет русистики были созданы в 2008 и 2009 годах соответственно.

Решающим событием для Центра стал 2010 год: после многолетних попыток на факультете удалось открыть магистерскую программу «Русистика» («Россиеведение»), первую подобного рода в Венгрии и в регионе.

В 2013 году была аккредитована международная двойная версия этой же магистерской программы — совместно с российскими университетами, которая предусматривала получение диплома обоих вузов. Уже в 2010 году были приняты первые аспиранты (PhD), поступившие в Докторскую школу истории Университета им. Лоранда Этвеша на самостоятельную программу по русистике. С момента основания Центр и кафедру до 2018 года возглавлял профессор Дюла Свак.

Современная организационная форма сложилась в 2019 году, когда были объединены Кафедра истории Восточной Европы и Кафедра исторической русистики. В её рамках продолжает действовать Центр русистики. В том же году при кафедре была создана семинарская аудитория имени Василия Ключевского и началось издание международного научного журнала RussianStudiesHu, ныне индексируемого в Scopus.

Почётными членами Центра являются такие выдающиеся международные учёные, как Николас В. Рязановский и Энн М. Клеймола (США), Пол Дьюкс и Филип Лонгворт (Великобритания), Андрей Н. Сахаров и Руслан Г. Скрынников (Россия), а также венгерские учёные – академик Эмиль Нидерхаузер, бывший ректор ЭЛТЕ академик Ференц Худец и бывший декан, профессор Карой Манхерц.

Дюла Свак – Главный редактор

LECTORI SALUTEM!

A *RussianStudiesHu* 2021-től kezdődően évi két számmal megjelenő, az év folyamán állandóan bővülő nyílt hozzáférésű double blind peer review történeti ruszisztikai tudományos folyóirat, amely a saját honlapján kívül az Eötvös Loránd Tudományegyetem repozitóriumában (EDIT), az Elektronikus Periodika Archivum és Adatbázisban (EPA) és még számos nagy nemzetközi adatbázisban, így a Scopusban is, szabadon hozzáférhető. A folyóirat anyagait a Kiadó nyomtatott verzióban is publikálja.

Publikációkat angol, orosz vagy, ritka kivételként, magyar nyelven fogadunk, feltétel az első megjelenés. Minden szerzőt szívesen látunk, aki a keleti szláv, az oroszországi és a szovjet történelem bármely problémájának (beleértve a magyar és kelet-európai vonatkozásokat) történettudományos vagy más rokondszáclpína általi feldolgozását adja, és elfogadja a publikálási szabályainkat.

Ez a szám egy ünnepi szám, amelyet a *RussianStudiesHu* folyóiratnak szellemi háttérrel biztosító ELTE Ruszisztikai Központ munkatársai és szakmai partnerei írtak 35. évfordulója alkalmából. Az alábbiakban egy rövid összefoglaló olvasható eddigi történetéről.

Mikortól számíthatjuk a Központ születését? Hagyományosan 1995-höz kötjük az alapítást, mert ekkor született döntés róla az ELTE Bölcsészettudományi Karán, de tevékenységét csak a következő évben kezdte meg. Másrészt azonban a Központ szellemi elődje, a Magyar Ruszisztikai Intézet, amely fizikailag az Egyetem épületében, de jogilag a Magyar Ruszisztikai Egyesület keretein belül működött, társadalmi munkában, mint a magyar ruszisták autonóm egyesülése, már 1990-ben létrejött. A masszív társadalmi-politikai ellenszélben folytatott akkori munkáról, az első évek „hőskoráról” más helyütt már megemlékeztünk, szakmai értelemben a legjobb referenciát az akkor útjára indított Szovjet-, majd Poszt-Szovjet Füzetek sorozat első 12 kötete adhatja.

Kétségtelen, hogy a kezdetet tudományos értelemben szerencsésebb 1995-höz kötni, ugyanis akkor jelent meg a Ruszisztikai Könyvek c. monográfia sorozatunk első könyve, amelyet 2025-ig még 51 követett. Köztük az 1998-ban elindított biennális nemzetközi ruszisztikai konferenciáink anyagait tartalmazó könyvek, eddig összesen 14 konferencia 13 kötete (a 14. nyomdában). A mostani konferenciánk éppen a 15. a sorban. A Központ egyébként a fennállása alatt több mint félszáz konferenciát, szimpóziumot vagy kerekasztalt szervezett és nemcsak Budapesten, de a külföldi kollégák segítségével köszönhetően Moszkvában, Pétervárott, Brüsszelben, Pisában vagy pl. a szardíniai Sassari egyetemén is.

A következő jelentős dátum a 2003-as, amikor a Ruszisztikai Központ mellett megalakult a Magyar Tudományos Akadémia és az ELTE együttműködése keretében az ELTE-MTA Történeti Ruszisztikai Kutatócsoport, amely kilencéves működése során 51 db könyvet (köztük négy PhD-disszertációt) és 133 tanulmányt hozott létre. Ezek jó része 2007-2011 között az „Állam és nemzet: az orosz és kelet-európai hatalmi doktrínák a nemzeti-kulturális sajátosságok kontextusában a 10.-20. században (források és historiográfia)” című kutatási témában született. (Megjegyzendő, hogy ez a csoport az adható legkevesebb pénzből gazdálkodó, 2, azaz kettő, „statisztikai” (valójában 15) főből

állt.) A máig létező Ruszisztikai Kutatási és Módszertani Központ, illetve a Ruszisztikai Kabinet és Könyvtár 2008-ban, illetve 2009-ben alakult.

A Központ számára meghatározó dátum a 2010-es év, ugyanis több évtizedes erre irányuló próbálkozás után ekkor sikerült beindítani az „Oroszágismeret” mesterszakot „ruszisztika szak” néven az ELTE-n, amely hazánkban és térségünkben az első hasonló curriculumú mesterszak volt. Majd 2013-ban akkreditálták ugyanezen szak dupla, orosz egyetemekkel közös, diplomát adó nemzetközi változatát is. Ugyancsak 2010-ben vettük fel első PhD-hallgatóinkat, akik már az ELTE Történettudományi Doktori Iskolájában az önálló Ruszisztikai programra jelentkezettek. A Központ és Tanszék vezetője a kezdetektől 2018-ig Szvák Gyula professzor volt.

A jelenlegi szervezeti forma 2019-ben alakult ki, amikor összevonták a Kelet-Európa Történeti Tanszéket és a Történeti Ruszisztikai Tanszéket. Ezen belül működik továbbra is a Centr Ruszisztikai, vagyis a Ruszisztikai Központ. Szintén ekkor jött létre a tanszéken a Vaszilij Kljucsevszkij Szeminárium és indult útjára az immár Scopusos *RussianStudiesHu* c. nemzetközi tudományos folyóirat.

A Központnak olyan nemzetközi hírességek a tiszteletbeli tagjai, mint Nicholas V. Riasanovsky és Ann M. Kleimola az Egyesült Államokból, Paul Dukas és Philip Longworth az Egyesült Királyságból, Andrej N. Szaharov és Ruslan G. Szkrinnyikov Oroszországból vagy a magyar Niederhauser Emil akadémikus, volt rektorunk, Hudecz Ferenc akadémikus és volt dékánunk, Manherz Károly professzor.

Szvák Gyula – főszerkesztő

ESSAYS
СТАТЬИ
TANULMÁNYOK

ДЮЛА СВАК

ТРИ ИСТОРИИ РОССИИ¹

THREE “HISTORIES OF RUSSIA”

This essay is about the genesis of three “Histories of Russia” written by Hungarians in the twentieth century.

The first history of Russia in the 20th century to be written by a Hungarian author was published in 1943. It was ostensibly written by Kálmán Rátz, a retired second lieutenant. This article traces the story of this former soldier and, drawing on both published and unpublished sources, sets out, for the first time in academic history writing, to disprove his claim to be considered the author of this monumental, professionally executed work.

In 1971, István Dolmányos was the first Hungarian historian to write a history of the Soviet Union. His career took him on a trajectory that led from Stalinism through approval and then rejection of Khrushchev’s de-Stalinization and then back to Stalinism. This article, which is based on mostly newly discovered archival sources, shows how a reformist monograph on the history of the USSR in the context of Brezhnev’s re-Stalinization provoked a reaction in the political world at an international level.

The third “History of Russia”, which still functions as a university textbook, was first published in 1997. This book, written by four university professors, is a product of the period after the regime change.

Keywords: History of Russia, History of USSR, Kálmán Rátz, István Dolmányos, Hungarian historiography

Gyula Szvák – DSc in History, Professor Emeritus, Centre for Russian Studies, Department of Eastern and Central European History and Historical Russistics, Faculty of Humanities, Eötvös Loránd University. E-mail: centre@russianstudies.hu. ORCID: 0002-6505-5286

1 Citation: GYULA SZVÁK, „Tri istorii Rossii” [Three „Histories of Russia”], *RussianStudiesHu* 7, no. 2 (2025): 13–36. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2025.7.11

В XX в. в Венгрии были опубликованы три обобщающие истории России или СССР, написанными венграми. Первая из них вышла в 1943 г. под именем Кальмана Ратца, вторая была написана в 1971 г. Иштваном Долманьошем, а последняя – в 1997 г. авторским коллективом, состоявшим из четырех университетских профессоров.

Ниже я попытаюсь, не вдаваясь в сопоставление этих работ, показать исторический контекст их создания.

ПЕРВАЯ

Русофильский плагиат

История России, опубликованная под именем Кальмана Ратца, была корректным трудом объемом более 600 страниц, в котором не было и следов русо- или советофобии. Как и подобает справочному пособию научно-популярного характера, книга включала в себя подробную хронологию, множество иллюстраций и основательный список специальной литературы в помощь любознательному читателю. Она была написана на уровне той эпохи, ее автор обращался к лучшими произведениям не только западной, но и русской исторической науки, со знанием дела пользовался обобщающими работами крупнейших русских историков – С. М. Соловьева, В. О. Ключевского, П. Н. Милюкова и даже марксиста М. Н. Покровского, больше того, включил в состав своих источников и «Краткий курс истории ВКП(б)». Как будто бы это происходило не в самый разгар войны: в газетах хвалили познания и взвешенный подход автора², критика прозвучала только со стороны крайне правых – вскоре после оккупации Венгрии немцами книга была запрещена³, а ее автора немцы отправили в Маутхаузен.

Эта книга не имела прецедентов. И не только в отношении времени своего выхода в свет, но и в том смысле, что она не имела никаких значимых предпосылок в венгерской исторической русистике той эпохи. На самом деле тогда не существовало и самой этой научной дисциплины, между двумя мировыми войнами венгерские историки не считали

2 См., напр.: «В книге, хотя и походя, но по мере возможности объективно и наглядно говорится о борьбе господ и крестьян, о противоречиях между капиталистами и рабочими» [VERESS PÉTER, „Olvasás közben”, *Magyar Csillag*, 12. 15. (1943): 737].

3 *Budapesti Közlöny*, május 13.(1944): 7.

своей задачей изучение российской истории. В этом отношении гораздо более богатой традицией и результатами располагала русская филология, не говоря уж о рецепции русской литературы.⁴ В то же время автор книги, Кальман Ратц, мог гордиться тем, что к тому времени уже опубликовал несколько работ на удивительно разнообразные темы.

Можно лишь гадать, каким образом бывший лейтенант, позже капитан первого взвода первой роты Первого венгерского королевского будапештского полка гонведов вступил на зыбкую почву русистики. Оказавшись на восточном фронте, он вскоре попал в плен, предположительно в плену он в какой-то степени овладел русским языком, и позже это каким-то образом, – он и сам не знал, как это случилось, – привело его к «русской» тематике.

По профессии он был офицером и намеревался сделать карьеру по военной линии. В конце и после войны такая возможность открывалась в организовавшейся офицерской среде: Ратц стал одним из основателей и даже почти председателем Венгерской ассоциации национальной обороны, постоянно поддерживая тесную связь с членами «распущенного легиона».⁵ Вероятно, сложившаяся тогда сеть связей помогла отслужившему капитану, а позже майору Ратцу по окончании военных действий и после демобилизации в результате некоторых поисков найти временное прибежище в Архиве военной истории.⁶

Можно было бы подумать, что именно там в нем проснулась жилка ученого, исследователя, но у нас нет точной информации относительно природы и содержания его работы. В его ранних армейских характеристиках подчеркивались различные, но отнюдь не интеллектуальные способности, и мы не находим следов того, что у него вплоть до 42-летнего возраста имелись такие амбиции. Проба пера, как бы предварявшая интеллектуальный поворот в жизни Ратца, произошла

4 SzÉCHENYI ÁGNES, „Az orosz irodalom recepciója Magyarországon (1825–1945)”, in *Az orosz birodalom születései*, szerk. FRANK TIBOR. (Budapest: Gondolat Kiadó, 2016): 357–369.

5 Например, в одном деле чести Ратц был представителем Дюлы Гёмбёша. (*Pesti Napló*, július 1. /1925/: 6.) По мнению Миклоша Козмы, группа, образованная им с офицерами-сослуживцами, была «небольшой, но сплоченной, решительной и храброй». (KOZMA MIKLÓS, *Az összeomlás 1918–1919-ben* (Köröstárkány-Kápolnyásnyék: Kárpátia Stúdió, 2019): 75.

6 Csongrád-Arad-Torontál vármegyék Testnevelési és Népgondozó Felügyelőisége „Felülvizsgálat táblázata”, illetve „Toldalék az 1933. évre” HM HIM HL Rátz Kálmán/Fűv (411. sz. doboz), valamint az 1934. november 26-án írt honvédelmi miniszteri levél (HM HIM HL, 1934/kt. 1973.).

в конце 1931 г., а настоящий дебют состоялся в 1932 г. по случаю пятнадцатой годовщины Октябрьской революции.⁷

С этого времени Кальман Ратц «вошел в азарт». Только в, быть может, самой популярной газете того времени «Пешти напло» он до 1938 г. включительно напечатал 95 статей⁸ (позже он упомянул о 170 таких статьях⁹), всего же он опубликовал в различных печатных органах несколько сотен статей. За короткое время Ратц получил известность как специалист, пишущий о вопросах «геополитики и военной политики», и как эксперт по России. В конце 1936 г. этот процесс был увенчан докторской степенью, присвоенной ему Дебреценским университетом в знак признания его творческой деятельности. Об этом сообщалось и в прессе того времени.¹⁰

Однако решающий перелом произошел в 1932 г., когда правитель Венгрии Миклош Хорти предложил Дюле Гёмбёшу пост премьер-министра. В 1935 г. последний провел Ратца в депутаты. Премьер-министр всегда считал приоритетной журналистскую и пропагандистскую деятельность.¹¹ Кальман Рац (Ратц) должен был показать себя в этой незнакомой ему области, не имея ни профессиональной подготовки, ни опыта, ни, если судить по его первому произведению, какого-либо таланта писателя и квалификации историка.

Но ведь кто-то же написал упомянутые выше статьи...

И тут в этой истории появляются коммунисты-нелегалы, занимавшиеся карточной игрой в кафе «Бучински» и «Японском кафе», журналист и редактор Ференц Данцингер (Агарди) и агроном по образованию Вильмош Лазар, которые по не вполне выясненным, но, вероятно, по перечисленным ниже обстоятельствам стали «литературными неграми» Ратца. Позже, дожив до освобождения от фашизма, они оба признались в этом. Вследствие этого в новых базах данных и лексиконах автором книг «Африка просыпается» и «Социалисты-утописты»

7 RÁTZ KÁLMÁN, „Játék a tűzzel. Megjegyzések Károlyi Imre gróf könyvéhez”, *Budapesti Hírlap*, október 4. (1931): 7.

8 На второй странице газеты «Непсава» от 15 декабря 1938 г. сообщалось о 90 статьях, однако на заседании парламента Рац говорил о 95, указав, что всего им было написано 500 статей.

9 *A Holnap*, január 11. (1944): 1.

10 Ректор «от имени университета выразил гордость за то, что Кальман Ратц стал доктором Дебреценского университета». Ратц произнес благодарственную речь от имени новых обладателей докторской степени. *Pesti Napló*, december 6. (1936): 18.

11 VONYÓ JÓZSEF, *Gömbös Gyula* (Budapest: Napvilág Kiadó, 2014), 194–196.

считается Ференц Агарди (под «псевдонимом» Кальман Ратц). В дальнейшем выяснилось, что и книгу «Монголия – буферное государство Дальнего Востока» в действительности написал Вильмош Лазар. Последний приписывает Агарди авторство еще «намного более полутора сотен» статей, подписанных Ратцем.

Но почему же они согласились работать на Ратца?

Что касается их мотивации, то коммунистам нужны были деньги и доступ к публичной сфере. По свидетельству одного из современников, Михая Андраша Ронаи, коммунисты «по указанию Йожефа Маджара¹² сами заманили Ратца в опасные воды, и под именем последнего из-под пера Агарди, одна за другой выходили статьи и книги, хитроумно служившие правому делу.¹³

Позже Вильмош Лазар вместе с Агарди заявили, что «История России» также стала плодом их совместной работы. «В 1943 г. под авторским именем Кальмана Ратца вышла в свет “История России с древнейших времен до 6 ноября 1917 г.”. Личные воспоминания состоявших в нелегальной партии ученых, Ференца Агарди и Вильмоша Лазара, свидетельствуют о том, что они вдвоем подготовили и написали эту книгу, а также уговорили Ратца, друга Гембеша, одного из основателей Венгерской ассоциации национальной обороны, нилашистского депутата, взять на себя ее авторство».¹⁴ Не секрет, что значительную роль в подготовке книги (в «сборе материалов») сыграл Янош Келемен, гуманитарий-коммунист, который уже в 1938 г. работал у Ратца секретарем.¹⁵ Об этом писал сам «автор» в предисловии к книге.¹⁶

Один из членов собиравшейся в то время застольной компании, Лайош Холлош Корвин, дал однозначную разгадку «тайны Ратца»: «У Ратца было, так сказать, наносное, несистематическое образование, которое скорее можно назвать набранной то тут, то там, наспех схваченной информированностью... Самостоятельно он не мог написать ни страницы, я был поражен, когда он однажды показал мне рукопись

12 Йожеф Маджар был в то время вождем коммунистов-нелегалов, позже он стал жертвой сталинской диктатуры.

13 RÓNAI MIHÁLY ANDRÁS, „Lázár Vilmos fejfájára”, *Magyar Nemzet*, augusztus 4. (1972): 4.

14 MARKOVITS GYÖRGYI, „A magyar írók harca a cenzúra ellen (1919–1944)”, *Irodalomtörténeti füzetek* 111 (Budapest, 1985): 116.

15 VARGA SÁNDOR, „Egy kommunista könyvkiadó az ellenforradalmi Magyarországon”, *Párttörténeti Közlemények* 4. (1985): 139.

16 RÁTZ KÁLMÁN, *Oroszország története. Ősidőktől – 1917. november 6-ig* (Budapest: Grill Kiadó, 1943): VII.

своей “оригинальной” трехстраничной статьи – в ней не было ни одного вразумительного предложения!».¹⁷

После неожиданной смерти Гембеша все изменилось. Ратц не принадлежал к ближнему кругу нового премьер-министра Имреди, к тому же радикально изменилась и политическая ситуация, поэтому Ратц решил на неожиданный шаг – вышел из правящей партии и присоединился к хунгаристам.¹⁸ Другой вопрос, что его расчеты не оправдались, когда он встал на сторону мятежников внутри правящей партии, которые выступили против премьер-министра Белы Имреди¹⁹: ему пришлось покинуть партию и позже вступить в партию нилашистов, чтобы получить шанс на место в парламенте в ходе грядущих выборов. Однако такие места не раздавались бесплатно, поэтому Ратцу в качестве ответственного редактора пришлось связать свое имя с предвыборной программой нилашистской партии.²⁰

В конце концов расчет Кальмана Ратца все же оказался верным. На выборах, проведенных в праздник Пятидесятницы 1939 г., нилашисты достигли колоссального успеха, получив примерно 20% всех парламентских мест.²¹ Одно из них, к тому же по партийному списку, досталось майору в отставке доктору Кальману Ратцу. Правящая элита официальной национально-христианской Венгрии не могла просто примириться с таким результатом. Один за другим последовали второй, потом третий закон о евреях, лишение их прав, а в результате Второго Венского арбитража была осуществлена новая территориальная ревизия. В итоге правящая партия поглотила нилашистский электорат.

Нилашистские организации стали распадаться на мини-партии, у нас нет однозначных доказательств, но есть косвенное указание на то, что во главе одной из них стоял майор Ратц.²² Подтверждением этого могло бы послужить свидетельство полицейского осведомителя, афе-

17 HOLLÓS KORVIN LAJOS, „Üdvözülési kísérlet József Attila ürügyén”, *Kritika*, 8 (1986): 21.

18 KOVÁCS TAMÁS, *Rendőrségi célkeresztben a szélsőjobb. Dr. Sombor-Schweinitzer József feljegyzése a szélsőjobboldali mozgalmakról, 1932–1943* (Budapest: Gondolat Kiadó, 2009), 69.

19 SIPOS PÉTER, „Az Imrédy-kormány válsága és bukása”, *Történelmi Szemle* 1. (1966): 57.

20 15 марта 1939 г. вышла в свет предвыборная программа нилашистов под названием «Этого хотят нилашисты», подписанная председателем партии, депутатом парламента Кальманом Хубай и изданная доктором Кальманом Ратцем. См.: KARSAI LÁSZLÓ, *Szálasi Ferenc* (Budapest: Balassi Kiadó, 2016), 199–200.

21 По мнению Золтана Пакши, общественная поддержка праворадикалов на выборах даже превысила 30–35%. См.: PAKSY ZOLTÁN, *Nyilas mozgalom Magyarországon. 1932–1939* (Budapest: Gondolat Kiadó, 2013), 218.

22 См.: GÖMÖRI GYÖRGY, „Beszélgetés Szász Bélával”, *Új Látóhatár* 3–4. (1981): 414–415.

риста, лжесвидетеля на процессе Райка Иштвана Штолте,²³ однако его слова ни в коем случае нельзя считать неопровержимым доказательством.²⁴

Несомненно одно: еще в начале 1940 г. Ратц покинул партию «Скрещенные стрелы»²⁵ и организовал новое нилашистское формирование. По его собственному определению, это была социалистическая партия без марксизма, но, конечно, на национальной основе. Однако в 1940 г. национал-социализм уже и в Венгрии означал фашизм.

После заключения пакта Молотова-Риббентропа, оседлав волну внешнеполитической конъюнктуры, Ратц отправился в поездку в Советский Союз в роли лоббиста интересов сразу нескольких предприятий (среди которых он прямо называет «Будапештское столичное предприятие по снабжению электроэнергией»)²⁶. В этой связи интересно наблюдать, как Ратц старался в ходе своих замаскированных под культурную дипломатию безуспешных московских переговоров разменять на мелкую монету свой составленный с большим знанием дела депутатский запрос относительно экспорта вольфрама, криолита, алюминия, сырой резины, хлопка и других сырьевых материалов.²⁷

После нескольких лет, проведенных сначала в роли нилашистского Петрушки, затем «в молчании», отойдя на шаг от политики, Ратц явно попытался перепозиционировать себя с расчетом на будущее, поскольку одновременно говорил о приходе социалистического строя и о крахе капитализма. Видимо, поэтому он взялся за «Историю России» и связанные с ней возможные злоключения. Основанный им еще в 1938 г. «научный» журнал «Хольнап», который в конце 1938-го и в 1939 г. служил интересам нилашистов, теперь был поставлен на службу воображаемому/неизбежному будущему.²⁸

23 NAGY CSABA „A pénzre szükségem volt. Beszélgetés Stolte Istvánnal”, *Respublika* 4. (1994): 52.

24 Прекрасную характеристику ему дал Тибор Хайду. См.: HAJDU TIBOR, „Júdás mindig velünk van. Két különös karakter: Stolte István és Cseresnyés Sándor”, *Valóság* 4. (1994): 53–58.

25 PAKSA RUDOLF, *Magyar nemzetiszocialisták. Az 1930-as évek új szélsőjobbaldali mozgalma, pártjai, politikusai, sajtója* (Budapest: MTA BTK TTI, 2013), 331.

26 Документы, связанные с поездкой Ратца в Москву, опубликованы Аттилой Шерешом и Агнеш Ренфер: SERES ATTILA, RENFER ÁGNES, „Egy nyilas képviselő hihetetlen kalandjai a Szovjetunióban”, *Archivnet* 9. (2009): 2.

27 OGYK KN, 1939. VII. kötet, 1940. november 15. 473–475.

28 Например, две большие, неподписанные статьи берут под защиту главного редактора. Одна от критики со стороны «либералов», а другая – от критики со стороны праворадикалов. См.: „Milyen érzés, ha valaki saját «tollhegyével» szúrja meg magát?”,

В 1945 г. Ратц с характерной для него эффективностью практически сразу добился снятия запрета с «Истории России».²⁹ Ратц быстро отыскал и дорогу к советскому посольству. Он передал туда «свою книгу» (вероятно, «Историю России»), сборник своих избранных депутатских выступлений и вызвался вступить в создаваемое «Венгеро-советское общество культуры». Его генеральный секретарь Дюла Хаи посчитал этот вопрос настолько важным, что обратился за указаниями лично к генеральному секретарю Коммунистической партии товарищу Матьяшу Ракоши. Ракоши написал на его письме короткую резолюцию: «Попытку сближения со стороны Ратца отклонить. Р.».³⁰

В конце концов и сам Ратц понял, что в новой Венгрии надеяться ему уже не на что. «История России», которую он считал своим главным «документом», охранной грамотой, совсем не сработала или сработала не так, как он надеялся. Например, когда референт министерства иностранных дел Дьёрдь Радо пригласил его на прием вместе с корреспондентом ТАСС Потемкиным, последний буквально окаменел, увидев в книге Ратца портрет Троцкого.³¹

После этого эпизода следы Ратца практически теряются. Больше всего мы узнаем со слов часто встречавшегося с ним Миклоша Мештера: «после Второй мировой войны Кальман Ратц успешно прошел официальную проверку, но после этого он, как и я, должен был сидеть тихо».³²

Далее в воспоминаниях Мештера следует таинственная история о том, как в один из октябрьских дней 1948 г. Ратц появился у него с предложением перебраться вместе с ним на Запад и заявил, что он сможет это устроить. Мештер не поехал с ним, а примерно через месяц его арестовали.

А Ратц уехал по международному паспорту в Австрию, а потом в Швейцарию.³³

* * *

A Holnap, 1944. január 11. 1–2.; „Válasz az «Egyedül vagyunk»-nak”, *A Holnap*, 1943. december 21. 1.

29 *Magyar Közlöny*, 1945. május 4. 3.

30 MNL OL (Magyar Nemzeti Levéltár Országos Levéltára) M-KS 274. fond 17. csoport 7. ő. e.

31 RADÓ GYÖRGY, „Forgácsok (életrajzi jegyzetek)”, *Palócföld* 6. (1993): 629.

32 MESTER MIKLÓS, *Arcképek. Két tragikus kor árnyékában* (Budapest: Tarsoly), 137.

33 См.: LENGYEL ANDRÁS, „Ki volt Rátz Kálmán?”, *Népszava Szép Szó*, 1998. november 14. II.

Его жизнь была сплошным недоразумением, ведь он не был ни интеллигентом, ни мастером пера, ни теоретиком, но в последние 20 лет занимался «проповедничеством». Правда, невзирая на это, он мог стать политиком, но слишком вжилась в свою роль ученого-гуманитария и эссеиста. В конце концов он «выбилась в люди» благодаря Дюле Гембешу и своим «неграм-евреям». Однако характерно, что в ходе послевоенной проверки свидетельствовавший в его пользу Карой Рашшай оправдывал Ратца именно тем, что к нему нельзя относиться серьезно.³⁴ Что же касается его «творческой деятельности», то в конечном итоге он был мошенником, который даже степень доктора получил за работы, написанные другими.³⁵

Нилашист-русофил? Утверждение, похожее на оксюморон. Или это все же не оксюморон.³⁶ Быть может, он не случайно всегда пел с Юдит Санто «Дубинушку».³⁷

Несомненно одно: Ратц не был крупным «русистом» первой половины XX в. и автором первой в этом столетии истории России.

ВТОРАЯ

Недостаточно сталинистская³⁸

Летом 1968 г. Иштвана Долманьоша попросили написать новую, современную, однотомную историю СССР, нужда в которой была крайне велика, поскольку на венгерском языке был доступен лишь трехтомный

34 «В своей черной рубашке, подпоясанный антантским ремнем, Ратц был скорее потешным, чем серьезным участником политической жизни». См.: *Világosság*, 1945. október 12. 2.

35 Дебреценский университет допустил его к устному экзамену и присвоил ему степень в знак признания его прежней творческой деятельности, на основании представленных статей и книг о Чехословацком легионе и об Африке. См.: *Jegyzőkönyv a m. kir. Tisza István Tudományegyetem Bölcsészettudományi Karának 1936. évi november 5-én és december 7-én tartott üléséről*. DE BTK (Debreceni Egyetem, Bölcsészettudományi Kar) Dékáni Hivatal, 11–13, ill. 7.

36 Ференц Натко вспоминал о нем так: «Он был явным русофилом в парламенте, в кругу друзей и на лекциях на улице Шаш, где всегда таилось довольно много шпионов». См.: *Tóth Pál Péter, Messiások* (Budapest: Akadémiai Kiadó, 1987), 391.

37 Szántó Judit, *Napló és visszaemlékezés* (Budapest: Argumentum Kiadó, 1997), 90.

38 Эта часть статьи в значительной степени основана на работе: Szvák Gyula – Farkas Ádám: „Túlságosan önkritikus a Szovjetunió nevében”. *Népszava Szép Szó* (2023. augusztus. 26.) IV–V.

труд под редакцией Анны Панкратовой, опубликованный в 1950 г. Партийное издательство «Кошут» удачно почувствовало ветер перемен и не случайно дало заказ именно Иштвану Долманьошу, который уже долгое время вел занятия и написал университетское пособие по данной тематике, причем, по отзывам его бывших студентов, он преподавал очень квалифицированно. По их рассказам, он был прекрасным лектором, и студенты массово посещали его занятия, поскольку он впервые честно и достаточно подробно рассказывал им о беззакониях сталинской эпохи.³⁹

В 1968 г. наше [Д. С.] внимание было приковано к новому экономическому механизму и связанным с ним интеллектуальным процессам, что делает историю культуры того времени особенно интересной. Все это, как и «пражская весна», было своего рода отголоском интеллектуального подъема на Западе. Таким образом, всеобщим реформистским настроением вполне соответствовала упомянутая книга, договор на написание которой был подписан 3 июля 1968 г. Через год после этого автор сдал рукопись книги в издательство. Тем временем войска стран ОВД во главе с СССР вторглись в Чехословакию, и за пражской весной никогда не последовало лето.

Из объяснительной записки, позже подготовленной в издательстве «Кошут» для Комитета агитации и пропаганды ЦК ВСРП, выясняется, что издательская работа продвигалась с серьезными трудностями.⁴⁰ Отзыв о книге написал Эндре Арато, замечательный исследователь истории Восточной Европы (который, между прочим, не был специалистом по истории СССР), после чего начался продолжавшийся с декабря по февраль процесс редактирования, в ходе которого автора просили внести в текст множество корректив, на что он обычно не соглашался. В итоге весной был назначен новый рецензент в лице Генриха Ваши, директора Института истории партии. В конце концов в начале сентября рукопись была сдана в типографию со множеством изменений, сделанных без ведома автора,⁴¹ а в целях перестраховки вторая кор-

39 Об этом независимо друг от друга рассказывали Дюле Сваку Ференц Глатц (позже – президент Венгерской академии наук), Лайош Ижак (позже – руководитель Института истории университета им. Лоранда Этвеша) и Золтан Сас (позже – директор Института истории Венгерской академии наук).

40 Jelentés Dolmányos István: A Szovjetunió története c. művéről (név nélkül). 1972. március 28. Magyar Nemzeti Levéltár Országos Levéltára (MNL OL) M-KS 288-36 Tudományos, Közoktatási és Kulturális Osztály, 1967–1988 – 1972/24. ő. e.

41 «...Мы обобщили и сократили оценку беззаконий и культа, сложившегося вокруг личности Сталина. Так, например, описание процессов 1937–38 гг. первоначально

рекура была направлена для проверки секретарю ЦК ВСРП Миклошу Овари.⁴²

Казалось, что что годовичная задержка оправдала себя. Когда осенью 1971 г. книга наконец вышла в свет, она была встречена в венгерской прессе множеством благожелательных рецензий. «Беспристрастный тон, вдумчивый анализ, необычайное богатство информации – вот те достоинства, которые на долгое время сделают эту книгу незаменимой». Так писал, например, Пал Е. Фехер, который очень хорошо ориентировался в российских и других восточноевропейских вопросах и уже тогда считался ведущим журналистом в лагере реформкоммунистов.⁴³ Не прошло и полугодя, как ему пришлось написать объяснительную записку Петеру Рени, который фактически руководил газетой «Непсабадшаг»,⁴⁴ а 11 апреля Комитет агитации и пропаганды ВСРП принял постановление, осуждающее книгу Долманьоша.⁴⁵

Что же случилось за это время? Невзирая на то, что книга была утверждена на высшем идеологическом уровне, более поздние отзывы, находящиеся в подготовительных материалах Комитета, уже подчеркивали ее ошибки. Заместитель заведующего кафедрой Партийной школы Карой Липкович по существу критиковал книгу за отсутствие в ней контекстуализации «допущенных властью перегибов» и причин смещения Хрущева.⁴⁶

Ответственный редактор журнала «Парттёртенети кёзлеменек» Балинт Сабо сгруппировал свои возражения вокруг трех основных проблем: недостаточно критического отношения к роли меньшевиков, чрезмерного хронологического расширения периода культа личности и слишком сочувственного – с югославской точки зрения – подхода к югославскому вопросу. И наконец: «После данной им оценки трудно

занимало примерно 4 страницы, мы сжали его приблизительно на три четверти. Таким же образом мы убрали подавляющее большинство беззаконий, связанных с национальным вопросом и считающихся ошибками Сталина, и едва оставили кое-что из перечисления послевоенных беззаконий». Там же.

42 Jelentés Dolmányos István: A Szovjetunió története c. művéről (név nélkül). 1972. március 28. Magyar Nemzeti Levéltár Országos Levéltára (MNL OL) M-KS 288-36 Tudományos, Közoktatási és Kulturális Osztály, 1967–1988 – 1972/24. ő. e.

43 E. FEHÉR PÁL, „Magyar könyv a Szovjetunió történetéről. Jegyzetek Dolmányos István munkájáról”, *Népszabadság*, 1971. nov. 7. 13.

44 Feljegyzés Rényi Péter elvtárs részére. 1972. március 18. MNL OL M-KS 288. f. 36/1972/24. ő. e.

45 Jegyzőkönyv az Agit. Prop. Bizottság 1972. április 11-i üléséről. MNL OL M-KS 288-41 Agitációs és Propaganda Bizottság (Társadalompolitikai Bizottság), 1962-1989/179. ő. e.

46 *Lipkovits Károly*. Megjegyzések Dolmányos István: „A Szovjetunió története” c. könyvéhez. 1972. március 26. MNL OL M-KS 288. f. 36/1972/24. ő. e.

понять, почему состоялось смещение Хрущева, зачем нужно было провозглашать борьбу против субъективизма в октябре 1964 г., и почему снова стало необходимым укрепление коллективного руководства. При описании отставки Хрущева автор далеко не столь „объективен“, как при осуждении культа личности Сталина». ⁴⁷

Эти отзывы были запрошены после того, как 14 марта Комитет агитации и пропаганды ВСРП «поручил Отделу науки, народного образования и культуры ЦК и Отделу агитации и пропаганды ЦК рассмотреть, наносят ли вред нашим политическим интересам книга Иштвана Долманьоша „История СССР“ и сборник документов „Поворот судьбы“, ответственным за публикацию которого был Янош Варга. Оба отдела должны представить результаты рассмотрения вопроса на заседании Комитета агитации и пропаганды ВСРП 11 апреля сего года». ⁴⁸

На основании этого два затронутых отдела ЦК ВСРП в своем заключении от 6 апреля 1972 г. сделали следующий вывод: «Книга действительно дает основания для политических замечаний:

- При описании революции 1905 г. много лучшего оставляет желать прежде всего оценка меньшевиков, не видно различий между большевиками и меньшевиками, источника их разногласий.
- Наиболее серьезные замечания вызывает помещенное в нескольких местах изображение, подробное описание культа личности, деятельности Сталина и нарушений законности.
- Югославский вопрос односторонне представлен автором таким образом, будто после 1948 г. югославские коммунисты попытались максимально приспособиться к особенностям своей страны, но руководство КПСС [точнее ВКП(б)] тогда не оценило этого по достоинству.
- На основании содержащейся в книге оценки трудно понять, почему в октябре 1964 г. был снят Хрущев, и зачем нужно было провозглашать борьбу против субъективизма, почему снова стало актуальным укрепление коллективного руководства». ⁴⁹

Эти выводы были повторены на состоявшемся 11 апреля заседании Комитета агитации и пропаганды, после чего было вынесено следующее решение:

⁴⁷ Там же. Szabó Bálint feljegyzése Dolmányos István könyvéről. 1972. március 17.

⁴⁸ Jegyzőkönyv az Agit. Prop. Bizottság 1972. március 14-i üléséről. MNL OL M-KS 288. f. 41/177. ő. e.

⁴⁹ Jelentés a „Sorsfordulók” és „A Szovjetunió története” című könyvekről. 1972. április 6. MNL OL M-KS 288. f. 36/1972/24. ő. e.

«Комитет агитации и пропаганды считает необходимым поощрять отечественные исследования по истории социалистических стран. Однако он также считает, что перед публикацией важнейших работ по истории социалистических стран и братских партий соответствующие книжные издательства, государственные органы и общественные организации должны проводить консультации с соответствующими зарубежными партнерскими органами и организациями.

Необходимо позаботиться о том, чтобы в журнале “Сазадок” была напечатана взвешенная критика о данном произведении, в которой надо отдать должное первой инициативе такого характера и в то же время указать на нерешенные проблемы и допущенные ошибки.

Комитет агитации и пропаганды считает, что нет оснований для запрещения книги. Напечатанные 10.000 экземпляров практически распроданы, около тысячи экземпляров, обнаруженные в торгово-распространительной сети и на складе издательства “Кошут”, изъяты из продажи.

Комитет агитации и пропаганды пока видит нецелесообразным публикацию второго, переработанного издания книги.⁵⁰

Если взглянуть на параллельное разбирательство по вопросу о сборнике «Поворот судьбы»,⁵¹ редакторы которого получили партийный выговор, и который был запрещен задним числом, то Иштван Долманьош удачно «вывернулся» со следующим определением: «Комитет пришел к выводу, что автор в своей книге попытался представить марксистскую трактовку истории СССР, однако по некоторым вопросам занял спорную и нуждающуюся в обсуждении позицию»⁵². Автор книги не был наказан, книгу не запретили, что, надо признаться, было бы достаточно странно, принимая во внимание, что ее публикацию разрешил Миклош Овари. Не говоря уже о том, что как специалисты, так и читающая публика встретили ее вполне благосклонно.

И все же: почему книга вдруг оказалась в таком вакууме? На эту тайну проливает свет анонимная «Записка», датированная 26 января 1972 г., из той же подборки материалов ВСПП, на который ссылалось постановление комитета. Прочитываем ее полностью: «На совещании

50 Jegyzőkönyv az Agit. Prop. Bizottság 1972. április 11-i üléséről. MNL OL M-KS 288. f. 41/179. ő. e.

51 О параллельности двух разбирательств писала Ева Стандейски. STANDEISKY ÉVA, „Berzenkedők és tabusértők. A magyar–szovjet kulturális viszony a hatvanas években”, *Élet és Irodalom*, 2003. december 19: 8–9.

52 Там же.

журналистов товарищ Кадар подчеркнул, что было бы неправильно оценивать 1919 год по принципу „с одной стороны–с другой стороны”, было бы неправильно изображать событие большого исторического значения посредством перечисления допущенных ошибок. Приветствуя это мнение, они хотели бы, чтобы для тех, кто пишет об СССР, это служило основой и при оценке истории СССР.

Долманьош собрал под микроскопом все ошибки, которые по отдельности действительно были совершены, однако при таком изображении складываются в тенденциозный подход к историческим событиям.

По нашим сведениям, автор не консультировался с советскими историками. Если в СССР публикуются материалы, касающиеся других стран, то там во всех случаях обращаются к компетентным лицам из этих стран и согласовывают с ними все вопросы.

В некоторых местах книги содержится критика деятельности действующего Центрального Комитета. В связи с этим отметил, что они в КПСС во всех случаях высказывают свою позицию на основании партийных постановлений, принятых в заинтересованной стране.

В рецензии, опубликованной в газете „Непсабадшаг”, рецензент расхваливает книгу и метод, используемый ее автором, который изучает прошлое не глазами современного человека, а в свете происшедших тогда событий, смотря на него через очки того времени. Это утверждение вряд ли можно обосновать. В рецензии ссылаются на советского историка, только забывают о том, что Веселовский подвергся резкой критике за свою неправильную, одностороннюю историческую концепцию и что он живет не в СССР, а где-то на Западе, где крикливо выступает против СССР.⁵³

Процитированное сообщение было послано в Партийный центр из венгерского посольства в Москве, в нем были преданы слова руководителя сектора Международного отдела ЦК КПСС товарища Леонида Мосина.⁵⁴ Принимая во внимание, что в феврале Брежнев прочитал Кадару нотацию по поводу положения в Венгрии,⁵⁵ венгерская сторо-

53 MNL OL M-KS 288. f. 41/179. ő. e. Feljegyzés Dolmányos István „A Szovjetunió története” című könyvéről. Moszin elvtárs a következő kritikát mondta. 1972. január 26.

54 MNL OL M-KS 288. f. 36/1972/24. ő. e. MSZMP Központi Bizottsága Tudományos Közoktatási és Kulturális Osztály. Agitációs és Propaganda Osztály. 1972. április 6.

55 11–14 февраля 1972 г. Кадар по приглашению Брежнева находился на охоте в Завидово. Там советский генеральный секретарь «в дружеском тоне» изложил свое равнозначное запрету «личное мнение» о нежелательных явлениях в венгерской экономике, связанных с реформами. См.: HUSZÁR TIBOR, *Kádár János politikai életrajza* (Budapest: Szabad Tér–Kossuth, 2003), 238–243.

на никак не могла игнорировать советскую жалобу, даже несмотря на все содержащиеся в ней нелепости. (Например, «крикливо выступавший на Западе» академик Степан Веселовский, на которого, проявив хорошую интуицию, ссылался Пал Е. Фехер, к тому времени уже давно умер, а его эпохальный труд был опубликован в 1963 г. уже посмертным изданием). К тому же в научных кругах уже тогда считалось абсурдным и пожелание предварительно консультироваться с советской стороной по всем вопросам, касающимся истории СССР. В то же время, несомненно, стало нормой, что в том, о чем не пишут о самих себе в СССР, не подобает (нельзя) копаться и другим.

Времена изменились. В 1972 г. не считалась уже политкорректной и слишком хвалебная оценка их собственного XXII съезда партии: «Вся деятельность XXII съезда была проникнута атмосферой революционного обновления. Дух творчества одержал победу над пережитками консерватизма. В политике потерпел поражение культ личности, в экономической жизни – субъективизм, в технике – бесперспективная рутинная работа, в области теории – догматизм и, наконец, в сфере пропаганды – начетничество».⁵⁶ Это было связано с тем, что Брежнев вовсе не считал себя продолжателем Хрущева. Можно сказать, что Иштван Долманьош несколько «отстал от жизни», когда, как бы с критическим посылом, сформулировал следующую оценку: «Проблему причинило главным образом то, что в сообщениях о снятии Хрущева не было указаний на его заслуги». Его в прямом смысле «спасло» то, что лица, руководившие венгерской политикой, видимо, тоже не сразу поняли (или захотели понять) эти кремлинологические «тонкости».

Как любезно сообщил Дёрдь Далаш, в кругах, близких к издательству «Кошут» ходила городская легенда, согласно которой Дёрдь Ацел, ответственный за управление культурной и научной сферой секретарь ЦК ВСРП однажды сказал по поводу автора запрещенных мемуаров «Буря кружит листья...», Эндре Шика: «Он слишком самокритичен от имени Советского Союза». И хотя об этом не упоминалось в случае Иштвана Долманьоша, но на основании сказанного выше у него тоже не было других ошибок.

А соль этой истории, можно сказать, ее трагиабсурдность заключается в том, что в то время как компетентные партийные органы в течение нескольких месяцев вынашивали «экспертное мнение» по

56 DOLMÁNYOS ISTVÁN, *A Szovjetunió története* (Budapest: Kossuth Könyvkiadó), 1971. pp. 466–467.

советской истории, а brave редакторы издательства «Кошут» в течение года до этого занимались идеологической и политической «прополкой» книги, в 1976 г. в издательстве «Учебная книга» был без всяких осложнений и изменений переиздан написанный Иштваном Долманьошем университетский учебник «История СССР. 1917–1966 гг.», впервые вышедший в свет в 1970 г. Помимо прочего, в нем можно было прочитать следующее: «19–25 августа 1936 г. состоялся следующий, проистекавший из готовой концепции и основанный на подтасованных обвинениях и „доказательствах“ политический процесс, иначе говоря, первый крупный открытый процесс троцкистско-зиновьевского центра („процесс шестнадцати“)), который далее Долманьош подробно описывал на протяжении еще 45 строк текста.⁵⁷

В книге, выпущенной издательством «Кошут», от всего этого остался следующий отрывок, все равно вызвавший недовольство советских чиновников: «в 1936–1937–1938 гг. бывшие члены троцкистско-зиновьевско-бухаринской оппозиции предстали перед судом, и большинство из них были казнены»⁵⁸

Суэта вокруг «Истории СССР» не оказала негативного влияния на карьеру Иштвана Долманьоша. Ему не запретили публиковаться, в том же 1972 г. в издательстве «Мысль» вышла его книга «История Финляндии», получившая одобрительную критику⁵⁹. Другое дело, что после смены общественного строя один из специалистов по истории финно-угорских народов написал, что эта книга «осталась в путях идеологических ограничений».⁶⁰ И действительно, посвященный XX веку раздел книги, особенно описание советско-финской войны⁶¹ пришлось бы по нраву всем совеским товарищам.

Из злоключений «Истории СССР» Долманьош извлек неправильные выводы, теперь он уже старался во всем соответствовать предпола-

57 DOLMÁNYOS ISTVÁN, *A Szovjetunió története II. 1917–1966. Egységes jegyzet* (Budapest: Tankönyvkiadó, 1976), 219–220.

58 DOLMÁNYOS, *A Szovjetunió története*, 347.

59 См. рецензию Эмиля Нидерхаузера на книгу Долманьоша в журнале «Сазадок»: *Századok* 4. (1973): 1001–1004.

60 BEREZCKI ANDRÁS, „A finn és az észttörténelem kutatása Magyarországon”, in *125 éves a budapesti finnugor tanszék. Jubileumi kötet*, szerk. CSEPREGI MÁRTA–DOMOKOS PÉTER (Budapest: ELTE BTK Finnugor Tanszék, 1998), 127.

61 См.: «Длившаяся несколько месяцев т. н. Зимняя война (Talvisota) была со стороны финской реакции лишь преддверием более крупного антисоветского наступления, планировавшегося совместно с фашистской коалицией». DOLMÁNYOS ISTVÁN, *Finnország története* (Budapest: Gondolat, 1972), 392.

гаемым ожиданиям советской стороны. Язык, на котором он с тех пор говорил, уже не был языком венгерских историков конца 70-х годов, причем не только по форме, но и по содержанию. Любой другой представитель академической исторической науки поостерегся бы, например, от такой актуализации: «На основании подготовительной работы, проделанной со времени революции, в последние полтора десятилетия в результате развития СССР буквально ежегодно падал какой-либо американский рекорд в области экономики..., близится время, когда мы узнаем о двукратном превышении результатов Соединенных Штатов [выделено Долманьошем]». ⁶² Зато с советской стороны, конечно, уже не было протестов по поводу этой книги.

ТРЕТЬЯ

Постмодерное оформление, современное содержание

«История России», о которой пойдет речь ниже, не имела столь богатой приключениями судьбы, как ее предшественницы. Ее никогда не запрещали, не изымали из научного оборота. В то время как книга Ратца была продуктом эпохи Хорти, а книга Долманьоша – эпохи Кадара, данная обобщающая работа стала интеллектуальным детищем смены общественного строя. Ранее она и не могла бы появиться на свет, ведь ее декларированной целью был разрыв с подходом, сосредотачивающим внимание на политической истории, и лишенный всяческих прикрас показ российского/советского прошлого.

Этот по существу проблемно-ориентированный труд по объему примерно соответствовал книге Ратца, содержал множество иллюстраций, обширный список рекомендуемой литературы, хронологические и генеалогические таблицы, карты и именной указатель. Он одновременно предназначался широкой читательской публике и должен был выполнять функцию университетского учебника. Добиться этого было тем легче, что все авторы к тому времени уже располагали многолетним опытом преподавания в университете и, за исключением академика Эмиля Нидерхаузера, принадлежали к т. н. среднему поколению.

62 DOLMÁNYOS ISTVÁN, *Ragyogó Október. A Nagy Oroszországi Szocialista Forradalom története* (Budapest: Kossuth Kiadó, 1979), 630–631.

В то время в Будапештском университете еще пользовались многократно переизданным без изменений учебником Перени и Долманьоша, первоначально выпущенным в 1958 г. (а в других университетах, быть может, не пользовались и им), таким образом, мягко говоря, уже «созрело время» для появления новой обобщающей работы. Ситуация осложнялась тем, что в 1996 г. на венгерском языке был опубликован нацеленный на преодоление «марксистского» нарратива двухтомный труд, написанный двумя русскими эмигрантами и немедленно стяжавший громкий успех, по крайней мере на страницах еженедельника «Елет еш иродалом».⁶³ Правда, мои коллеги откликнулись на него квалифицированной критической рецензией⁶⁴, но можно было опасаться того, что на место устаревшей, «государственно–марксистской» венгерской обобщающей работы (хотя ее первой частью, написанной Йожефом Перени, вполне можно было пользоваться) придет такая же идеологическая – только с обратным знаком – не отвечающая научному уровню того времени событийная история, к тому же изобилующая фактическими ошибками.

В качестве редактора, издателя и одного из авторов задуманной нами книги я попросил своих соавторов отказаться от манеры повествования, в центре которой находится политическая и событийная история, и вместо этого постараться нарисовать комплексную картину российской и советской истории. Принципы периодизации обсуждались в широком кругу специалистов, и в конце концов было использовано решение, больше всего похожее на схему из книги Николая Рязановского: история России разделена на пять крупных эпох (I Киевская Русь; II Удельная Русь; III Московия; IV Петербургская Россия; V СССР). Внутри этих крупных разделов мы описывали структуры и идеи практически по столетиям.

Книга объемом в 60 авторских листов была выпущена частным изданием (то есть в условиях рыночной конкуренции) за рекордно короткий срок. От возникновения идеи до ее воплощения прошло меньше года. Книга появилась своевременно, в нужный момент, поскольку действительно была востребована читательской средой. В 2001 г. она была выпущена вторым изданием, был изготовлен и дополнительный тираж, таким образом, книга выполняет свою функцию уже в течение

63 HANNER PÉTER, „Az orosz történelemről, hitelesen – végre!”, *Élet és Irodalom*, márc. 28 (1997): 25.

64 Ср.: FILIPPOV SZERGEJ, „Orosz történelem hollywoodi feldolgozásban”, *FONS* 3 (1997): 357–377; KRAUSZ TAMÁS, „Egy új Szovjetunió-történet, amely régi”, *FONS* 3 (1997): 379–394.

28 лет. Очевидно, что все это стало возможно благодаря решимости авторов. Все мы сознавали важность стоявшей перед нами задачи: нужно было доказать, что о российской/советской истории можно говорить без идеализации, и для этого вовсе не нужно быть русофобом. Задним числом представляется, что это было предельно просто, однако историографическая ситуация была отнюдь не такой простой. Речь идет о т. н. «десятилетиях смены общественного строя», когда наступил сезон «больших разоблачений», перемены оценочных знаков на противоположные, отступничества и внезапных «прозрений». Причем все это происходило во время распространения в Восточной Европе постмодерна, что уже само по себе временно усилило сомнения относительно «объективности», достоверности исторической науки.

С учетом не только количества продаж, но и опубликованных рецензий специалистов⁶⁵ представляется, что нам удалось убедить наших читателей. Пал Е. Фехер, один из ведущих публицистов периода, предшествовавшего смене общественного строя, достаточно точно описал использованный в книге метод: «Крупная заслуга четырех авторов состоит в том, что они преследовали не политические и тем более не конъюнктурные цели, что представляло бы наибольшую опасность при изображении истории советской эпохи. Очевидно, что одним из объяснений достигнутого авторами успеха, помимо их обширных познаний, является то, что они уделили особое внимание экономической политике и не удовлетворились поверхностным описанием событий, а стремились выяснить и их причины».⁶⁶ Компетентные критики также успешно поместили книгу в политический и историографический контекст: «об эпохе советского “социализма” было опубликовано невероятное количество научно-популярной и “массовой” литературы. После смены общественного строя положение изменилось, однако нельзя сказать, что эти перемены были однозначно позитивными. Прежние идеологические и политические пристрастия и предрассудки исчезли, но в то же время на их место пришли новые пристрастия и предрассудки, только с противоположным оценочным знаком. Ослабевавшее в 80-х гг. влияние актуально-политических соображений на историческую науку не прекратилось, наоборот, под знаком некоего “антидогматизма” тексты, касавшиеся России, стали характеризоваться актуальной политической

65 Ср., напр.: BODNÁR ERZSÉBET, „Oroszország története”, *Századok* 6 (1998): 1410–1416.

66 E. FEHÉR, PÁL, „Könyv az orosz történelemről. Oroszország története”, *Népszabadság*, 03.03. (1998): 10.

русофобией. К тому же внимание историков и политологов обратилось от России к Западу, а область российской истории была предоставлена в основном произведениям, которые были в моде в западной исторической науке 50–х – 60–х гг., а к тому времени уже устарели. Стоявшая перед нами задача была еще более неотложной и потому, что в отечественной журналистике стали появляться все более невероятные „новые” теории, легенды и мифы по данной проблематике, в то время как настоящие результаты, достижения венгерской и зарубежной исторической науки ждали своей публикации». ⁶⁷

Именно с учетом указанных выше «новых пристрастий» не было неожиданностью и появление решительного возражения, касавшегося в первую очередь раздела о советской эпохе: «Главы, написанные Тамашем Краусом, понравятся тем читателям, которые считают социальное равенство более важной человеческой ценностью, чем свободу, кто вместе с автором полагает, что „народы мира очень мало выиграли” от распада СССР, больше того, что с тех пор мир стал еще более опасным местом». ⁶⁸ В номере «Елет еш иродалом», вышедшем две недели спустя, Тибор Ерени в заметке «Как историк не должен писать рецензии» резко раскритиковал рецензента за то, что тот «вместо конкретной, предметной дискуссии выступил с недифференцированной идеологической исторической концепцией с необъяснимо сильными политическими обертонами». ⁶⁹ В своем ответе Петер Ханер снова сделал упор на мировоззренческие и политические расхождения: «Вместо демократической критики коммунизма слева, его оправдывают, “отмывают его репутацию”, не замечая того, что тем самым уступают правым возможность обличения преступлений и злоупотреблений бесчеловечного режима”. ⁷⁰

Гораздо более подробную рецензию опубликовал историк экономики Ласло Чаба, который писал: «В нашем столетии, с завершением смены общественного строя впервые возникла возможность, освободившись от тяжкого груза актуально-политических соображений, разработать в доступной широкому общественному мнению форме и объеме историю страны, которая за последние два столетия оказывала определяющее влияние на Европу и в том числе и на нашу родину. Наша эпоха и наличие коллектива отечественных историков делают

67 BODÁCS EMIL, „Az „ismeretlen” Oroszország.” *Műhely* 3. (1998): 81.

68 HANNER PÉTER, „Oroszország története”, *Élet és Irodalom*, 19. 13. (1998): 13.

69 ERÉNYI TIBOR, „Oroszország története”, *Élet és Irodalom*, 10.02. (1998): 2.

70 HANNER PÉTER, [„Viszontválasz”], *Élet és Irodalom*, 10.02. (1998): 2.

возможным, преодолев обычную для русских схему противостояния славянофилов и западников и обычную на Западе схему противостояния друзей и врагов России, показать эту обычно подчиненную иным целям и поэтому селективно излагаемую, захватывающую историю в контексте европейского развития, с помощью сравнительного метода, *sine ira et studio*. Три четверти книги действительно соответствуют этим ожиданиям, история экономики, общества и культуры и внешней политики присутствуют тут в здоровых пропорциях, с привлечением международных аспектов”.⁷¹ Однако раздел о советской истории был порицательно назван рецензентом «партийной историей» и подвергнут резкой критике,⁷² ответом на которую была бурная реакция редактора книги,⁷³ вызвавшая еще один ответ рецензента.⁷⁴

Оглядываясь на прошлое с расстояния в почти трех десятилетий, можно сказать, что редактор привлек к работе авторов, которые были в то время наиболее известными в Венгрии специалистами по данной тематике и которые с готовностью согласились попытаться написать «тотальную» историю, показав российскую историю в ее непрерывности и преемственности, как часть исторического развития Европы. В остальном они пользовались широчайшей авторской свободой, что уже само по себе считалось отрадной новостью в научных работах по российской истории.

Однако каждый обобщающий труд имеет свой «срок годности». Тот, что вышел под именем Ратца, был доступен в течение одного-двух лет, «История» Иштвана Долманьоша тоже была скоро изъята из продажи и заперта в складах, хотя и оставалась доступной в библиотеках и окончательно была «заменена» нашей книгой спустя около четверти столетия. Нашей «Истории России» тоже уже почти тридцать лет. Я и теперь не писал бы и не редактировал бы ее по другим принципам, только, быть может, сменил бы постмодерную китчевую обложку издания 1997 года на обложку второго издания 2001 года. Несомненно одно: рано или поздно за ней должна последовать новая обобщающая работа. И вот непреложный факт: под редакцией Эндре Шашхалми уже подготавливается книга «Биография российского государства», прослеживающая развитие российского государства с раннего Нового времени до 1922 г.

71 CSABA LÁSZLÓ, „Oroszország története”, *Valóság*, 2. (1999): 100.

72 CSABA, „Oroszország története”, 103.

73 SZVÁK GYULA, „Recenzúra”, *Valóság*, 4. (1999): 95.

74 CSABA LÁSZLÓ, „Sine ira et studio”, *Valóság* 4. (1999): 96–97.

Sources

- Pesti Napló* (1925): Egyoldalú jegyzőkönyvet vettek fel a Rácz–Gömbös-afférban. Egy lovagias ügy epilógusa. *Pesti Napló* (1925. július 1.) 6.
- Pesti Napló* (1936): Rátz Kálmán doktorrá avatása a debreceni egyetemen. *Pesti Napló* (1936. december 6.) 18.
- Népszava* (1938): Harsogó derűltség az új zöldinges körül. *Népszava* (1938. december 15.) 2.
- A Holnap* (1943): Válasz az „Egyedül vagyunk”-nak. (1943. december 21.) 1.
- A Holnap* (1944): Milyen érzés, ha valaki saját „tollhegyével” szúrja meg magát? (1944. január 11.) 1–2.
- Budapesti Közlöny* (1944): Vegyes hirdetések. 48962/1944. szám. *Budapesti Közlöny* (1944. május 13.) 7.
- Magyar Közlöny* (1945): Hirdetmény. 227/1945. k. ü. szám. *Magyar Közlöny* (1945. május 4.) 8.
- DE BTK (Debrecen; = Debreceni Egyetem Bölcsészettudományi Kar) Dékáni Hivatal (= DH)
- DE BTK Dékáni Hivatal *Jegyzőkönyv a m. kir. Tisza István Tudományegyetem Bölcsészettudományi Karának 1936. évi november 5-én és december 7-én tartott üléséről.* 7, 11–13.
- Hadtörténeti Intézet és Múzeum (Budapest; = HIM) Hadtörténelmi Levéltár (Budapest; = HL)
- HM HIM HL 1934/kt. 1973. 1934. november 26-án írt honvédelmi miniszteri levél
- Rátz Kálmán/Füv (411. sz. doboz)
- Országgyűlési Könyvtár (Budapest; = OGYK)
- OGYK KN 1939. VII. kötet (1940. november 15.) 473–475.
- Magyar Nemzeti Levéltár Országos Levéltára (Budapest; = MNL OL)
- MNL OL M-KS 274. fond 17. csoport 7. őrzési egység
- MNL OL M-KS 288. f. 41/179. ő. e. (1972. január 26.) *Feljegyzés Dolmányos István „A Szovjetunió története” című könyvéről.* Moszin elvtárs a következő kritikát mondta.
- MNL OL M-KS 288. f. 41/177. ő. e. *Jegyzőkönyv az Agit. Prop. Bizottság 1972. március 14-i üléséről.*
- MNL OL M-KS 288. f. 36/1972/24. ő. e. (1972. március 17.) *Szabó Bálint feljegyzése Dolmányos István könyvéről.*
- MNL OL M-KS 288. f. 36/1972/24. ő. e. (1972. március 18.) *Feljegyzés Rényi Péter elvtárs részére.*
- MNL OL M-KS 288. f. 36/1972/24. ő. e. (1972. március 26.) *Lipkovits Károly: Megjegyzések Dolmányos István: „A Szovjetunió története” c. könyvéhez.*
- MNL M-KS 288. f. 36/1972/24. ő. e. (1972. március 28.) *Tudományos, Közoktatási és Kulturális Osztály. Jelentés Dolmányos István: A Szovjetunió története c. művéről (név nélkül).*
- MNL OL M-KS 288. f. 36/1972/24. ő. e. (1972. április 6.) *Jelentés a „Sorsfordulók” és „A Szovjetunió története” című könyvekről.*
- MNL OL M-KS 288. f. 41/179. ő. e. *Agitációs és Propaganda Bizottság (Társadalompolitikai Bizottság). Jegyzőkönyv az Agit. Prop. Bizottság 1972. április 11-i üléséről.*
- MNL OL M-KS 288. f. 36/1972/24. ő. e. (1972. április 6.) *MSZMP Központi Bizottsága Tudományos Közoktatási és Kulturális Osztály. Agitációs és Propaganda Osztály.*

References

- BERECZKI ANDRÁS, „A finn és az észttörténelem kutatása Magyarországon.” [Research on Finnish and Estonian History in Hungary] in *125 éves a budapesti finnugor tanszék*, szerk. CSEPREGI MÁRTA, DOMOKOS PÉTER. Jubileumi kötet. Urálistikái Tanulmányok 9. (Budapest: ELTE BTK Finnugor Tanszék, 1998), 125–128.
- BODÁCS EMIL, Az „ismeretlen” Oroszország [The “Unknown” Russia]. *Műhely* 1998(3). 81–83.
- BODNÁR ERZSÉBET, Oroszország története [The History of Russia]. *Századok* 1998(6). 1410–1416.

- CSABA LÁSZLÓ, Oroszország története [The History of Russia]. *Valóság* 1999(2). 100–106.
- CSABA LÁSZLÓ, Sine ira et studio [Without Anger and Passion]. *Valóság* 1999(4). 96–97.
- DOLMÁNYOS ISTVÁN, *A Szovjetunió története* [The History of the Soviet Union]. (Kossuth, Budapest, 1971)
- DOLMÁNYOS ISTVÁN, *Finnország története* [The History of Finland]. (Budapest: Gondolat, 1972)
- DOLMÁNYOS ISTVÁN, *A Szovjetunió története II. 1917–1966. Egységes jegyzet.* [The History of the Soviet Union II. 1917 – 1966. Textbook.] (Budapest: Tankönyvkiadó, 1976)
- DOLMÁNYOS ISTVÁN, *Ragyogó Október.* [Brilliant October] (Budapest: Kossuth, 1980)
- E. FEHÉR PÁL, „Könyv az orosz történelemről. Oroszország története.” [A Book about Russian History: The History of Russia] *Népszabadság* (1998. március 3.) 10.
- E. FEHÉR PÁL, „Magyar könyv a Szovjetunió történetéről. Jegyzetek Dolmányos István munkájáról.” [A Hungarian Book about the History of the Soviet Union: Notes on the Work of István Dolmányos] *Népszabadság* (1971. november 7.) 13.
- ERÉNYI TIBOR, „Hogyan nem szabad egy történésznek recenziót írnia?” [How Should a Historian Not Write a Review?] *Élet és Irodalom* (1998. október 2.) 2.
- FILIPPOV, SZERGEJ, „Orosz történelem hollywoodi feldolgozásban” [Russian History in Hollywood Adaptations]. *FONS* 1997(3). 357–377.
- GÖMÖRI GYÖRGY, „Beszélgetés Szász Bélával” [A Conversation with Béla Szász]. *Új Látóhatár* 1981(3–4). 407–424.
- HAHNER PÉTER, „Az orosz történelemről, hitelesen – végre!” [About Russian History, Authentically – Finally!]. *Élet és Irodalom* (1997. március 28.) 15.
- HAHNER PÉTER, „Oroszország története” [The History of Russia]. *Élet és Irodalom* (1998. szeptember 18.) 13.
- HAJDU TIBOR, „Júdás mindig velünk van. Két különös karakter: Stolte István és Cseresnyés Sándor.” [Judas Is Always with Us: Two Strange Characters: István Stolte and Sándor Cseresnyés.] *Valóság* 1994(4). 53–58.
- HOLLÓS KORVIN LAJOS, „Üdvözlési kísérlet József Attila ürügyén. (A bevezetőt írta Gyertyán Ervin)” [An Experiment in Salvation using Attila József as a Pretext. (Foreword written by Ervin Gyertyán)]. *Kritika* 1986(8). 17–22.
- HUSZÁR TIBOR, *Kádár János politikai életrajza* [A Political Biography of János Kádár]. (Budapest: Szabad Tér – Kossuth, 2003)
- KARSAI LÁSZLÓ, *Szálasi Ferenc.* [Ferenc Szálasi] (Budapest: Balassi Kiadó, 2016)
- KOVÁCS TAMÁS, *Rendőrségi célkeresztben a szélsőjobb. Dr. Sombor-Schweinitzer József feljegyzése a szélsőjobbaldali mozgalmakról, 1932–1943.* [The Far-Right in the Crosshairs of the Police. A Note by Dr. József Sombor-Schweinitzer on Far-Right Movements, 1932–1943.] (Budapest: Gondolat Kiadó, 2009)
- KOZMA MIKLÓS, *Az összeomlás 1918–1919-ben* [The Breakdown in 1918–1919] (Köröstárkány – Kápolnyásnyék: Kárpátia Stúdió, 2019)
- KRAUSZ TAMÁS, „Egy új Szovjetunió-történet, amely régi” [A New Story of the Soviet Union, Which Is Old] *FONS* 1997(3). 379–394.
- LENGYEL ANDRÁS, „Ki volt Rátz Kálmán? A József Attila-életrajz egyik fehér foltjáról.” [Who Was Kálmán Rátz? On a Blind Spot in the Biography of Attila József] *Népszava Szép Szó* (1998. november 14.) II.
- MARKOVITS GYÖRGYI, „A magyar írók harca a cenzúra ellen (1919–1944)” [The Struggle of Hungarian Writers against Censorship]. *Irodalomtörténeti füzetek* 111. (Budapest: Akadémiai Kiadó, 1985), 116.
- MESTER MIKLÓS, *Arcképek. Két tragikus kor árnyékában.* [Portraits: In the Shadow of Two Tragic Eras] (Budapest: Tarsoly Kiadó, 2012)
- NAGY CSABA, „A pénzre szükségem volt. Beszélgetés Stolte Istvánnal.” [I Needed Money: A Conversation with István Stolte]. *Respublika* 1994(4). 48–53.

- NIEDERHAUSER EMIL, DOLMÁNYOS ISTVÁN: „Finnország története” [The History of Finland by István Dolmányos]. *Századok* 1973(4). 1001–1004.
- PAKSA RUDOLF, *Magyar nemzetiszocialisták. Az 1930-as évek új szélsőjobboldali mozgalma, pártjai, politikusai, sajtója*. [Hungarian National Socialists: The New Far-Right Movement, Parties, Politics and Press of the 1930s] (Budapest: MTA BTK TTI – Osiris, 2013)
- PAKSY ZOLTÁN, *Nyilas mozgalom Magyarországon, 1932–1939* [The Arrow Cross Movement in Hungary, 1932–1939]. (Budapest: Gondolat Kiadó, 2013)
- RADÓ GYÖRGY, „Forgácsok (életrajzi jegyzetek)” [Splinters (Biographical Notes)]. *Palócföld* 1993(6). 623–635.
- RÁTZ KÁLMÁN, „Játék a tűzzel. Megjegyzések Károlyi Imre gróf könyvéhez.” [Playing with Fire: Notes on the Book of Count Imre Károlyi] *Budapesti Hírlap* (1931. október 4.) 7.
- RÁTZ KÁLMÁN, *Oroszország története. Ósidőktől 1917. november 6-ig*. [The History of Russia: From Ancient Times to 6 November 1917] (Budapest: Grill Kiadó, 1943)
- RÓNAI MIHÁLY ANDRÁS: „Lázár Vilmos fejfájára” [To the Grave-Post of Vilmos Lázár]. *Magyar Nemzet* (1972. augusztus 4.) 4.
- SERES ATTILA, RENFER ÁGNES (2009): „Egy nyilas képviselő hihetetlen kalandjai a Szovjetunióban.” [The Incredible Adventures of an Arrow Cross Deputy in the Soviet Union.] *ArchívNet* 2009(2.) https://www.archivnet.hu/kuriozumok/egy_nyilas_kepviselo_hihetetlen_kalandjai_a_szovjetunioban.html (Letöltés ideje: 2024. december 9.)
- SIPOS PÉTER, „Az Imrédy-kormány válsága és bukása” [The Crisis and Fall of the Imrédy-Government]. *Történelmi Szemle* 1966(1). 42–84.
- STANDEISKY ÉVA, „Berzenkedők és tabusértők. A magyar–szovjet kulturális viszony a hatvanas években.” [Objectors and Taboo Violators: Hungarian-Soviet Cultural Relations in the 1960s.] *Élet és Irodalom* (2003. december 19.) 8–9.
- SZÁNTÓ JUDIT, *Napló és visszaemlékezés*. (Sajtó alá rendezte: Murányi Gábor) [Diary and Memoir. (Published by Gábor Murányi)] (Budapest: Argumentum Kiadó, 1997)
- SZÉCHENYI ÁGNES, „Az orosz irodalom recepciója Magyarországon (1825–1945)” [The Reception of Russian Literature in Hungary (1825–1945)], in *Az orosz birodalom születései*, FRANK TIBOR (szerk.) (Budapest: Gondolat Kiadó, 2016), 357–369.
- SZVÁK GYULA, „Recenzúra” [Review]. *Valóság* 1999(4). 95.
- SZVÁK GYULA, „Periodizatsii Rossiiskoi istorii” [Russian History Writing and Its Periodisations], *RussianStudiesHu* 6, no. 1 (2024): 139–156. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2024.6.7
- SZVÁK GYULA – FARKAS ÁDÁM: „Túlságosan önkritikus a Szovjetunió nevében”. *Népszava Szép Szó* (2023. augusztus. 26.) IV–V.
- TÓTH PÁL PÉTER, *Messiasok*. III. Interjúk, Dr. Natkó Ferenc. [Messiahs. III. Interviews, Dr. Ferenc Natkó] (Budapest: Akadémiai Kiadó, 1987), 391.
- VARGA SÁNDOR, „Egy kommunista könyvkiadó az ellenforradalmi Magyarországon” [A Communist Publishing House in Counter-Revolutionary Hungary.] *Párttörténeti Közlemények* 1985(4). 124–144.
- VERES PÉTER, „Olvasás közben” [While Reading]. *Magyar Csillag* (1943. december 15.) 734–737.
- VONYÓ JÓZSEF: *Gömbös Gyula* [Gyula Gömbös]. (Budapest: Napvilág Kiadó, 2014)

ТАМАШ КРАУС

**ЗАМЕТКИ ОБ ИСТОРИИ ОДНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ АНАЛОГИИ,
ИЛИ О ЧЁМ НА САМОМ ДЕЛЕ РЕЧЬ В АНАЛОГИИ СТАЛИНА
И ГИТЛЕРА?¹**

**REMARKS ON THE HISTORY OF A HISTORICAL ANALOGY –
IN OTHER WORDS, WHAT IS THE STALIN–HITLER ANALOGY
ABOUT?**

This paper explores the history of the historiographical and political function of the Stalin–Hitler analogy and offers a critique of the analogy itself. It highlights the fundamental importance of identifying differences in comparative historical analysis, because these are the characteristics that make the phenomenon what it is. Outlining the complexity of systemic and individual differences can enrich the theoretical and historiographical content of the analogy.

Keywords: *Stalin–Hitler analogy, historiography, history of the Soviet Union, state socialism*

Tamás Krausz – DSc in History, Professor Emeritus, Russian Studies Centre, Department of Eastern and Central European History and Historical Russistics, Faculty of Humanities, Eötvös Loránd University. Email: krausz1917@gmail.com

1 This article is dedicated to the memory of Emil Niederhauser. The article itself, which was largely a lecture given at the Niederhauser Memorial Conference, was originally formulated here: ORMOS MÁRIA – KRAUSZ TAMÁS, *Hitler – Sztálin*. [Hitler – Stalin] (Budapest: Pannonica, 1999)

Citation: TAMÁS KRAUSZ, „Zametki ob istorii odnoi istoricheskoi analogii, ili o chiom na samom dele rech' v analogii Stalina i Gitlera” [Remarks on the History of a Historical Analogy – In Other Words, What Is the Stalin–Hitler Analogy About?], *RussianStudiesHu* 7, no. 2 (2025): 37–55. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2025.7.12

Аналогия между Сталином и Гитлером — не безобидное и не случайное явление в историографии.² На самом деле, такая аналогия возникла не просто с целью искажения образа Сталина, а как средство дискредитации советской истории в целом, обвинения Советского Союза в нацизме — именно это направляло перо первых теоретиков данной аналогии. Хорошо известно, что ещё Ханна Арендт пыталась обосновать своего рода родство между «фашизмом и коммунизмом» в рамках своей «теории тоталитаризма»,³ что в принципе могло послужить отправной точкой для более широкого обоснования аналогии «Сталин – Гитлер» в период холодной войны. С другой стороны, нам также известно, что Иосифу Виссарионовичу Сталину не «повезло» и в историографии собственной страны: вскоре после его смерти Никита Хрущёв «подготовил почву» для нарратива, согласно которому «Сталин – массовый убийца». Позднее, в годы перестройки, в духе этой парадигмы было написано множество книг – как в Советском Союзе, так и затем уже и в Российской Федерации. Особую роль в такой историографической «подготовке» сыграл Рой Медведев ещё в 1970-е годы, хотя он сам, насколько мне известно, никогда не ставил вопрос о какой-либо уместности аналогии (Сталин–Гитлер) в контексте понимания и интерпретации деятельности Сталина. С 1980-х годов – под воздействием смены общественно-политического строя, а затем, в наши дни, в свете российско-украинской войны, – в общественном дискурсе укрепилось почти безраздельное господство черно-белого мышления. «Аналогия» как средство пропаганды и как историографическая «миссия» прежде всего оформилась в духе «англосаксонской традиции». Одним из её «результатов» стало то, что имя Сталина во многих странах мира, включая отчасти и Россию, закрепилось в официальной и неофициальной исторической памяти как имя *массового убийцы*. Между тем, многие даже не знают, что, например, «мудрец» Черчилль в 1950-е годы нес ключевую историческую и политическую ответственность за

2 Венгрия оказалась в первых рядах метода и практики исторического сравнительного анализа благодаря работам Эмиля Нидерхаузера, историка и академика, чей главный опыт заключается в том, что любое сравнение в истории имеет научный смысл, если явления сравниваются исторически и структурно, не останавливаясь на сравнении формальных признаков. Пожалуй, первым образцовым примером применения этого метода является: NIEDERHAUSER EMIL: *A jobbágyfelszabadítás Kelet-Európában*. (Budapest: Akadémiai Kiadó, 1962)

3 Об этом смотрите: BARTHA ESZTER: „Történetírás és ideológia: Vita a totalitarizmusról.” *Múltunk* 2013(3). 6–38.

геноцид в Кении, за ликвидацию примерно миллиона человек.⁴ «Западное мировоззрение» до сих пор явно доминирует в историографии – и далеко за пределами Европы и Северной Америки.

Противники Сталина (за редким исключением) сосредотачиваются исключительно на его преступлениях и ошибках, а порой и вовсе делают из него козла отпущения за события, к которым он не имел никакого отношения. Его же сторонники, обращаясь ностальгически к советскому пути развития, воспринимают защиту Сталина как восстановление исторической справедливости, как своего рода патриотический долг. Порой Сталина возводят в ранг мифологизированного героя даже за пределами России – как, к примеру, профессор Ратгерского университета Гровер Ферр.⁵

В истории историографии найдётся немного столь выдающихся авторов, как Исаак Дойчер или Р. Ч. Такер, которые с реалистичной сдержанностью подходили к своему «объекту».⁶ В российской научной литературе поляризация столь же выразительна, и крайне редко можно встретить автора, которого можно было бы отнести к категории «умеренных». В России и в Восточной Европе формирование нового мейнстрима, как правило, связывают с генералом Волкогоновым (в прошлом – начальником Главного политического управления Советской армии). В отличие от прежнего апологетического «советского официоза», Волкогонов заложил основы представления о Сталине как о «козле отпущения», подходить к биографии и деятельности которого можно исключительно в разоблачительном ключе. Но возможно ли было тогда иначе? От Миклоша Куна до Стивена Коткина⁷ – разоблачительный тон стал почти обязательным для всех. В 1980-е годы могло показаться, что Рой Медведев уже проделал основную часть разоблачительной работы,⁸ и тогда казалось, что следующая задача – предложить «коррекцию», то есть реалистичную картину, основанную на

4 „A Mau Mau-felkelés Kenyában és a brit gyarmati terror. Caroline Macy Elkins tanúvallomása Ndiku Mutua és négytársának a Külügy- és Nemzetközösségi Minisztérium elleni perében.” *Eszmélet* 111. 184-205.

5 GROVER FURR: *Stalin, Waiting for... the Truth!* (New York: Red Star Publishers, 2019)

6 ISAAC DEUTSCHER, *Sztálin. Politikai életrajz.* (Európa, Budapest: Európa, 1990); ROBERT C. TUCKER: *Sztálin, 1879–1929. A forradalmár.* (Szeged: Szukits Kiadó, 2006)

7 STEPHEN KOTKIN, *Sztálin – A hatalom paradoxonai (1878–1928)* (Budapest: Századvég, 2025)

8 ROY A. MEDVEDEV, *Let History Judge: The Origins and Consequences of Stalinism.* (New York: Columbia University Press, 1989) [Оригинально опубликовано как: Р. А. МЕДВЕДЕВ, *К суду истории*, 1969]

архивных источниках. Кульминацией этого разоблачительного стиля, тона и жанра, отражающего также и политическое состояние эпохи, стала *аналогия между Сталиным и Гитлером*. Она исходит из предпосылки принципиального, радикального сходства между этими двумя историческими фигурами, игнорируя системные различия, которые и формируют сущность самого явления. В современной России, пожалуй, наиболее квалифицированным представителем «официального либерального мейнстрима» среди профессионалов можно назвать Олега Хлевнюка, так выразившего своё методологическое кредо – одновременно легитимируя саму возможность «тождественной» аналогии: «Сталин и его курс не имели даже такой легитимности, которую имела нацистская диктатура»⁹.

Хлевнюк пошёл дальше, чем Ханна Арендт: он персонифицировал сам вопрос о природе системы.¹⁰ У него, как и у любого «ежедневного либерала», мерилом, универсальным критерием оценки всего является «чистая форма правового государства» – того самого, о котором, по выражению Аттилы Йожефа, «в правовом государстве оружием служат деньги». Слово бы всё историческое развитие сводится к одному-единственному *всё* определяющему фактору, к универсальному объяснительному принципу – к той форме «юридической легитимации», что известна из истории западного общественного прогресса. Однако в советском, русском (и российском) общественном сознании эта аналогия так и не укоренилась среди широкой общественности. Причина, в сущности, проста: сама такая аналогия воспринималась и до сих пор воспринимается как некое оправдание гитлеризма. Достаточно просто указать на «качество» этой проблемы – его следует непременно учитывать, ведь фигура Сталина и история Советского Союза во многих смыслах и на разных уровнях оказываются неотделимыми друг от друга.

Идеологические и личные точки зрения, неизбежно пронизывающие мышление историка, имеют здесь немалое значение. В этом контексте мне представляется глубоко показательным, если не парадигматичным следующее заявление одного всемирно известного че-

9 Цит. по: <https://stg.old.urokiistorii.nppstatek.com/article/935>. (Дата доступа: 12.05.2025.) Об этом тоже смотрите интервью В. Федорина с О. Хлевнюком (Иосиф Сталин как управленец): <https://www.forbes.ru/interview/47109-prestupnyi-diletantizm> (Дата доступа: 07.07.2025.)

10 Олег Хлевнюк, Сталин. Жизнь одного вождя. Издание второе, репринтное и переписанное. (Москва: РОССПЭН, 2015)

ловека, пережившего ту эпоху. В номере «Ленинградской правды» от 5 июля 1941 года опубликовано своеобразное признание композитора Дмитрия Шостаковича: «Я вступил добровольцем в ряды народного ополчения. Я готов взять в руки оружие. Я знаю, что фашизм и конец культуры однозначны. Спасти человечество от гибели можно только сражаясь». А имя Сталина неразрывно связано с этой борьбой, и этот факт просто невозможно игнорировать, если только мы не повернёмся спиной к исторической реальности или не станем на путь оправдания фашизма и нацизма.

Сама по себе данная аналогия восходит ещё к партийной оппозиции 1920-х годов, сложившейся против Сталина. В первую очередь её выдвинул Троцкий примерно в середине 1930-х. Хотя он с самого начала подчёркивал различие социального и экономического содержания двух режимов, тем не менее, указывал: при всех расхождениях личные диктатуры несут в себе определённые сходства «по форме». Отрицать это было бы легкомысленно. Тогда целью такого сравнения было дискредитировать Сталина через фашизм, подобно тому, как Сталин и Зиновьев в 1924 году пытался скомпрометировать социал-демократию, назвав её «умеренным крылом фашизма». Позднее социал-демократы и коммунисты взаимно обвиняли друг друга в том, кто в большей степени «способствовал» приходу Гитлера к власти: «похитившие» пролетарскую революцию социал-демократы, или атакующие буржуазную демократию и её институты коммунисты? Эти взаимные обвинения имеют давнюю традицию: фашисты как «коричневые большевики», коммунисты как «красные фашисты», социал-демократы как «социальные фашисты»; полный хаос понятий.

В период холодной войны, развернувшийся после Второй мировой войны, теорию тоталитаризма использовали главным образом историки советологических институтов, созданных в США. Эта теория сводила все диктатуры к общему знаменателю, исходя из форм управления и структуры политических институтов. Однако уже в 1970–80-е годы историография по обе стороны «железного занавеса» начала вырабатывать более утончённые методы анализа. Этот трезвый научный тренд был прерван в ходе политических трансформаций в Восточной Европе. Снова стало актуальным отождествление или сближение фашизма и коммунизма. Подобная риторика – пусть даже порой и непреднамеренно – ознаменовала собой начало определённого нравственного оправдания фашизма/нацизма: меньше стали подчёркивать антикоммунистическую и антисоциалистическую сущность фа-

шизма и гитлеризма. На первый план вышло не различие целей, мотиваций и результатов деятельности Сталина и Гитлера, а сходство их диктаторских черт. Основной задачей стало доказательство «извечного сходства» всех диктатур, вне зависимости от контекста. Исходными понятиями выступили фигуры «диктаторов» и «однопартийных режимов» – в противоположность другой методологии, в центре которой стояло различие общественных систем как отправная и конечная точка анализа. Одностороннее представление любой из этих позиций подчиняет научный подход политическим целям, превращая науку в служанку политики.¹¹

Как писал Аттила Йожеф: «Капитал и фашизм — обручены. Без отдельного уведомления». Современные «застенчивые» историки, такие как Эрнст Нольте, забывают об одном предостережении, сформулированном Адорно: «Тот, кто не хочет говорить о капитализме, пусть не говорит и о фашизме». Сегодня также существует относительный консенсус относительно происхождения обоих этих явлений. Основное преступление Сталина заключалось не в том, что он якобы «предал» цели революции, а в том, что он, с одной стороны, попрал конституцию, освящённую им самим и его партией, и нёс прямую ответственность за смерть сотен тысяч ни в чём не повинных людей. С другой стороны, навязанные историей экономические и политические решения он преподносил как добродетель, как свидетельство того, что именно он реализует социализм на практике. Этот идеологический приём служил оправданием личной диктатуры.

«Зрелый» сталинизм как раз и выделяется отсутствием революционности. Сталин и Гитлер были также продуктами собственных систем, которые – пусть и в разной степени – в конечном счёте определяли основные направления их действий и рамки возможного. Сравнение личностей и исторической деятельности этих двух главных фигур также таит в себе множество подводных камней.

Историография в целом пришла к международному консенсусу в том, что нацистское государство в первую очередь служило защите интересов германского крупного капитала, а в конечном итоге – защите власти частной собственности от реальной и мнимой угрозы коммунистического коллективизма. Нет серьёзных разногласий и в том,

11 Аналогия «ГУЛАГ – Освенцим» вписывается в этот контекст. Об этом: KRAUSZ TAMÁS, „GULAG és Auschwitz, avagy az összehasonlító elemzés értelme és funkciója.” In: KRAUSZ TAMÁS, *Történetírás és emlékezetpolitika*. (Budapest: Russica Pannonicana, 2021), 269–297.

что сталинский поворот (1929–1933) был инспирирован прежде всего крахом властно-политических амбиций. Возникшая система стремилась создать свою экономическую базу путём государственной накопительной политики (так называемое «первоначальное социалистическое накопление», основанное на неэквивалентном обмене между промышленностью и сельским хозяйством – в ущерб последнему, по Преображенскому). В конечном счёте именно это накопление профинансировало ускоренную индустриализацию с целью ликвидации отставания и соответствующее ей государство «диктатуры пролетариата» (подразумевается: личной диктатуры Сталина). В рамках этого процесса происходило перераспределение собственности: государственная собственность была формально объявлена «собственностью трудящихся», но фактически перешла под контроль бюрократических институтов и групп, обслуживавших диктатуру, которые, в отличие от капиталистических структур, управляемых Гитлером и его режимом, не могли унаследовать такую собственность.

В сталинском СССР – в отличие от гитлеровского и рузвельтовского государств – возникла не экономика избыточного предложения, перепроизводства (рыночная экономика), а сформировалась т.н. экономика избыточного спроса (бюрократически управляемая плановая экономика): экономика дефицита (по Яношу Корнаи), в которой проявились определённые уравнивательные тенденции и были заложены основы «государственного социализма». Нацистская экономика избыточного предложения – в отличие от американского варианта – создала индуцированный военными целями подъём, своего рода «общественные работы» для тяжёлой промышленности и крупного капитала; в этом смысле нацистское государство «отблагодарило» крупный капитал за его грандиозную поддержку.

Таким образом, гитлеровское государство одновременно защищало и подчиняло себе позиции германского крупного капитала. В обмен на сказочную прибыль, тяжеловесы немецкой индустрии, прежде всего магнаты тяжёлой промышленности, последовательно финансировали институты и «авантюры» нацистской власти. Нацистское государство в своих откровенных стремлениях к мировому господству стремилось завладеть ресурсами и территориями других народов насильем, «кровью и железом». Нацистская Германия была одним из центров всеобщего процесса накопления капитала, тогда как сталинский Советский Союз практически оказался вытеснен из мировой системы и был вынужден полагаться на «самообеспечённое накопление». В 1930–1950-

е годы советское государство либо вообще не финансировало, либо лишь в ограниченной мере было способно финансировать провозглашённые им социальные цели, поскольку накопление обслуживало главным образом потребности выживания самого советского государства. Так, сталинскую жилищную программу смог частично реализовать лишь Хрущёв – и то только в первой половине 1960-х годов.

В отличие от Гитлера, Сталин с самого начала был вынужден скрывать основные мотивы своих действий и значительную часть своих конкретных поступков. И хотя оба использовали свои идеологические взгляды в качестве инструмента, Сталин даже в этой сфере постоянно был вынужден «конспирировать», то есть скрывать тот факт, что искажает первоначальную идеологическую миссию.

В противоположность гитлеровскому иррационализму, Сталин свой идеологический сплав создал на основе рационалистического духовного наследия марксизма и русской революционной традиции. Однако основные положения этого сплава определял не он сам: официальная идеологическая легитимация режима в известной степени ограничивала вождя в его публичных высказываниях. (Более того, уже в середине 1920-х годов возникали сомнения в подлинности его ключевого идеологического труда по «вопросам ленинизма»¹², и подозрения относительно того, что это – не более чем заимствование из труда советского идеолога Ксенофонтова.) Сталин всегда должен был учитывать, что он выступает как вождь многонационального социального движения и государства, конечной целью которых провозглашалось достижение экономического и социального равенства между людьми. Хотя он всегда «подгонял» идеологические и теоретические положения под конкретные шаги, ему часто приходилось увязывать даже самые обыденные факты с социалистическими конечными целями. В конечном счёте восприимчивость советского населения к провозглашённым конечным целям оказывала влияние и на самого вождя. Так, каждое новое предприятие могло быть представлено как еще один шаг на пути к социализму. В сталинском понимании социализм редуцировался до технико-экономической проблемы, призванной оправдать иерархическую структуру личной диктатуры, скрывая тот факт, что подлинное и

12 JOSZIF VISSZARIONOVICS SZTÁLIN, *A leninizmus kérdései*. (Moszkva: Idegennyelvű Irodalmi Kiadó, 1945)

исходное значение социализма заключалось как раз в концепции общества, свободного от иерархий.¹³

Гитлеровская теория «жизненного пространства» выражала идею грабежа как самоцели. Гитлеру не нужно было скрывать свои убийства и преступления против человечества; он также сохранил особенности своего движения – национал-социализма – как массового движения, по сути своей рассматривавшего в качестве главного врага антикапиталистический «коммунизм», немецкое и европейское рабочее движение, а также потерявшие дееспособность институты буржуазной демократии. Всё это он оправдывал безумными идеями расовой теории. Геноцид, уничтожение «низших народов», прежде всего евреев, стояли в центре его программы. Сталин, напротив, по самой сути своей системы, не мог выдвигать ничего подобного: его убийства противоречили как целям режима, так и сталинским конституциям 1924 и 1936 годов.

По сравнению с этой радикальной разницей в функциях двух вождей, их личные психологические особенности имеют второстепенное значение для понимания их действий. Конечно, это вовсе не означает, что роль субъективного фактора в формировании истории можно недооценивать. Напротив, это лишь подчёркивает его важность.

Самая известная параллельная биография Гитлера и Сталина принадлежит Алану Буллоку¹⁴. В своём знаменитом (более чем 1000-страничном) труде психологическую аналогию между двумя фигурами он выводит, среди прочего, из того социально-исторического факта, что обе эти исторические личности возвысились с маргинальных социальных позиций и обе страдали от комплекса неполноценности. Это весьма важные обстоятельства, но разве можно отрицать определяющую роль исторических различий между культурными кругами Кавказа и Австрии, между двумя движениями, двумя целеполаганиями, двумя совершенно разными национальными традициями, религиями и т.д.? Иными словами, всякое «сходство» постижимо только в свете различий, что, впрочем, ясно проявилось и в «миссии» обеих исторических фигур. В случае со Сталиным, как подчёркивают многие исследователи, нельзя недооценивать влияние традиции «кровной мести», тогда как у Гитлера убийство приобрело гораздо более «рационализированную», технологически организованную форму. В конечном счете, ло-

13 KRAUSZ TAMÁS, SZIGETI PÉTER (szerk.): *Államszocializmus. Értelmezések – viták – tanulmányok.* (Budapest: L'Harmattan – Eszmélet Alapítvány, 2007)

14 ALAN BULLOCK, *Hitler and Stalin: Parallel Lives.* (London: Harper Collins, 1991)

гика промышленного уничтожения людей – что хорошо видно на фоне опыта Первой мировой войны – укоренилась не в России, а в развитых центральных странах мира, прежде всего в Германии. «Законспирированные» расправы Сталина происходили по личным властным причинам, были частью борьбы между аппаратами за распределение ресурсов, за овладение бюджетными благами. Для Гитлера же «жизненное пространство», геноцид были целью сами по себе.

Черты, упоминаемые Лениным в его характеристике Сталина – «грубость», «безжалостность», «капризность» и т. д. – были не просто индивидуальными особенностями; они были глубоко укоренены в культуре повседневной жизни в России. Символично, например, что вплоть до 1905 года телесные наказания со стороны жандармерии по отношению к простым людям считались «законными» в любом городе или деревне. Диктатура также не могла бы функционировать без подобных черт. Алан Буллок справедливо подчеркивает, что «грубость» Гитлера сочеталась с романтической немецкой идеей «утончённого» вождя. Его безграничный индивидуализм, влюблённый в свой собственный героизм, воплощал стремление к универсальной экспансии. «Героизм» Сталина, напротив, был бюрократического и коллективистского происхождения.

Советский вождь – когда речь шла о «великом деле» – обычно говорил во множественном числе. Гитлер – почти исключительно в единственном. Сталин всегда выступал как «сын народа, рабочего класса», и эти группы населения воспевали его как в пропагандистских фильмах, так и в реальности. Даже женщины-работницы могли обнять и поцеловать любимого вождя. В отличие от Гитлера, он редко устраивал себе чествования в окружении военных, хотя сам охотно появлялся в знаменитой простой гимнастёрке, а после войны – на торжественных мероприятиях – любил щеголять на торжественных парадах в маршальском мундире.

Сталин сознательно формировал свой образ как наследника «ленинской скромности». В интервью, данном немецкому писателю Эмилю Людвигу 13 декабря 1931 года, он так отреагировал на проведённую тем параллель между ним и Петром Великим:

«Пётр Великий сделал много для возвышения класса помещиков и развития нарождавшегося купеческого класса. Надо сказать также, что <всё это> происходило за счёт крепостного крестьянства, с которого драли три шкуры.

Что касается меня, то я только ученик Ленина и цель моей жизни – быть достойным его учеником.

Задача, которой я посвящаю свою жизнь, состоит в возвышении другого класса, а именно – рабочего класса. Задачей этой является не укрепление какого-либо «национального» государства, а укрепление государства социалистического, и значит – интернационального, причем всякое укрепление этого государства содействует укреплению всего международного рабочего класса. Если бы каждый шаг в моей работе по возвышению рабочего класса и укреплению социалистического государства этого класса не был направлен на то, чтобы укреплять и улучшать положение рабочего класса, то я считал бы свою жизнь бесцельной.

Вы видите, что Ваша параллель не подходит»¹⁵.

Сталин, таким образом, не продвигал себя как вождя – это он представил своим пропагандистам. В отличие от гитлеризма, в историческом большевизме сама идея вождизма отсутствует, более того — она чужда его духу. У Ленина практически не было партийной должности. Гитлер – не чиновник, он – мессианский оратор. Его вождизм и «миссия» коренятся в немецком романтизме, тогда как сталинский вождизм основан на традициях русской автократии, деспотии, а также новоиспечённой «модерности» городской партийной бюрократии.

Сталин с его бюрократическим коллективизмом был неспособен к сколько-нибудь выдающемуся ораторскому выступлению на открытых площадях. Классическим революционным оратором был Троцкий, отчасти – Зиновьев. Сталин мог проявлять свою харизму только в закрытом пространстве и перед заранее подготовленной аудиторией — ту харизму, которую идеологически подкреплял образ «слуги народа» и «справедливого отца». Одним из классических примеров этого может служить его речь, произнесённая на пике террора – 11 декабря 1937 года – в Большом театре. Сама по себе ситуация была весьма показательной: речь шла о его кандидатуре на выборах в Верховный Совет, разумеется, от Сталинского района Москвы. Цель выступления состояла в том, чтобы сказать нечто о себе перед сотнями присутствующих, ликующих, аплодирующих, восторженных слушателей, и поблагода-

15 И. В. Сталин «Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом 13 декабря 1931 г. в И. В. Сталин Сочинения.» – Т. 13. – (Москва: Государственное издательство политической литературы, 1951) С. 105.

речь за доверие, как это было у него в обычае, говоря о себе в третьем лице, подчёркивая тем самым, что он – всего лишь один из многих членов партии: «Я знаю, что значит доверие. Оно, естественно, возлагает на меня новые, дополнительные обязанности и, стало быть, новую, дополнительную ответственность. Что же, у нас, у большевиков, не принято отказываться от ответственности. Я ее принимаю с охотой (*бурные продолжительные аплодисменты*).

Со своей стороны я хотел бы заверить вас, товарищи, что вы можете смело положиться на товарища Сталина (*бурная, долго не смолкающая овация. Возглас из зала: «А мы все за товарищем Сталиным!»*). Можете рассчитывать на то, что товарищ Сталин сумеет выполнить свой долг перед народом (*аплодисменты*), перед рабочим классом (*аплодисменты*), перед крестьянством (*аплодисменты*), перед интеллигенцией (*аплодисменты*)¹⁶. Далее в своей речи Сталин доказывал, что именно в Советском Союзе проводятся самые демократичные выборы в мире.

Несомненно, в межвоенный период и диктаторы, и лидеры буржуазных демократий уже осознавали, что подавляющее большинство населения может быть мобилизовано практически на любую задачу при наличии соответствующего психологического и политического воздействия, в котором фигура вождя играла чрезвычайно важную роль. Это осознание возникло прежде всего во время Первой мировой войны, когда миллионы солдат (при поддержке своих родственников), вопреки собственным жизненным интересам, с песней шли на кровавую бойню. Положение Гитлера облегчалось массовым и фобическим национализмом, возникшим в результате военного поражения, тогда как диктаторская роль Сталина определялась массовым переживанием иного порядка – «*великих национальных свершений*», впервые в истории ставших экзистенциально переживаемым событием для народа имперского масштаба, состоявшего из множества больших и малых этносов.

Сталин мог предстать и в образе «творца культуры». У нацизма, напротив, не было прогрессивного культурного наследия – у него не было своих Шолохова и Бабеля, Петрова-Водкина и Родченко, Эйзенштейна и Эренбурга, не было Шостаковича, Святослава Рихтера и Да-

16 Речь товарища И. В. Сталина на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа Москвы 11 декабря 1913 года в Большом театре // *Сталинец*, 17 декабря 1937 г., № 43. С. 1.

вида Ойстраха. Нацизм не породил подлинных культурных достижений – если только не считать таковыми разрушение и опустошение.

Гитлеру не нужно было выдумывать врага, потому что экономику, по крайней мере, производственные процессы, регулировала не столько политическая необходимость, сколько беспощадная логика прибыли. Это не означает, что он не считал важным непосредственный политический контроль над рабочей силой, однако управление рабочими местами было отделено от управления производственными процессами. Гестапо – если не учитывать открытый рабский труд – не вмешивалось в производственные вопросы фабрик. Политика «поиска врага» у Сталина скрывала под собой нечто иное.

Ирония судьбы и двусмысленность ситуации ярко проявились в том факте, что, пока фобия против врачей достигала своего пика, Илья Эренбург, «любимец Сталина», 27 января 1953 года, получая Международную Сталинскую премию, заявил на весь мир: «Каково бы ни было национальное происхождение того или иного советского человека, он прежде всего патриот своей родины и он подлинный интернационалист, противник расовой или национальной дискриминации, ревнитель братства...»¹⁷ После этого Эренбург предостерег Сталина, что инициатива группы еврейских интеллектуалов (Д. Заславский из «Правды», историк И. Минц, философ М. Митин и др.), решивших выступить с заявлением о политической лояльности¹⁸, – абсолютно ошибочный шаг, который может произвести крайне негативное впечатление на международное сообщество.

Это фактически стало бы признанием антисемитской тенденции, с другой стороны, несколько «перехваленных» евреев своим «заявлением о лояльности» лишь усугубили бы ситуацию, создавая видимость того, что советские евреи действительно виновны в каком-то виде националистического уклонения. Поиск врагов разгорелся незадолго до смерти Сталина даже среди лечивших его врачей, что также указывает на то, что антисемитизм в его убийственной форме у Гитлера не имеет ничего общего с «законспирированным» советским аппаратным антисемитизмом. Сталин, устроив «дело врачей-вредителей» и ликвидируя Еврейский антифашистский комитет, хотел наказать Израиль, ставший к тому времени союзником США. Смерть Сталина 5 марта 1953 года по-

17 Цит. по: Сарнов Б. А., „Нам, евреям, повезло.“ Электронный ресурс: <https://www.lechaim.ru/ARHIV/127/sarnov.htm>. (Дата доступа: 12.05.2025.)

18 Речь идет об обращении известных деятелей еврейского происхождения в редакцию «Правды» в начале 1953 г.

ставила точку в «деле врачей», но оно, безусловно, стало позорным пятном на его историческом наследии.

Оценка личности Сталина во многом зависит от того, чью «психологическую школу» принимает историк в своем анализе. Ведь с определённых позиций оба диктатора рассматриваются как параноики. В случае со Сталиным это, прежде всего, проявляется в его «безумных» кампаниях по *поиску врагов*. У обоих диктаторов было большое количество врагов. Для Сталина определение *врага* основывалось на более рациональных принципах, чем для Гитлера, чьи враги были расовыми. Иосиф Виссарионович выделял две четкие категории «главных» врагов. Первая группа включала тех, кто сопротивлялся коллективизации (действительно сотни тысяч людей выступали против неё). Это были так называемые *кулаки*, согласно политической терминологии того времени. Вторая группа врагов – «пятая колонна», внутри собственной среды «вредительским образом подрывавшая» или противостоявшая политике и безграничным диктаторским амбициям Сталина. Ко второй категории относились и личные враги Сталина, которых он нередко уничтожал вместе с семьями. Однако и здесь речь идет не о параноидальном явлении, а скорее о стремлении избавиться от *потенциальных* противников. Сталин думал исключительно в категории «друг – враг», потому что в «осаждённой крепости» не принято отдавать предпочтение какому-либо иному моральному кодексу. После войны, в конце жизни, *поиски врагов* стали явно указывать на болезненные черты в психике Сталина. Признаки паранойи, например, проявились в подготовке «процесса врачей». Однако все известные мне документы указывают на то, что Сталин прекрасно осознавал свои решения независимо от того, что его неуравновешенная личность усугубляла антигуманные последствия его же экстремальных решений, в то время как насильственная реализация правильных с точки зрения общества решений оправдывала диктаторский метод как эффективный способ управления. В годы войны этот эффект особенно усилился.

Могут ли считаться сумасшедшими все те политики, которые сознательным решением отправили миллионы людей на верную смерть или приговорили миллионы к голодной смерти? Тогда любой призыв к войне может исходить лишь от безумца – начиная с Первой мировой войны, включая участие США в войне во Вьетнаме и заканчивая югославскими конфликтами 1990-х годов. Эрик Хобсбаум в своей работе «Эпоха крайностей», пожалуй, самой определяющей чертой XX века полагает превращение массового, «промышленного» насилия и гено-

цида в повседневное явление.¹⁹ Даже параноидальные черты личности Гитлера могут быть истолкованы скорее как последствия «приобретённого» заболевания; его ключевые решения также не могут быть сведены исключительно к проявлениям паранойи. Рассматривая это с современной точки зрения, можно утверждать, что настоящая проблема заключается не в том, что такие личности могли прийти к власти, а в том, что никакая организованная сила не стремилась или не могла их устранить. И вот мы вновь возвращаемся к вопросу системы, к тем людям и институтам, которые для «параноидального вождя» создавали и ежедневно воспроизводили идеологические, политические и организационные условия.

Сталин, в отличие от Гитлера, которого не интересовали настоящие науки, очень стремился предстать в обществе как компетентный, творческий теоретик и новатор в области социальных наук. Больше того, для большевизма было характерно своего рода фетишистское отношение к науке. Нельзя забывать, что советский лидер был прекрасно подкован по основным вопросам марксистской идеологии, действительно был хорошо подготовленным человеком. Изучая библиотеку Сталина, исследователь может прийти к выводу, что вождь не только много и разнообразно читал, но и с удивительной тщательностью обдумывал прочитанное. Он подчеркивал карандашом (красным или синим) те мысли, которые представлялись ему проблемными или интересными, иногда выделяя целые отрывки, и часто оставлял язвительные замечания на полях. Даже высказывания его заклятого врага Троцкого иногда оценивались им положительно. Это также демонстрирует, что Сталин точно знал: несмотря на политические ошибки Троцкого, тот не выдвигал только лишь те нелепости, которые сам Сталин манипулятивно вкладывал ему в уста. Но у политики и теории разная логика. В этом Сталин действительно был прекрасно уверен. Читая предисловие к книге Троцкого «Запад и Восток: вопросы мировой политики и мировой революции», опубликованной в 1924 году, Сталин жирной линией подчеркнул рассуждения Троцкого о «перемещении центра революционного процесса на Восток». На полях книги он сделал такую запись: «Дурак! При существовании Советского Союза центр не может быть на Востоке».

Впрочем, его всю жизнь увлекали теоретические исследования в области геополитических взаимосвязей и борьбы интересов великих

19 ERIC J. HOBBSBAWM, *A szélsőségek kora. A rövid 20. század története.* (Budapest: Pannonica, 1999)

держав. От партийных документов до исторических работ и даже художественной литературы – он читал всё.

Как верно заметил А. Буллок: «Идеология была важна для Гитлера, но не являлась самостоятельной темой в нацистской партии. Большинство склонялось к тому, чтобы сказать: «Гитлер – вот наша идеология»... В Коммунистической партии Советского Союза идеология имела совершенно другие традиции и роль. Сталин выработал более или менее самостоятельные теоретические позиции по различным вопросам – от лингвистики до философии и экономической теории. Он также определил рамки «современной науки», в которые включались философия, «партийная» историческая наука и экономическая теория, но не включались такие области, как кибернетика и эстетика «формализма», которые он считал «буржуазными лженауками». Конечно, его вмешательство в науки всегда преследовало политические цели, научных открытий он никогда не делал. Особенно заметным было его вмешательство в языкознание, когда профессиональное сообщество лингвистов восприняло позицию Сталина как окончательное слово в разгоревшейся дискуссии о наследии лингвиста Марра. Сталину особенно понравилось его определение языка как надстройки. Когда он стал на защиту биолога-самозванца Лысенко, очевидно, что на его решение повлияли в первую очередь соображения власти и кадровой политики.²⁰ В то же время он был способен оценивать споры внутри Советского Союза и на национальном уровне. Это наглядно подтверждается тем, что он до самого конца своей жизни задумывался о реформах в экономике. Разумеется, он не собирался ограничивать привилегии бюрократии и элит, и не ставил целью демократизацию производственного процесса. Вместо этого он в 1951 году в небольшой книге, написанной как итог дискуссии вокруг учебника по политэкономии, наметил возможность дополнения своего «государственного социализма» рыночными элементами – предвосхищая тем самым идеи «рыночного социализма». Этот подход так или иначе оказал влияние на мышление целых поколений экономистов.²¹ Пусть и на более скромном теоретическом уровне, он поставил проблему соединения рыночной экономики с государственной. Он был способен учиться – пусть и в рамках известных ограничений, – однако до последнего вздоха

20 HAVAS FERENC, *A marxizmus-szindróma. Sztálinizmus és nyelvtudomány*. (Budapest: Tinta Kiadó, 2002)

21 JOSZIF VISSZARIONOVICS SZTÁLIN, *A szocializmus közgazdasági problémái a Szovjetunióban*. (Budapest: Szikra, 1952)

стремился сохранить личную диктатуру как основополагающее условие функционирования «социализма».

Даже на последнем этапе своей жизни Сталин представлял себя «спасителем» всего человечества, каковым его изображала целая армия писателей, художников и идеологов. Общеизвестно, что коммунизм в принципе – как теоретическая цель марксизма – предлагал «выход» из сталинской системы государственной эксплуатации в сторону *прямой* демократии и общественного самоуправления. Однако Сталин представлял реализацию социального, материального и культурно-политического равенства исключительно как дело государства. Для Гитлера государство также было ключевым инструментом осуществления его целей, но нацистское обещание будущего основывалось на частной собственности и частном капитале, подкрепляемых идеологией немецкого превосходства, мирового господства и расового мифа. Гитлер без обиняков провозгласил свою цель – подчинить народы мира «расе, способной к господству». Сталин же скрывал истинную суть личной диктатуры за лицемерной пропагандой революционной идеологии. В общественном сознании диктатор Сталин выступал исключительно как последовательный демократ, ведущий борьбу с «бюрократическими извращениями». У нацизма, напротив, не было необходимости что-либо скрывать. Даже уничтожение евреев скрывалось лишь по тактическим соображениям: официальные документы, пусть и завуалированным языком, но упоминали об уничтожении еврейского народа как об «окончательном решении». Таким образом, гитлеризм представлял собой тотальную колонизацию, откровенную борьбу за экономическое и политическое господство в мире. Его философией была расовая теория, а инструментом – нацистское государство. Сталин же, напротив, обещал освобождение народов мира от угнетения капитала.

Самовосприятие Сталина и его восприятие значительной частью общества после победы в войне не сильно отличались друг от друга. Революционная вера и энтузиазм выразились в почти религиозном поклонении Сталину. Это, конечно, являлось манипулированным и организованным процессом, но культ оказался интенсивным и относительно долговечным, потому что опирался на достаточно стабильную историческую основу. Голод и трудности переносились многими ценой героических усилий, поскольку люди считали, что система хороша, а несправедливости происходят из-за виновных, и сам Сталин-де не знает о терроре. Это было убедительно, если учесть огромные масштабы Советского Союза. Кто мог знать, что между арестом Зиновье-

ва и арестом крестьян в отдалённой деревне существует внутренняя связь? Более того, среди населения также велась борьба с различными злоупотреблениями, но против самой системы не возникало целенаправленного и организованного социального движения. Иногда широкие слои трудящихся инициировали разоблачение и наказание тех, кто совершал ошибки и заблуждения.²²

С падением Гитлера нацизм навсегда оказался на свалке истории, в то время как мысль о социализме и его культура, несмотря на сталинские преступления и даже на развал Советского Союза, до сих пор манят многих возможностью построения лучшего, более гуманного мира.

Sources

JOSZIF VISSZARIONOVICS SZTÁLIN, „Beszélgetés Emil Ludwig német íróval, 1931. december 13.” [A Conversation with the German Writer Emil Ludwig, 13 December 1931] in *J. V. Sztálin művei*, 13. kötet. (Budapest: Szikra, 1951), 109–130.

JOSZIF VISSZARIONOVICS SZTÁLIN, *A leninizmus kérdései*. [The Questions of Leninism] (Moszkva: Idegennyelvű Irodalmi Kiadó, 1945)

JOSZIF VISSZARIONOVICS SZTÁLIN, *A szocializmus közgazdasági problémái a Szovjetunióban*. [The Economic Problems of Socialism in the Soviet Union] (Budapest: Szikra, 1952)

References

„A Mau Mau-felkelés Kenyában és a brit gyarmati terror. Caroline Macy Elkins tanúvallomása Ndiku Mutua és négy társának a Külügy- és Nemzetközösségi Minisztérium elleni perében.” [The Mau Mau Uprising in Kenya and British Colonial Terror: The Testimony of Caroline Macy Elkins in the Trial of the Case Brought Against the Foreign and Commonwealth Office by Ndiku Mutua and Four of His Associates.] *Észmélet* 111. (2016). 184–205.

ALAN BULLOCK, *Hitler and Stalin: Parallel Lives*. (London: Harper Collins, 1991)

BARTHA ESZTER, „Történetírás és ideológia: Vita a totalitarizmusról.” [Historiography and Ideology: A Debate on Totalitarianism.] *Múltunk* 2013(3). 6–38.

ERIC J. HOBBSBAWM, *A szélsőségek kora. A rövid 20. század története*. [The Age of Extremes: The Short Twentieth Century.] (Budapest: Pannonica, 1999)

GROVER FURR, *Stalin: Waiting for... the Truth!* (New York: Red Star Publishers, 2019)

HAVAS FERENC *A marrizmus-szindróma. Sztálinizmus és nyelvtudomány*. [Marrism Syndrome: Stalinism and Linguistics.] (Budapest: Tinta Kiadó, 2002)

ISAAC DEUTSCHER, *Sztálin. Politikai életrajz*. [Stalin: Political Biography] (Budapest: Európa, 1990)

22 cp.: WENDY Z. GOLDMAN, *Terror and Democracy in the Age of Stalin: The Social Dynamics of Repression*. (New York: Cambridge University Press, 2007); WENDY Z. GOLDMAN, *Inventing the Enemy: Denunciation and Terror in Stalin's Russia*. (New York: Cambridge University Press, 2011). <https://doi.org/10.1017/CBO9780511994906>

KRAUSZ TAMÁS, SZIGETI PÉTER (szerk.) *Államszocializmus. Értelmezések – viták – tanulságok.* [State Socialism: Interpretations - Debates - Lessons] (Budapest: L'Harmattan – Eszmélet Alapítvány, 2007)

KRAUSZ TAMÁS, „GULAG és Auschwitz, avagy az összehasonlító elemzés értelme és funkciója.” [GULAG and Auschwitz, or the Meaning and Function of Comparative Analysis.] in KRAUSZ TAMÁS, *Történetírás és emlékezetpolitika.* (Budapest: Russica Pannonicana, 2021), 269–297. NIEDERHAUSER EMIL, *A jobbágyfelszabadítás Kelet-Európában.* [The Liberation of the Serfs in Eastern Europe.] (Budapest: Akadémiai Kiadó, 1962)

Oleg Khlebniuk, *Stalin. Zhizn' odnogo vozhdia. Izdanie vtoroe, reprintnoe i perepisannoe.* [Stalin: The Life of a Leader. Second Reprinted and Rewritten Edition.] (Moskva: ROSSPEN, 2015)

ORMOS MÁRIA, KRAUSZ TAMÁS, *Hitler – Sztálin.* [Hitler – Stalin] (Budapest: Pannonica, 1999)

ROBERT C. TUCKER, *Sztálin: 1879–1929. A forradalmár.* [Stalin as Revolutionary, 1879–1929.] (Szeged: Szukits Kiadó, 2006)

Roy A. MEDVEDEV, *Let History Judge: The Origins and Consequences of Stalinism.* (New York: Columbia University Press, 1989) [Original: P. A. МЕДВЕДЕВ, *К суду истории*, 1969.]

STEPHEN KOTKIN, *Sztálin – A hatalom paradoxonai (1878–1928).* [Stalin: Paradoxes of Power, 1878–1928] (Budapest: Századvég, 2025)

VLADIMIR FEDORIN, „Josif Stalin kak upravlenets” [Joseph Stalin as a Leader], *Forbes.ru* (2010. március 26.) <https://www.forbes.ru/interview/47109-prestupnyi-diletantizm> (Accessed December 9, 2024)

WENDY Z. GOLDMAN, *Inventing the Enemy: Denunciation and Terror in Stalin's Russia.* (New York: Cambridge University Press, 2011). <https://doi.org/10.1017/CBO9780511994906>

WENDY Z. GOLDMAN, *Terror and Democracy in the Age of Stalin: The Social Dynamics of Repression.* (New York: Cambridge University Press, 2007)

BEÁTA VARGA

UKRAINE: THE “STATE TO NATION” COUNTRY?¹

This article presents the historical causes of Ukraine’s weak statehood and why it can be classified as a “state to nation” country. What considerably contributed to the “state to nation” character of Ukraine and the belated establishment of its state was the fact that it did not inherit a unified national identity; some of its territories were “more mature” in this regard, while the eastern regions that were under Russian rule for many centuries were “underdeveloped”. In this “deeply divided” Ukraine due to geopolitical differences, the western “pro-Europe” and eastern “pro-Russia” territories have always been separated. Even when an independent Ukraine was established, Ukrainian national identity was not yet fully developed, so the young Ukrainian state had to take up the task of “nation-building.”

Keywords: “state to nation” country, “feasible” historical narratives, collective historical memory, “divided” history, “divided” national identity, teleology

Beáta Varga– associate professor, Institute of History, Faculty of Humanities, University of Szeged; Head of Department of Modern World History and Mediterranean Studies. E-mail: varga.bea@hist.u-szeged.hu ORCID: 0000-0001-7244-0783

1 This study is a written version of a lecture given at the ‘Nation, Statehood, and Historiography in East- and East-Central-Europe’ conference held at ELTE on September 28–29th, 2023.

Citation: BEÁTA VARGA, “Ukraine: The ‘State to Nation’ Country?”, *RussianStudiesHu* 7, no. 2 (2025): 57–72. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2025.7.13

INTRODUCTION

Hungarian historian Emil Niederhauser in an article with the title “*Reflections of a historian on the theoretical problems of the nation*” identified two sociological concepts from the English-speaking academic world relating to the state and the nation and the order of their appearance. The first of these is: “*state to nation*”, when a nation is created by a state, which in his opinion is characteristic of the creation of the Western political concept of a nation. The second is: “*nation to state*”, when a nation is created before it has its own state, a description that applies to the small nations of Eastern Europe.² Niederhauser emphasizes two important criteria for national revival or renewal: the formation of a national language and the *creation of a national history*. In his opinion the latter can refer to the history of the state from the Middle Ages, but also often from the 19th or 20th century, because several nations did not have a state before that time.³

The article presents the historical causes of Ukraine’s weak statehood and why it can be classified as a “state to nation” country.⁴ The important components of national identity are 1. concurrence or non concurrence of state and nation; 2. a past that is “usable” by modern politics, i. e. historical narratives; 3. collective memory.⁵

THE CONCURRENCE OR NON-CONCURRENCE OF STATE AND NATION

One of the significant components of national identity is the concurrence or non-concurrence of state and nation. Ukraine can be classified as a country with a *weak statehood*,⁶ which had a short and controversial statehood on several occasions but reached complete sovereignty only in 1991. However, when independent Ukraine was established, the Ukrainian

2 NIEDERHAUSER EMIL, „Egy történész reflexiói a nemzetre vonatkozó elméleti kérdésekről”, *Regio* No. 4. (2002) 4. 134.

3 NIEDERHAUSER, „Egy történész reflexiói,” 135.

4 KISS J. LÁSZLÓ, „Nemzeti identitás és külpolitika Közép-és Kelet-Európában,” in *Nemzeti identitás és külpolitika Közép-és kelet Európában* (Budapest: Teleki László Alapítvány, 2003): 21.

5 KISS J. LÁSZLÓ, „Nemzeti identitás,” 18.

6 В. П. ШЕВЧУК, М. Г. ТАРАНЕНКО, *Історія української державності* (Київ: Либідь, 1999), 109.

national identity was not yet fully developed, therefore it was the young Ukrainian state that had to create the nation, not the other way around.⁷

Ukraine’s present state borders are the result of Soviet politics. Ukrainian statehood, formed in 1991, can be considered de jure and de facto a successor to the Ukrainian Soviet Socialist Republic.⁸ Unification of the Ukrainian territories within the framework of a single and sovereign state took many centuries. Different Ukrainian regions belonged to culturally and politically different states, which divided the history of Ukraine and also contributed to the fact that the historical regions of the “*Ukrainian lands*”⁹ have also shown significant differences that are still present.

After the break-up of Kievan Rus’, which also included the “Ukrainian lands,” between the 1240s and the 1340s most Ukrainian territories – with the exception of Halych¹⁰ – gradually became part of the Grand Duchy of Lithuania. As a result of the Union of Lublin signed in 1569, the Kingdom of Poland and the Grand Duchy of Lithuania were merged into one state, the so-called Rzeczpospolita, whereby almost all the areas inhabited by Ukrainians were united under Polish rule. Thus, until the middle of the 17th century, Polish-Lithuanian influence and authority left its mark on the history of the Ukrainians, but the Polish-Ukrainian relationship remained a determining factor even after that until 1939-45.

For Ukraine the Treaty of Pereyaslav,¹¹ which resulted in Ukraine’s “voluntary” accession to Russia in 1654, meant the replacement of Polish-Lithuanian leadership by a Russian bond. The contemporary Ukrainian historiography¹² considers the legal status of Ukraine since 1654 as the basis for the creation of a Confederate State by the Treaty of Pereyaslav

7 PÓTI LÁSZLÓ, „Ukraina: a nemzetalkotó állam,” in *Nemzeti identitás és külpolitika Közép-és Kelet-Európában* (Budapest: Teleki László Alapítvány, 2003), 297–318.

8 Up until the achievement of Ukrainian independence the local Ukrainian leading circles were part of the upper layer of the Soviet elite, which made it possible for Ukraine to have a peaceful separation from the Soviet Union at the time of gaining its independence.

9 Because of the lack of a continuous statehood the term “Ukrainian lands” has become widely used.

10 KARÁCSONYI DÁVID, „A kelet-európai sztyep és a magyar Alföld, mint frontier-területek,” *Földrajzi értesítő* 2008. LVII/1-2. (2008): 191.

11 Н. ЯКОВЕНКО, *Нарис історії середньовічної та ранньомодерної України* (Київ: Критика, 2009), 195–197.

12 В. М. ГОРОБЕЦЬ, *Від союзу до інкорпорації: українсько-російські відносини другої половини XVII – першої чверті XVIII ст.* (Київ: Інститут історії України НАН України, 1995), 14–20.; М. КРИКУН, *Між війною і радою. Козацтво Правобережної України в другій половині XVII – на початку XVIII століття: Статті і матеріяли* (Київ: Критика, 2006), 13.; Т. ЧУХЛІБ, *Козаки і монархи. Міжнародні відносини ранньомодерної української держави 1648–1721 рр.* (Київ: Вид-во імені Олени Теліги, 2009), 77.; В. А. СМОЛІЙ,

in which the member states – Russia and Ukraine – had a lasting, but loose alliance of sovereign states¹³ in which both maintained their full independence. However, in our opinion, the Hetmanate, formed from the Ukrainian territories which voluntarily joined Russia in 1654, can be considered a vassal state with a broad autonomy.¹⁴ However, under the Treaty of Andrusova signed in 1667, which ended the Russian-Polish war on the Ukrainian lands, western Ukraine was temporarily returned to the Polish-Lithuanian state. Since then, the Dnieper River has “divided” the Ukrainian territories not only geographically but also regionally, and the impact of this division is still felt.

Until the early 18th century, until Ivan Mazepa’s “betrayal,”¹⁵ the Romanov tsars did not introduce any major austerity measures in the Hetmanate in the privileged position of Ukrainian territories, but from 1708, Eastern Ukraine¹⁶ began to be organically integrated into the political framework of Russia. On November 10, 1764 Catherine II of Russia ordered the elimination of the Hetmanate, after which the incorporation of Eastern Ukraine into the Russian Empire took place between the 1770 s and the 1830s.¹⁷

As a consequence of the partition of Poland between 1772 and 1795, the Romanov and Habsburg dynasties divided the territory of Ukraine.¹⁸ For nearly 150 years – from the 1780s to the beginning of the 20th century – Ukraine was occupied by the two great powers of the region: approximately 80% of its territory belonged to the Russian Empire, while 20% of it Galicia) belonged to the Habsburg Monarchy. The former Polish territory of western

V. С. СТЕПАНКОВ, *Українська державна ідея XVII – XVIII століть: проблеми формування, еволюції, реалізації* (Київ: „Альтернативи”, 1997), 101–102.

13 ЯКОВЕНКО, *Нарис історії*, 356–359.

14 VARGA BEÁTA, „Önállóság, autonómia vagy alávetettség – Ukrajna 1648–1709 között”, (Szeged: JATE Press, 2008): 49.

15 VARGA BEÁTA, „Oroszország–Ukrajna, 1654–1725” in „Kelet-Európa” és a „Balkán”, 1000–1800 – *Intellektuális-történelmi konstrukciók vagy valós történelmi régiók?* (Pécs: PTE Kelet-Európa és a Balkán Története és Kultúrája Kutatási Központ, 2007), 236.

16 VARGA BEÁTA, „A poltavai csata jelentősége az ukrán történelemben” in *A poltavai csata jelentősége az orosz és a svéd történelemben*, MISZLER TAMÁS, SASHALMI ENDRE (eds.) (Pécs: Pécsi Tudományegyetem BTK, 2010), 101–103.; VARGA BEÁTA, „I. Péter ukrán politikája: Mazepa „árulásának kérdése””, *Acta Historica 118*. (Szeged: 2003): 23–35.

17 ZENON E. KOHUT, *Russian Centralism and Ukrainian Autonomy (1760–1830)*, (Cambridge: Mass, 1988), 102.

18 Between 1764–1782 the Ukrainian administrative system prevailed, but – deprived of its autonomy – it was completely subordinated to the imperial government. Between 1782–1835 the former Hetmanate’s territory was fully incorporated into the Russian Empire.

Ukraine – except for Galicia¹⁹ – also became part of Russia. Thus most of the territory of Ukraine belonged to a state – but not one state – in other words, most of Ukraine was united under the auspices of the Romanov dynasty.²⁰

In Austrian-ruled Galicia,²¹ the governors, appointed by the Viennese court, used the “divide-and-conquer” principle and successfully played Ukrainians and Poles against each other, maintaining Habsburg control in the province. Galicia, in fact, was the western border of the eastern Slavic territories,²² an area where Galician Ruthenians sought to create an independent identity.²³ The fact that the Ruthenian leadership was not unified regarding their political ambitions posed a problem.²⁴ The so-called Ruthenian-Polish group did not recognize Ruthenians as a separate ethnic group, but only as an ethnic group within the Polish people. The Ruthenian-Austrian wing felt their unchallenged loyalty to the Habsburgs would ensure the rise of Galician Ukrainians. The Ruthenian-Ukrainian camp wanted to create an independent, free Ukraine, where all Ukrainians would live together. The Ruthenian-Russian group was also projecting complete Ukrainian unity, not as an independent entity, but under the authority of the Russian tsar. It was recognized by all political circles that political independence could ensure the socio-economic and cultural development of the Ukrainian territories that had been subjugated to the Austrian and the Russian Empire, and that after the ethnic division of the province, Eastern Galicia was considered to be the “Ukrainian Piedmont,”²⁵ from where the unification of Ukrainian territories could commence. It should also be noted that the Poles, who claimed the whole of Habsburg

19 Ф. Ф МАРТЕНС, *Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией и иностранными державами. II. Трактаты с Австрией 1772–1808.* (Санкт-Петербург: 1875), 15.

20 OREST SUBTELNY, *Ukraine – A History* (Toronto: University of Toronto Press, 2000), 201.

21 HORST GLASSL, *Das österreichische Einrichtungswerk in Galizien (1772–1790)*, (Wiesbaden: Harrasowitz, 1975), 64.

22 SZERHIJ JEKELCSIK, *Ukrajna története- Egy modern nemzet születése* (Budapest: Kairosz, 2014), 85.

23 IRINA VUSHKO, *The Politics of Cultural Retreat – Imperial Bureaucracy in Austrian Galicia, 1772–1867*, (New Haven and London: Yale University Press, 2015), 5. <https://doi.org/10.12987/yale/9780300207279.001.0001>

24 PAUL ROBERT MAGOCSI, “Galicia: A European Land,” in *Galicia. A Multicultural Land* ed. CHRIS HANN, PAUL ROBERT MAGOCSI (Toronto: University of Toronto Press, 2005), 17. <https://doi.org/10.3138/9781442682252>

25 JOHN-PAUL HIMKA, “Young Radicals and Independent Statehood: The Idea of Ukrainian Nation State 1890-1895,” *Slavic Review* 41/2. (1982), 219–235. <https://doi.org/10.2307/2496340>

Galicja²⁶ as “Malopolska,” (Lesser Poland) considered the province as a possible “Polish Piedmont”.²⁷

The regions beyond the Carpathians belonged to Hungary from the Middle Ages. In southern Ukraine, to which Crimea also belonged, Turkish rule prevailed until the end of the 18th century, and as a result of the successful Russo-Turkish wars,²⁸ the Russian Empire extended its borders to the northern shore of the Black Sea.

In the 20th century, the dissolution of the Russian Empire and the Austro-Hungarian Monarchy created a real chance for the solution of the “Ukrainian question”, that is the establishment of a sovereign Ukrainian state that would include east- and west-Ukraine as well. Between 1917 and 1920 the Ukrainians established a sovereign state – the Ukrainian People’s Republic – but the alternating governments could keep their power only for short periods of time and thus could not consolidate it. Achieving independence was also hindered by the fact that East-Ukrainians’ national identity was less developed than in Galicia. In addition, the military preponderance of Poland and Soviet-Russia as well as the passivity of the Entente powers that came out victorious from World War I hindered the establishment of a sovereign Ukraine. As a result, just like in the 17th–18th centuries, after 1921 the development of the Ukrainian nation happened within the framework of two other states: within the Soviet Union and within the reborn Poland.²⁹

A “USABLE PAST” IN MODERN POLITICS – UKRAINIAN NATIONAL HISTORICAL NARRATIVES

While national history plays a prominent role in the “redefinition” of Ukraine’s identity,³⁰ representation of the historical past in Russian-Ukrainian relations has been controversial. In order to create their “national

26 ANN SIRKA, *The Nationality Question in Austrian Education – The Case of Ukrainians in Galicia 1867–1917* (Frankfurt am Main: European University Studies, 1980), 1–33.

27 PAUL ROBERT MAGOCSI, *The Roots of Ukrainian Nationalism: Galicia as Ukraine’s Piedmont* (Toronto: University of Toronto Press, 2002)

28 VARGA BEÁTA, „Galícia, az „ukrán Piemont”?”, in „Köztes-Európa” vonzásában. Ünnepi tanulmányok Font Márta tiszteletére, BAGI DÁNIEL, FEDELES TAMÁS (eds.) (Pécs: Kronosz, 2012): 494.

29 SUBTELNY, *Ukraine – A History*, 377–379.

30 TARAS KUZIO, „Identitás és nemzetépítés Ukrajnában. A „másik” meghatározása”, *Regio. Kisebbség, Politika, Társadalom* no. 1. (2002): 97.

history”. Ukrainian historians have had to prove that the Ukrainian people has had its “own” history, one can be traced back to ancient roots, and which has been undoubtedly continuous throughout the centuries. They have had to provide well-grounded historical arguments to support their claim that, despite the fact in that certain periods certain parts of Ukraine’s territory were under the jurisdiction of the Polish-Lithuanian State, the Russian and Habsburg Empires the history of Ukrainians developed continuously between the 9th and the 19th centuries.

From 1991 onwards, during the process of formulating the image of the Ukrainian nation, it became vital for Ukrainian politics of the era to set up “feasible” historical narratives, during which process the emphasis on national self-reliance gained emotional and political relevance, at the same time legitimizing the nature of the young Ukrainian state. From 1991 onwards, during the process of formulating the image of the Ukrainian nation, it became vital for Ukrainian politics to set up “feasible” historical narratives. During this process the emphasis on national self-reliance gained emotional and political relevance, and at the same time legitimized the nature of the young Ukrainian state. Research on and teaching of national history played an important role in developing Ukrainian identity, and it was also significant that the past had to be glorious and had to have continuity!

Contemporary Ukrainian historiography as well as the political leadership consider the middle of the 17th century the “real Rubicon”. Once Ukrainians had crossed this, they took a decisive step towards independence.³¹ According to the official historical narrative, present day Ukraine is the direct descendent of Medieval Kievan Rus, the Cossack state that Bohdan Khmelnytsky created in the 17th century, and the 1918-20 Ukrainian People’s Republic.³² Even though the Hetmanate that was established as a result of the 1648–1654 Khmelnytsky movement was not a state in every respect, it still became a model for the Ukrainian state in the eyes of future generations.³³ At the end of World War I, Ukraine became the battlefield of various Ukrainian political leaders who fought amongst each other as well as with the Central and the Entente powers. The circumstances were similar in both the 17th and 20th centuries in the sense that what prevented the achievement of unity and independence was not only the unfavourable

31 Чухлів, *Козаки і монархи*, 53.

32 JEKELCSIK, *Ukraina története*, 21.

33 JEKELCSIK, *Ukraina története*, 50.

international situation, but also their inner conflicts. During neither of the “Ukrainian revolutions”³⁴ did the significant powers of the region have an interest in the creation of a sovereign Ukrainian state. Thus, in both cases Ukraine ended up in a “historical blind alley”.

According to the “traditional scheme” of Russian historiography, the sole successor of Kievan Rus’ was Muscovite Russia that took shape from the 15th century onwards. This view labels the Ukrainian territories the “West Russian” lands, which sought to preserve their “Russian identity under Polish-Lithuanian rule. Moreover, Russian historical tradition interpreted the history of Ukrainians as an inseparable part of Russian history, and regarded “Little Russians” as a people without a sovereign state, and as a sub-species of Russian ethnicity.³⁵ For the “Great Russian” historians Ukraine had no specific national features, and they maintained that, due to the immaturity of the Ukrainian peoples a sovereign Ukrainian state would not stand a chance in Eastern Europe. According to Russian imperialist historiography, Kievan Rus’ the Hetmanate (1654–1764) and the integration of the northern shore of the Black Sea into the Russian Empire, all of which could be regarded as an integral part of Ukrainian history, could only be viewed as glorious periods in the history of *Russian* civilization.

The notion that Ukraine was in fact different from Russia in its language, culture, history and political traditions, was primarily formed at the end of the 19th century, in the works of “the father of Ukrainian national historiography”³⁶ and the first president of Ukraine,³⁷ Mykhailo Hrushevsky. Indeed, it was only from the end of the 19th century that historians felt the need to “create” a Ukrainian “national” history that would be an important part of national identity, and which was required not only by necessity but also – as Hrushevsky put it³⁸ – by “honour.” This prominent Ukrainian statesman and historian emphasized his conviction

34 Contemporary Ukrainian historiography uses the same phrase – national liberation war, national revolution – both for the period between 1648-1654 and for that between 1917-1922.

35 Н. Г. УСТРЯЛОВ, Русская история. I. (Санкт-Петербург: 1839), 16.

36 VARGA BEÁTA, „M. Sz. Hruszewskij, az „ukrán nemzet történetírás atyja””, *Acta Historica* 134. (2012): 9-121.

37 On November 6, 1917. the Central Council of Ukraine issued its Third Universal and, headed by Hrushevsky, declared the independence of the Ukrainian People’s Republic, but, at the same time, accepted the preservation of unity with the forthcoming Russian Federation.

38 А. П. ДЕМИДЕНКО, *Великий українець: Матеріали з життя та діяльності М.С.Грушевського*, (Київ: Веселка, 1992), 206.

that 19th-century Ukraine could be considered a conglomerate of different ethnic, geographical and historical regions with relatively different regional historical identities. In order to emphasize the close relationship between modern and earlier periods in Ukrainian history, Hrushevsky used the notion of “Ukraine-Rus”³⁹, and by refuting the Russian paradigm that the Ukrainians did not play any important role in history, his works resulted in a complete break with the “Great Russian” traditional scheme. Hrushevsky believed that Ukrainians’ historical roots went back to much earlier times in history than those of Russians.

In the modern Ukrainian state, the creation of a unified identity especially in relation to its national and historical components is an important legitimizing principle. It should be emphasized though that in the Ukrainian language, the term “nacija” (= nation) in fact refers to the totality of a people connected by origin, language and culture, but who do not necessarily have their own state. One of the main problems for the leadership of the young Ukrainian state was also the issue of historical legitimation. The “new” historical narrative was introduced in school textbooks in such a way that after 1991 works by Mikhailo Hrushevsky and Orest Subtelny⁴⁰ temporarily took over the role of textbooks.⁴¹ The main feature of the national narrative is teleology, according to which the main purpose of Ukrainian history is to create a nation state and to represent the historical processes as roads leading to this end, in other words, to present Ukraine as formed due to centuries of efforts to create a modern Ukrainian nation and a national home.⁴²

COLLECTIVE MEMORY

In the course of the Ukrainian people’s endeavours to establish a state, the creation of a collective national consciousness played a decisive role, and this was focused primarily on its historical elements. Emphasis was placed on “national history” and on a “return to the sources of national identity.” This can be illustrated by examples taken from the official speeches of

39 М. ГРУШЕВСЬКИЙ, *Історія України-Руси*. I-IV. (Львів: 1904–1907)

40 ОРЕСТ СУБТЕЛЬНИЙ, *Україна: історія*, (Київ: Либідь, 1991)

41 ANDREJ PORTNOV, „Történelemírás ukrán módra. Megjegyzések a hétköznapi valóság történet alapú átrendezéséhez”, in *Ukrajna színeváltozása 1991-2008 – Politikai, gazdasági, kulturális és nemzetiségi attitűdök*, (Pozsony: Kalligram, 2009), 24.

42 JEKELCSIK, *Ukrajna története*, 22.

contemporary Ukrainian presidents. For example, Leonid Kuchma described Bohdan Khmelnytsky as a titanic figure of Ukrainian history whose name is associated with the appearance of Ukraine on the international scene and with laying the foundations of the present-day Ukrainian political nation.⁴³ The former Ukrainian president also emphasized that the Ukrainian people was a “powerful nation” in the centre of Europe which has played an important role in the history of Europe. This argument can also be linked to the speeches of Viktor Yushchenko, who pointed out that Ukraine belonged to Europe primarily from a cultural and historical point of view, and emphasised the values of democracy and freedom in the history of the Ukrainians.⁴⁴ A common element in the speeches of Ukrainian state leaders – and in contemporary Ukrainian historiography⁴⁵ – is the designation of the 17th century as the period to which the beginning of Ukrainian national identity can be traced back.

Ukrainian leaders have therefore used this “glorious history” to create a collective historical identity, centred on the cult of Mykhailo Hrushevsky who, as the first president of Ukraine, can be the basis for legitimizing the presidential institution of our days, while the figure of Bohdan Khmelnytsky can be seen as the “Father of the Homeland”, the founder of Ukrainian statehood, the creator unity and of continuity in their history.

A “DIVIDED” NATIONAL IDENTITY

It is possible to treat duality as a major feature of Ukrainian society and politics. This duality stems primarily from the territorial, cultural and linguistic division of Ukraine over the centuries, and is increasingly expressed by the view that the dividing line between east and west Ukraine is so sharp that the separation of the country is inevitable. These “Two Ukraines” exist side by side as two options for the future: “back to the Soviet Union / Russia”? or “back to Europe”? Even today, the identity of the majority of Ukrainians is linked to uncertain, conflicting, incompatible views and values.

Indeed, what divides the Ukrainians in today’s Ukraine is primarily the interpretation of national history. Under the control of the Russian

43 SZEREDA VIKTÓRIA, „Történelmi emlékezet Ukrajna elnökeinek hivatalos beszédeiben”, *Regio. Kisebbség, Politika, Társadalom* no. 3. (2007): 47–68.

44 SZEREDA, „Történelmi emlékezet”, 54.

45 SZEREDA, „Történelmi emlékezet”, 56.

Empire, no national or independence movement could evolve in eastern and southern Ukraine. East and south of the River Dnieper, the majority of Ukrainians and Russians who have “dual identities” are politically loyal to the Ukrainian state, but they reject the “European Ukraine-Asian Russia” opposition, and the “de-Russification” of Ukraine has never become part of their political aspirations.⁴⁶ At the same time, under the relatively liberal Austrian and Polish rule, a strong sense of identity developed in western Ukrainians. These territories were fully integrated into the Soviet Union only in 1945: they emphasized their sovereignty and independent Ukrainian history.

When examining the emergence of a Ukrainian national identity, it is important to note that the ethnonym “Ukrainian” was formulated relatively late, during the 19th century. Kievan Rus’, which was formed in the territory of present-day Ukraine from the 10th century, was called Ruscia or Ruthenia in Latin sources from the word Rus, and its inhabitants were called Ruthenians or Russi, a term that did not refer to an ethnic group,⁴⁷ but was a reference to the power to which the inhabitants were subject. The new political units that took shape after the disintegration of Kievan Rus’ referred to this common origin using the term Rus. The expansionist policies of the Lithuanian Grand Dukes in the first half of the 14th century did not encounter any resistance in this region, in fact, there is mention of “voluntary joining” of the south-western areas of the former Kievan Rus’. In the so-called “Lithuanian-Russian Grand Duchy” the Lithuanian rulers practised a policy of tolerance:⁴⁸ there was no religious and social discrimination between Lithuanians and “Ruthenians.” This fact also prevented possible conflict between Lithuanians as the “ruling ethnic group” and “Ruthenians” as the “subjugated ethnic group.”

As a result of the Lublin Convention of July 1, 1569,⁴⁹ the Kingdom of Poland and the Grand Duchy of Lithuania were united in one state, the Rzeczpospolita. This marked the beginning of the Polonization and Catholicization policies of the rulers of the Polish-Lithuanian Commonwealth in the Ukrainian territories. We still cannot speak about Ukrainian ethnicity as the Eastern Slavs living in the area of Rzeczpospolita were still

46 BOCSKOR MEDVE CZ ANDREA, „Nacionalizmus és történetírás. Az ukrán történelemformálás hatása a nemzetté válás folyamatában”, *Acta Beregsasiensis*, VIII/2. (2009): 22.

47 FONT MÁRTA, VARGA BEÁTA, *Ukrajna története*, (Szeged: JATE-Press, 2006), 9.

48 *Польное собрание русских летописей*, Том 35. Летописи белорусско-литовские, (Москва: Наука, 1980), 34.

49 *Akta unji Polski z Litwą, 1385–1791* (Kraków: Polska Akademia Umiejętności, 1932), 414.

called “Ruthenians”. From the beginning of the 17th century, the meaning of the term “Ukraine” became narrower, referring not to the “borderlands” or periphery in general, but to a specific geographical unit: the areas bounded by the central Dnieper River, the central part of today’s Ukraine. For the population living there, the adjective “Ukrainian” was used, which, however, was still not an ethnic, but an administrative and geographical denomination.⁵⁰ From the middle of the 17th century, the term “Little Russian” was used, which originated from the term Russia Minor and denoted the Halichi and Volhynian subdivisions that came under Polish rule in the eastern Ukrainian territories.

What has also contributed to Ukraine’s division and the belated establishment of a state was that it did not have a unified national identity: in East- and Central Ukraine, which were continuously under Russian rule from the middle of the 17th century, a strong national movement could never develop. Then, following the partition of Poland, when west Ukraine – with the exception of Galicia – became part of Russia, most of the Ukrainian territories belonged to, but did not comprise, one state. In Galicia, which was the western border of the eastern Slavic territories and was under the considerably liberal rule of Austria, and was called “the Ukrainian Piedmont”, a stronger national self-consciousness developed after 1772. That is why it was there that the idea of a unified Ukrainian state was first conceived, the realization of which, however, took more than a hundred years, because of the division and weak national consciousness of the Ukrainians.

SUMMARY

What considerably contributed to the “state-to-nation” character of Ukraine and the belated establishment of its state was the fact that it did not inherit a unified national identity: some of its territories were “more mature” in this regard, while the eastern regions that had been under Russian rule for many centuries were “underdeveloped.”⁵¹ In Eastern and Central Ukraine there never developed a strong national movement and nationalism.⁵² What is more, in those areas the local version of Ukrainian

50 Архив Юго-Западной России, Ч. 3. Т. 1. (Санкт-Петербург:1861) 5, 28, 254, 317, 357.

51 ROMAN SZPORLUK, „Ukraina: Peremvidéktől a szuverén államig”, 2000 11. (1998): 14.

52 TATJANA ZSURZSENKO, „Két Ukrajna – A nemzeti eszme bukásának mítosza”, 2000. Irodalmi és társadalmi havi lap. 10. (2002): 24–28. <http://ketezer.hu/2002/10/ket-ukrajna/> (Accessed November 5, 2020).

identity ruled out neither the spreading of Russian culture and language, nor loyalty to the Romanov dynasty and later to the Soviet system. Eastern Ukrainians did not reject the national concept itself, but primarily its anti-Russian orientation. It took a long time for the “Russian” Ukrainians to consider the “Austrian” or “Polish” Ukrainians as belonging to their own nation. Looking from a different point of view, the separation of Ukrainians from Russians, Poles or Austrians did not automatically mean they had common ground for the creation of an independent Ukrainian state. Under the relatively liberal Austrian rule, in Galicia, a relatively strong national consciousness developed from 1772 on, and that is why the idea of a unified Ukrainian state was first born there, only to wait for its realization for more than a century, due to the division and weak identity of the Ukrainians.

During the long historical process of establishing an independent Ukrainian state out of a peripheral region (= Ukraine), the Ukrainian territories became the double and then the triple periphery of power fields. For such a large country, regional differences may in fact be considered natural. Due to geopolitical differences the western “pro-Europe” and eastern “pro-Russia” territories in this “deeply divided” Ukraine have always been separate. The biggest obstacle, however, was that there was no unified opinion about the character of the Ukrainian state among the different Ukrainian regions and political parties.

Ukrainian nation-building and the consolidation of the state on a national basis has brought about more problems than it has successful solutions. It is important to point out that the independence of Ukraine is less the result of a successful national movement, but more of the dissolution of the Soviet Union. The political parties, in fact, do not express national interests, but turn regional bonds into political capital instead: i.e., strong economy in the east, and nationalist rhetoric in the west.⁵³ Even when an independent Ukraine was established, the Ukrainian national identity was not fully formed, so the young Ukrainian state had to take up the task of “nation-building.”⁵⁴ This is why Ukraine can be classified as a “nation state,”⁵⁵ although modern Ukrainian history is actually different from the nation-state’s traditional model.

53 ZSURZSENKO, „Két Ukrajna”, 19.

54 FEDINEC CSILLA, „Az autonómia-gondolat ukrainai változatai” in *A közép-európaiság dicsérete és kritikája*. ed. FEDINEC CSILLA, ILYÉS ZOLTÁN, SIMON ATTILA, VIZI BALÁZS (Pozsony: Kalligram, 2013);, 274.

55 PÓTI, „Ukrajna: a nemzetalkotó állam”, 297.

References

- Akta unji Polski z Litwą*, 1385–1791. [Files of the Union of Poland with Lithuania, 1385–1791] (Kraków: Polska Akademia Umiejętności, 1932).
- Arkhiv iugo-zapadnoi Rossii*, [Archive of Southwest Russia] Part 3. Vol. 1. (Sankt-Peterburg: 1861).
- BOCSKOR MEDVEZC ANDREA, „Nacionalizmus és történetírás. Az ukrán történelemformálás hatása a nemzetté válás folyamatában” [Nationalism and Historiography: The Shaping Effect of Ukrainian History in the Process of Becoming a Nation] *Acta Beregsasiensis*, VIII/2. (2009): 17–34.
- TARAS CHUKHLIB, „Kozaky i Monarkhy – Mizhnarodni vidnosyny rann’omodernoi Ukrayins’koi derzhavy 1648–1721 rr.” [Cossacks and Monarchs – Foreign Relations of the Early Modern Ukrainian State 1648–1721] (Kyiv: Vyd-vo im. Oleny Telihy, 2009).
- FEDINEC CSILLA, „Az autonómia-gondolat ukrájnai változatai” [Ukrainian Versions of the Idea of Autonomy], in *A közép-európaiság dicsérete és kritikája*, ed. FEDINEC CSILLA, ILYÉS ZOLTÁN, VIZI BALÁZS (Pozsony: Kalligram, 2013), 268–293.
- FONT MÁRTA, VARGA BEÁTA, *Ukrájna története* [A History of Ukraine] (Szeged: JATE-Press, 2006).
- HORST GLASSL, *Das österreichische Einrichtungswerk in Galizien (1772–1790)* [The Austrian Establishment in Galicia (1772–1790)] (Wiesbaden: Harrasowitz, 1975).
- JOHN-PAUL HIMKA, „Young Radicals and Independent Statehood: The Idea of a Ukrainian Nation State 1890–1895.” *Slavic Review* 41/2. (1982): 219–235. <https://doi.org/10.2307/2496340>
- VIKTOR M. HOROBETS’, *Vid soizu do inkorporatsii: ukraiinsko-rosiis’ki vidnosyny druhoii XVII-pershoi chverti XVIII st.* [From Union to Incorporation: Ukrainian-Russian Relations in the Second Half of the 17th – the first Quarter of 18th Century] (Kyiv: Instytut istorii Ukraïny NAN, 1995).
- MIKHAILO S. HRUSHEVS’KII, *Istoriia Ukraïni-Rusi* [A History of Ukraine-Rus’] 1-IV. (L’viv: 1904–1907).
- SZERHIJ JEKELCSIK, *Ukrájna története. Egy modern nemzet születése* [The History of Ukraine: The Birth of a Modern Nation], (Budapest: Kairosz, 2014).
- ANDREAS KAPPELER, „Ukrainian History from a German Perspective.” *Slavic Review*, 54. No. 3 (Autumn, 1995): 691–702. <https://doi.org/10.2307/2501743>
- KARÁCSONYI DÁVID, „A kelet-európai sztyep és a magyar Alföld mint frontier-területek” [The Eastern European Steppe and the Great Hungarian Plains as Frontier Regions], in *Földrajzi értesítő* 2008. LVII/1-2. (2008): 185–211.
- KISS J. LÁSZLÓ, „Nemzeti identitás és külpolitika Közép- és Kelet-Európában” [National Identity and Foreign Policy in Central- and Eastern-Europe], in *Nemzeti identitás és külpolitika Közép-és Kelet Európában*, ed. KISS J. LÁSZLÓ (Budapest: Teleki László Alapítvány, 2003): 13–32.
- ZENON E. KOHUT, *Russian Centralism and Ukrainian Autonomy (1760-1830)* (Cambridge: Mass., 1988).
- MYKOLA KRYKUN, *Mizh viinoiu i radoiu – Zozatstvo Pravoberezhnoii Ukraïny v druhoii polovyni XVII – na pochatku XVIII stolittia* [Between War and the Council – Cossacks of Right-Bank Ukraine from the Second Half of the 17th – to the early 18th Century] (Kyiv: Krytyka, 2006).
- TARAS KUZIO, „Identitás és nemzetépítés Ukraïnában. A „másik” meghatározása”, [Identity and Nation Building in Ukraine: The Definition of ‘Other’] *Regio. Kisebbség, Politika, Társadalom* no. 1 (2002): 94–120.
- ROBERT PAUL MAGOCSI, „A European Land in Galicia”, in *A Multicultural Land* ed. CHRIS HANN AND ROBERT PAUL MAGOCSI (Toronto: University of Toronto Press, 2005).
- ROBERT PAUL MAGOCSI, *The Roots of Ukrainian Nationalism: Galicia as Ukraine’s Piedmont*. (Toronto: University of Toronto Press, 2002).

FIODOR F. MARTENS, *Sobranie traktatov i konvencsi, zakliuchennykh rossiei s inostrannymi derzhavami. II. Traktaty s Avstriei 1771–1818* [A Collection of Treatises and Conventions concluded by Russia with Foreign States: Volume II. Treatises with Austria] (Sankt-Peterburg: Tipografia Ministerstva Putei Soobshcheniia, 1875).

NIEDERHAUSER EMIL, „Egy történész reflexiói a nemzetre vonatkozó elméleti kérdésekről”, [Reflections of a Historian on the Theoretical Problems of the Nation] *Regio. Kisebbség, Politika, Társadalom* no. 4. (2002): 131–137.

Polnoe sobranie russkikh letopisei (psrl) Vol 35. Letopisi belorussko-litovskie. [The Complete Collection of Russian Chronicles (PSRL) Belarusian-Lithuanian Chronicles] (Moskva: 1980).

ANDREJ PORTNOV „Történelemírás ukrán módra. Megjegyzések a hétköznapi valóság történet alapú átrendezéséhez”, [Writing History in the Ukrainian Manner: Notes on the Rearrangement of Everyday Reality Based on History], in *Ukrajna színeváltozása 1991–2008 – Politikai, gazdasági, kulturális és nemzetiességi attitűdök.* [The Transfigurations of Ukraine 1991–2008 – Political, Economic, Cultural, and Nationalistic Attitudes.], ed. FEDINEC CSILLA, SZEREDA VIKTÓRIA (eds.) (Pozsony: Kalligram, 2009), 11–50.

PÓTI LÁSZLÓ, „Ukrajna: a nemzetalkotó állam”, [Ukraine: the Nation State] in *Nemzeti identitás és külpolitika Közép-és Kelet-Európában*, ed. KISS J. LÁSZLÓ (Budapest: Teleki László Alapítvány, 2003), 297–318.

V. P. SHEVCHUK, M. G. TARANENKO, *Istoriia ukraïnskoi derzhavnosti* [A History of Ukrainian Statehood] (Kyiv: Lybid', 1999).

ANN SIRKA, *The Nationality Question in Austrian Education – The Case of Ukrainians Galicia 1867–1917* (Frankfurt am Main: European University Studies, 1980).

V. A. SMOLII, V. S. STEPANKOV, *Ukraiïns'ka derzhavna ideia XVII–XVIII stolit': problemy formuvannia, evoliutsii, realizatsii* [The Ukrainian State Idea of the 17th–18th Centuries: Problems of Formation, Evolution, and Implementation] (Kyiv: Al'ternatyvy, 1997).

OREST SUBTEL'NYI, *Ukraiina: Istoriia* [Ukraine: A History] (Kyiv: Lybid', 1991).

OREST SUBTELNY, *Ukraine – A History.* (Toronto: University of Toronto Press, 2000).

SZEREDA VIKTÓRIA, „Történelmi emlékezet Ukrajna elnökeinek hivatalos beszédeiben”, [Historical Memory in the Official Speeches of Ukraine's Presidents] *Regio. Kisebbség, Politika, Társadalom* 3. (2007): 47–68.

ROMAN SZPORLUK, „Ukrajna: Peremvidéktől a szuverén államig”, [Ukraine: from a Periphery to a Sovereign State], 2000 no. 11. (1998): 11–22.

N. G. USTRIALOV, *Russkaia istoriia* I. [Russian History] (St. Petersburg, 1839).

VARGA BEÁTA, „I. Péter ukrán politikája: Mazepa „árulásának” kérdése”, [Peter I's Ukrainian Policy: The Question of Mazepa's “Betrayal”] *Acta Historica* no. 118. (2003): 25–35.

VARGA BEÁTA, „A poltavai csata jelentősége az ukrán történelemben”, [The Significance of the Battle of Poltava in Ukrainian History] in *A poltavai csata jelentősége az orosz és a svéd történelemben*, ed. MISZLER TAMÁS, SASHALMI ENDRE (Pécsi Tudományegyetem BTK, 2010), 101–123.

VARGA BEÁTA, „Oroszország–Ukrajna, 1654–1725” [Russia–Ukraine, 1654–1725], in „Kelet-Európa” és a „Balkán”, 1000–1800 – *Intellektuális-történeti konstrukciók vagy valós történeti régiók?* (Pécsi Tudományegyetem – Kelet-Európa és a Balkán Története és Kultúrája Kutatási Központ, 2007): 203–241.

VARGA BEÁTA, *Önállóság, autonómia vagy alávetetség – Ukrajna 1648–1709 között* [Independence, Autonomy or Subjugation – Ukraine between 1648–1709] (Szeged: JATE Press, 2008).

VARGA BEÁTA, “M. Sz. Hruszevszkij, az „ukrán nemzeti történetírás atyja”” [M. S. Hrushevsky, “the Father of Ukrainian National Historiography”] *Acta Historica* no.134. (Szeged: 2012): 9–121.

VARGA BEÁTA, „Galícia, az „ukrán Piemont”?” [Galicia, the “Ukrainian Piedmont”?] in „Köztes-Európa” vonzásában. *Ünnepi tanulmányok Font Márta tiszteletére*, ed. BAGI DÁNIEL, FEDILES TAMÁS (eds.) (Pécs: Kronosz, 2012).

A. P. DEMIDENKO, *Velykyi ukrainets'. Materialy z zhittia i diial'nosti Hrushevs'koho* [The Great Ukrainian: Materials on Hrushevsky's Life and Activities] Comp. A. P. Demidenko (Kyiv: Vesselka, 1992)

IRINA VUSHKO, *The Politics of Cultural Retreat – Imperial Bureaucracy in Austrian Galicia, 1772–1867*. (New Haven and London: Yale University Press, 2015). <https://doi.org/10.12987/yale/9780300207279.001.0001>

NATALIIA IAKOVENKO, *Narys istorii seredn'ovichnoi ta rann'omodernoi Ukrainy* [A History in Outline of the Medieval and Early Modern Ukraine] (Kyiv: Kritika, 2009).

TATJANA ZSURZSENKO, „Két Ukrajna? A nemzeti eszme bukásának mítosza”, [Two Ukraines? The Myth of the Fall of the National Idea] *2000 Irodalmi és társadalmi havi lap*. 10. (2002) <http://ketezer.hu/2022/10/ket-ukrajna/> (Accessed November 5, 2020).

KATALIN SCHREK

**THE BALKANS AS A SPHERE OF RUSSIA'S IMPERIAL POWER –
THOUGHTS ON NEW PERSPECTIVES AND APPROACHES
IN MODERN HISTORICAL RESEARCH¹**

Abstract: The relationship between Russia and the Balkans has traditionally been a well-researched area in the history of international relations. In recent decades, however, there has been a shift within the scholarly community towards rethinking the dynamics of great power action and its impact on particular geographical regions, moving beyond the political-historical approach and adopting new methodologies. The aim of this paper is to provide an overview of thought-provoking trends and tendencies in modern historiography that may open up new possibilities for a more complex understanding and reinterpretation of the relationship between Russia and the Balkans. Therefore, the paper is not always analytical, but rather reflective, and seeks to provide a basis and stimulus for formulating new research questions.

Keywords: Russian Empire, influence, Balkan Peninsula, 19th century, new trends, methodology and historiography

Katalin Schrek – PhD, Senior Lecturer, Institute of History, Department of World History, University of Debrecen. E-mail: schrek.katalin@arts.unideb.hu ORCID: 0000-0002-8601-6382

1 Citation: KATALIN SCHREK, „The Balkans as a Sphere of Russia's Imperial Power – Thoughts on New Perspectives and Approaches in Modern Historical Research”, *RussianStudiesHu* 7, no. 2 (2025): 73–88. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2025.7.14

In the historiographical literature the Balkans are commonly presented as a geopolitical region bordered and ruled by empires.² This geographically and politically determined and to some extent constrained situation has fundamentally marked the direction of the region's development over the centuries. Undoubtedly, the Balkan peninsula was strongly influenced by the so-called "imperial space" in its immediate proximity, including the Ottoman Empire, as well as Austria-Hungary and the Russian Empire; it was also influenced by states which had no direct connection to the peninsula but which nevertheless impacted Balkan relations at various points (Great Britain, France, Italy, the German Empire). This vulnerability of the South-eastern European region and the dynamics of changing circumstances set it apart from other European (geo)political regions in the 19th century – just as they still do today.

In this paper, I would like to explore how the Balkans as a geopolitical space appear in modern historiography in the context of Russia. What did the Balkans as a geopolitical region mean for the Russian Empire? And what are the modern historiographical tendencies that can provide a completely novel approach to understanding the relationship between Russia and the Balkans? In the meantime, however, the study will also reflect on the simultaneous presence and behaviour of the Austro-Hungarian Empire in the Balkans, since a closer look at the Balkan policies of Austria-Hungary and the Russian Empire will reveal an overlapping and multi-layered cause-and-effect system, the components of which, in my opinion, cannot be separated. These interconnections have certainly been analysed in many different ways in modern historiography. However, in order to understand the correlations in their true depth, we need to understand the new perspectives and challenges emerging from the research on the regional powers in Southeastern Europe.³

2 The present study is a result of the project STARTING 150326 „*Geopolitical Tendencies and Balkan Strategy of the Austro-Hungarian Empire: Individual Sources and Foreign Policy Actors (1878–1918)*”. Project no. 150326 has been implemented with the support provided by the Ministry of Culture and Innovation of Hungary from the National Research, Development and Innovation Fund, financed under the STARTING_24 funding scheme.

3 An interesting approach is offered by a collection of studies entitled *Empires and Peninsulas*, which largely examines how the surrounding powers influenced the region of South-eastern Europe in the 18th and 19th centuries. PLAMEN MITEV, IVAN PARVEV, MARIA BARAMOVA, VANIA RACHEVA (eds.), *Empires and Peninsulas: Southeastern Europe between Karlowitz and the Peace of Adrianople, 1699–1829* (Berlin: LIT Verlag, 2010).

In recent decades, state-of-the-art trends have appeared in historiography, whose main task is to confront and eliminate the attitudes associated with diplomatic historiography in the traditional sense. These trends seek to establish a professional discourse on the multi-ethnic empires and their impact on specific regions. The starting point was the so-called 'imperial turn.' After the collapse of the Soviet Union, the study of the Russian Empire and its various interpretations gained momentum.⁴ One of the groundbreaking currents of this trend is the 'New Imperial History,' which at several points raises new questions about how empires really work, attempting to reframe the traditional perception of great powers as multinational and expansive states. The Austro-Hungarian Empire has normally become the focus of research as a major factor in Central and Southeastern Europe, while most attention has been given to the Russian Empire as an entity with influence on Eastern and Southeastern Europe. Typically, what has been predominantly addressed are the problems that led to the collapse of these empires, that is, the narrative of failed or disintegrating empires (as in the case of the Ottoman Empire).⁵ With regard to the Russian Empire, there has also been an emphasis on understanding reforms and their delay, through interpretations of the process of catching up with or separating from Europe, as well as examinations of features specific to the development of the Russian state.⁶

The New Imperial History approach differs in that, on the one hand, it studies the structural and operational features of the given state formations in a different way (by involving new sources, by exploring the significant actors, processes and mechanisms of influence that exceed the traditional, official/institutional framework). On the other hand, it emphasises the formal and informal ways in which the empires established relations with other peoples, going beyond the boundaries of political and diplomat-

4 This process of changing narratives and approaches is described in several studies. See: MARINA MOGILNER, "Post-Soviet Historiography in Search of a New Paradigm for the History of Empire and Nationalism," *Revue d'études comparatives Est-Ouest* 45, no. 2 (2014): 25–67; MICHAEL DAVID-FOX, PETER HOLQUIST, ALEXANDER R. MARTIN, "The Imperial Turn," *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History* 7, no. 4 (2006): 705–712. <https://doi.org/10.1353/kri.2006.0049>; ANTOINETTE BURTON (eds.), *After the Imperial Turn: Thinking with and through the Nation* (Durham and London: Duke University Press, 2003). <https://doi.org/10.1215/9780822384397>

5 For example: MICHAEL A. REYNOLDS, *Shattering Empires: The Clash and Collapse of the Ottoman and Russian Empires 1908–1918* (Cambridge: Cambridge University Press, 2011).

6 ALEXEI MILLER, "The Value and the Limits of a Comparative Approach to the History of Contiguous Empires and European Periphery", in KIMITAKA MATSUZATO (ed.), *Imperiology: From Empirical Knowledge to Discussing the Russian Empire* (Sapporo: Slavic Research Center, 2007): 19–20.

ic history and focusing on alternative ways of gaining cultural and economic influence. The New Imperial History is also closely linked to studies on colonialism. This perspective, which emerged from the 1990s onwards, initially focused on Western-style empires – Britain and France – and created a new narrative, mainly by exploring processes of the colonial past that were previously less well known, or by studying the colonial mentality and identity. Later, the scope of research broadened to include states that had not previously been presented within the branch of New Imperial History which had primarily focused on colonial empires in the traditional sense of the term. At this point, it is important to note that I do not wish to go into detail about the historiographical debate on the conceptual determination of the aforementioned notion, a subject that has given rise to many conflicting positions. However, we should refer to it, since an important contribution of the New Imperial History is the suggestion that the term “colonial empire” can be applied to both the Austro-Hungarian Empire and Russia, not necessarily as states dominating overseas territories, but as multi-ethnic states bearing the marks of colonial behaviour and mentality in neighbouring continental areas.⁷

Whether we accept this approach or not, the study of the imperial actions and attitudes of Austria-Hungary and Russia in certain priority areas has become an important part of the field of the New Imperial History.⁸ And the intersection of the two is clearly the Balkan Peninsula. This brings

7 The possible interpretations of the Austro-Hungarian Monarchy's colonial past are explored in works by Walter Sauer, Simon Loidl, Krisztián Csaplár-Degovics, Evelyn Kolm and André Gringrich and so on, while a similar analysis of the Russian Empire has not yet been carried out. Among the few examples are the following works: WILLARD SUNDERLAND, *Taming the Wild Field: Colonization and Empire on the Russian Steppe* (Ithaca: Cornell University Press, 2004).; ALEXANDER ETKIND, *Internal Colonization: Russia's Imperial Experience* (New York: Polity, 2011).; MICHAEL KHODARKOVSKY, “A Colonial Empire without Colonies: Russia's State Colonialism in Comparative Perspective”, *Comparativ: Zeitschrift für Globalgeschichte und Vergleichende Gesellschaftsforschung* 30, no. 3–4 (2020): 285–299. But it is important to highlight that the term “colonisation” has a multifaceted meaning in Russian history as it primarily covers population movements that can be interpreted in parallel with the expansion of Russia, as Vasilii Osipovich Kliuchevskii had already pointed out. ANDREW MYCOCK, MARINA LOSKOUTOVA, “Nation, State and Empire: The Historiography of ‘High Imperialism’ in the British and Russian Empires”, in *Nationalizing the Past: Historians as Nation Builders in Modern Europe*, ed. STEFAN BERGER, CHRIS LORENZ (New York: Palgrave MacMillan, 2010), 240. https://doi.org/10.1057/9780230292505_12

8 In the case of the Austro-Hungarian Monarchy, the priority areas overlap with the region under study, the Balkan Peninsula. In the case of Russia, however, it is worth making a distinction, as it is a large empire with a multifocal geopolitical orientation due to its involvement in the Balkans, the Caucasus, the Central Asian and Far Eastern regions.

us to a more nuanced perception of the traditional view of the Balkan region as the “buffer zone of empires,” which will reveal hitherto unknown aspects of Russian, and simultaneously, Austro-Hungarian relations in the Balkans. Informal interactions, the interconnections between private and formal spheres, cultural links, the lobbying activities of economic actors – all these represent areas through which we can capture the imperial attitudes affecting the Balkans. The existence of these coherences was pointed out by Krisztián Csaplár-Degovics in his monograph published in 2022 through examples of cultural transfer, information acquisition and at the same time informal knowledge acquisition.⁹

Thus, the New Imperial History proves to be a good starting point for redefining the relationship between Russia and the Balkans. And the need for a new approach to the historical study of empires is not only a general demand, but also clearly evident among historians of Russian history. There have been a number of unanswered questions about the Russian Empire (and the Soviet Union), for which traditional means and methods of analysis were insufficient. Historians committed to rethinking the study of the Russian empire have played a decisive role in highlighting the so-called “uncharted territories,” providing overviews and discussion papers on the tasks faced by modern historiography.¹⁰ The need for a new perspective on the study of continental empires has been expressed by Aleksei Miller in several of his publications.¹¹ In his opinion, it is necessary to move away from the view of “traditional empires” in the case of the Habsburg Empire, the Russian Empire and the Ottoman Empire,¹² while comparative analysis (previously very popular) of these eastern and southeastern European empires should also leave the old, traditional aspects behind. New methodological attempts have appeared which mainly focus on responses to modernity, mechanisms for conflict management, and patterns of governance

9 CSAPLÁR-DEGOVICS KRISZTIÁN, “Nekünk nincsenek gyarmataink és hódítási szándékaink”: Magyar részvétel a Monarchia gyarmatosítási törekéseiiben a Balkánon (1867–1914) (Budapest: BTK Történettudományi Intézet, 2022).

10 ILYA GERASIMOV, SERGEY GLEBOV, ALEXANDER KAPLUNOVSKI, MARINA MOGILNER, ALEXANDER SEMYONOV, “In Search of a New Imperial History”, *Ab Imperio*, no. 1 (2005): 33–56. <https://doi.org/10.1353/imp.2005.0007>; as well as the authors featured in the following: KIMITAKA MATSUZATO (ed.), *Imperiology: From Empirical Knowledge to Discussing the Russian Empire* (Sapporo: Slavic Research Center, 2007).

11 ALEXEI MILLER, “Between Local and Inter-Imperial: Russian Imperial History in Search of Scope and Paradigm,” *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History* 5, no. 1 (2004): 1–26, esp. 8–18.; ALEKSEI MILLER, “The Value and the Limits of a Comparative Approach”, 19–32.

12 MILLER, “The Value and the Limits of a Comparative Approach”, 20.

of the state and the diverse multinational populations within it, as well as the techniques used to exercise power.¹³

In addition to its thematic diversity, certain aspects of the New Imperial History can, because they involve the study of interactions with other nations, be associated with questions of international relations, foreign policy and geopolitics, as well as the understanding of inherent processes, internal structures and ethno-cultural phenomena.¹⁴ It is precisely at this point that Russia's interconnection and regional influence with its neighbours and even with more distant regions can be grasped. As Krisztián Csaplár-Degovics puts it: "Political and cultural interpretations are excellent to explore when the subject of investigation is the various forms of imperial expansion. Those with an imperial perspective have a presupposed idea of the geographical areas that constitute the sphere of interest of the empire, beyond its territorial extent."¹⁵ The key word in this context is therefore the imperial *sphere of interest*, and related to this, it is worth addressing and discussing another concept, that of "informal imperialism." One fundamental question is whether the Balkan Peninsula can be considered as an area where the nature and scope of the expansion of influence can be equated with the phenomenon of informal imperialism.¹⁶ For while

13 Similarly to Alexei Miller, Jun Akiba, who reflects on the preliminaries to a comparative analysis of the Russian Empire and the Ottoman Empire, has highlighted new perspectives on imperial analysis in his paper: JUN AKIBA, "Preliminaries to a Comparative History of the Russian and Ottoman Empires: Perspectives from Ottoman Studies", in *Imperiology: From Empirical Knowledge to Discussing the Russian Empire*, ed. KIMITAKA MATSUZATO, (Sapporo: Slavic Research Center, 2007): 33–47. Furthermore, the following works refer (among others things) to social-cultural aspects: VAL KIVELSON, RONALD GRIGOR SUNY, *Russia's Empires* (Oxford: Oxford University Press, 2016).; ROBERT P. GERACI, *Window on the East: National and Imperial Identities in Late Tsarist Russia* (Ithaca: Cornell University Press, 2001).; JANE BURBANK, MARK VON HAGEN, ANATOLYI REMNEV (eds.), *Russian Empire: Space, People, Power, 1700-1930* (Bloomington: Indiana University Press, 2007).

14 GERASIMOV, GLEBOV, KAPLUNOVSKI, MOGILNER, SEMYONOV, "In Search of a New Imperial History", 49–50. While the essay's reflections in this regard are primarily presented in relation to a criticism of the national narrative, they can also refer to the manifestation of an imperial attitude towards other nations.

15 CSAPLÁR-DEGOVICS, "Nekünk nincsenek gyarmataink és hódítási szándákaink", 29.

16 The term has both old and new meanings. In this case, we are referring to the new type of approach, whereby not only colonial territories can be informal spheres of influence, but also those with some form of sovereignty. See: WOLFGANG J. MOMMSEN, *Theories of Imperialism* (Chicago: University of Chicago Press), 89–90.; Trotha's definition of the term: "Informal imperialism" is understood as a form of control of foreign policy and economy of a polity which does not affect the formal political autonomy of the political order. (...) The imperial goal is economic control and penetration of the region, the opening of its market for foreign investments and products of the imperial power, unhindered

the conditions associated with the concept (such as economic privileges, concessions, and other advantageous international treaties) are fundamentally specific to the region, the local conditions do not fully cover all the characteristics of an informal empire. This is to be compared with the presence of the Austro-Hungarian Monarchy in Southeastern Europe. Can the Russian Empire and the Austro-Hungarian Empire function as informal empires in the Balkan region, how responsive are the two sides to each other and to what extent can we perceive their interaction in shaping their policies on the Balkans?¹⁷

This question would be valid in general terms, but in terms of economic and political advocacy it is most intensely focused on the period after 1878, the period of actual competition, when the Balkan space – due to the active involvement Austria-Hungary in the peninsula – was, for Russia, significantly transformed. There had been previous attempts to counter-balance the influence of the St. Petersburg government in the Balkans. One of these was the economic and diplomatic presence of Great Britain (for instance in Serbia, the Danubian Principalities, Greece and Constantinople). But this was no longer just the ambition of a distant Western European great power seeking a regional balance of power, but rather a political action of a regional great power, Austria-Hungary, immediately neighbouring the Balkans. Due to its geographical proximity, and after the loss of power in Central Europe in 1866, the Monarchy sought to compensate these losses in Southeastern Europe.¹⁸ Its economic orientation and its moves towards the Balkan national states and the Ottoman Empire manifested in a new form of market acquisition and involvement in infrastructure development, in support for trans-Balkan railway projects. Of the major rail routes envis-

or privileged trade (...). Techniques for maintaining this informal imperialism are diplomatic pressure, military threats and occasional military interventions (...)." TRUTZ VON TROTHA, "Colonialism" in *A Companion to Nineteenth-Century Europe 1789-1914*, ed. STEFAN BERGER (Oxford: Blackwell, 2006), 435. <https://doi.org/10.1002/9780470996263.ch32>

17 Ivan Parvev has also written about informal power in the case of Bulgaria. See: IVAN PARVEV, "Russland und die Orientalische Frage, 1688-1878", *Bulgarian Historical Review* 48, no. 3-4 (2020): 18-19. He also describes the development of informal empires and economic-political dependency, but Parvev projects this back to earlier historical periods, not specifically to the period of the Austro-Hungarian Empire and Russia's active involvement in the Eastern Question after 1878. PARVEV 2003, 27.

18 DEMETER GÁBOR, "Geopolitical Aspects of Alliance Politics in the Balkans 1878-1913", in *Diplomatic Struggle for Supremacy over the Balkan Peninsula, 1878-1914: Collected Studies*, ed. DEMETER GÁBOR (Sofia: Publications of the Bulgarian-Hungarian History Commission, 2017). 39-65.

aged for the Balkan Peninsula, the Austro-Hungarian Monarchy advocated two major alternatives. One was the Belgrade–Niš–Sofia–Adrianople–Constantinople route, which the government of Vienna prioritised, the other was the Belgrade–Niš–Skopje–Thessaloniki route. In parallel, the Russian Empire also tried to keep up with/compete with this process through the exercise of “soft power,” e.g., through formal and informal lobbying for the construction of the Lower Danube railway line.¹⁹ Consequently, the design and construction of the Balkan routes is a typical sub-area through which the actor-centred methodological approach of the New Imperial History and the theory of informal influence can be applied.²⁰

On a theoretical level, *Imperial Co-operation and Transfer, 1870-1930 – Empires and Encounters*, (edited by Volker Barth and Roland Cvetkovski and published in 2015) also established a new perspective. Breaking with the practice of adopting and maintaining the pattern of great power rivalry, it presented the international aspirations of leading European and non-European states from a hitherto entirely marginalised perspective, through the practice of global interpretation and analytical approaches. The behaviour of the great powers is not (or not entirely) determined by conflicts and rivalries along the vectors of their own interests, but rather by multilateral cooperation and interactions that take the form of conflicting attitudes around specific issues. Therefore, investigations must also address the areas which, in addition to competition, have led to cooperation between the great powers.²¹ This reverse approach can also bring new results in the research of Balkan history, as we have seen in examples of similar interaction during the regional confrontation between Austria-Hungary and the Russian Empire (for example, the St. Petersburg Agreement of 1897 and the cooperation of 1903 and 1908). Furthermore, at certain times, Austro-Hungarian–Russian conflicts of interest also inspired cooperation

19 CHARLES JELAVICH, *Tsarist Russia and Balkan Nationalism: Russian Influence in the Internal Affairs of Bulgaria and Serbia, 1879-1886* (London: Cambridge University Press, 1958). 69–70.

20 At this point, two other trends should also be addressed: the New Diplomatic History (NDH) and Entangled History. Both have complex methodologies that have been integrated into British, American and Western European historiography, as well as Central European historiography, and which allow for an in-depth analysis of the observed historical processes by studying the cultural context, the social-historical aspect and the functioning of state and non-state actors.

21 VOLKER BARTH, ROLAND CVETKOVSKI, “Methodological Approaches”, in *Imperial Co-operation and Transfer, 1870-1930: Empires and Encounters*, ed. VOLKER BARTH, ROLAND CVETKOVSKI (London: Bloomsbury Academic, Bloomsbury Publishing, 2015). 3.

between the great powers, such as the Monarchy's cooperation with Great Britain or the German Empire.

This renewed approach is also reflected in the use of terms such as "inter-imperial co-operations" and "contact zones". With regard to the term "contact zone," this conceptual formulation is more capable of covering overlapping areas, which are mostly inseparable from each other, areas where the partnership/collaboration based on shared interests is really tangible. All the more so, since contact zones do not necessarily cover geographic or geopolitical regions, but are associated with economic/political/cultural sectors etc. extending across them. In addition, imperial power and influence is not uniform across territories, for example in some Balkan states. For this reason, the interests of more than one state are often represented in the same place at the same time (see, for example, Serbia and Bulgaria in relation to Russia).²² In this respect, we can refer back to the aforementioned trends, since the phenomenon of the informal empire combined with the New Imperial History approaches can pave the way for the study of the operation of inter-imperial encounters as a cross-state political, economic and cultural practice.²³ Cross-empire actors, such as international corporations were involved in the development of infrastructure²⁴; there were also so-called "epistemic communities," which played a key role in international relations, having members with recognised expertise in a particular field who could use their knowledge to lobby their governments and make demands on certain issues.²⁵ They are thus able to influence certain processes and have an impact on the way the state deals with situations and the extent to which it builds up influence in a given area. In short, they shape the imperial attitude.

From the perspective of research on the Russian Empire, a regional approach, specifying the nature and territorial scope of the exertion of influence by great powers, can also be of key importance. From the historiographical point of view, there are different interpretations of this attitude with respect to Russia. The application of a regional approach in studies of the history of the Russian Empire has different characteristics, depending

22 BARTH, CVETKOVSKI, "Methodological Approaches", 15.

23 BARTH, CVETKOVSKI, "Methodological Approaches" 6.

24 BARTH, CVETKOVSKI, "Methodological Approaches" 6.

25 BARTH, CVETKOVSKI, "Methodological Approaches" 6.; ANNE L. CLUNAN, "Epistemic communities", in *Encyclopedia Britannica*. <https://www.britannica.com/topic/epistemic-community> (Accessed 26 October 2024).; PETER M. HAAS, "Introduction: Epistemic Communities and International Policy Coordination", *International Organization* 46, no. 1 (1992): 1–35. <https://doi.org/10.1017/S0020818300001442>

on the focus of the research.²⁶ The concepts of “region” and “regional approach” imply one thing when the aim is to study the internal structure of a particular state, its peoples and its traditional historical regions, as has been reflected by many excellent works of historians; the concepts suggest an entirely different thing, however, when the investigation goes beyond the limits of a state (or even an empire). In the first case, the issue of nationality will be at the forefront of attention, and even if regional research beyond the borders is addressed, it will mostly be built around this topic as well. Thus, an important element of the regional perspective, as Aleksei Miller points out, is on the one hand that in this interpretation it is not possible to ignore the national perspective, and on the other hand that “(...) the dense, multilayered interaction over nationality issues between neighboring continental empires was qualitatively different from the geopolitical competition between empires that were not contiguous with their rivals.”²⁷ Basically, regional studies are still at the stage of analysing internal processes and do not reflect geopolitical studies in the contemporary sense. Another kind of regional approach is when we look globally at the role of the state in the international arena, considering its active political-economic-cultural presence in remote areas far beyond its borders. The local conditions and potentials of a region strongly determine, and sometimes even clearly shape the relationship of a given great power with the states of the region and the extent of its involvement and/or intervention in local processes. Unfortunately, very little attention is currently being paid to this kind of research, although there is a great need for complex studies on the Balkans.

Another theoretical-methodological approach is analysis from a geopolitical point of view, for which we have had numerous examples in recent decades. Among the pioneers of the historically focused geopolitical approach we can mention Dominik Lieven, Alfred J. Rieber, John P. LeDonne or Ivan Parvev.²⁸ However, Parvev’s work studies Russia’s geopolitical per-

26 A detailed analysis of this problem is provided in a study by A. I. Miller and Gust Olson. See: ALEXEI MILLER, GUST OLSON, “Between Local and Inter-Imperial: Russian Imperial History in Search of Scope and Paradigm”, *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History* 5, no. 1 (2004): 7–26. <https://doi.org/10.1353/kri.2004.0016>. For a modern example for this approach: DARIUS STALIŪNAS, YOKO AOSHIMA, *The Tsar, the Empire, and the Nation: Dilemmas of Nationalization in Russia’s Western Borderlands, 1905–1915* (Budapest–New York: CEU Press, 2021). <https://doi.org/10.1515/9789633863640>

27 ALEXEI MILLER, “Between Local and Inter-Imperial”, 18.

28 DOMINIC LIEVEN, *Empire: The Russian Empire and its Rivals* (London: Murray, 2000).; DOMINIC LIEVEN, “Empire on Europe’s Periphery: Russian and Western Comparisons,” in *Imperial Rule*, ed. ALEXEI MILLER, ALFRED J. RIEBER (Budapest–New York: CEU Press, 2004), 133–150.

spective entirely in the context of the Balkans, and not as a peripheral part of the great European and Asian expansionist trends. In Parvev's conception, the Balkans have been defined by four political vectors over the centuries. Each of these vectors has a different significance in different eras.²⁹ From our point of view, however, the most important vectors to point out are the third and the fourth factors affecting the geopolitical perspectives of Central Europe, namely that shaped by the Austro-Hungarian Monarchy and the geopolitical perspectives of Eurasia as represented by Russia. Moving away from Parvev's concept, we will discuss these two alternatives in more detail below. First, we will focus on the Eurasian geopolitical space. This geographical entity of particular importance for the Russian Empire essentially incorporates three major regions: the Balkans, the Black Sea and the Caucasus (together with some Central Asian territories).

The traditional historical literature examines Russia's relations with these areas separately (be it from a diplomatic, political or economic point of view), and typically not in their context. In contrast, the view has increasingly been adopted that the Balkan Peninsula, the Black Sea region and the Caucasus (together with parts of Central Asia) constitute the so-called Eurasian frontier, and that as such, for Russia, it has existed as a single geopolitical space throughout different historical periods. It is important to emphasise that each of these areas was in itself an active part of Russian foreign policy in the second half of the 19th century. Moreover, each of these areas was treated according to an individually customized methodology of Russia's foreign policy, and yet they are unique in the sense that they nonetheless formed a kind of unity. And the Russian Empire, which maintained particularly close political and economic ties with the Balkan Peninsula,

<https://doi.org/10.1515/9786155211140-008>; Rieber, "The Comparative Ecology of Complex Frontiers," in *Imperial Rule*, ed. MILLER AND RIEBER, 179–210.; JOHN P. LEDONNE, *The Russian Empire and the World, 1700–1917: The Geopolitics of Expansion and Containment* (New York: Oxford University Press, 1997); JOHN P. LEDONNE, *The Grand Strategy of the Russian Empire 1650–1831* (New York: Oxford University Press, 2004). <https://doi.org/10.1093/oso/9780195161007.001.0001>

29 The Southeastern (or Anatolian), the Southwestern (or Aegean-Adrian), the Northwestern (or Central European, where the Habsburg Empire/and then the Austro-Hungarian Empire were the dominant factors), the Northeastern (or Central Eurasian, where the dominant power was the Russian Empire). The third and fourth vectors were important because they mostly affected the Balkan Peninsula by pushing the Ottoman Empire out of the Balkans and the Black Sea. IVAN PARVEV, "Geopolitics of the Eastern Question (1688–1918)", in *Re-imagining the Balkans: How to Think and Teach a Region. Festschrift in Honor of Maria N. Todorova*, ed. AUGUSTA DIMOU, THEODORA DRAGOSTINOVA, VENETA IVANOVA (Oldenbourg: De Gruyter, 2023), 30.

perceived the Balkans not simply as part of the Ottoman Empire's European territories, but as a western sphere of influence in the Eurasian geopolitical space. This has been reflected by academics such as Michael Khodarkovsky, Andreas Kapeller and Nancy Shields Kollmann.³⁰ So, in my opinion, one of the main characteristics of the Russian approach is that it never looks at its own relations with European states, which in this case includes the Balkan states, from a purely European perspective, but instead applies a much broader cross-continental perspective. In this context, the Balkan Peninsula is interpreted as a geopolitically significant frontier region, which is particularly true for the Eastern Balkans.

Nevertheless, Parvev believes that there is still a need for basic gap-filling studies that, for instance, could define the "scope of geopolitical realities" in close connection with geopolitical analysis by defining the role of the region as a buffer zone and by influencing the regional interventions of the surrounding powers.³¹ Parvev bases his analysis on what he considers to be a general assumption that the Balkan Peninsula is part of the Mediterranean space, a larger geopolitical region where empires have typically been born in different historical periods. Parvev also raises another interesting aspect worthy of further investigation, which may be of interest in the future study of the ways in which the surrounding empires influenced the Balkans. Namely, he points out that the Balkan region has never developed an independent, complex state or empire based on the resources of the region. It has instead functioned more as a region affected and wedged between empires, and in this sense it can be seen as a geo-strategically limited territory or one with limited possibilities.³² I believe that it is only a matter of historical perspective, and even a reflection of the difference in perception between the Austro-Hungarian Empire and Russia, whether the Balkan Peninsula is considered to be the eastern part of the Mediterranean region or the western part of the Eurasian region, and that it should be examined accordingly. Perhaps both approaches would yield their own results.

And last but not least, we should mention a trend in historiography which, though based on the aforementioned foreign policy/geopolitical/

30 MICHAEL KHODARKOVSKY, *Russia's Steppe Frontier: The Making of a Colonial Empire, 1500-1800* (Bloomington: Indiana University Press, 2004); NANCY SHIELDS KOLLMANN, *The Russian Empire, 1450-1801* (Oxford: Oxford University Press, 2017). <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199280513.001.0001>; ANDREAS KAPPELLER, *The Russian Empire: A Multiethnic History* (Harlow: Longman, 2001).

31 PARVEV, "Geopolitics of the Eastern Question (1688-1918)", 26.

32 PARVEV, "Geopolitics of the Eastern Question (1688-1918)", 26.

diplomatic analyses, takes a completely different route. This trend attempts to make sense of Russia's building of influence in Southeastern Europe (and, to some extent, in Anatolia) by means of supporting cultural and religious communities, reviving old-new ideologies, but in a completely different way, be they pan-Slavism or neo-Byzantine ideas.³³ Taking this further, it is worth exploring a new trend that has emerged in recent years characterised by the work of Laura Gerd and Denis Vovchenko in particular. In her work on the religio-cultural background of Russia's orientation in the Balkans, Laura Gerd has studied neo-Byzantine ideology as a defining aspect of the Russian Empire's geopolitical thinking. The measures taken by the Russian Empire in the period after 1856 were, however, different from those in the preceding period, which was characterised by the protectorate policy employed after the Treaty of Küçük Kaynarca. Neo-Byzantine theorists in the late 19th century claimed that Russia was the only great power with an Orthodox monarch, and that, therefore, it should rule over the whole Orthodox world, including Eastern Europe, the Balkans and the Middle East. This notion was often coupled with the aforementioned imperial (and even colonial) ambitions. The historiography of the Balkan question so far tends to ignore this religious perspective, which is why Laura Gerd's book on the relationship between foreign policy and religious means and the intertwining of the two³⁴ is an important contribution to the development of neo-Byzantine ideology in the Russian political consciousness after 1878 and its impact on Russian policy in the Balkans. Denis Vovchenko's book, which focuses on the Bulgarian national movement in the context of Ottoman modernisation (Tanzimat) and European imperialism, is an equally groundbreaking work. It also reflects on the context of the establishment of the Bulgarian Exarchate and the aspirations of the Russian diplomacy in this direction.³⁵

In my opinion, study of the relationship between Russia and the Balkan region – regardless of the seemingly trivial nature of the topic – still has a lot of new research potential, for which the historical perspectives mentioned above will provide an excellent basis. Horizons can be further

33 MILLER, "The Value and the Limits of a Comparative Approach", 26–27.

34 Its manifestations can primarily be observed in the cultural and religious spheres, such as the continuous efforts of Russian institutions like the Russian monasteries on Mount Athos and elsewhere, and the functioning of the Russian Archaeological Institute based in Constantinople. LORA GERD, *Russian Policy in the Orthodox East: The Patriarchate of Constantinople (1878–1914)* (Warsaw-Berlin: De Gruyter, 2014). <https://doi.org/10.2478/9788376560328>

35 DENIS VOVCHENKO, *Containing Balkan Nationalism: Imperial Russia and Ottoman Christians, 1856–1914* (Oxford: Oxford University Press, 2016). <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780190276676.001.0001>

broadened by the fact that similar research in the case of the Austro-Hungarian Monarchy has been carried out in greater depth. This can serve as a reference point for future analyses and also provide an opportunity for a modern comparative study of the presence and sphere of influence of the two states in the Balkans, based on new findings. Such analyses will also contribute to understanding of the significance of the Balkans for the two empires and how the different – but in many ways intersecting – perception of the Balkans has shaped the two states' relations, experience and stereotypes of each other.

References

- JUN AKIBA, "Preliminaries to a Comparative History of the Russian and Ottoman Empires: Perspectives from Ottoman Studies", in *Imperiology: From Empirical Knowledge to Discussing the Russian Empire*, ed. KIMITAKA MATSUZATO (Sapporo: Slavic Research Center, 2007), 33–47.
- VOLKER BARTH, ROLAND CVETKOVSKI, "Methodological Approaches", in *Imperial Co-operation and Transfer, 1870–1930: Encounters of Empires*, ed. VOLKER BARTH, ROLAND CVETKOVSKI (London: Bloomsbury Academic, Bloomsbury Publishing, 2015), 3–34.
- JANE BURBANK, MARK VON HAGEN, ANATOLYI REMNEV (eds.), *Russian Empire: Space, People, Power, 1700–1930* (Bloomington: Indiana University Press, 2007).
- ANTOINETTE BURTON (ed.), *After the Imperial Turn: Thinking with and through the Nation* (Durham and London: Duke University Press, 2003). <https://doi.org/10.1215/9780822384397>
- ANNE L. CLUNAN, "Epistemic Communities", in *Encyclopedia Britannica*. <https://www.britannica.com/topic/epistemic-community>
- MICHAEL DAVID-FOX, PETER HOLQUIST, ALEXANDER R. MARTIN, "The Imperial Turn", *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History* 7, no. 4 (2006): 705–712. <https://doi.org/10.1353/kri.2006.0049>
- CSAPLÁR-DEGOVICS KRISZTIÁN, "Nekünk nincsenek gyarmataink és hódítási szándékaink": Magyar részvétel a Monarchia gyarmatosítási törekéseiében a Balkánon (1867–1914) ["We have no Colonies and no Intentions of Conquest": Hungarian Participation in the Austro-Hungarian Monarchy's Colonial Efforts in the Balkans (1867–1914)] (Budapest: BTK Történettudományi Intézet, 2022).
- DEMETER GÁBOR, "Geopolitical Aspects of Alliance Politics in the Balkans 1878–1913", in *Diplomatic Struggle for Supremacy over the Balkan Peninsula, 1878–1914: Collected Studies*, ed. DEMETER GÁBOR (Sofia: Publications of the Bulgarian–Hungarian History Commission, 2017). 39–65.
- ALEXANDER ETKIND, *Internal Colonization: Russia's Imperial Experience* (New York: Polity, 2011).
- ROBERT P. GERACI, *Window on the East: National and Imperial Identities in Late Tsarist Russia* (Ithaca: Cornell University Press, 2001)
- ILYA V. GERASIMOV, SERGEY GLEBOV, ALEXANDER KAPLUNOVSKI, MARINA B. MOGILNER, ALEXANDER SEMYONOV, "In Search of a New Imperial History", *Ab Imperio*, no. 1 (2005): 33–56. <https://doi.org/10.1353/imp.2005.0007>
- LORA GERD, *Russian Policy in the Orthodox East: The Patriarchate of Constantinople (1878–1914)* (Warsaw–Berlin: De Gruyter, 2014). <https://doi.org/10.2478/9788376560328>

- PETER M. HAAS, "Introduction: Epistemic Communities and International Policy Coordination", *International Organization* 46, no. 1 (1992): 1–35. <https://doi.org/10.1017/S0020818300001442>
- CHARLES JELAVICH, *Tsarist Russia and Balkan Nationalism: Russian Influence in the Internal Affairs of Bulgaria and Serbia, 1879–1886* (London: Cambridge University Press, 1958).
- ANDREAS KAPPELER, *The Russian Empire: A Multiethnic History* (Harlow: Longman, 2001).
- VAL KIVELSON, RONALD GRIGOR SUNY, *Russia's Empires* (Oxford: Oxford University Press, 2016).
- MICHAEL KHODARKOVSKY, "A Colonial Empire without Colonies: Russia's State Colonialism in Comparative Perspective", *Comparativ. Zeitschrift für Globalgeschichte und Vergleichende Gesellschaftsforschung* 30, no. 3–4 (2020): 285–299.
- MICHAEL KHODARKOVSKY, *Russia's Steppe Frontier: The Making of a Colonial Empire, 1500–1800* (Bloomington: Indiana University Press, 2004).
- NANCY SHIELDS KOLLMANN, *The Russian Empire, 1450–1801* (Oxford: Oxford University Press, 2017). <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199280513.001.0001>
- JOHN P. LEDONNE, *The Grand Strategy of the Russian Empire 1650–1831* (New York: Oxford University Press, 2004). <https://doi.org/10.1093/oso/9780195161007.001.0001>
- JOHN LEDONNE, *The Russian Empire and the World, 1700–1917: The Geopolitics of Expansion and Containment* (New York: Oxford University Press, 1997).
- DOMINIC LIEVEN, *Empire: The Russian Empire and its Rivals* (London: Murray, 2000).
- DOMINIC LIEVEN, "Empire on Europe's Periphery: Russian and Western Comparisons," in *Imperial Rule*, ed. ALEXEI MILLER, ALFRED J. RIEBER (Budapest–New York: CEU Press, 2004), 133–150. <https://doi.org/10.1515/9786155211140-008>
- ANDREW MYCOCK, MARINA LOSKOUTOVA, "Nation, State and Empire: The Historiography of 'High Imperialism' in the British and Russian Empires", in *Nationalizing the Past: Historians as Nation Builders in Modern Europe*, ed. STEFAN BERGER, CHRIS LORENZ (New York: Palgrave MacMillan, 2010). https://doi.org/10.1057/9780230292505_12
- ALEXEI MILLER, "The Value and the Limits of a Comparative Approach to the History of Contiguous Empires and European Periphery", in *Imperiology: From Empirical Knowledge to Discussing the Russian Empire* ed. KIMITAKA MATSUZATO (Sapporo: Slavic Research Center, 2007): 19–32.
- ALEXEI MILLER, GUST OLSON, "Between Local and Inter-Imperial: Russian Imperial History in Search of Scope and Paradigm", *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History* 5, no. 1 (2004): 7–26. <https://doi.org/10.1353/kri.2004.0016>
- PLAMEN MITEV, IVAN PARVEV, MARIA BARAMOVA, VANIA RACHEVA (eds.), *Empires and Peninsulas: Southeastern Europe between Karlowitz and the Peace of Adrianople, 1699–1829* (Berlin: LIT Verlag, 2010).
- MARINA MOGILNER, "Post-Soviet Historiography in Search of a New Paradigm for the History of Empire and Nationalism", *Revue d'études comparatives Est-Ouest* 45, no. 2 (2014): 25–67.
- WOLFGANG J. MOMMSEN, *Theories of Imperialism* (Chicago: University of Chicago Press, 1982).
- IVAN PARVEV, "Geopolitics of the Eastern Question (1688–1918)", in *Re-imagining the Balkan: How to Think and Teach a Region. Festschrift in Honor of Maria N. Todorova*, ed. AUGUSTA DIMOU, THEODORA DRAGOSTINOVA, VENETA IVANOVA (Oldenbourg: De Gruyter, 2023), 25–33.
- IVAN PARVEV, "Russland und die Orientalische Frage, 1688–1878", *Bulgarian Historical Review* 48, no. 3–4 (2020): 3–21.
- MICHAEL A. REYNOLDS, *Shattering Empires: The Clash and Collapse of the Ottoman and Russian Empires 1908–1918* (Cambridge: Cambridge University Press, 2011).
- ALFRED J. RIEBER, "The Comparative Ecology of Complex Frontiers," in *Imperial Rule*, ed. ALEXEI MILLER, ALFRED J. RIEBER (Budapest–New York: CEU Press, 2004), 179–210.

DARIUS STALIŪNAS, YOKO AOSHIMA, *The Tsar, the Empire, and the Nation: Dilemmas of Nationalization In Russia's Western Borderlands, 1905–1915* (Budapest–New York: CEU Press, 2021) <https://doi.org/10.1515/9789633863640>

WILLARD SUNDERLAND, *Taming the Wild Field: Colonization and Empire on the Russian Steppe* (Ithaca: Cornell University Press, 2004).

TRUTZ VON TROTHA, "Colonialism," in *A Companion to Nineteenth-Century Europe 1789–1914*, ed. STEFAN BERGER (Oxford: Blackwell, 2006), 432–447. <https://doi.org/10.1002/9780470996263.ch32>

DENIS VOVCENKO, *Containing Balkan Nationalism: Imperial Russia and Ottoman Christians, 1856–1914* (Oxford: Oxford University Press, 2016). <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780190276676.001.0001>

Е. В. АЛЕКСЕЕВА, Т. Ю. БЫСТРОВА

**ИСТОРИЯ ИНДУСТРИАЛЬНОГО ГОРОДА
В КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ И СОВРЕМЕННОМ КУЛЬТУРНОМ
ПРОСТРАНСТВЕ ЕКАТЕРИНБУРГА¹**

**HISTORY OF THE INDUSTRIAL CITY IN THE CULTURAL MEMORY
AND MODERN CULTURAL SPACE OF YEKATERINBURG**

The article is devoted to the problem of cultural memory about the industrial era, which is close to a significant part of society, but is rapidly disappearing. Taking into account its global nature, the authors connect the issues of memory of the industrial past, relevant for residents of a large Russian industrial agglomeration centered in Ekaterinburg, with the consideration of the problem in the world research discourse and existing commemorative practices. Keeping in mind the developments of numerous researchers of the problems of cultural memory and the analysis of theoretical and practical results achieved in the commemoration of the industrial past by foreign and Russian specialists, and based on the postulate of the historically conditioned integration of the Urals into the world industrial system, the authors determine the physical matrix of the industrial heritage of one of the most significant industrial centers of Russia - Ekaterinburg (founded in 1723) and nearby cities, identify insufficiently studied problems. The study of various aspects and forms of memory (classical and modern) about the industrial past in Ekaterinburg and the cities of the agglomeration leads to the conclusion about the need for a synthesis of the "high" and the routine, the official and the everyday as a way of representing the industrial culture of a particular city.

Keywords: cultural memory, commemoration, "memorative turn", industrial heritage, forms and methods of preservation and presentation of historical industrial sites

Elena V. Alekseeva – Leading Researcher at the Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Russia, Ekaterinburg), Doctor of Historical Sciences, Professor of the Russian Academy of Sciences. E-mail: alekseeva167@mail.ru. ORCID 0000-0001-9958-9123

Tatiana Iur'evna Bystrova – Professor of the Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Eltsin (Russia, Ekaterinburg), Doctor of Philosophy. E-mail: taby27@yandex.ru. ORCID 0000-0001-6713-6867

1 *Citation: E. V. ALEKSEEVA, T. Iu. BYSTROVA, „Istoriia industrial'nogo goroda v kul'turnoi pamiaty i sovremennom kul'turnom prostranstve Ekaterinburga” [History of the industrial city in the cultural memory and modern cultural space of Yekaterinburg], RussianStudiesHu 7, no. 2 (2025): 89–114. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2025.7.15*

Актуальность темы исследования

Сохранение, воспроизведение, передача фактов и смыслов, сберегающихся в исторической, культурной памяти любого народа – важнейшая связующая нить поколений, основа самоопределения и поддержания идентичности, инструмент упрочения государственного суверенитета².

В 2020–2022 гг. группа ученых Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина проводила социологический опрос молодых горожан «вторых» и малых городов разных стран об их отношении к местному историко-культурному наследию³. Его результаты значительно отличаются от появившихся в 2022 году и более пессимистичных данных другой исследовательской группы⁴. Но исследователи сходятся в том, что индустриальные объекты не вызывают интереса у молодого поколения без внешних импульсов со стороны специалистов или туристов, – без культурной памяти не актуализируется индивидуальная память.

Это связано не только с неумением «читать» исторический индустриальный ландшафт и промышленную архитектуру как самостоятельную типологию, но с удручающим состоянием многих площадок, их полной пространственной и семантической закрытостью и выпадением из культурного ландшафта в течение многих лет, привычкой горожан и специалистов к «точечному» видению объектов наследия вне их связи друг с другом. Индустриальное наследие, с одной стороны, уже не отвергается общественным сознанием, которое признаёт его результатом величайших трудов предыдущих поколений, а с другой стороны, – не имеет чёткого культурного и мемориального статуса, в том числе по причине отсутствия у большинства сегодняшних горожан индивидуального опыта соприкосновения с жизнью промышленных

2 О. С. Поршневар, «Феномен исторической памяти о войне», *Уральский вестник международных исследований*. Вып. 4. (2005): 112.

3 См.: Социальное участие молодежи в социокультурном развитии городов России и постсоветских стран: компаративный анализ потенциала и моделей управления. <https://gsem.urfu.ru/ru/science/portfolio-nauchnykh-proektov/2021/socialnoe-uchastie-molodezhi-v-sociokulturnom-razvitii-gorodov-rossii-i-postsovetskikh-stran/>

4 М. Н. Вандышев, Н. В. Веселкова, Е. В. Прямикова, *Индустриальная память: масштабы и множественность* (Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2022. 264 с.).

предприятий, без которого, по мнению М. Хальбвакса, не столь действительны коллективные воспоминания⁵.

Размытость статуса индустриального наследия приводит к невозможности его полной интеграции в классические исследовательские и коммеморативные практики работы с ним. Промышленная деятельность, будучи насыщенной ежедневными технологическими циклами, легче укладывается в хронотоп повседневности. Поэтому индустриальное наследие часто остается маргинальным для официальной истории. Даже в условиях главенства индустриальной культуры общество редко знает об инженерах, технологиях, машинах или промышленных зданиях. Между тем, сама эта культура включает в себя особый менталитет, систему нравственных и мировоззренческих ценностей (например, этика труда), образ повседневной жизни, напрямую сопряженный с производственными ритмами и циклами (например, подъём по заводскому гудку). Соответственно, привычных форм фиксации мест памяти недостаточно для её охвата, а новые вырабатываются сложно, чаще подменяясь трансляцией сегодняшних смыслов и ценностей, чем попыткой диалогического взаимодействия с индустриальной культурой и ее носителями.

Исчезновение памяти индустриального места объяснимо, но даже при удачной ревитализации материальных объектов восполнимо сложнее, чем в других случаях⁶. Пространства индустриального наследия ещё можно превратить в «места памяти, где память кристаллизуется и находит своё убежище»⁷. Одним из условий является дополнение классического (типологизирующего и обобщающего) подхода к индустриальным объектам, площадкам, артефактам, персоналиям более индивидуализированным взглядом на наследие, дающим не только информацию, но и эмоциональное проживание истории⁸. В

5 М. ХАЛЬБВАКС, «Коллективная и историческая память», *Неприкосновенный запас*. № 2 (2005). URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/kollektivnaya-i-istoricheskaya-pamyat.html> (Accessed 10.11.2024).

6 YEWEN FAN, XUEFANG XIE, «A study on the memory value of industrial heritage based on space narrative – a case of urban renewal in Shanghai», *SHS Web of Conferences* 174. 2023. August. DOI: 10.1051/shsconf/202317403031

7 М. ХАЛЬБВАКС, «Коллективная и историческая память», *Неприкосновенный запас*. № 2 (2005). URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/kollektivnaya-i-istoricheskaya-pamyat.html> (Accessed 10.11.2024)

8 П. ВИРНО, *Грамматика множества. К исследованию форм современной жизни*. (М.: Ad Marginem Press, 2015. 144 с.); Ж. ЛЕ ГОФФ, *История и память*. (Москва: РОССПЭН, 2013. 303 с.); А. ЛЮДТКЕ, *История повседневности в Германии. Новые подходы к изучению труда, войны и власти*. (М.: Рос. Полит. Энциклопедия (РОССПЭН), Германский

случае, когда наряду с «законами истории» мы видим «простые рассказы» (Ж. Ле Гофф), от истории – переходим к «микроистории» с её «рассмотрением подробностей» (К. Гинзбург, Х. Медик), восприятие отчужденных объектов наследия превращается в «наследование» – живой динамический процесс производства и передачи богатств нематериальной культуры. В целом, один из наших отправных тезисов говорит именно о синтезе «высокого» и рутинного, официального и повседневного как пути репрезентации индустриальной культуры конкретного города.

Проблематика культурной/исторической памяти в специальных исследованиях

В 2000-х гг. тема соотношения истории, памяти о прошлом, идентичности вызывает широкий интерес гуманитариев, а рубеж XX–XXI вв. связывается в современной историографии с появлением «мемориальной парадигмы»⁹.

Вместе с изменениями в технологиях меняются характер и способ создания образов памяти, культурный обмен становится более широким, личностным и осознанным¹⁰. При этом публично ориентированный образ прошлого постоянно конструируется заново, отвечая текущим запросам общества и власти¹¹. Отсюда в задачу исследователей в эпоху постмодерна входит «идентификация и классификация образных схем, через которые постигается национальное прошлое в соответствии с ассортиментом мнемонических мест»¹².

исторический институт в Москве, 2010. 371 с.); А. Шюц, «Структура повседневного мышления», *Социологические исследования*. № 2 (1988): 129–137.

- 9 А. В. Святославский, *История России в зеркале памяти. Механизмы формирования исторических образов*. (Москва: Древлехранилище, 2013, 592 с.), 95; О. Б. Леонтьева, «Мемориальный поворот» в современной российской исторической науке», *Диалог со временем*, вып. 50 (2015): 59–96; О. Б. Леонтьева, Л. П. Репина, ««Мемориальный поворот» и «история памяти» в России», в *Историки в поисках новых перспектив*, под общей редакцией З. А. Чеканцевой (Москва: Аквилон, 2019), 274–317; Е. В. Алексеева, *Русская Америка: акторы, места и формы культурной памяти, Фронтальные исследования*, № 2 (2020): 92–121; *RussianStudiesHub*, № 2 (2022), др.
- 10 П. Х. Хаттон, *История как искусство памяти* (Санкт-Петербург: «Владимир Даль» 2004. 423 с.), 132. https://platona.net/load/knigi_po_filosofii/postmodernizm/khatton_p_kh_istorija_kak_iskusstvo_pamjati_2004/54-1-0-1651
- 11 Л. П. Репина, *Темпоральные характеристики исторического сознания (о динамическом компоненте «истории памяти»)*, *Диалог со временем*, Вып. 49 (2014): 28–43.
- 12 Хаттон, *История как искусство памяти*. 35–48.

В российской историографии проблема исторической памяти, механизмы формирования исторического сознания, влияния исторической памяти на формирование идентичности исследуются Е. А. Ростовцевым, Д. А. Сосницким, Ю. А. Сафроновой, А. В. Святославским, В. А. Тишковым, Л. П. Репиной, М. Ф. Румянцевой, О. Ю. Леонтьевой. Коммеморативные практики изучаются в работах С. А. Еремеевой, И. Я. Мурзиной, И. С. Огоновской, О. О. Дмитриевой, Е. И. Красильниковой, Е. С. Сенявской, Л. И. Стребковой. Сохранение исторической памяти в современных музейных коллекциях рассматривается О. А. Божченко, Е. И. Самарцевой, О. Н. Шелегиной, В. А. Рубиным. При этом в музейной практике реализуется переход от охраны отдельных памятников к целостному сохранению историко-культурного и природного наследия в виде «мест памяти», «мемориальных ландшафтов». Содержание концептов «историческая память», «культурная память», «коллективная память», «социальная память», «образы прошлого», «процесс мемориализации», «коммеморативные практики», «мемориальная культура» и др. в научном и медийном дискурсах остаются дискуссионными.

П. Нора определяет коммеморацию как комплекс способов сохранения, фиксации и передачи потомкам памяти о прошлом путем утверждения в материальных объектах – местах памяти – представлений об исторических событиях и их значении¹³. В этом подходе отчетливо видна ориентация на проживание конкретной истории. Напротив, согласно О. О. Дмитриевой, коммеморация – это целенаправленная актуализация исторической памяти путем организации и проведения мероприятий, посвященных памяти важного исторического события, исторической личности¹⁴. Во всех случаях она станет действительно совместным действием (на которое явственно указывает приставка *com-*) только, если социальное связано с личным жизненным опытом. Тогда трактовки разных авторов перестают противоречить друг другу, обрисовывая разные грани сложного процесса. К сказанному необходимо добавить условия декодирования, расшифровки, прикосновения к истории каждым следующим человеком или поколением.

В конце XX – начале XXI в. наряду с «мемориальным поворотом» происходит «пространственный поворот» в междисциплинарном ис-

13 П. НОРА и др., *Франция – память* (Санкт-Петербург: Изд-во СПб ун-та, 1999), 71.

14 О. О. ДМИТРИЕВА, «Региональный уровень празднования 300-летнего юбилея царствующего дома Романовых на примере г. Чебоксары», *Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки»*. Вып. 7. №3 (2021): 217–223.

следовательском поле глобальной или новой мировой истории (*global history, new world history*), рассматривающий историю как транснациональную, перекрёстную, связанную (*transnational, histoire croisée, connected history; entangled, shared, integrated*)¹⁵. Для региональной истории и наследия этот подход весьма перспективен, прежде всего, в силу интегрированности Урала в мировую промышленную систему (напомним, что на уральском металле в конце XVIII в. разворачивалась промышленная революция в Европе¹⁶). Это инклюзивная модель: в ее рамках исследователь не может выделить в диалоге единственную правую сторону, создать единственно верную картину прошлого. Если классическая историография ставила перед собой задачу «достичь “объективного” образа прошлых событий», то диалоговая парадигма «перекрёстной истории» соединяет проблемы интерпретации культурных взаимодействий в истории и в сознании историка»¹⁷.

Коммеморация индустриального прошлого: мировой опыт и уральские подходы к изучению

Мировой опыт актуализации и ревалоризации индустриального наследия, сохранения памяти об индустриальном прошлом на основе его системного осмысления и последующих комплексных действий накапливается с 1970-х гг.¹⁸ Наиболее последовательны на этом пути создатель первого в мире индустриального парка в Сиэттле Р. Хагг (1923–2018), лидер беспрецедентного по масштабам и инновационности проекта в Эмшер-парке, в Германии К. Ганзер (1937–2022). Они были истинными новаторами-первопроходцами, понявшими социокультурное значение промышленных территорий, объектов, технологий, равно как и памяти о них. Так, К. Ганзер отстаивал сохранение в 1960-х гг. рабочего поселка Зоммеберг, построенного в 1914–1924 гг. рядом с шахтой Цольферейн, говоря о том, что без атмосферы труда шахта

15 Л. П. РЕПИНА, «Память о событиях в контекстах национальной, перекрестной и глобальной истории (к постановке вопроса)», *Запад – Восток*. 2017. № 10: 13–19.

16 В. В. АЛЕКСЕЕВ, Д. В. ГАВРИЛОВ, *Металлургия Урала с древнейших времен до наших дней* (Москва: Наука. 2008. 886 с.).

17 М. ВЕРНЕР, Б. ЦИММЕРМАН, «После компаратива: *histoire croisée* и вызов рефлексивности», *Ab Imperio*. № 2 (2007): 62.

18 Более подробно историографический обзор см. в: Е. В. АЛЕКСЕЕВА, Т. Ю. БЫСТРОВА, В. В. ЛИТОВСКИЙ, С. А. ПАТРУШЕВ, *Атлас индустриального наследия Большого Екатеринбургa* (Екатеринбург: Tatlin. 2024. 400 с.): 8–17.

теряет весь свой смысл¹⁹. Ныне эти установки оформлены как концепция индустриальной культуры, включающей в себя не только объекты, но и образ жизни, ценности, традиции²⁰.

Архитектура отдельных зданий и комплексов в городах Урала в контексте индустриального развития и наследия изучается с 1970-х гг. Н. С. Алферовым, М. В. Голобородским, В. Г. Десятовым, Г. С. Заикиным, В. Е. Звагельской, М. А. Крапивиним, Ю. Ю. Курашовым, Р. М. Лотаревой. В натурное обследование, обмеры и документальную фиксацию памятников промышленности, разработку и реализацию проектов сохранения индустриального наследия Екатеринбурга и других городов внесли вклад А. А. Барабанов, В. Г. Десятов, А. В. Долгов, А. Ю. Каптиков, Л. Г. Михайлова, А. А. Стариков, Л. П. Холодова и др. Вопросы наделения бывших промышленных объектов новой функцией изучают О. А. Шипицына и Н. С. Солонина. Принципы и методики реабилитации промышленных городских территорий, архитектурно-градостроительное наследие индустриальных городов Урала в контексте устойчивого развития исследуют Т. Ю. Быстрова, Н. Н. Титова, Т. Н. Титова. Основными центрами этой деятельности выступают Уральский государственный архитектурно-художественный университет имени Н. С. Алфёрова (УрГАХУ) и Филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России» институт УралНИ-Ипроект.

С начала 1990-х годов благодаря организационной деятельности и публикациям академика РАН В. В. Алексеева²¹, исследованиям учёных уральской академической школы историков, сосредоточенных в Институте истории и археологии УрО РАН²² индустриальное наследие Урала стало осмысляться как важная часть мирового индустриального наследия. Заложенные тогда основы получили развитие в трудах Е. А. Курлаева, В. В. Запария, Е. В. Алексеевой, К. Д. Бугрова, Е. С. Лахтионовой и др.

19 R. GÜNTER, «Andere Kriterien für Ruhr Ein Essay» in *Zwischen Basel, Bochum und Toronto. Einblick in die Geographie postindustrieller Stadtentwicklungen*. Ed. L. Basten. (Berlin: LIT Verlag, 2011): 240–274.

20 F. GÖRMAR, J. HARFST, D. SIMIĆ, A. WUST, *The Transformative Power of Industrial Culture – from Concepts to Actions* (Graz: Leibniz-Institut für Länderkunde & Institut für Geographie und Raumforschung, 2019. 80 p.):14.

21 В. В. АЛЕКСЕЕВ – первый национальный представитель России (1990–1997 гг.) в Международном комитете по сохранению индустриального наследия.

22 См. подробнее: Е. В. Алексеева, «Индустриальное наследие Урала», в И. В. Побережников (ред.) *В. Алексеев. Горизонты истории* (Екатеринбург: Банк культурной информации, 2019): 122–132; V. ALEKSEEV, E. ALEKSEEVA, *L'Oural métallurgique, histoire et patrimoine* (Chambéry: Université de Savoie. Édition française de Gracia Dorel Ferré, 2011. 178 p.).

История различных производств и людей, создававших их в Екатеринбурге и других промышленных городах, в разных аспектах отражена в книжных сериях, выпускаемых издательством БКИ: «Очерки истории Урала», «Каменный пояс: взгляд сквозь тысячелетия», «Национальное достояние России», «Из истории индустриальной культуры Урала», «Творцы уральской индустрии», «Выдающиеся ученые Урала». Большую роль в публикационной репрезентации архитектуры города, в том числе индустриальных объектов играет деятельность издательства Tatlin.

Методология исследования

Обозначенные выше актуальные историографические тенденции и подходы, «мемориальный» и «пространственный» повороты определяют вектор нашего исследования мирового и регионального индустриального наследия. Признание исторической значимости объектов, созданных в индустриальную эпоху, характерную для всех регионов мира в XVIII–XX вв., необходимость их актуализации и ревалоризации имеют большое значение для Урала, где в результате трехвекового промышленного развития созданы тысячи предприятий горнопромышленного, металлургического комплекса и других отраслей, сформировался характерный индустриальный ландшафт и своеобразный социум.

Индустриальное наследие Урала определяется нами как взаимосвязанная часть глобального наследия индустриальной цивилизации, под которым мы понимаем совокупность овеществлённых и неовеществлённых результатов промышленного периода человеческой истории (XVIII–XX вв.), таких как: технологии, технологические процессы, машины и механизмы, продукты производства, производственные и связанные с ними административные и жилые постройки, коммуникации, поселения, возникшие или развившиеся в связи с промышленностью, транспортные сети и средства передвижения, особенности социальной структуры, системы образования и науки, менталитета и культуры общества, изменения ландшафта и окружающей среды²³.

23 Е. В. Алексеева, Т. Ю. Быстрова, *Индустриальное наследие: понятия, ценностный потенциал, организационные и правовые основы* (Екатеринбург: TATLIN. 2021. 164 с.): 31–32.

Рис. 1. Строительство металлургического завода. 1723.

Худ. А. Ремезов. Холст, масло. Фото с выставки «Александр Ремезов. Далёкие и близкие». Галерея «Главный проспект». Фото Е. Алексеевой. 2024.

Исходя из этого, индустриальное наследие Екатеринбургской агломерации («Большого Екатеринбурга», очерчиваемого радиусом в 50 км от его центра) рассматривается нами как совокупность градостроительных и архитектурных, технологических, административных и социальных решений, реализованных в XVIII–XX веках в производственных и связанных с ними экономических и социокультурных целях в Екатеринбурге, Арамили, Берёзовском, Билимбае, Верхней Пышме, Дегтярске, Первоуральске, Полевском, Ревде, Сысерти, Среднеуральске²⁴.

Основой работы выступают исследования в области *memory studies*, развивающихся историками Франции (П. Нора, П. Рикёр, М. Хальбвакс) и Германии (А. Ассманн, Я. Ассманн, Т. Адорно). В противовес «Школе Анналов» и, в особенности, М. Блоку, они настаивают на недостаточности концепта индивидуальной памяти при объяснении инкультурации и трансляции культурного опыта. Главным предметом истории памяти является «не событие прошлого, а память о нем» – образ, который запечатлелся у переживших его, транслировался потомкам, реставрировался или реконструировался в последующих поколениях, подвергался «проверке» и «фильтрации» с помощью методов исторической критики²⁵. «Мемориальный поворот» переносит акцент с изучения со-

²⁴ Там же.

²⁵ Л. П. Репина, *Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки)*. (Москва: 2003): 9-10.

бытия на изучение памяти о нём, делает возможной множественность интерпретаций истории²⁶.

I. ФИЗИЧЕСКАЯ «МАТРИЦА» ПАМЯТИ ОБ ИНДУСТРИАЛЬНОМ НАСЛЕДИИ ЕКАТЕРИНБУРГА И БЛИЗЛЕЖАЩИХ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПОСЕЛЕНИЙ

Составляющие опорного каркаса индустриального наследия Большого Екатеринбурга можно дифференцировать на основе генетического критерия (искусственно созданные и природно-заданные элементы изучаемой системы).

Индустриальный мегаполис как результат пространственного развития поселений, созданных в промышленных целях и развивавшихся в историческом геоландшафте. Здесь значимы градостроительные особенности Екатеринбурга и ближайших городов, обусловленные природным ландшафтом и гидросистемой, золотодобычей и производством/обработкой металла в городской черте, возникновением поселенческих и заводских прото-ядер и их эволюцией в единое городское пространство.

Лесное богатство, трансформировавшееся из производственно-го ресурса в рекреационный резерв. Общий вектор истории направлен здесь от города-завода к городу-саду, в котором важную роль играли парки горного, уездного, социалистического индустриального города, лесопарки как зеленое ожерелье промышленной агломерации. Подчеркнем, что лесосберегающие действия Урал проводил одним из первых в России, используя для этого собственные методики и изобретения.

Водно-энергетическая система как планировочная основа уральских городов-заводов и производственный рудимент. Определяющее значение для развития промышленности, особенно в контексте ранней истории региона, имела водная энергетика. Тщательность выбора места для плотины, ее интегрированность в ландшафт и повседневное использование в качестве транспортной артерии делают это техническое сооружение трудно рефлекслируемым объектом: плотина кажется

26 Ю. Е. АРНАУТОВА, «Методіа: «тотальный социальный феномен» и объект исследования», в *Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени*, ред. Л. П. РЕПИНА (М.: Кругъ, 2003): 22.

чем-то само собой разумеющимся; рассказать о ее ценности, показать устройство, строительные технологии, значимость для горожан очень сложно.

Исторически осваивавшееся и сохранившееся горнорудное разнообразие Большого Екатеринбурга. Горнорудное наследие – результаты исторических процессов развития разведки, освоения, добычи, переработки полезных ископаемых, а также связанных с этой деятельностью инфраструктурных решений и социокультурных систем. Оно отражено в рудниках и карьерах, интерпретируется и популяризируется в Музее золота и Музее-шахте (ЧУК «Музей “Русское золото”») в г. Березовский. Далеко не всё из этого наследия привлекательно и содержательно – например, выработанные места или отвалы, но и о них можно рассказать или сделать частью творческих практик, с условием, что эти практики не разорвут связь между прошлым и настоящим. Одним из успешных примеров является работа с мраморными карьерами в г. Полевском, где местная команда во главе с Э. Г. Самохиной инициировала проведение ряда международных просветительских и иных мероприятий. Неподалеку от города в селе Мраморское есть залежи серого и черного мрамора, месторождения турмалина и змеевика. Обработка камня – традиционная для Екатеринбурга и его окрестностей отрасль хозяйственной деятельности. Проводимый с 2019 года фестиваль «Мраморная миля» включает в себя приглашение скульпторов и других творческих людей. На нем проводится конкурс скульптур из местного камня, с которым ранее любил работать мастер мирового значения С. Д. Эрзья; фестиваль подарил городу новые арт-объекты, обогатил культурный календарь. Выступление симфонического оркестра в мраморном карьере позволило зрителям «прикоснуться» к камню с неожиданной стороны. Благодаря фестивалю в город чаще стали приезжать специалисты по работе с индустриальным наследием, студенты, туристы.

Наследие трёх веков развития металлургии, металлообработки, машиностроения, воплощенное, в частности, такими заводами и жилыми районами, как ВИЗ, Уралмаш, Эльмаш, Химмаш и др., имеет ключевое значение для Большого Екатеринбурга. Коммеморация и ревитализация заводского наследия происходит в разных формах в музейных (краеведческих и ведомственных), культурных комплексах (Северская домна, Галерея Главный проспект, Синара-центр, заводских музеях), креативных проектах (Сысертский завод Турчаниновых).

Неметаллургическое промышленное наследие Большого Екатеринбурга представляют уникальная для Урала Арамилевская сукон-

ная фабрика; предприятия пищевой промышленности, мукомольные мельницы, находящиеся в разной степени сохранности и актуального использования.

Транспорт и коммуникации Большого Екатеринбурга как феномен индустриального наследия берут начало в системе гужевых транспортных путей этапа протоиндустриализации. Специфичен для уральской горнозаводской цивилизации сплав заводской продукции по рекам (отражено в экспозиции Демидов-центра в г. Ревда, музейного комплекса «Северская домна», г. Полевской). Исходная структура транспортных путей сохраняется до сих пор в системе железнодорожного сообщения, исторических вокзалах, экземплярах подвижного состава в музеях железнодорожного транспорта. Воспринимаясь как часть повседневности, вокзалы или другие придорожные объекты, если они не имеют статуса объектов культурного наследия, не оцениваются по достоинству, искажаются до неузнаваемости, достраиваясь и ремонтируясь современными строительными материалами и т. д. Исключение составляют водонапорные башни на железнодорожных станциях, привлекающие внимание необычным внешним видом.

Электроэнергетический комплекс и водообеспечивающие системы городского хозяйства как часть инфраструктуры индустриального наследия. Историческое развитие электроэнергетического комплекса представлено как до сих пор действующими энергообъектами (например, первой городской электростанцией Екатеринбурга, СУГРЭС), так и разрушающимися памятниками (электростанция на Большом Конном полуострове). Хранителем разнообразного наследия электроэнергетического комплекса является Музей энергетики Урала.

Выделение названных элементов опорного каркаса индустриального наследия Большого Екатеринбурга позволяет увидеть его в целом, как континуум, а не набор дискретных точек, что важно для проживания истории места.

Не все системные элементы индустриального наследия выявлены специалистами и стали достоянием общественного сознания. Среди относительно мало представленных можно назвать следующие темы.

- Золото и «золотой бум» XIX века, существенно повлиявшие на статус города и развитие его культуры, инфраструктуры, самосознания. Медные руды Пышминско-Ключевского месторождения, золото Березовского месторождения, места золотодобычи на территории города нужно показывать в их пространственной и смысловой связи.

- Тема зеленой истории города, деятельность по восстановлению лесов вокруг которого шла с первой половины XIX века, не раскрыта пока до конца, но очень созвучна современным ценностным ориентирам. Еще В. де Геннин предписывал специально назначаемому советнику «в прииске медных и железных руд и в бережении лесов от непорядочной и лишней порубки и от пожаров ... иметь наивысшее попечение». Такой хозяйский подход был и частью стратегии экстенсивного освоения ресурсов, характерной для развития металлургии на Урале в XVIII в.²⁷
- Электричество. Например, в центре Екатеринбурга находится первая в городе электростанция, построенная в 1894 году. Как объект индустриального наследия она примечательна не только архитектурой с элементами регионального модерна, но тем, что сохранила в себе отголоски так называемой «битвы токов» (*Battle of the Currents*) – времени внедрения конкурирующих систем передачи электроэнергии в конце 1880-х – начале 1890-х гг.

Свердловская государственная электростанция (ГЭС № 2) им. А. И. Рыкова (в последующем – тепловая электростанция (ТЭС) им. В. В. Куйбышева) – электростанция, запущенная на Большом Конном полуострове, – яркое наследие эпохи новой экономической политики (НЭП).

Среднеуральская государственная районная электростанция (СУ-ГРЭС) – до Великой Отечественной войны крупнейшая станция Свердловска, поставляла электричество и тепло в Екатеринбург. Соцгород рядом со станцией сохранил прекрасные образцы конструктивизма, например, здание самой станции.

- Соцгорода 1920–1930-х гг. Несмотря на постепенно растущий интерес к конструктивизму как одному из ярких самобытных продуктов периода индустриализации на Урале, собственно соцгородки в единстве их планировочных и транспортных, производственных и социальных элементов исследованы недостаточно. Между тем, начиная с первого Электрогородка, созданного в 1928 г. на Большом Конном полуострове, до соцгородов Уралмаша (с 1928 г.), Эльмаша (с 1932 г.), Химмаша (с 1934 г.) и Вторчермета (с 1929 г.), они создали целое индустриальное «ожерелье» вокруг исторического центра Екатеринбурга.

27 В. Геннин, *Описание уральских и сибирских заводов. 1735.* (Москва: Государственное издательство «История заводов», 1937), 85.

Накладываясь и взаимодействуя друг с другом, выделяемые нами «слои» индустриального наследия города формируют предпосылки для более объемного и живого восприятия истории²⁸.

Память об индустриальном прошлом в Екатеринбурге и городах агломерации.

Классическая парадигма работы с историческим прошлым формировала вокруг себя институции по сохранению и трансляции наиболее значимой информации. Ограничимся их кратким обозначением.

В контексте индустриальности огромным, но не всегда востребованным потенциалом обладают архивы. Как позитивную тенденцию отметим их публикационную и выставочную деятельность (например, Государственного архива Свердловской области). Преподаватели передают школьникам и студентам вузов региональные исторические сюжеты и их интерпретации²⁹. Историческая память хранится и оживает в экспозициях краеведческих, художественных, производственных музеев.

Первая попытка создания заводского музея *Уралмашзавода* относится к середине 1930-х гг. В 1966 г. в парткоме Уралмашзавода возникла идея создания музея трудовой и боевой славы. В 2013 г. Музей переместился в здание центральной заводской проходной, являющейся памятником архитектуры конструктивизма. В числе экспонатов – статичные и действующие макеты, в том числе, шагающих и карьерных экскаваторов. Представляя технические инновации разных периодов, сам музей, располагаясь ограниченными ресурсами, традиционен: для того, чтобы разобраться в сложных технических объектах, необходимо сопровождение экскурсовода.

В 1971 г. в Екатеринбурге появился один из первых ведомственных и один из немногих научно-технических музеев Урала – *Музей истории Свердловской железной дороги*. В 2003 г. для музея отреставрировали и приспособили здание первого вокзала Екатеринбурга, одновременно существенно развив техники презентации материала. Экспозиция содержит две части: историческую (от создания первого в России паровоза, строительства первых железных дорог до современного реформирования транспорта) и техническую (представляет все

28 Е. В. АЛЕКСЕЕВА, Т. Ю. БЫСТРОВА, В. В. ЛИТОВСКИЙ, С. А. ПАТРУШЕВ, *Атлас индустриального наследия Большого Екатеринбурга* (Екатеринбург: Tatlin, 2024), 400 с.

29 И. Я. МУРЗИНА, «Концепция развития регионального культурно-образовательного пространства», *Человек в мире культуры*. № 3 (2013): 3–14.

железнодорожные службы). Разработаны интерактивные зоны, есть действующие макеты железнодорожных станций. Демонстрация трудовых процессов очень важна с точки зрения запоминания. Не случайно европейские специалисты по индустриальному наследию в 2010-х гг. выявили в отдельное проблемное поле память труда как наиболее сложный для передачи и, вместе с тем, ответственный для будущего вопрос. При этом в представления о труде входят и технологии, и сами практики работы представителей разных специальностей, взаимоотношения между ними (мужчины и женщины, начальники и подчиненные), и даже несчастные случаи на производстве³⁰.

В 1976 г. в Екатеринбурге открыт *Музей энергетики Урала*. Постоянная экспозиция построена по историко-хронологическому принципу с использованием современных музейных, дизайнерских и информационных технологий. Наряду с витринами в ней есть интерактивные инсталляции с включением оригинальных предметов. Музейный фонд насчитывает более 15 тыс. единиц хранения.

В 1970-е гг. в заводском центре Среднего Урала формировалось видение музея, акцентирующего знакомство посетителей с реальными промышленными установками и объектами, когда по инициативе Ю. А. Владимирского создана экспозиция крупногабаритной техники уральских заводов во внутреннем дворе нынешнего *Музея архитектуры и дизайна*. Объекты интересны, но статичны, информации недостаточно, что и сегодня затрудняет понимание посетителями и прохожими уровня их технологичности.

Музей водонапорной башни, построенной в 1880-е гг. на левом берегу Исети рядом с плотиной для обеспечения водой исчезнувших ныне железнодорожных мастерских, открыт в 2018 г. В полном соответствии с установками ICOM здесь экспонатом становится все техническое сооружение, получающее в измененном контексте новые функции и вписывающееся в туристические, образовательные и иные процессы. Башня является хорошим визуальным символом территории, но, к сожалению, мало кто из горожан и гостей знает о её реальном возрасте и роли, обычно связывая её с существованием металлургического завода, что неправомерно. Символизм объекта в чём-то препятствует конкретизации его смыслов. Преодолению заблуждения

30 J. J. CASTILLO, «The Memory of Work and the Future of Industrial Heritage: New Issues Five Years Later», *FQS - Forum Qualitative Sozialforschung*, Vol. 12. № 3 (2011). Art. 3. URL: <https://www.qualitative-research.net/index.php/fqs/article/download/1752/3257?inline=1>

могли бы помочь более частые партисипаторные практики и дополнительные информационные действия, а пока музей обещает только кураторские экскурсии, не более³¹.

Музеефицированная в 2016 г. в Екатеринбурге Белая башня (построена в 1929–1931 гг., арх. М. В. Рейшер) – первый прецедент осмысления целостного промышленного объекта в контексте музейной деятельности. Как водонапорная башня, она утратила функциональное значение в 1960-е гг. С 2016 г. в Белой башне находится музей, проводятся экскурсии, исследовательская работа, воркшопы.

В городе Березовский в 22 км от Екатеринбурга, на родине русского золота, есть два музея, связанных с темой золотодобычи. Экспозиция одного, муниципального, типична для российских краеведческих музеев, работающих в классической парадигме. Здесь представлены факты и оборудование, проходят школьные и туристические экскурсии. При озвучивании фактов о золоте, к примеру, университетской молодежи Екатеринбурга можно понять, что история великих открытий им неизвестна, воспринимается как нечто нереальное и очень абстрактное. Информационное поле крупного города как бы экранирует истории малых городов, что означает необходимость для последних организации ярких событий, в свою очередь, требующих изменения экспозиции и остальных форм работы.

Музейный комплекс «Северская домна» в городе Полевском идет именно по пути инноваций. Этот корпоративный музей – комплекс Северского трубного завода, в котором сохранилась единственная в России доменная печь середины XIX века, признанная объектом культурного наследия России федерального значения. В его современном виде музей создан в 2009 году, причем, основная экспозиция, посвященная истории завода, расположена в бывшей кричной фабрике этого завода. Органичной частью работы с историей и памятью становится архитектурный объект, позволяющий понять планировку промышленного предприятия, маршруты работников, масштабы производственных действий. Увидеть, как работали прокатный стан 1891 года с маховиком более 8,5 м или наковальня, помогает технология виртуальной реальности, используемая с 2020 года.

Кратко представив в этой части статьи музеи с разными подходами к памяти и промышленному наследию, подчеркнем, что их выборка

31 Водонапорная башня на Плотинке. URL: <https://m-i-e.ru/bashnya-filial> (Accessed 16.01.2025)

вынужденно ограничена. Важна появившаяся тенденция к преодолению разрыва между заводским музеем и собственно заводом³², ограниченная режимностью предприятий. Проводятся посещения заводов, например, организованы экскурсии не только в заводской музей, но и на сам Уралхиммаш. Эти практики активизируют восприятие посетителями истории и современности уральской промышленности, способствуют профориентации, формируют идентичность³³.

Рис. 2. Логотип Орджоникидзевского района (Уралмаш) Екатеринбурга. Дизайнер: П. Матяж. 2013. Источник: <http://mag.xn---7sbab6cced3a3a4de3cm.xn--p1ai/citynews/10406225-podarok-ko-dnyu-rozhdenija-pavel-matyazh-sozdal-novyj-logotip-ordzhonikidzevskogo-rajona/>

Топонимика города в структуре социальной памяти

Важную часть нарратива о месте составляют *топонимы*³⁴, их смыслы, пусть даже исподволь, передают промышленную историю города. Возвращение городу имени 23.09.1991 г. существенно изменило самосознание горожан и меморативный фон. Во-первых, к истории города как бы «добавились» два первых века его существования из тогдашних неполных трех. Во-вторых, имя выделило город из области в целом, оставшейся Свердловской, и послужило одним из оснований появления актуального до сегодняшнего дня топонима – Екатеринбургская

32 Н. Е. Болдырева, «Заводской музей как часть культурно-исторического наследия», *Известия ВГПУ*, № 3 (2013): 50.

33 Е. В. Алексеева, Т. Ю. Быстрова, «Музейная репрезентация технических объектов: историческая эволюция подходов и их воплощение в музеях Екатеринбурга», *Уральский исторический вестник*, № 4 (2024): 185–193.

34 А. К. Матвеев, *Географические названия Урала: Топонимический словарь* (Екатеринбург: ИД «Сократ», 2008. 352 с.).

агломерация. В-третьих, в просторечии и ряде СМИ возник ряд неблагозвучных опрощающих сокращений типа «Екат», мода на которые миновала очень быстро. Горожане постепенно открывали свою связь с историей, которая, в свою очередь, неотрывна от промышленной истории и ее творцов. Недооценка города и его индустриального наследия сменялись все более активным интересом.

Сегодня народные названия зданий и мест, собранные в словаре топонимов Екатеринбурга, на первое место выводят Плотинку (плотина городского пруда, с которой начинались завод и город), Белую башню (Водонапорная башня Уралмашзавода, 1929, арх. М. В. Рейшер) – памятник архитектуры конструктивизма. На пятом месте – «Вторчик» – район завода «Вторчермет», сформировавшийся в 1940-е годы.³⁵ В списке присутствуют и районы, связанные с другими производствами и заводами – заводом железобетонных изделий (ЖБИ), Хладокомбинатом «Норд», но в целом их приводится немного. Большие жилые районы, возникавшие, в том числе как соцгородки, рядом с индустриальными гигантами – ВИЗом, Уралмашем, Химмашем, Эльмашем, – так и продолжают называться по сей день. В силу частоты словоупотребления они весьма опосредованно доносят информацию о времени и обстоятельствах своего появления.

Эти топонимы сопровождаются попытками визуализации и нового прочтения индустриальных районов. Так, в 2013 году дизайнер П. Матяж нарисовал логотипы практически для всех районов города, большая часть из которых – промышленные либо бывшие промышленные (Рис. 2). Вне связи с реальной историей образы не стали популярными, оставшись формой реализации дизайнерской идеи, а не частью социальной памяти.

В целом можно фиксировать недостаточность в Екатеринбурге и городах агломерации топонимической коммеморации. Наименее информативны названия улиц, которые, как правило, «безлики», даже когда связаны с рабочими профессиями. Улицы Банникова, Татищева, де Геннина, Колмогорова (бывш. улица Плавильщика Колмогорова), проспект Орджоникидзе – это то немногое, что подсказывает топонимика жителю современного города.

35 А. Цорик, „Словарь топонимов Екатеринбурга. Народные названия зданий и мест Екатеринбурга с кратким описанием и выявлением их употребимости среди жителей города.“ URL: https://www.academia.edu/24562286/Словарь_топонимов_Екатеринбурга (Accessed 15.01.2025)

Визуальные идентификаторы Екатеринбурга в ландшафте индустриальной памяти

Растущий удельный вес визуальных продуктов не может не учитываться при исследовании коммеморативных практик. Элементы городской среды, окружающие человека в повседневной жизни, могут исподволь актуализировать события или образы – либо не делать этого.

В 1973 году, в год 250-летия Свердловска-Екатеринбурга, наиболее распространенными изображениями на сувенирной продукции были: здание Городского совета (ныне – Администрации города), здания Уральского государственного университета им. А. М. Горького и Уральского политехнического института (ныне они входят в Уральский федеральный университет), Оперный театр, гостиница «Исеть»³⁶. Не было ни одного индустриального объекта. Это может быть объяснено, в том числе, тогдашним статусом «закрытого» города. Одновременно Свердловск-Екатеринбург в это время обзаводится Историческим сквером у плотины, для создания которого были снесены почти все здания завода, породившего город, и гербом, все же сохранявшим указание на реку (голубой элемент), энергию водяного колеса (желтый элемент), крепость (красный элемент) и леса вокруг (Рис. 3). На официальном уровне эмблема была быстро отменена, но сувенирная продукция долгое время использовала ее, довольно прочно укоренив в общественном сознании.

Рис. 3. Герб Свердловска. 1973.

Авторы: рабочая группа в составе: М. М. Фаттахутдинов, Г. И. Дубровин, А. В. Овечкин, Д. Ионин, В. Говорухин, Н. С. Алфёров.
Источник Википедия

36 П. А. Путинцев, Т. Ю. Быстрова, «Визуальные коды промышленных городов Свердловской области», Академический вестник УралНИИпроект РААСН, № 3 (2015): 93–99.

В новых исторических условиях к 280-летию города в 2003 году на спичечных этикетках изобразили памятник маршалу Г. В. Жукову, Царский мост, памятник основателям города В. Н. Татищеву и В. де Геннину. Туда вошел и заметный индустриальный объект – Водонапорная башня в центре города.

Когда в 2014 году студия Артемия Лебедева разработала без участия горожан логотип в виде вензеля Екатерины I, не содержащего никаких отсылок к индустриальному прошлому и настоящему, решение отвергли и горожане, и администрация. В 2015 г. дизайнеры Екатеринбурга инициировали собственный конкурс. В нем с оговоркой про необходимость доработки победил более «брутальный» вариант логотипа, ставший сегодня неотъемлемой частью городского пространства (Рис. 4).

С 2023 года оригинальное напоминание о значимых фактах промышленной истории Екатеринбурга пешеходы могут увидеть буквально под ногами. В год 300-летия основания города на его тротуарах появилось 90 канализационных люков в виде монет, изготовившихся на Екатеринбургском монетном дворе. Этот удачный креативный проект реализован Администрацией города совместно с Водоканалом Екатеринбурга, туристско-информационным центром и с привлечением специалистов-историков в рамках проекта туристического кода центра города (Рис. 5).

Рис. 4. Люк с логотипом «Екатеринбург». Дизайн: РА «Восход», Екатеринбург. 2015 г. Источник: <https://lmz74.ru/product/lyuki-s-logotipami-gorodov/lyuk-s-logotipom-ekaterinburg/>

Рис. 5. Люк, представляющий знаменитый пятак (5 копеек Екатерины II), чеканившийся на Екатеринбургском монетном дворе с 1763 года. Фото Е. Алексеевой. 2024 г.

ПЛОЩАДКИ АКТУАЛИЗАЦИИ ИНДУСТРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ

Уральская индустриальная биеннале современного искусства

С 2010 г. в Екатеринбурге и других городах Уральского региона по инициативе Уральского филиала Государственного центра современного искусства ГЦСИ (с 2020 г. – Уральский филиал ГМИИ им. А. С. Пушкина) проходила международная выставка Уральская индустриальная биеннале современного искусства. Особенностью биеннале являлось сотрудничество с действующими промышленными предприятиями города.

Фестиваль «Арт-завод» стал отправной точкой работы с индустриальным наследием и ревитализацией городских промышленных пространств. Биеннале стала следующим шагом в осмыслении индустриальности региона и роли городских пространств и их сохранения. В их число вошли типография «Уральский рабочий», гостиница «Исеть», Свердловский камвольный комбинат, завод ВИЗ-Сталь, Приборостроительный завод, Уральский завод тяжелого машиностроения и другие. Уральская индустриальная биеннале стала крупным региональным проектом.

Аффинажный завод – галерея

В 1916 году в Екатеринбурге пущен завод Николае-Павдинского акционерного общества по аффинажу добываемой на Урале шлиховой платины. В 2005 г. принято решение о переносе мощностей Екатеринбургского завода по обработке цветных металлов (ЕЗ ОЦМ) на площадку Уральского завода химических реактивов в Верхнюю Пышму³⁷. В 2018 г. здание аффинажного завода стало жилым, офисным и художественным пространством «Главный проспект» (Рис. 6, 7). Многопрофильность галереи сочетается с интеракцией (открытая для всех мастерская печатной графики, площадка для мастер-классов), тщательной проработкой связи исходного исторического и модернистского (1970-е гг.) корпусов завода на уровне функций и эстетики. В 2022 году здесь прошла интерактивная инклюзивная выставка об архитектурном про-

37 Наследник традиций качества – Екатеринбургский завод по обработке цветных металлов в *Эксперт Урал*. 2011. № 43. С. 24–25.

странстве Екатеринбурга, где было представлено около 50 макетов жилых и производственных зданий города разных периодов. Крыши зданий в макетах посетители могли снимать, видя внутреннее устройство помещений. Точно подобранные размеры деталей и материалы обеспечивали адекватность тактильных ощущений, имеющих большое значение в структуре сенсорного освоения мира. Висящие рядом полотна А. В. Ефремова с изображением исторических мест города в разные периоды его жизни дополняли впечатление. Экспозиция сопровождалась опубликованием иллюстрированных книг по истории зданий.

Рис. 6. Наследие традиций уральских камнерезов в галерее «Главный проспект». Проект «Коррида». «Тореадор». Изготовлено: Камнерезная мастерская Алексея Антонова. Фото Е. Алексеевой. 2024 г.

Рис. 7. Старое здание аффинажного завода и бывший корпус ЕЗ ОЦМ в стилистике модернизма (на заднем плане) после реновации. Фото Е. Алексеевой. 2021 г.

Трудности прикосновения к индустриальной истории места

Даже в получивших социальное признание проектах можно говорить вслед за А. Мегиллом об историческом эстетизме, когда «объекты рассматриваются как, некоторым образом, замена прошлого. Основное отношение к этим объектам проявляется в наслаждении или восхищении.

Исторический эстетизм... не проявляет интереса к более широким контекстам, в пределах которых расположены созерцаемые объекты»³⁸. Историческая информация об индустриальных предприятиях, территориях, процессах, не поддаваясь эстетизации, осваивается с трудом.

Уральские города-заводы, включая Екатеринбург, создавались в непосредственной близости от источников сырья. Впечатляюще показать заброшенную или уже не существующую шахту или рудник, пусть даже находящиеся ныне в черте города, достаточно сложно. Единственная попытка подобной демонстрации наследия предпринята на родине российского золота в г. Березовский, входящем в агломерацию. Но и там основное внимание в отзывах уделяется больше «огненному» экскурсоводу, чем событиям и людям, о которых он повествует³⁹.

Личности открывателей, изобретателей, владельцев производств, часто бывших прекрасными менеджерами, не визуализированы и отсутствуют в общественном сознании горожан, а ведь именно они могут соединять воедино различные пласты городской жизни и истории, без которых не возникает индивидуальной привязанности к месту. Начиная с В. де Геннина, который благодаря парной скульптуре основателей города, воспринимается почти что близнецом В. Н. Татищева, – и заканчивая главным архитектором Г. И. Белянкиным (1927–2011) – ни один из создателей города не распознается глазом горожан или гостей, имена градостроителей отсутствуют в топонимике, связь личности с созданными ей объектами не прослеживается, потому что она попросту не представлена. К примеру, в уже упомянутой галерее «Главный проспект» установлена статуя Петра I, но не Н. Н. Барабошкина (1880–1935) – ученого-химика и создателя завода, организовавшего в России аффинажное производство и посадившего первый в городе жасмин⁴⁰.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Смена технологического уклада актуализирует проблему коммеморации о прошлом, значимой с точки зрения непрерывности и преем-

38 А. Мегилл, *Историческая эпистемология* (М: Канон+, 2007, 480 с.): 119–122.

39 Музей-шахта. Яндекс-карты. URL: https://yandex.ru/maps/org/muзей_shakhta/1425424909/reviews/?ll=60.789830%2C56.926903&z=12 (Accessed 16.01.2025)

40 Е. В. Алексеева, Т. Ю. Быстрова, В. В. Литовский, С. А. Патрушев, *Атлас индустриального наследия*, 240–245.

ственности общенационального развития, осмысления идентичности и определения перспективных целевых приоритетов.

Рассмотрение региональной и городской промышленной истории в парадигме «истории памяти» привело нас к выводу, что полнота коммеморации индустриального наследия обеспечивается синтезом классического и постклассического подхода. И в том, и в другом случае большое внимание необходимо уделять визуальной составляющей практик коммеморации. Для активизации деятельности по созданию визуальных продуктов можно активнее привлекать студентов Уральского федерального и Уральского государственного архитектурно-художественного университетов. Тогда цепочка памяти становится более развернутой (место – музей – студент – целевая аудитория, посетители, горожане). Студенты в ходе проекта узнают и проживают историческую информацию и становятся медиаторами между горожанами и индустриальным объектом.

Успешность проектов и практик коммеморации достигается синергией государственной политики, пониманием и поддержкой региональных и местных властей, учетом результатов научных исследований, вовлечением в процесс различных групп населения (особенно представителей профессионального педагогического, музейного и бизнес сообществ, бывших работников предприятий, молодежи). Важнейшая функция в выработке системного подхода к выявлению объектов наследия и связывания разрозненных данных в единое смысловое поле, в нивелировании принципиальных и фактических искажений принадлежит специалистам – историкам, культурологам, инженерам, архитекторам, музеологам и др. Партисипаторные коммеморативные практики, в которые эмоционально и деятельно вовлечены разные люди, возможно, несколько упростят понимание прошлого, но прояснят актуальное представление о нем, позволят увидеть его ценность и обеспечат – по принципу концентрических кругов – передачу смыслов и фактических знаний другим.

References

- V. V. ALEKSEEV, D. V. GAVRILOV, *Metallurgii Urala s drevneishikh vremen do nashikh dnei* [Metallurgy of the Urals from Ancient Times to the Present Day], (Moskva: Nauka, 2008), 886.
V. ALEKSEEV, E. ALEKSEEVA, *L'Oural métallurgique, histoire et patrimoine* [The Metallurgical Urals: History and Heritage] (Chambéry: Université de Savoie. Édition française de Gracia Dorel Ferré, 2011), 178.

- E. V. ALEKSEEVA, T. Iu. BYSTROVA, V. V. LITOVSKII, S. A. PATRUSHEV, *Atlas industrial'nogo nasledii Bol'shogo Ekaterinburga* [Atlas of Industrial Heritage of Greater Ekaterinburg] (Ekaterinburg: Tatlin, 2024), 400.
- E. V. ALEKSEEVA, "Industrial'noe nasledie Urala", v I. V. POBEREZHNIKOV V. ALEKSEEV (red.) *Gorizonty istorii* (Ekaterinburg: Bank kul'turnoi informatsii, 2019), 122–132.
- E. V. ALEKSEEVA, *Russkaia Amerika: aktory, mesta i formy kul'turnoi pamiaty*, [Russian America: Actors, Places, and Forms of Cultural Memory], *Frontier Studies*, № 2 (2020): 92–121.
- E. V. ALEKSEEVA, T. Iu. BYSTROVA, *Industrial'noe nasledie: poniatii, tsennostnyi potentsial, organizatsionnye i pravovye osnovy* [Industrial Heritage: Concepts, Value Potential, Organizational and Legal Foundations] (Ekaterinburg: TATLIN, 2021), 164.
- E. V. ALEKSEEVA, T. Iu. BYSTROVA, "Muzeinaia reprezentatsiia tekhnicheskikh ob"ektov: istoricheskaia evoliutsiia podkhodov i ikh voploshchenie v muzeiakh Ekaterinburga" [Museum Representation of Technical Objects: Historical Evolution of Approaches and their Implementation in the Museums of Ekaterinburg], *Ural'skii istoricheskii vestnik*, № 4 (2024): 185–193.
- Iu. ARNAUTOVA, "Memoria: «total'nyi sotsial'nyi fenomen» i ob"ekt issledovaniia" [Memoria: "Total Social Phenomenon" and the Object of Research"] v *Obrazy proshlogo i kollektivnaia identichnost' v Evrope do nachala Novogo vremeni*, L. P. REPINA (red.) (Moskva: Krug, 2003)
- N. BOLDYREVA, "Zavodskoi muzei kak chast' kul'turno-istoricheskogo nasledii" [Factory Museum as a Part of Cultural and Historical Heritage], *Izvestiia VGPU*, № 3 (2013): 50.
- J. J. CASTILLO, "The Memory of Work and the Future of Industrial Heritage: New Issues Five Years Later", *FQS – Forum Qualitative Sozialforschung*, Vol. 12. № 3 (2011). Art. 3. URL: <https://www.qualitative-research.net/index.php/fqs/article/download/1752/3257?inline=1> (Accessed 24.01.2025).
- O. O. DMITRIEVA, "Regional'nyi uroven' prazdnovaniia 300-letnego iubileia tsarstvuiushchego doma Romanovykh na primere g. Cheboksary" [Regional Level of Celebration of the 300th Anniversary of the Reigning House of Romanov on the Example of the City of Cheboksary], *Vestnik Mariiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia "Istoricheskie nauki. Iuridicheskie nauki"*. Vyp. 7. №3 (2021): 217–223. <https://doi.org/10.30914/2411-3522-2021-7-3-217-223>
- R. GÜNTER, "Andere Kriterien für Ruhr. Ein Essay" [Other Criteria for Ruhr. An Essay] in *Zwischen Basel, Bochum und Toronto. Einblick in die Geographie postindustrieller Stadtentwicklungen*. L. BASTEN (ed.) (Berlin: LIT Verlag, 2011), 240–274.
- F. GÖRMAR, J. HARFST, D. SIMIĆ, A. WUST, *The Transformative Power of Industrial Culture – from Concepts to Actions* (Graz: Leibniz-Institut für Länderkunde & Institut für Geographie und Raumforschung, 2019. 80), 14.
- M. HALBWACHS, "Kollektivnaia i istoricheskaia pamiat'" [Collective and Historical Memory], *Neprikosnovennyi zapas*, № 2 (2005). URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/kollektivnaya-i-istoricheskaya-pamyat.html> (Accessed 10.11.2024).
- P. H. HUTTON, *Istoriia kak iskusstvo pamiaty* [History as an Art of Memory], (Sankt-Peterburg: «Vladimir Dal'», 2004), 423. https://platona.net/load/knigi_po_filosofii/postmodernizm/khatton_p_kh_istorija_kak_iskusstvo_pamjati_2004/54-1-0-1651 (Accessed 10.01.2025).
- G. W. De HENNIN, *Opisanie ural'skikh i sibirskikh zavodov* [Description of the Ural and Siberian factories. 1735], (Moscow: State Publishing House "History of Factories", 1937).
- O. B. LEONT'eva, "«Memorial'nyi povorot» v sovremennoi rossiiskoi istoricheskoi nauke" ["The 'Memorial Turn' in Contemporary Russian Historical Science"], *Dialog so vremenem*, vyp. 50 (2015): 59–96.
- O. B. LEONT'eva, L. P. REPINA, "«Memorial'nyi povorot» i «istoriia pamiaty» v Rossii" [The "Memorial Turn" and the "History of Memory" in Russia], v *Istoriiki v poiskakh novykh perspektiv*, Z. A. CHEKANTSEVA (red.) (Moskva: Akvilon, 2019), 274–317.
- J. LE GOFF, *Istoriia i pamiat'* [History and Memory] (M.: ROSSPEN, 2013), 303.

- A. LÜDTKE, *Istoriia povsednevnosti v Germanii. Novye podkhody k izucheniiu truda, voiny i vlasti* [Everyday History in Germany: New Approaches to the Study of Labor, War, and Power], (M.: Ros. Polit. Entsiklopediia (ROSSPEN), Germ. ist. in-t v Moskve, 2010), 371.
- A. K. МАТВЕЕВ, *Geograficheskie nazvaniia Urala: Toponimicheskii slovar'* [Geographical names of the Urals: Toponymic dictionary], (Ekaterinburg: ID "Sokrat", 2008), 352.
- I. IА. MURZINA, "Kontseptsiiarazvitiia regional'nogokul'turno-obrazovatel'nogoprostranstva" [The Concept of Development of the Regional Cultural and Educational Space], *Chelovek v mire kul'tury*, № 3 (2013): 3-14.
- A. MEGILL, *Istoricheskaiia epistemologiia* [Historical Epistemology], (M: Kanon+, 2007), 480.
- O. S. PORSHNEVA, "Fenomen istoricheskoi pamiati o voine" [The Phenomenon of Historical Memory of War], *Ural'skii vestnik mezhdunarodnykh issledovaniia*. Vyp. 4. (2005).
- P. A. PUTINTSEV, T. IЮ. BYSTROVA, "Vizual'nye kody promyshlennykh gorodov Sverdlovskoi oblasti" [Visual Codes of Industrial Cities of the Sverdlovsk Region], *Akademicheskii vestnik UralNIiprojekt RAASN*, № 3 (2015): 93–99.
- L. P. REPINA, *Kul'turnaia pamiat' i problemy istoriopisaniia (istoriograficheskie zametki)* [Cultural Memory and Problems of Historical Writing (Historiographic Notes)] (Moskva: GU VSHE 2003)
- L. P. REPINA, "Temporal'nye kharakteristiki istoricheskogo soznaniia (o dinamicheskoi komponente «istorii pamiati»)» [Temporal Characteristics of Historical Consciousness (on the Dynamic Component of the "History of Memory")], *Dialog so vremenem*, Vyp. 49 (2014): 28–43.
- A. V. SVYATOSLAVSKII, *Istoriia Rossii v zerkale pamiati. Mekhanizmy formirovaniia istoricheskikh obrazov* [History of Russia in the Mirror of Memory. Mechanisms of Formation of Historical Images], (Moskva: Drevlekhranilishche, 2013), 592.
- A. SHIUTS, "Struktura povsednvnogo myshleniia" [The Structure of Everyday Thinking], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, № 2 (1988): 129–137.
- A. TSORIK, *Slovar' toponimov Ekaterinburga. Narodnye nazvaniia zdaniia i mest Ekaterinburga s kratkim opisaniem i vyavleniem ikh upotrebimosti sredi zhitelei goroda* [Dictionary of Ekaterinburg Toponyms. Popular Names of Buildings and Places in Ekaterinburg with a Brief Description and Identification of Their Usage among City Residents] URL: https://www.academia.edu/24562286/Словарь_топонимов_Екатеринбурга (Accessed 15.01.2025).
- M. N. VANDYSHEV, N. V. VESELKOVA, E. V. PRIAMIKOVA, *Industrial'naia pamiat': masshtaby i mnozhestvennost'* [Industrial Memory: Scale and Multiplicity], (Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2022), 264.
- P. VIRNO, *Grammatika mnozhestva. K issledovaniiu form sovremennoi zhizni* [Grammar of the Multiplicity. Towards the Study of Forms of Modern Life], (Moskva: Ad Marginem Press, 2015) 144.
- YEWEN FAN, XUEFANG XIE, "A Study on the Memory Value of Industrial Heritage Based on Space Narrative – a Case of Urban Renewal in Shanghai», *SHS Web of Conferences* 174. 2023. August. <https://doi.org/10.1051/shsconf/202317403031>

В. С. ГРУЗДИНСКАЯ, М. В. КОВАЛЕВ

ВЕНГЕРСКИЙ ИСТОРИК В ИНТЕРЬЕРЕ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ: СЛУЧАЙ ПРОФЕССОРА ЙОЖЕФА ПЕРЕНИ¹

A HUNGARIAN HISTORIAN WITHIN SOVIET HISTORIOGRAPHY: THE CASE OF PROFESSOR JÓZSEF PERÉNYI

The article examines the interactions of Professor József Perényi (1915–1981), a Hungarian historian and expert on the history of Russia and Eastern Europe, with his Soviet colleagues, as well as his perception of the Soviet academic study of history. Specifically, it explores Perényi's contacts with B.D. Grekov, A.L. Sidorov, M.N. Tikhomirov, and T.M. Islamov. The article highlights the evolution of Perényi's view of official Soviet historiography, tracing his shift from fascination with it immediately after World War II to his attempts to transcend the boundaries of the official Soviet narrative during the 1960s and 1970s.

From 1956 to 1975, Perényi headed up the Department of Eastern European History at the University of Budapest. Under his leadership, the Department gained international recognition, although it never fully integrated into the official hierarchical structure of Hungarian historiography. Perényi endeavored to develop a Marxist-based approach to Eastern European history while simultaneously incorporating modern Western historical scholarship. His views, however, diverged sharply from official Soviet narratives and did not align with Soviet-style Marxism. Perényi published his research in Moscow, wrote reviews of Soviet works, and his publications were cited by Soviet scholars. However, he was somewhat excluded from the system of official Soviet-Hungarian academic exchanges, primarily because his views did not conform to it. His limited involvement in the Soviet-Hungarian Historians' Commission and his more active participation in the International Association for the Study of South-Eastern Europe are indicative of this exclusion.

The article concludes that despite the challenges he faced during the socialist period, Perényi's scholarly and pedagogical work played a pivotal role in the establishment of the Budapest School of Russian Studies.

Keywords: József Perényi, Soviet-Hungarian relations, History of Slavic Studies, Historiography, International Academic Relations

Viktoriia S. Gruzdinskaia – PhD in History, Senior Researcher, Institute of World History, Russian Academy of Science; E-mail: vik11910314@yandex.ru. ORCID: 0000-0002-9533-9861.

Mikhail V. Kovalev – DSc in History, Senior Researcher, Institute of World History, Russian Academy of Science; E-mail: kovalevm@yandex.ru. ORCID: 0000-0002-4722-818X.

1 V. S. GRUZDINSKAIA, M. V. KOVALEV, "Vengerskii istorik v inter'ere sovetskoi istoriografii: sluchaï professora Iozhefa Pereni" [A Hungarian Historian Within Soviet Historiography: The Case Of Professor József Perényi], *RussianStudiesHU* 7, no.2 (2025): 115–138. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2025.7.16

Российско-венгерские научные связи имеют давнюю и продолжительную историю. Их интенсивность и содержание не были постоянными. Значительное воздействие на динамику взаимодействий оказывали политические факторы, в особенности это относится ко второй половине XX в., когда Венгрия оказалась в орбите советского политического влияния. Личностное измерение советско-венгерских научных коммуникаций дает возможность посмотреть на перекрестные судьбы отдельных ученых, обратиться к изучению их мироощущения, ментальных установок, моделей поведения. Это особенно важно, учитывая, что научные биографии российских и венгерских ученых развивались в условиях глубоких трансформаций и исторических травм XX в.

В последнее время сложный и противоречивый опыт взаимодействия советской историографии с национальными историографиями стран Восточной Европы во второй половине XX в. обретает все больший интерес. Эти сюжеты становятся предметом не только мемуарных, публицистических, но и академических рефлексий². Применительно к исторической науке, антропологический исследовательский ракурс дает возможность понять, как представители национальных историографий взаимодействовали друг с другом, как конструировались взаимные образы и как (не)воздействовал на них официальный марксистский нарратив. В этом ключе продуктивным представляется обращение к фигуре профессора Йожефа Перени (Perényi József; 1915–1981) – одного из ключевых венгерских специалистов второй половины XX в. по истории России и Восточной Европы.

Й. Перени был воспитанником Будапештского университета и учеником знаменитого венгерского историка Имре Сентпетери (Szentpéteri Imre; 1878–1950), под руководством которого подготовил докторскую диссертацию о влиянии французской дипломатики на венгерскую³. В 1938 г. он был направлен в Париж для учебы в знаменитой Национальной школе хартий. Там, помимо архивных штудий, Й. Перени увлекся Россией и ее историей, выучил русский язык в Школе живых восточных языков⁴. Впрочем, когда он вернулся на Родину, места работы,

2 В. С. Груздинская, С.О. Назаров, «“Вместе боролись, вместе строим!” Образ советизации и СССР в мемуарах чехословацких историков второй половины XX в., *Диалог со временем*, no. 89 (2024): 351–367, <https://doi.org/10.21267/AQUILO.2024.89.89.024>.

3 PERÉNYI J., *A francia iskolák hatása a magyar okleveles gyakorlat kialakulására* (Budapest: Sárkány Nyomda, 1938).

4 Можно допустить, что интерес к России возник под влиянием эмигрантской среды «русского Парижа».

соответствовавшего его квалификации, найти не удалось. Некоторое время Й. Перени работал учителем, пока в 1939 г. не сумел устроиться представителем венгерской машиностроительной и приборостроительной компании «Ганц» (Ganz) в Стамбуле. Помимо коммерческой деятельности, он занимался историей и культурой Турции, выучил турецкий язык. Можно сказать, Й. Перени повезло, что наиболее страшные годы Второй мировой войны он провел на берегах Босфора, и что был призван в армию уже под конец боевых действий. Об этом периоде жизни историка известно немного, помимо, пожалуй, того факта, что окончание войны в 1945 г. он встретил на стороне просоветских сил⁵. Его жизнь и карьеру ожидал стремительный разворот.

МИССИЯ В МОСКВЕ

Сразу после окончания войны в Европе, Й. Перени поступил на службу переводчиком в Министерство иностранных дел и в 1946 г., как знающий русский язык, был командирован в Москву для службы в венгерском представительстве в должности атташе по культуре и прессе. Ему предстояло работать под началом другого историка – профессора Дюлы Секфю (Szekfű Gyula; 1883–1955), который в октябре 1945 г. был назначен главой венгерской дипломатической миссии в СССР, но реально приступил к своим обязанностям позже – в марте 1946 г.⁶ Работалось Й. Перени в Москве непросто. Правда трудности подстерегали не только его самого, но и все посольство⁷, сотрудники которого не имели никакого опыта взаимодействия с СССР и плохо ориентировались в советских реалиях. В январе 1947 г. Й. Перени сообщал в Будапешт: «Обычно выстраивание культурных связей требует очень долгого времени, и те методы, которые можно без труда применить на Западе, зачастую терпят тут неудачу. Здесь мы находимся в совершенно другой ситуации, которую мы должны сначала изучить, чтобы потом найти

5 Д. СВАК, «Параллельные биографии – судьба историка в Советском Союзе и Венгрии (штрихи к портрету Руслана Скрынникова и Йожефа Перени)», в Д. СВАК, *На службе у Клио и власть предрежащих: этюды по руссиеведению* (Будапешт: Russica Pannonicana, 2014), 58.

6 П. ХАТОШ, «Дюла Секфю в 1945–1955 годах», *Славяноведение*, no. 3 (2013): 33.

7 *Статус посольства миссия получила только в 1948 г., поэтому до этого времени Д. Секфю официально находился в СССР в качестве посланника, а не посла.*

лучший путь и возможности»⁸. Современный венгерский историк Адам Фаркаш обратил внимание, что знакомые французские дипломаты советовали Й. Перени делать упор именно на развитие ученых контактов и книгообмена⁹. Можно с определенной уверенностью говорить, что венгерский историк, работая в Москве, не только совершенствовал знания русского языка, знакомился с историей и культурой страны, но и обзавелся связями в советской среде. Тогда же он упрочил свои знания российской и советской историографии.

В 1946 г. Й. Перени опубликовал в переводе на французский язык несколько документов о российской интервенции в Венгрию в период революции 1848–1849 гг. Это были донесения от российского посла в Лондоне Филиппа Ивановича Бруннова и от посла в Вене Павла Ивановича Медема, адресованные канцлеру Карлу Васильевичу Нессельроде¹⁰. Впервые они были введены в научный оборот советским историком Ревеккой Абрамовной Авербух (1891–1978) и представлены в приложении к ее книге в 1935 г.¹¹ Й. Перени во вводной статье к своему переводу не просто обозначил важность знакомства зарубежного читателя с советской историографией, но и указал на необходимость изучения российских источников, особенно для понимания проблем истории международных отношений¹². Об интересе к советской исторической науке свидетельствует и рецензия на трехтомную «Историю дипломатии», с которой Й. Перени явно познакомился в период работы в Москве¹³. Хотя венгерский историк высоко оценил фундаментальность работы советских авторов, он не преминул упрекнуть их по целому ряду вопросов. Например, его недоумение вызвало отсутствие упоминаний о деятельности Томаша Масарика и Эдварда Бенеша в период Первой мировой войны, которая оказала огромное воздействие на процесс распада Австро-Венгрии, на поверхностное описание Малой Антанты или же межвоенной внешней политики стран Балтии, Польши,

8 Цит. по: FARKAS Á., *Magyar-Szovjet Művelődési Társaság, 1945–1949. Doktori disszertáció.* (Budapest: ELTE, 2021), 123. <https://doi.org/10.15476/elte.2021.083>.

9 Ibid, 122–123.

10 J. PERÉNYI, «Documents relatifs à l'intervention armée russe de 1849 en Hongrie», *Revue d'Histoire Comparée*, vol. 4, no 3–4 (1946): 319–345.

11 См. подробнее: Р. А. АВЕРБУХ, *Царская интервенция в борьбе с венгерской революцией 1848–1849* (Москва: Соцэкгиз, 1935), 245–326.

12 PERÉNYI, «Documents relatifs à l'intervention armée russe», 319–320.

13 J. PERÉNYI, «V.P. Potemkin (réd.): Istoria Diplomatie [Histoire de la diplomatie]. Vol. I, Moskva, 1941, Sotsegizdat, 556 p. Vol. II–III, Moskva, 1945, Gospolitizdat, 8, 422 et 883 p.», *Revue d'Histoire Comparée*, vol. 5, no. 1 (1947): 319–320.

Румынии¹⁴. С позиции сегодняшнего дня можно, конечно, удивляться некоторой наивности венгерского историка, который в 1947 г. не понимал причин подобных умолчаний. Немного забегаая вперед, отметим, что «Revue d’Histoire Comparée», в котором Й. Перени были напечатаны обе упомянутые рецензии, после утверждения коммунистического режима в Венгрии будет закрыт.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ВЕНГРИЮ

В 1947 г. Й. Перени вернулся из московской командировки на Родину. Он стал сотрудником Научного института Пала Телеки (Teleki Pál Tudományos Intézet), параллельно начал преподавать в Будапештском университете. На глазах ученого общественные, политические, культурные реалии Венгрии стремительно менялись. В 1948–1949 гг. произошло окончательное сосредоточение всей полноты власти в руках Венгерской партии трудящихся и фактическое установление единоличной власти Матиаша Ракоши. Все эти процессы отражалось на научной и культурной жизни, в которой Советский Союз был объявлен главным и непререкаемым ориентиром¹⁵.

Показательна в этой связи история с приездом в Будапешт академика Бориса Дмитриевича Грекова (1882–1953) в ноябре 1948 г., которого встречали с высочайшими почестями. Венгерская пресса рисовала образ величайшего ученого-историка, который своими наставлениями должен направить развитие венгерской гуманитарной науки в нужное русло. Будапештский университет вопреки правилам и традициям в спешном порядке принял решение о присвоении советскому ученому звания почетного доктора¹⁶. Лекции Б.Д. Грекова, прочитанные в стенах университета, были изданы отдельными брошюрами¹⁷. Их

14 Ibid, 320.

15 См.: PÉTERI Gy., *Academia and State Socialism: Essays on the Political History of Academic Life in Post-1945 Hungary and Eastern Europe* (New York: Columbia University Press, 1998), 29–79.

16 См. подробнее: М.В. Ковалев, «Люди, с которыми мне приходилось встречаться, проявляли к советскому ученому очень много внимания»: визит академика Б. Д. Грекова в Будапешт в 1948 г., *Россия XXI*, no. 1 (2023): 30–53.

17 В. Д. ГРЕКОВ, *Törvényszerűségek a feudális Európa parasztságának történetében* (Budapest: Egyetemi Nyomda, 1948); В. Д. ГРЕКОВ, *Az orosz művelődés forrásai és a Kievi Ruszj művelődése* (Budapest: Egyetemi Nyomda, 1948); В. Д. ГРЕКОВ, *Az orosz állam kialakulása* (Budapest: Egyetemi Nyomda, 1948).

переводчиком с русского на венгерский выступил как раз Й. Перени. Можно допустить, что это был не случайный выбор, ибо венгерский историк мог познакомиться с Б.Д. Грековым во время работы в Москве в 1946–1947 гг. К сожалению, никаких свидетельств эпистолярных контактов между историками пока обнаружить не удалось¹⁸. Тем не менее, из отрывочных свидетельств видно, что советский академик с большой симпатией относился к венгерскому ученому. В отчете о поездке в Будапешт, составленном для АН СССР, Б.Д. Греков сообщал, что Й. Перени желал бы получить советские книги по русской палеографии, необходимые ему для преподавания в университете. Академик просил помочь в исполнении этого желания¹⁹.

В 1949 г. Й. Перени опубликовал рецензию на книгу Б.Д. Грекова по истории русского крестьянства. Важность исследования советского академика он объяснял тем, что предыдущие обобщающие опыты уже морально устарели. Кроме того, в книге раскрывались закономерности, которые могли быть сопоставимы с аналогичными явлениями в Восточной Европе, а, значит, и в истории венгерского крестьянства. Й. Перени заключал: «Эта книга настолько важна для венгерской историографии, что ее следует перевести как можно скорее»²⁰. Примечательно, что в этой рецензии венгерский историк старался следовать официальному советскому историческому нарративу. Он цитировал ленинское «Развитие капитализма в России» и признавал сталинскую идею, будто формирование в России централизованного государства ускорилось сложной внешнеполитической обстановкой и давлением

18 Личный фонд Б. Д. Грекова в Архиве РАН (Ф. 2238) предельно лаконичен, а личный архив Й. Перени не сохранился вовсе, за исключением некоторых служебных бумаг, которые он передал своему ученику профессору Дюле Сваку.

19 Архив РАН. Ф. 579. Оп. 2. Д. 647. Л. 8. В Восточно-Европейском научном институте, который был создан вместо упраздненного Научного института Пала Телеки, Й. Перени отвечал за книгообмен с Советскими союзом. Известно, к примеру, его письмо от 11 мая 1949 г. в Фундаментальную библиотеку общественных наук АН СССР. В нем венгерский историк просил прислать в Будапешт выпуски «Красного архива», «Исторических записок», «Вестника деревней истории», «Советской этнографии» и «Советской археологии» (Eötvös Loránd Tudományegyetem Egyetemi Levéltár. 107. Kelet-Európa Története Tanszék. 1. d) Vegyes iratok. 1950–1980).

20 J. PERÉNYI, «Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в.», *Századok*, 83. évf. 1–4. szám. (1949): 332. Среди личных бумаг Й. Перени, которые он передал своему ученику Д. Сваку, сохранилась недатированная записка о важности перевода книги, в которой констатировалось: «Данная работа окажет большую методологическую помощь исследователям истории венгерских крестьян, а также укажет путь ко многим теоретическим вопросам, которые в настоящее время являются дискуссионными в нашей стране».

иностранных держав, хотя экономические предпосылки для складывания такого государства не были в полной мере соблюдены. Резюмируя свои выводы, Й. Перени называл книгу Б.Д. Грекова примером мастерского применения диалектического материализма.

Несмотря на почтительный тон отзыва, венгерский историк не скрывал своего несогласия с советским коллегой по ряду вопросов. Й. Перени обратил внимание, что Б.Д. Греков в своем исследовании порой путал значение термина «соха» – как инструмента для вспашки земли и единицы налогообложения. Замечание – отнюдь не праздное, поскольку Й. Перени взялся за перевод труда Б.Д. Грекова и столкнулся с трудностями в переложении русских исторических терминов на венгерский язык.

В ПЛЕНУ «СТАРЫХ БУРЖУАЗНЫХ ПЕРЕЖИТКОВ»

Маленькая, на первый взгляд, ремарка едва не стоила ученому карьеры. Если в рецензии 1947 г. на «Историю дипломатии» еще можно было смело спорить с советскими авторами, то теперь даже мелкое критическое замечание в адрес советской науки оборачивалось незамедлительными последствиями. Происходила стремительная перестройка венгерской историографии на советский лад²¹.

Однажды за обедом в университетской столовой Й. Перени поделился с коллегой трудностями, возникшими при переводе «Крестьян на Руси», и, в частности, рассказал о противоречивом толковании термина «соха». Коллега не преминул донести на Й. Перени, который незамедлительно подвергся идеологической проработке. Он был обвинен в «неправильном отношении к советской науке и остатках объективизма

21 О воздействии на венгерскую историографию см. подробнее: GLATZ F., «Történetírás Magyarországon, 1949–1990», *Történelmi Szemle*, 53. évf. 3. szám. (2011): 315–334; Romics I., *Clio bővületében. Magyar történetírás a 19–20. században-nemzetközi kitekintéssel* (Budapest: Osiris Kiadó, 2011): 356–371. Бастионом марксисткой историографии должен был стать Институт истории Венгерской академии наук. Й. Перени влился в ряды его сотрудников после ликвидации в 1949 г. Восточно-Европейского научного института (Kelet-európai Tudományos Intézet). Одновременно кафедра истории СССР во главе с советским заведующим была создана в Будапештском университете (В.С. Груздинская, М.В. Ковалев, «Кафедра истории СССР в Будапештском университете: штрихи к советизации венгерской науки и высшей школы в 1950-е гг.», *История*, т. 14, no. 12 (134), ч. II (2023) [Электронный ресурс]. URL: <https://history.jes.su/S207987840029564-9-1>, <https://doi.org/10.18254/S207987840029564-9>).

в научной работе» и в самом начале 1951 г. исключен из рядов Венгерской партии трудящихся²². Й. Перени был вынужден каяться в том, что он так и не смог освободиться от «старых буржуазных пережитков» в научной работе, и одновременно ему пришлось выучиться на автомеханика, чтобы иметь заработок в случае изгнания из Академии²³.

Внедрение сталинских практик управления наукой в Венгрии имело разные проявления. На опыте Й. Перени видно, что к числу таковых относились идеологические проработки, публичные критика и самокритика, изгнание неугодных. Но были и иные практики, на первый взгляд, вполне гуманные и даже патерналистские по отношению к ученым. К таковым относилась идея научного планирования, которая повсеместно внедрялась в восточноевропейских странах. На официальном уровне она была призвана поддерживать исследования, укрепить их материальную базу, развить научную инфраструктуру. В реальности план стал восприниматься как необходимая и неотъемлемая составляющая исследовательской работы. В ряде случаев оценка его выполнения незамедлительно сделалась средством идеологического контроля. И, что важно, план должен был не просто выполняться, а перевыполняться.

В 1950 г. в Венгрии был выработан первый пятилетний план в области развития исторической науки. Жигмонд Пал Пах (Pach Zsigmond Pál; 1919–2001), один из ведущих представителей официальной венгерской историографии того времени, рассказывая об этой пятилетке сотрудникам Института истории АН СССР, с удовлетворением отметил, что план «направил нашу исследовательскую работу на правильный путь и создал такие условия для нашей научной работы, каких наша историческая наука еще никогда не имела»²⁴. В 1950 г. сотрудники Института истории Венгерской академии наук в поисках эффективной модели соцсоревнования в науке решили обратиться за наставлениями к советским ученым, а именно – к Б.Д. Грекову. И тогда вспомнили о Й. Перени. Тот написал в Москву, откуда пришли «Указания академика Б.Д. Грекова венгерским историкам», датированные 20 октября 1950 г.²⁵ Среди бумаг Й. Перени, которые он впоследствии передал своему

22 СВАК, «Параллельные биографии – судьба историка в Советском Союзе и Венгрии», 59.

23 Ibid, 59–60.

24 Архив РАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 343. Л. 3.

25 СВАК, «Параллельные биографии – судьба историка в Советском Союзе и Венгрии», 60.

ученику Д. Сваку, сохранился венгерский перевод этих наставлений. Советский академик делился своими взглядами на нормы работы для научных сотрудников, на значение коллективных и индивидуальных трудов, на роль научного планирования и социалистического соревнования. Последнему Б.Д. Греков отводил особое место, причем явно из личных побуждений. Он рассказывал венгерским коллегам: «О моем личном участии в социалистическом трудовом соревновании могу рассказать следующее: „Коллега по нашему институту пригласила меня на соревнование. Она предложила мне написать историю крестьянства, а сам взялся написать историю рабочего класса России. Я принял вызов и написал свою книгу... Мой оппонент все еще работает над своей работой. Что касается сроков, то тут победил я. Что же касается качества, это мы увидим после публикации книги моего коллеги».

Итак, хотя Й. Перени исключили из партии, но с работы не уволили. Как метко выразился венгерский историк Дюла Свак, «Йозеф Перени был обязан академику Грекову не только своей бедой, но и “спасением”»²⁶.

ВЕНГЕРСКИЙ ИСТОРИК И ПРАКТИКИ РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ СОВЕТСКОЙ НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Венгерской науке требовались ученые со знанием русского языка, способные общаться и переписываться с коллегами, читать научную литературу и делать ее обзоры, а также переводить. Й. Перени всеми этими навыками обладал, что во многих случаях делало его незаменимым специалистом, которому можно простить даже «буржуазные пережитки». Но эта незаменимость не подразумевала полной творческой свободы. Й. Перени, как и многие его современники, был вынужден приспособливаться под новые историографические каноны. Это отчетливо видно на примере его рецензий 1952 г. на книги советских авторов.

Оценивая книгу Аркадия Самсоновича Ерусалимского «Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX века» (1951) Й. Перени восхищался, как автору мастерски удалось провести критику немецких и английских изданий источников на основе марк-

26 Ibid, 60.

систко-ленинского учения, ведь эти издания изначально были призваны ввести в заблуждение наивных «буржуазных историков» и сыграть на руку «сознательным фальсификаторам»²⁷. Говоря о сборнике «Революция 1905–1907 гг. в национальных районах России» (1949) под редакцией Анны Михайловны Панкратовой и Аркадия Лавровича Сидорова, венгерский историк принимает тезис о передовом русском рабочем классе, который находился в авангарде революции, и который смог поднять на борьбу национальный пролетариат на окраинах. Именно революция 1905–1907 гг. расшатала основы «тюрьмы народов» (Й. Перени дословно повторял этот советский термин), и дала возможность русским и нерусским представителям рабочего класса бороться сообща, чтобы, спустя десятилетие, «они смогли успешно пожать друг другу руки, сбросить общее иго, давящее на плечи каждого, и развиваться в новом социалистическом государстве»²⁸. В том же 1952 г. Й. Перени написал отзыв о монографии Леонида Алексеевича Никифорова «Русско-английские отношения при Петре I» (1950). Венгерский историк высоко оценивал работу советского ученого, с пиететом отзывался он и о царе-реформаторе. При этом Й. Перени делал акцент на «антироссийском направлении английской внешней политики» и ее двуличии, постоянных «махинациях англичан», и исходящих от них «клевете, лжи, шантаже и вооруженных угрозах». Россия же выступала в ту эпоху как гарант европейской стабильности, и эта ее роль, как отмечал венгерский автор, «буржуазными историками» до сих пор замалчивается²⁹.

В начале 1950-х гг. Й. Перени активно выступал как переводчик и комментатор трудов советских историков, издававшихся в Венгрии. В начале 1950-х гг. вместе с Матиашем Дьони, Иштваном Боржаком, Ласло Мезеи и Петером Ваци он участвовал в подготовке издания хрестоматии по истории Средних веков Николая Павловича Грацианского и Сергея Даниловича Сказкина, предназначавшейся для использования в венгерских школах³⁰. В середине 1950-х гг. благополучно завершилась история с переводом на венгерский язык той самой книги Б.Д. Грекова

27 J. PERÉNYI, «А. С. Ерусалимский. Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX века», *Századok*, 86. évf. 1. szám. (1952): 269.

28 J. PERÉNYI, «Революция 1905–1907 годов в национальных районах России», *Századok*, 1952. 86. évf. 1. szám. (1952): 272.

29 J. PERÉNYI, «Л. А. Никифоров: Русско-английские отношения при Петре I», *Századok*, 86. évf. 2. szám. (1952): 269–270.

30 N. P. GRACIANSZKI, Sz. D. SZKAZKIN, *Középkori történeti chrestomathia* (Budapest: Tankönyvkiadó Vállalat, 1952. I. köt.; 1953. II. köt.) Третий том вышел в 1956 г. уже без участия Й. Перени.

о крестьянах на Руси с древнейших времен до XVII в., критическая ремарка в адрес которой едва не стоила ему карьеры³¹.

Научными переводами советской исследовательской литературы Й. Перени будет заниматься на протяжении всех последующих лет жизни³². Перевод выступал для него одним из лучших способов интеллектуального трансфера. Он был убежден, что научное знание рождается исключительно в результате обмена идеями, на перекрестке разных традиций, а потому так важно изучать зарубежный, в том числе советский, опыт. Тем более что были области знания, где советско-венгерское сотрудничество объективно казалось необходимым. Таковой, в частности, была область археологии и древней истории, поскольку предки венгров когда-то пришли в Центральную Европу из глубины евразийских степей. Й. Перени предысторией венгров тоже интересовался. Потому, например, он очень высоко оценил учебник «Основы археологии» Артемия Владимировича Арциховского, увидевший свет в 1954 г. Й. Перени отмечал, что книга является прекрасным справочником и полезным руководством для всех тех, кто, исследуя венгерскую предысторию, хочет ознакомиться с отличными результатами советских археологов. Но книга обрисовывает важные задачи и для венгерской науки, она навевает мысль о том, «насколько нужен был бы аналогичный венгерский учебник или справочник, который бы окончательно обобщил результаты археологических исследований на территории Венгрии, с одной стороны, и в бывших местах проживания венгров, с другой стороны, в краткой и понятной форме»³³. То есть, учебник А.В. Арциховского, по мнению Й. Перени, должен стать стимулом и для венгерских специалистов.

31 B. D. GREKOV, *Az orosz parasztság története a legrégibb időktől a XVII. századig* (Budapest: Akadémiai Kiadó, 1956. 1. köt.; 1957. 2. köt.). О том, как непроста была работа, Й. Перени описал в кратком предисловии к рабочей версии перевода. В частности, трудности касались перевода на венгерский язык древнерусских терминов (Eötvös Loránd Tudományegyetem Egyetemi Levéltár. 107. Kelet- Európa Története Tanszék. 1. a) A Szovjetunió Története Tanszék iratai. 1953–1956).

32 В начале 1960-х гг. Й. Перени выступил научным редактором венгерского перевода третьего тома «Всемирной истории, подготовленной советскими учеными под редакцией Евгения Михайловича Жукова (J. M. Zsukov (Fősz.), *Világtörténet, III. köt.* (Budapest: Kossuth Könyvkiadó, 1963). В 1970 г. он опубликовал перевод книги Р. А. Авербуха о России и Венгерской революции 1848–1849 гг. (R. A. AVERBUCH, *A magyar nép szabadságháborúja 1848–49-ben* (Budapest: Akadémiai Kiadó, 1970)).

33 J. PERÉNYI, «А. В. Арциховский, Основы археологии 1954», *Századok*, 89. évf. 4–5. szám. (1954): 787.

РЕВОЛЮЦИЯ 1956 ГОД В СУДЬБЕ ЙОЖЕФА ПЕРЕНИ

1956 год оказался поворотным не только в судьбе Венгрии, но и в жизни Й. Перени. 15 октября 1956 г. в Будапешт приехал советский историк, директор Института истории АН СССР Аркадий Лаврович Сидоров (1900–1966). Он встречался с ведущими венгерскими историками, а 22 октября познакомился с Й. Перени³⁴. На следующий день историки снова общались и, вероятно, ездили вместе на развалины древнеримского города Аквинкум. По пути назад, к центру города, А.Л. Сидоров стал свидетелем демонстраций под лозунгами «Долой сталинизм!», «Свобода и независимость!», «Вывод Советских войск!». Й. Перени пытался объяснить ему политическую ситуацию, и тот факт, что основной огонь критики ведется против сталинистов³⁵. В последующие дни революционных потрясений А.Л. Сидоров провел фактически в заточении в отеле на острове Маргит, и вплоть до эвакуации 31 октября вел дневниковые записи. Й. Перени звонил ему в отель ночью 24 октября, обещая навестить. В итоге встретиться историкам не удалось. Свою роль, вероятно, сыграла трагическая история. 25 октября профессор Золтан Тот (Tóth Zoltán; 1911–1956), заведующий кафедрой истории стран народной демократии Европы и декан гуманитарного факультета, был убит шальной пулей около здания партийного комитета, куда университетская делегация направлялись для посреднических переговоров между восставшими и правительством.

7 декабря 1956 г. Совет гуманитарного факультета принял решение объединить кафедры истории СССР и истории стран народной демократии. Наиболее подходящей фигурой для заведования новым структурным подразделением сочли Й. Перени, который тут же предложил назвать его кафедрой истории Восточной Европы³⁶.

ГЛАВА КАФЕДРЫ ИСТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

С 1 января 1957 г. официально начался новый этап в научной и административной карьере Й. Перени, который ушел из сугубо академиче-

34 В.С. Груздинская, А.С. Стыкалин, *Будапештская осень профессора А.Л. Сидорова: советский историк в водовороте венгерской революции 1956 года* (Саратов: Техно-Декор, 2024): 31.

35 Ibid, 34.

36 Ibid.

ской науки, и полностью сосредоточился на университетской работе. В том же году была издана его книга о русинах³⁷, на которой следует остановиться несколько подробнее. Еще 1951 г., когда Институт истории Венгерской академии наук приступил к подготовке учебника по истории Венгрии для высших школ, нескольким научным сотрудникам было поручено заняться историей ближайших соседей венгров с конца XVIII в. по 1918 г. Данное направление обосновывалось тем, что именно в указанную эпоху национальный вопрос вышел на первый план. Было важно понять, как этот вопрос подтачивал сначала Австрийскую, а затем и Австро-Венгерскую империю. Й. Перени было поручено заняться историей русинов от подавления Революции 1848 г. и до начала Первой мировой войны. Результатом исследований и стала упомянутая небольшая по объему, но во многих отношениях актуальная и сегодня книга. Думается, что интерес к истории русинов отражал устремления Й. Перени к занятиям компаративной историей Восточной Европы, которая будет красной нитью проходить через все его последующее научное творчество. И, что важно, компаративные исследования Й. Перени мыслил через сотрудничество ученых разных стран, обмен научной информацией и идеями. Примечательно, что в упомянутой книге 1957 г. Й. Перени призывал подключиться венгерских, чехословацких и советских историков к совместному изучению истории русинов³⁸. Перекрестные сюжеты восточноевропейской истории, в которые неминуемое вплетаются и российские сюжеты, все больше волнуют и интересуют венгерского ученого³⁹.

Казалось бы, назначение Й. Перени заведующим кафедрой истории Восточной Европы Будапештского университета должно было упрочить его положение в иерархии венгерских историков того времени и одновременно укрепить его связи с советской наукой. В реальности ситуация была более сложной. Ряд коллег, прежде всего партийных историков, относились к Й. Перени с некоторым недоверием, видя в нем представителя старой школы. Такое же недоверие имело место и с советской стороны. Обратим внимание на отчет о командировке в Венгрию в сентябре — декабре 1957 г. Тофика Муслимовича Исламова

37 Й. ПЕРЕНИ, *Из истории закарпатских украинцев (1849–1914)* (Budapest: Akadémiai Kiadó, 1957).

38 Ibid, 2, 6.

39 См., например: PERÉNYI J., «Az orosz évkönyvek magyar vonatkozásai» in *Tanulmányok a magyar-orosz irodalmi kapcsolatok köréből, I. köt* (Budapest: Akadémiai Kiadó, 1961): 28–54.

(1927–2004). Советский историк встречался с Й. Перени и сотрудниками его кафедры. Венгерский профессор заверял коллегу в важности развития более тесных контактов с историками из СССР и выражал желание приехать в Москву и Ленинград для работы в архивах. Интересна и содержащаяся в отчете ремарка о неудобных вопросах, озвученных сотрудниками кафедры. В числе таковых была оценка территориального расширения России, в том числе применительно к венгерским реалиям. Преподаватели кафедры рассказывали, что студенты нередко спрашивали у них: если присоединение Кавказа и Средней Азии к России в советской историографии трактуется как прогрессивное, то почему нельзя говорить того же о присоединении к Венгрии Трансильвании, Словакии, Закарпатской Украины, Хорватии, Славонии и Баната⁴⁰. Провокационный вопрос, с точки зрения официального советского канона, задал и сам профессор Й. Перени: можно ли отрицать роль варягов в образовании Древнерусского государства, когда они многократно упоминаются в самих древнерусских источниках. Подобные расспросы явно смущали Т.М. Исламова. В своем отчете он сделал следующее заключение, которое уместно привести полностью: «Характерно, что Переньи⁴¹ склонен отрицать марксистское учение о нации, в особенности о буржуазных и социалистических нациях. Вот всяком случае, он убежден, что к истории Венгрии и венгерского народа это учение неприменимо. Мне показалось тогда, во время этой беседы, и теперь кажется, что Переньи, бывший буржуазный ученый, не успел или не сумел до сих пор по-настоящему изучить марксизм и овладеть его историческим методом. Беда в том, что даже ошибочные, неверные взгляды Переньи, человека несомненно способного, эрудированного, к тому же хорошо образованного, подхватываются молодежью, в частности, аспирантами – его учениками. Две причины заставляют меня подробно останавливаться на этом примере: первая заключается в том, что мы, как мне кажется, кровно заинтересованы в том, чтобы преподавание истории нашей Родины в странах народной демократии, особенно в такой стране как Венгрия, где остатки национализма и шовинизма все еще дают о себе знать, было бы поставлено на должном уровне. Во-вторых, пример Переньи довольно типичен для характеристики современного положения интеллигенции. Среднее звено (и по положению, и по возрасту) научных работников и преподавателей составлено, главным образом, из

⁴⁰ Архив РАН. Ф. 579. Оп. 2. Д. 76. Л. 43–44.

⁴¹ Т.М. Исламов использовал такое написание фамилии.

людей, прошедших буржуазную школу, которым нелегко немедленно и полностью освободиться от старых привычек и убеждений»⁴².

В то же время, помимо недоверия и непонимания, в отношении с советской стороной вкрадывались и бюрократические проблемы. Парадоксально, но факт – Й. Перени как заведующий кафедрой истории Восточной Европы долгое время не мог получить командировку в СССР, и это несмотря на то, что Московский и Будапештский университеты еще в начале 1956 г. инициировали усиление сотрудничества, включая академические обмены⁴³. 17 апреля 1959 г. он обращался к давнему знакомому А.Л. Сидорову с просьбой помочь приехать в Москву, а именно – поспособствовать официальному приглашению от лица Института истории АН СССР. В этом случае, как информировал Й. Перени, Венгерская академия наук сможет оплатить исследовательскую поездку. Это была единственная надежда, поскольку Министерство высшего образования категорически отказывало ему в возможности поехать в Советский Союз: «Если бы я был только преподавателем, [а не заведующим кафедрой], я уже давно мог бы получить командировку под предлогом изучения преподавания истории в СССР. Это хотя и странно, но – к сожалению – так и есть»⁴⁴.

ВСТРЕЧИ С СОВЕТСКИМИ ИСТОРИКАМИ

Если анализировать контакты Й. Перени с историками из СССР, то бросается в глаза парадоксальная черта. Венгерский ученый публиковал свои исследования в Москве⁴⁵, писал рецензии на работы советских авторов⁴⁶, его работы цитировали советские коллеги. Но из системы

42 Архив РАН. Ф. 579. Оп. 2. Д. 76. Л. 44–45. Справедливости ради нужно сказать, что впоследствии Т. М. Исламов пересмотрел свои взгляды и суждения, отринув прежний догматизм. От старших коллег известно, что он стыдился своего отчета о поездке 1957 г.

43 См.: *Советско-венгерские отношения. 1948–1970 гг.: Документы и материалы* (Москва: Издательство политической литературы, 1974), 88–91.

44 Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 632. Карт. 93. Ед. хр. 42. Л. 1.

45 Й. ПЕРЕНИ, «“Русский вопрос” в политике венгерских повстанцев в начале XVIII в.» в *Международные связи России в XVII–XVIII вв.* (Москва: Наука, 1966): 358–380; Й. ПЕРЕНИ, «Угры в “Повести временных лет”» в *Летописи и хроники, 1973* (Москва: Наука, 1974), 37–47.

46 J. PERÉNYI, «В. Д. Королюк. Древнепольское государство (Москва: Изд. Академии наук СССР, 1957, 216 стр.)», *Századok*, 93. évf. 2–4. szám. (1959): 582–584.

официальных контактов он словно был исключен, или, точнее, не вписывался в нее. Судя по сохранившимся источникам, в СССР он приезжал не часто, правда причиной тому были не только бюрократические препоны, но и проблемы со здоровьем. Известно по крайней мере об одном приезде в Москву – с середины сентября по середину декабря 1960 г.⁴⁷ Статистику командировок венгерского историка еще предстоит выяснить, но можно с уверенностью сказать, что гораздо чаще в 1960–1970-е гг. ему доводилось принимать советских историков в Будапеште, которые приезжали в научные командировки. О ряде таких встреч мы знаем доподлинно из источников.

Так 10–15 октября 1961 г. в Будапеште проходила конференция по истории Возрождения и Реформации в Польше и Венгрии, на которую из Москвы приехали Моисей Менделевич Смирин (1895–1975) и Юлиан Владимирович Бромлей (1921–1990)⁴⁸. Й. Перени, как участник этого же мероприятия, разумеется, имел возможность пообщаться с советскими гостями.

Осенью 1962 г. Й. Перени встречался в Будапеште с академиком Михаилом Николаевичем Тихомировым (1893–1965), который приезжал для переговоров о совместном издании «Хроники венгров» (*Chronica Hungarorum*), составленной в 1480-х гг. хронистом и королевским протонотарием Яношем Туроци (*Turóczy János*; 1435?–1489?). Й. Перени попросил советского коллегу о присылке некоторых научных изданий, что в итоге и было сделано⁴⁹. Правда, этим контакты ученых и ограничились⁵⁰.

Венгерский историк встречался с советскими коллегами и на международных площадках. Так он входил в состав Международной ассоциации по изучению стран Юго-Восточной Европы, созданной под патронажем ЮНЕСКО в 1963 г. Причем Й. Перени стоял у истоков этого исследовательского объединения⁵¹ и был избран его почетным чле-

47 *Slovanská knihovna v Praze. Trezor*. A. V. Florovskij. Krab. XLVIII. № 9: J. Perenyi A. V. Florovskému, b. Это был тот самый выезд, о котором Й. Перени в 1959 г. ходатайствовал перед А.Л. Сидоровым.

48 FÜGEDI E., «A renaissance és a reformáció kérdéseiről tartott Magyar-lengyel konferencia», *Századok*, 96. évf. 5–6. szám. (1962): 858, 863–865, 867.

49 Архив РАН. Ф. 693. Оп. 4. Д. 465. Л. 1.

50 К сожалению, в своем очерке про поездку в Венгрию М.Н. Тихомиров о Й. Перени не упоминал. См.: М. Н. Тихомиров, «Поездка в Венгрию» в *Академик М. Н. Тихомиров: Воспоминания. Дневники. Переписка с учеными* (Москва; Санкт-Петербург: Нестор-История, 2022): 280–287.

51 Н. Тодоров, *Дневник. 1966–1998, том. 1* (София: Изток – Запад, 2007), 84–85; E. Palotás, «Perényi József (1915–1981)», *Századok*, 116. évf. 1. szám. (1982): 189.

ном. С советской стороны в его работе участвовали такие известные историки как Анатолий Филиппович Миллер, Анна Степановна Тверитинова, Владилен Николаевич Виноградов, Владислав Якимович Гросул, Владимир Владимирович Зеленин, Самуил Борисович Бернштейн⁵². В условиях Холодной войны это была важная интеллектуальная площадка, объединявшая ученых СССР, США, Великобритании, Венгрии, ГДР и ФРГ, Чехословакии, Румынии, Греции, Югославии, Албании, Турции, Болгарии, Италии, Австрии, Франции.

Помимо мероприятий Международной ассоциации по изучению стран Юго-Восточной Европы, Й. Перени встречался с советскими коллегами на Международных конгрессах исторических наук. На форуме в Вене в 1965 г. он обратился в своем докладе к особенностям развития Восточной Европы, а в 1975 в Сан-Франциско прочел доклад о государственном централизме в Османской империи, вызывавший оживленную дискуссию⁵³.

В январе 1969 г. в Будапеште побывала делегация советских историков, целью которой было завершить институциональное оформление Советско-венгерской комиссии историков. Возглавил ее академик АН СССР Александр Андреевич Губер (председатель советской части комиссии). Вместе с ним приехали член-корреспондент АН СССР Ю.В. Бромлей (заместитель председателя), Владимир Павлович Шушарин (ученый секретарь) и Т.М. Исламов (член советской части комиссии). Советские ученые посетили ряд научных и образовательных учреждений, в том числе Будапештский университет, где их тепло принял профессор Й. Перени. Он рассказал гостям о работе возглавляемой им кафедры и анонсировал сборник документов о закарпатских украинцах в 1849–1917 гг., который он подготавливал совместно с Марией Майер (Mária Mayer) и в сотрудничестве с Институтом истории Академии наук УССР⁵⁴. Эта встреча остается едва ли не единственным свидетельством связей Й. Перени с Советско-венгерской комиссией историков. Может показаться парадоксальным тот факт, что один из ведущих венгерских

52 Д. Ф. Поплыко, «Международная ассоциация по изучению стран Юго-Восточной Европы» в *Славяноведение и балканистика за рубежом: сборник статей и материалов* (Москва: Наука, 1980): 44–54.

53 NIEDERHAUSER E., «Perényi József (1915–1981)», *Történelmi szemle*, 25. évf. 3. szám. (1982): 595; K.D. ERDMANN, *Toward a Global Community of Historians: The International Historical Congresses and the International Committee of Historical Sciences, 1898–2000* (New York – Oxford: Berghahn Books, 2005): 271.

54 А. А. ГУБЕР, «Советско-венгерская комиссия историков», *Вестник АН СССР*, no. 5 (1969): 103.

специалистов по истории России и Восточной Европы не участвовал в ее работе. Между тем, если присмотреться внимательно, главные роли в работе венгерской части комиссии играли не представители Будапештского университета, а сотрудники Института истории Венгерской академии наук. Прав Д. Свак, указавший, что именно академический институт в ту пору обладал «властными, материальными, инфраструктурными и коммуникативными привилегиями». Именно он, а не Будапештский университет, занимал центральное место в структуре венгерской исторической науки, ориентированной в первую очередь на изучение национального прошлого. Й. Перени и его сотрудники занимались зарубежной историей. И хотя работа их кафедры обрела международную известность, она все равно не вписывалась в полной мере в иерархическую систему официальной венгерской историографии⁵⁵. В то же время не вписывались они и в канон официальной советской историографии. Хотя Й. Перени пытался выстраивать свою концепцию истории Восточной Европы на марксистской основе (но при этом учитывая наработки современной западной науки)⁵⁶, она все равно сильно отличалась от советских нарративов. Й. Перени и многие представители его поколения «стали марксистами поневоле и никогда не смогли в полной мере воспринять “государственный марксизм” советского типа»⁵⁷. Обратимся к выводам Ференца Глаца, заметившего, что многие представители «старой школы», искалеченные опытом войны и фашизма, оставались идейно одинокими в социалистической Венгрии, но при этом продолжали верить в какую-то миротворительную идею⁵⁸.

«СЕКРЕТЫ МАСТЕРСКОЙ ИСТОРИКА»

Для понимания мировоззренческого разрыва между Й. Перени и официальной советской историографией (которая, разумеется, показательно и публично не выражалась) обратимся к его небольшой по

55 СВАК, «Параллельные биографии – судьба историка в Советском Союзе и Венгрии», 66.

56 Perényi J., «Gazdaság- és társadalomtörténeti fejlődési tájak Kelet-Európában» in *Tanulmányok Kelet-Európa történetéből, I. köt.* (Budapest: Eötvös Loránd Tudományegyetem Kelet-Európai Történeti Tanszék, 1972): 5–39.

57 СВАК, «Параллельные биографии – судьба историка в Советском Союзе и Венгрии», 64.

58 GLATZ, *Történetírás Magyarországon, 1949–1990*, 320.

объему, но чрезвычайно содержательной книге «Секреты мастерской историка» (1965)⁵⁹. Это и вводный курс лекций для студентов, и одновременно доступное научно-популярное пособие для всех, кто интересуется историей. Книга живо и увлекательно написана, что явно выделяет ее на фоне монотонных и скучных учебных пособий иных социалистических стран, где каждая мысль непременно подкреплялась цитатами из трудов классиков марксизма-ленинизма и выступлений современных партийных деятелей. Венгерский историк позволяет себе такую степень свободы, которой в ту пору не было у его советских коллег. Чего стоит, например, пассаж: «Основоположники марксизма-ленинизма не были “историками” в строгом смысле этого слова и не “открыли” всех законов истории. Поэтому историки должны быть первыми, кто исследует их и доказывает их достоверность на конкретном материале. Однако их теоретическое оформление может оказаться задачей представителей других дисциплин»⁶⁰. Й. Перени к постулатам марксизма, конечно, отсылает, но весьма ненавязчиво, по ходу текста. Более того, он нередко указывает, пусть и в весьма мягкой форме, на недоработки марксистской историографии⁶¹. В списке рекомендуемой литературы сочинений классиков нет, зато есть отсылки к книгам Шарля Сеньобоса, Робина Джорджа Коллингвуда, Марка Блока и других западных историков. Показательно также упоминание советских авторов в списке литературы. Применительно к вопросам археологических и антропологических исследований в исторической науке, Й. Перени отсылал к трудам Артемия Владимировича Арциховского, Даниила Антоновича Авдусина, Георгия Францевича Дебеца, Якова Яковлевича Рогинского, Максима Григорьевича Левина. Что же касается советских работ о методологии и философии истории, то упомянуты лишь одна – новаторская для своего времени книга молодого ученого Бориса Андреевича Грушина (которому впоследствии суждено будет

59 PERÉNYI J., A történelem műhelytitkaiból (Budapest: Gondolat, 1965).

60 Ibid, 108.

61 Так современную марксистскую историографию он упрекал за малое внимание к производительным силам. Он констатировал, что вместо этого гораздо большее внимание уделяется производственным отношениям, «хотя и они выступают в полной мере лишь в переходные, революционные эпохи». Применительно к венгерской исторической науке Й. Перени делал вывод: «Восемьдесят процентов марксистского синтеза – это политическая и культурная история нашей страны, что, очевидно, не может быть правильным соотношением» (PERÉNYI, A történelem műhelytitkaiból, 101–102)

стать одним из основателей советской социологии) «Очерки логики исторического исследования»⁶² (Москва, 1961).

* * *

Конечно, венгерские историки в кадаровскую эпоху чувствовали себя гораздо более свободно, чем их советские коллеги⁶³, но и у венгерской свободы были свои границы, что наглядно продемонстрировало «дело Иштвана Долманёша», раскрутившееся в начале 1970-х гг. после публикации им учебника по истории СССР⁶⁴. Тем не менее, перемены в венгерской исторической науке были неизбежны. Именно в 1970-е гг. в венгерской исторической науке сформировалась группа молодых исследователей-русистов, прекрасно знакомая как с западной, так и с советской научной литературой, и ей предстояло сыграть важную роль в последующем реформировании венгерской историографии⁶⁵. Хотя Й. Перени с воодушевлением воспринимал активность молодых коллег, сам в обновлении нарратива не участвовал. Он продолжал следить за советской научной литературой, способствовал печатанию

62 Й. Перени говорит о его книге как о «масштабном исследовании», написанном чрезвычайно интересно, но очень трудным философским языком (PERÉNYI, *A történetész műhelytitkaiból*, 179)

63 К примеру, саратовский профессор Леонард Адамович Дербов (1909–1994) (как и Й. Перени – автор первого в своей стране пособия о введении в специальность историка), в своей книге 1978 г. был вынужден, в отличие от венгерского коллеги, не просто сопровождать свои доводы отсылками к классиками марксизма-ленинизма, но и рассказывать об общественно-политической деятельности студента-историка в свете решений XXV съезда КПСС (Л. А. ДЕРБОВ, *Введение в изучение истории* (Саратов: Издательство СГУ, 1978)). Это при том, что Л. А. Дербов получил хорошее историческое образование, владел иностранными языками, переписывался с иностранными коллегами и вообще был человеком всесторонне развитым. Однако степень свободы у советского историка была гораздо ниже, чем у его венгерского собрата. Закономерно, что в середине 1980-х гг. Л. А. Дербов составил записку под красноречивым заглавием «Несколько горьких мыслей о развитии советской исторической науки и причинах ее плачевного состояния» (Л. А. ДЕРБОВ, *Страницы воспоминаний* (Саратов: Издательство СГУ, 2009), 199–202). В биографиях Й. Перени и Л.А. Дербова много параллелизма и сходства. Но главная общая черта их творческих траекторий сводится к тому, что оба знали и понимали гораздо больше, чем могли сказать вслух, а уже тем более написать.

64 См. подробнее: SZVÁK Gy., FARKAS Á., «Túlságosan önkritikus a Szovjetunió nevében», *Népszava*, 27. aug. (2023).

65 GLATZ, *Történetírás Magyarországon*, 322. См. также: Д. СВАК, «Будапештская школа россиеведения: итоги и перспективы», *Quaestio Rossica*, no. 1 (2014), 246.

работ советских историков в Венгрии⁶⁶. В 1980 г., как только представилась возможность выйти на пенсию, Й. Перени воспользовался ею.

Д. Свак связывал пассивность ученого не только с нараставшими проблемами со здоровьем, но также с обострением экзистенциальных травм, полученных на крутых виражах венгерской истории XX в.⁶⁷ И с этим выводом трудно не согласиться. В то же время нельзя отрицать тот факт, что именно научная и преподавательская деятельность Й. Перени, соединившая в себе глубокое знание как западной, так и русской/советской историографии заложила прочный фундамент для формирования Будапештской школы русистов.

References

R. A. AVERBUCH, *Tsarskaia interventsiia v bor'be s vengerskoi revoliutsiei 1848–1849* [Tsarist Intervention in the Fight against the Hungarian Revolution of 1848–1849] (Moskva: Sotsekgiz, 1935).

R. A. AVERBUCH, *A magyar nép szabadságháborúja 1848–49-ben* [The Hungarian People's Struggle for Freedom in 1848–49] (Budapest: Akadémiai Kiadó, 1970).

Arkhiv Rossiiskoi akademii nauk [Archive of the Russian Academy of Sciences]. F. 579. Op. 2. D. 76, 647; F. 693. Op. 4. D. 465; F. 1577. Op. 2. D. 343.

L. A. DERBOV, *Vvedenie v izuchenie istorii* [An Introduction to the Study of History] (Saratov: Izdatel'stvo SGU, 1978)

L. A. DERBOV, *Stranitsy vospominanii* [The Pages of Memories] (Saratov: Izdatel'stvo SGU, 2009)

Eötvös Loránd Tudományegyetem Egyetemi Levéltár. 107. Kelet-Európa Története Tanszék. 1. a) A Szovjetunió Története Tanszék iratai. 1953–1956; d) Vegyes iratok. 1950–1980. [Eötvös Loránd University Archives. 107. Department of Eastern European History. 1.a) Documents of the Department of Soviet History. 1953–1956; d) Miscellaneous Documents. 1950–1980.] K.D. ERDMANN, *Toward a Global Community of Historians: The International Historical Congresses and the International Committee of Historical Sciences, 1898–2000* (New York – Oxford: Berghahn Books, 2005).

FÜGEDI ERIK, "A renaissance és a reformáció kérdéseiről tartott Magyar-lengyel konferencia" [Hungarian-Polish Conference on the Questions of Renaissance and Reformation], *Századok*, 96. évf. 5–6. szám. (1962): 858–875.

B. D. ГРЕКОВ, *Төрвэнсьерүсэгека феудális Еуропа паразьтсэганак төртэнетэбэн* [Regularities in the History of the Peasantry in Feudal Europe] (Budapest: Egyetemi Nyomda, 1948)

66 См., например: Ю.А. КИЗИЛОВ, «А феудализмса валó áттэрэс а кевети сьлávокна́л» in *Tanulmányok Kelet-Európa történetéből I* (Budapest: Eötvös Loránd Tudományegyetem Kelet-Európai Történeti Tanszék, 1972): 41–70; А.Н. СЗАХАРОВ, «Аз орось паразьтсэганак төртэнети fejlödésének диалектикэжа (Аз утöбби эвек төртэнетирásának проблемái)» in *Tanulmányok Kelet-Európa történetéből I* (Budapest: Eötvös Loránd Tudományegyetem Kelet-Európai Történeti Tanszék, 1972): 113–164.

67 Свак, «Параллельные биографии – судьба историка в Советском Союзе и Венгрии», 66.

- B. D. GREKOV, *Az orosz művelődés forrásai és a Kievi Ruszj művelődése* [The Sources of Russian Culture and the Culture of Kievan Rus] (Budapest: Egyetemi Nyomda, 1948)
- B. D. GREKOV, *Az orosz állam kialakulása* [The Formation of the Russian State] (Budapest: Egyetemi Nyomda, 1948).
- B. D. GREKOV, *Az orosz parasztság története a legrégebb időkötől a XVII. századig* [History of the Russian Peasantry from the Earliest Times to the 17th Century] (Budapest: Akadémiai Kiadó, 1956. 1. köt.; 1957. 2. köt.).
- N. P. GRACIANSZKIJ, SZ. D. SZKAZKIN, *Középkori történeti chrestomathia* [Medieval Historical Chrestomathia] (Budapest: Tankönyvkiadó Vállalat, 1952. I. köt.; 1953. II. köt.)
- V. S. GRUZDINSKAIA, M. V. KOVALEV, “Kafedra istorii SSSR v Budapeshtskom universitete: shtriki k sovetizatsii vengerskoi nauki i vysshey shkoly v 1950-ye gg.” [Department of History of the USSR at the University of Budapest: Touches on the Sovietization of Hungarian Science and Higher Education in the 1950s], *Istoriia*, vol. 14, no. 12 (134), part II (2023) [Electronic resource]. URL: <https://history.jes.su/S207987840029564-9-1>, <https://doi.org/10.18254/S207987840029564-9>.
- V. S. GRUZDINSKAIA, A. S. STYKALIN, *Budapeshtskaia osen' professora A.L. Sidorova: sovetskii istorik v vodovorote vengerskoi revoliutsii 1956 goda* [Budapest Autumn of Professor A. L. Sidorov: A Soviet Historian in the Whirlpool of the Hungarian Revolution of 1956] (Saratov: Tekhno-Dekor, 2024).
- V. S. GRUZDINSKAIA, S.O. NAZAROV, “‘Vmeste borolis', vmeste stroim!’ Obraz sovetizatsii i SSSR v memuarakh chekhoslovatskikh istorikov vtoroi poloviny XX v.” [“Together we Fought, Together We Build! “: The Image of Sovietization and the USSR in the Memoirs of Czechoslovak Historians of the Second Half of the 20th Century], *Dialog so vremenem*, no. 89 (2024): 351–367, <https://doi.org/10.21267/AQUILO.2024.89.89.024>.
- A. A. GUBER, “The Soviet-Hungarian Commission of Historians”, *Vestnik AN SSSR*, no. 5 (1969): 101–103.
- P. HATOS, “Diula Sekfü v 1945–1955 godakh” [Gyula Szekfü in 1945–1955], *Slavianovedenie*, no. 3 (2013): 32–43.
- FARKAS ÁDÁM, *Magyar-Szovjet Művelődési Társaság, 1945–1949. Doktori disszertáció* [Hungarian-Soviet Cultural Society, 1945–1949. Doctoral Dissertation]. (Budapest: ELTE, 2021). <https://doi.org/10.15476/elte.2021.083>
- GLATZ FERENC, “Történetírás Magyarországon, 1949–1990” [History Writing in Hungary, 1949–1990], *Történelmi Szemle*, 53. évf. 3. szám. (2011): 315–334.
- JU. A. KIZILOV, “A feudalizmusra való áttérés a keleti szlávoknál” [The Transition to Feudalism among the Eastern Slavs] in *Tanulmányok Kelet-Európa történetéből I.* (Budapest: Eötvös Loránd Tudományegyetem Kelet-Európai Történeti Tanszék, 1972): 41–70.
- M. V. KOVALEV, “‘Liudi, s kotorymi mne prikhodilos' vstrechat'sia, proiavliai k sovetskomu uchenomu ochen' mnogo vnimaniia”: vizit akademika B.D. Grekova v Budapesht v 1948 g.” [“The People Whom I Had the Opportunity to Meet Payed a Lot of Attention to the Soviet Academic”: Academician B. D. Grekov's visit to Budapest in 1948], *Rossii XXI*, no. 1 (2023): 30–53.
- Nauchno-issledovatel'skii otdel rukopisei Rossiiskoi gosudarstvennoi biblioteki [Research Department of Manuscripts of the Russian State Library]. F. 632. Kart. 93. Ed. khr. 42.
- NIEDERHAUSER EMIL, “Perényi József (1915–1981)” [József Perényi (1915–1981)], *Történelmi szemle*, 25. évf. 3. szám. (1982): 595–596.
- PALOTÁS EMIL, “Perényi József (1915–1981)” [József Perényi (1915–1981)], *Századok*, 116. évf. 1. szám. (1982): 189–190.
- PERÉNYI JÓZSEF, *A francia iskolák hatása a magyar okleveles gyakorlat kialakulására* [The Influence of the French Schools on the Development of the Hungarian Diplomatic Practice] (Budapest: Sárkány Nyomda, 1938).

JÓZSEF PERÉNYI, "Documents relatifs à l'intervention armée russe de 1849 en Hongrie" [Documents Relating to the Russian Armed Intervention in Hungary in 1849], *Revue d'Histoire Comparée*, vol. 4, no 3–4 (1946): 319–345.

JÓZSEF PERÉNYI, "V. P. Potemkin (réd.): Istoria Diplomatiá [Histoire de la diplomatie]. Vol. I, Moskva, 1941, Sozegizdat, 556 p. Vol. II–III, Moskva, 1945, Gospolitizdat, 8, 422 et 883 p.", [V.P. Potemkin (ed.): The History of Diplomacy. Vol. I, Moskva, Sotsegizdat, 556 p.; Vol. II–III, Moskva, 1945, Gospolitizdat, 8, 422 and 883 p.] *Revue d'Histoire Comparée*, vol. 5, no. 1 (1947): 319–320.

JÓZSEF PERÉNYI, "B. D. Grekov. Krest'iane na Rusi s drevneishikh vremen do XVII v." [B.D. Grekov. Peasants in Rus' from Ancient Times to the 17th Century], *Századok*, 83. évf. 1–4. szám. (1949): 331–333.

JÓZSEF PERÉNYI, "A. S. Erusalimskii. Vneshniaia politika i diplomatiia germanskogo imperalizma v kontse XIX veka" [A.S. Erusalimskii: The Foreign Policy and Diplomacy of German Imperialism at the End of the 19th Century], *Századok*, 86. évf. 1. szám. (1952): 269–270.

JÓZSEF PERÉNYI, "Revoliutsiia 1905–1907 godov v natsional'nykh raionakh Rossii" [The Revolution of 1905–1907 in the National Regions of Russia], *Századok*, 1952. 86. évf. 1. szám. (1952): 271–272.

JÓZSEF PERÉNYI, "L. A. Nikiforov: Russko-angliiskie otnosheniia pri Petre I" [L.A. Nikiforov: Russian-English Relations under Peter I], *Századok*, 86. évf. 2. szám. (1952): 486–487.

JÓZSEF PERÉNYI, "A. V. Artsikhovskii, Osnovy arkhologii 1954" [A.V. Artsikhovskii: The Fundamentals of Archeology 1954], *Századok*, 89. évf. 4–5. szám. (1954): 786–787.

JÓZSEF PERÉNYI, *Iz istorii zakarpatskikh ukraintsev (1849–1914)* [From the History of the Transcarpathian Ukrainians (1849–1914)] (Budapest: Akadémiai Kiadó, 1957).

JÓZSEF PERÉNYI, "V. D. Koroliuk. Drevnepol'skoe gosudarstvo (Moskva, Izd. Akademii nauk SSSR, 1957, 216 str.)" [V.D. Koroliuk: The Ancient Polish State (Moscow, Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1957, 216 pp.)], *Századok*, 93. évf. 2–4. szám. (1959): 582–584.

PERÉNYI JÓZSEF, "Az orosz évkönyvek magyar vonatkozásai" [Hungarian Aspects of the Russian Yearbooks] in *Tanulmányok a magyar-orosz irodalmi kapcsolatok köréből, I. köt.* KEMÉNY G. GÁBOR (szerk.) (Budapest: Akadémiai Kiadó, 1961): 28–54.

PERÉNYI JÓZSEF, *A történéssz műhelytitkaiból* [From the Historian's Workshop Secrets] (Budapest: Gondolat, 1965).

JÓZSEF PERÉNYI, "'Russkii vopros' v politike vengerskikh povstantsev v nachale XVIII v." ["The Russian Question" in the Politics of Hungarian Rebels at the Beginning of the 18th Century] in *Mezhdunarodnye sviazi Rossii v XVII–XVIII vv.* (Moskva: Nauka, 1966): 358–380.

PERÉNYI JÓZSEF, "Gazdaság- és társadalomtörténeti fejlődési tájak Kelet-Európában" [Economic and Social Development Landscapes in Eastern Europe] in *Tanulmányok Kelet-Európa történetéből, I. köt.* PERÉNYI JÓZSEF (szerk.) (Budapest: Eötvös Loránd Tudományegyetem Kelet-Európai Történeti Tanszék, 1972): 5–39.

JÓZSEF PERÉNYI, "Ugry v "Povesti vremennykh let"" [The Ugrians in the «Russian Primary Chronicle»] in *Letopisi i khroniki, 1973* (Moskva: Nauka, 1974), 37–47.

GYÖRGY PÉTERI, *Academia and State Socialism: Essays on the Political History of Academic Life in Post-1945 Hungary and Eastern Europe* (New York: Columbia University Press, 1998)

D. F. POPLYKO, "Mezhdunarodnaia assotsiatsiia po izucheniiu stran Iugo-Vostochnoi Evropy" [International Association for the Study of South-Eastern Europe] in *Slavianovedenie i balkanistika za rubezhom: sbornik statei i materialov* (Moskva: Nauka, 1980): 44–54.

ROMSICS IGNÁC, *Clio büvöletében. Magyar történetírás a 19–20. században-nemzetközi tekintéssel* [Fascinated by Clio. Hungarian Historiography in the 19th–20th Centuries – with an International Perspective] (Budapest: Osiris Kiadó, 2011)

Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A. V. Florovskij. Krab. XLVIII. № 9: J. Perenyi A. V. Florovskému, b. Slavonic Library in Prague. Vault. A. V. Florovskii. Box XLVIII. No. 9: J. Perényi to A.V. Florovskii, b.

Sovetsko-vengerskie otnosheniia. 1948–1970 gg.: Dokumenty i materialy [Soviet-Hungarian Relations. 1948–1970: Documents and Materials] (Moskva: Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1974).

ANDREJ NYIKOLAJEVICS SZAHAROV, "Az orosz parasztság történeti fejlődésének dialektikája (Az utóbbi évek történetírásának problémái)" [Dialectics of the Historical Development of the Russian Peasantry (Problems of Recent Historiography)] in *Tanulmányok Kelet-Európa történetéből I* (Budapest: Eötvös Loránd Tudományegyetem Kelet-Európai Történeti Tanszék, 1972): 113–164.

Gy. SZVÁK, "Parallel'nye biografii – sud'ba istorika v Sovetskom Soiuze i Vengrii (shtrikhi k portretu Ruslana Skrynnikova i lozhefa Pereni)" [Parallel Biographies – The Fate of a Historian in the Soviet Union and Hungary (Sketches of Ruslan Skrynnikov and József Perényi)], v Gy. SZVÁK, *Na sluzhbe u Klio i vlast' prederzhashchikh: etyudy po rossievedeniiu* (Budapest: Russica Pannonicana, 2014): 57–67.

Gy. SZVÁK, "Budapeshtskaia shkola rossievedeniia: itogi i perspektivy" [The Budapest School of Russian Studies: Results and Perspectives], *Quaestio Rossica*, no. 1 (2014), 241–260. <https://doi.org/10.15826/qr.2014.1.035>

SZVÁK GYULA, FARKAS ÁDÁM, "Túlságosan önkritikus a Szovjetunió nevében" [Too Self-Critical on Behalf of the Soviet Union], *Népszava*, 27. aug. (2023).

M.N. ТИХОМИРОВ, "Poezdka v Vengriiu" [A Journey to Hungary] v *Akademik M.N. Tikhomirov: Vospominaniia. Dnevnik. Peregiska s uchenymi* (Moskva; Sankt-Peterburg: Nestor-Istoriia, 2022): 280–287.

N. TODOROV, *Dnevnik. 1966–1998, tom 1* [A Diary. 1966–1998, vol. 1] (Sofia: Iztok – Zapad, 2007)
J.M. ZSUKOV (Fősz.), *Világtörténet, III. köt.* [World History. Vol. III.] (Budapest: Kossuth Könyvkiadó, 1963).

ГАБОР ДЬЁНИ

РАССТРЕЛ ЦАРСКОЙ СЕМЬИ: ВЕНГЕРСКИЙ СЛЕД¹

THE EXECUTION OF THE ROYAL FAMILY: THE HUNGARIAN TRAIL

In this article we will review the memorial history of the execution of the last Russian tsar, Nicholas II, and his family, not merely listing the most important sources, but describing them, revealing the layers of memory politics and their evolution. In the article we list data in support of the fact that the execution squad included Hungarian “red soldiers.” Based on new Hungarian and Russian archival research, András Verhás, one of the Hungarian members of the potential firing squad who was born in Budapest, was identified with absolute certainty. In our article we present new arguments in favor of the reliability of Johann Meier’s text, which mentions members of the firing squad. The article also concludes that the execution of the former Russian tsar was ordered by Moscow, but that the killing of his wife and children was a local initiative.

Keywords: execution of Nicholas II and his family, Yekaterinburg, András Verhás, Hungarian red guards, Civil war in Russia, 1918, Ipatev House

Gyóni Gábor – Habil. Associate Professor, Eötvös Loránd University, Email: gyoni.gabor@btk.elte.hu ORCID: 0000-0003-4489-7537

¹ Citation: GÁBOR GYÓNI, „Rasstrel tsarskoi sem'i: vengerskii sled [The Execution of the Royal Family: The Hungarian Trail], *RussianStudiesHu* 7, no. 2 (2025): 139–164. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2025.7.17

ВЕНГЕРСКИЕ СЛЕДЫ В РАССТРЕЛЕ ЦАРСКОЙ СЕМЬИ

В ранние часы 17 июля 1918 года в городе Екатеринбурге был расстрелян последний российский император, Николай II и вся его семья, вместе с несколькими прислугами. С венгерской точки зрения это событие имеет особое значение, поскольку, по всей вероятности, расстрельная команда частично состояла из венгерских красноармейцев. С 1990-х годов в различных публицистических изданиях начали появляться противоречивые сведения по этому вопросу. Я начал собирать венгерские данные об этом событии еще в 2000-х годах, когда учился в Уральском университете в Екатеринбурге, когда у меня была возможность провести исследование и в Государственном архиве Свердловской области (ГАСО). С тех пор у меня уже вышло несколько публикаций по данной теме.² В этой статье я хотел бы подвести итоги и проанализировать свои исследования по этой сложной и, можно сказать, «неудобной» теме.

Чтобы раскрыть детали казни, восстановить личности лиц, принимавших решения, и исполнителей, необходимо понять историческую подоплеку этого кровавого события, в том числе и то, как развивались представления о нем до начала профессиональных и полноценных исторических исследований (с начала 1990-х годов).

2 (15) марта 1917 года на железнодорожной станции в Пскове Николай II отрекся от престола в пользу своего брата Михаила. Это решение было принято императором во многом из-за революционных событий в Петрограде, а также под давлением определённых представителей российской политической и военной элиты.³ Через неделю после его отречения от престола Временное правительство арестовало бывше-

2 GYÓNI GÁBOR, A cári család kivégzése Jekatyerinburgban *Oroszvalosag.hu* <https://oroszvalosag.hu/?t1=tortenelem&hid=64> (Дата обращения 02. 11. 2024 г.) 10.; Gyóni Gábor, „Egy gyilkosság anatómiája” in *A pécsi ruszisztika szolgálatában. Bebesi György 60 éves.* Szerk. BENE KRISZTIÁN, HUSZÁR MINÁLY, KOLONTÁRI ATTILA (Pécs: PTE BTK TTI, MOSZT Kutatócsoport, 2018), 350-363.; Gyóni Gábor, A cári család kivégzésének emlékezete, *Interpress Magazin* 39. (2019), 50-55.

3 С. В. Мироненко (Отв. ред.), *Дневники императора Николая II 1894 – 1918.* Том II. Часть 2. 1914 – 1918. (Москва: РОССПЭН, 2013), 295-296. Союзники России по Антанте разными путями сообщали российской верхушке что считают необходимым демократизацию России. Английское и французское давление по этому поводу – особенно с декабря 1916 г. – подтверждается разными источниками. См. например В. Н. Воёйков, *С царем и без царя* (Москва: Воениздат, 1995) 147.

го монарха и его супругу. В августе 1917 года царская семья в сопровождении 45 слуг была выслана из Царского села – где они до тех пор находились под охраной – в «столицу» Сибири Тобольск.

После октябрьского переворота советское правительство весной 1918 года решило перевести бывшего правителя в Москву, где его должны были осудить в рамках масштабного судебного разбирательства. Высший орган советской власти, Всероссийский центральный исполнительный комитет (ВЦИК), 1 апреля принял решение перевезти бывшего царя и его семью в Москву, а 6 уж апреля о том, что узники должны оставаться на Урале. Согласно заявлению, опубликованному ВЦИК 2 мая, бывший правитель, его жена и одна из их дочерей, Мария, были перевезены в «безопасный» Екатеринбург, потому что они якобы хотели сбежать из Тобольска.⁴ Выполняя задание Москвы, отряд, возглавляемый комиссаром по особым поручениям Василием Яковлевым⁵, 30 апреля при весьма интересных обстоятельствах перевез Николая Романова, его жену и дочь Марию в Екатеринбург.⁶

Остается непонятным, почему узников не перевезли дальше, за Урал. Заключенных поместили в захваченный дом богатого уральского купца Николая Ипатьева, расположенный в центре Екатеринбурга, – в официальной терминологии это здание называлось Домом особого назначения (ДОН). Остальные члены семьи были перевезены вслед за ними и прибыли в Екатеринбург 23 мая. В это время все приближенные царской семьи, за исключением нескольких человек, были отпущены.

В 1960-х годах Исай Родзинский, один из сотрудников Уральского ЧК, вспоминал, что царским дочерям, прибывшим из Тобольска, пре-

4 Декреты советской власти Т. II. 17 марта – 10 июля 1918 г. (Москва: Политиздат, 1959), 208.

5 В. Яковлев был родом с Урала. С 1904 г. участвовал в деятельности Российской Социал-демократической Рабочей Партии (РСДРП). Принимал участие в «экспроприациях», то есть в ограблениях банков. До весны 1917 г. он жил в разных странах, в Италии, Франции, Бельгии. С весны 1917 г., уже в Петрограде был доверенным человеком Я. Свердлова, организовал разные конфиденциальные дела (например, иллегальный перевоз оружия). А. Н. Авдонин, *В жерновах революции. Документальный очерк о комиссаре В. В. Яковлеве*. (Екатеринбург: Свердловский областной краеведческий музей, 1995), 11-15.

6 Яковлев отправил узников сначала на восток, в сторону Омска. Поэтому многие думали – в том числе и сами уральские коммунисты – что В. Яковлев на самом деле содействует возможному побегу царя. Из-за обвинений сам Я. Свердлов был вынужден вступить в защиту В. Яковлева. А. Н. Авдонин, *В жерновах революции*, 23–24.; Ю. А. Жук, *Маузер Ермакова. Царевубийца Пётр Ермаков: между славой и забвением* (Москва: Директ-Медиа, 2014), 260-262.

доставлялась возможность свободного отъезда, но они предпочли остаться со своими родителями. Аналогичное предложение получил сопровождавший царскую семью врач Евгений Боткин, который также решил остаться.⁷ Это указывает на то, что в конце мая еще не было никаких решений о ликвидации дочерей бывшего императора.

Командиром ДОН был уральский коммунист Александр Авдеев. В то время охрану дома, вероятно, осуществляли венгерские красноармейцы, о чем пойдет речь далее. 4 июля охрана ДОН была усилена, а Авдеев был смещен и заменен местным коммунистом Яковом Юровским. В это время к дому также прибыла новая внутренняя охрана в количестве десяти человек. Назначение Юровского, непосредственно предшествовало казни, и, по всей видимости, к тому моменту уже было принято решение о необходимости ликвидации бывшего царя. На это указывает и первый советский рассказ о казни царской семьи, опубликованный в 1921 году. Согласно ему принципиальное решение о казни, которое, однако, еще не было окончательно подтверждено, было принято в начале июля.⁸ Примечательно, что после назначения Юровского доктору Деревенько, лечившему до того времени больного царевича Алексея, было запрещено дальнейшее медицинское наблюдение за своим пациентом.⁹

Любопытно, что в конце июня получили широкое распространение недостоверные сообщения об убийстве Николая II. Эти слухи дошли даже до венгерской прессы.¹⁰ Это позволило опровергнуть новость о казни, «прощупать» аудиторию и посеять недоверие относительно достоверности различных сведений о судьбе царской семьи.

13 июля Советское правительство приняло решение о национализации имущества царской семьи Романовых. Это решение было обнаружено лишь 19 июля, после расстрела, что позволяет предположить, что в этот день в Москве обсуждалась судьба царской династии. Кроме

7 Российский Государственный Архив Фонодокументов (далее: РГАФД) Ф. 1. Ед. уч. 12125, <https://statearchive.ru/docs.html> 65 минута записи (Дата обращения: 02 ноября 2024 г.)

8 Н. И. Николаев (ред.), *Рабочая революция на Урале. Эпизоды и факты 1917–1921* (Екатеринбург: Государственное издательство Уральского областного управления, 1921), 20.

9 М. К. Дитерихс, *Убийство царской семьи и членов дома Романовых на Урале*. Ч. 1. (Владивосток: 1922), 44.

10 В. Н. Воёйков, *С царем и без царя 275.*; „II. Miklós cárt Jekaterinburgban meggyilkolták” *Az est* 29 июня 1918 г.

того, в этот же день было принято решение об увеличении полномочий местных судов.¹¹

Можно с уверенностью сказать, что в первой половине июля между Екатеринбургом и Москвой существовал какой-то канал связи, по которому обсуждалась судьба бывшего императора. С уральской стороны эту связь координировал старый большевик Филипп Голощёкин. Он вернулся в Екатеринбург 12 июля после V Всероссийского съезда Советов, на котором была принята Конституция Советской России. Вероятно, на этом съезде обсуждалась и судьба бывшего царя. Примечательно, что Голощёкин в Москве остановился у Якова Свердлова, председателя ВЦИК и номинального главы советского государства.¹²

Важным доказательством связи Екатеринбурга с Москвой является телеграмма от 16 июля, отправленная председателем Петроградского совета Григорием Зиновьевым Ленину и Свердлову около 21 часа. Текст телеграммы гласил (орфография сохранена): «Москву Кремль Свердлову копия Ленину из Екатеринбурга по прямому проводу передают следующее: сообщите Москву что установленного с Филипповым [это партийная кличка Ф. Голощёкина] суда по военным обстоятельствам не терпит отлагательства ждать не можем если ваши мнения противоположны сейчас же вне всякой очереди сообщите Голощёкин Сафаров снесите по этому поводу сами с Екатеринбургом»¹³.

Телеграмма свидетельствует о ранее существовавшей коммуникации между Екатеринбургом и Москвой относительно судьбы царской семьи. Другие элементы этой коммуникации неизвестны. Исходя из текста телеграммы, можно сделать вывод, что уральцы просили окончательного согласия на уже согласованную акцию, то есть, если не будет возражений, должна состояться заранее согласованный «суд» – очевидно, казнь бывшего царя. Вероятно, одобрение было получено. Во всяком случае, на это указывают воспоминания Я. Юровского, опубликованные в 1920 году. В них говорится, что 16 июля из Перми

11 Декреты советской власти Т. III. 11 июля – 9 ноября 1918 г. (Москва: Политиздат 1964), 16-18., 21.

12 В. Н. Соловьёв, *Постановление о прекращении уголовного дела № 18/123666-93 «О выяснении обстоятельств гибели членов Российского императорского дома и лиц их окружения в период 1918-1919 годов» Пункт 6.* <http://nik2.ru/documents.htm?id=266> (Дата обращения 16 сентября 2023 г.)

13 Российский Государственный Архив Социально-Политической истории (далее: РГА-СПИ.) Ф. 588. Оп. 3с. Д. 9. Л. 1-6 (с об.), 7-12; <https://statearchive.ru/docs.html> (Дата обращения 02 ноября 2024 г.)

пришёл зашифрованный приказ о приведении приговора в исполнение.¹⁴

Уже после расстрела, 17 июля, Ленин и Свердлов получили телеграмму из Екатеринбурга, в которой сообщалось, что казнь состоялась, а царская семья была эвакуирована в безопасное место.¹⁵ Почему уральцы лгали Ленину и Свердлову? Предположительно, потому что Москва дала разрешение только на ликвидацию царя, что подтверждается воспоминаниями Петра Ермакова, сыгравшего важную роль в событиях.¹⁶

То, что казнь бывшего царя была согласована с высшим советским руководством, подтверждается в дневниковой записи Льва Троцкого от 9 апреля 1935 года. В своём дневнике он пишет, что судьба царя была решена в Москве, с ведома Ленина и Свердлова.¹⁷

Однако казнь всей семьи, по всей видимости, была самостоятельной инициативой уральцев, что объясняет странности коммуникации между Екатеринбургом и Москвой. 17 июля председатель Уральского совета Александр Белобородов направил телеграмму секретарю советского правительства Николаю Горбунову, в которой, в отличие от предыдущего послания, он сообщил Я. Свердлову, что членов семьи «постигла та же участь, что и Николая», но прессе передадут, что члены семьи погибли во время эвакуации.¹⁸ Однако на самом деле в прессе сообщалось только о смерти бывшего монарха.

Казнь – в результате которой были убиты члены царской семьи: бывший император, его жена, пятеро их детей; их врач Е. С. Боткин, повар И. М. Харитонов, горничная А. С. Демидова, лакей А. Е. Трупп – проводившаяся без преувеличения зверски, с применением огнестрельного оружия и штыков, не могла быть незамеченной, звуки были слышны сотрудникам внешней охраны, размещёнными в близлежащих зданиях, а движение грузовиков, перевозивших тела посреди ночи, также не могло остаться незамеченным.

14 РГАСПИ. Ф. 588. Оп. 3с. Д. 9. Л. 1–6 (с об.), 7–12 <https://statearchive.ru/assets/images/docs/r10/> (Дата обращения 02 ноября 2024 г.)

15 Государственный Архив Российской Федерации (далее: ГА РФ) Ф. 601. Оп.2. Д.27. Л. 8–9, 10–13 <https://statearchive.ru/assets/images/docs/145/> (Дата обращения 02 ноября 2024 г.)

16 Ю. А. Жук, *Исповедь цареубийц. (Убийство Царской Семьи в материалах Предварительного Следствия и в воспоминаниях лиц, причастных к совершению этого преступления)* (Москва: Директ-Медия, 2014), 102., 110.

17 *Trotsky's Diary in Exile, 1935* (Cambridge-London: Harvard University Press, 1976), 80.

18 ГА РФ Ф. 1837. Оп.1. Д.51. Л.1. <https://statearchive.ru/assets/images/docs/283/> (Дата обращения 02 ноября 2024 г.)

О казни бывшего царя было публично объявлено Голощекиным вечером 17 июля в здании театра – в паре сотен метров от дома Ипатьева. 19 июля новость о казни была опубликована в советской прессе.¹⁹ Однако в этом заявлении сообщалось только о казни бывшего монарха, а также о том, что остальные члены семьи были эвакуированы в безопасное место. В сообщении также было указано, что решение о казни принял Уральский совет и оно было одобрено центральным органом власти – ВЦИК.²⁰

21 июля в Екатеринбурге были расклеены плакаты, извещавшие о казни царя. Они повторяли уже известный пресс-релиз.²¹

23 июля главная советская газета на Урале, «Уральский рабочий», опубликовала статью о смерти «Кровавого Николая», в которой в первую очередь пыталась оправдать мотивы казни, утверждая, что его сторонники готовились к организации побега бывшего царя. Через несколько дней после произошедшего о казни бывшего российского правителя стало известно всему миру, но судьба членов его семьи оставалась неизвестна.²²

25 июля белые и чехословацкие войска²³, наступавшие с востока и юга, заняли Екатеринбург. Через несколько дней, официально 30 июля, белые начали расследование обстоятельств казни бывшего императора. Расследование было поручено местному детективу Алексею Наметкину, но всего через неделю, 7 августа, он был отстранен от дела, а вместо него был другой местный следователь Иван Сергеев.²⁴

Дом Ипатьева был впервые осмотрен 2 августа. Начались первые допросы. Первым «крупным уловом» стал местный рабочий по имени Ми-

19 «Николай Романов разстрелян», *Правда* 19 июля 1918 г.

20 Например, «Разстрелял Николая II» *Наш век* 20 июля 1918 г.

21 М. К. Дитерихс, *Убийство царской семьи*, 133., 171.

22 В венгерских изданиях, вышедших 23 июля, впервые сообщили о казни. „A cárt a szovjet kormány végeztette ki” *Az est* 23 июля 1918 г. 26 числа появились и «подробности» о казни, но они не соответствовали к действительности. Тем не менее, и по этому сообщению был казнен только бывший император. „Részletek II. Miklós cár kivégzéséről” *Az est* 26 июля 1918 г.

23 27 мая Чехословацкий корпус захватил Челябинск, в чем его поддержали местные антибольшевистские силы. Антисоветские восстания вспыхнули и в других частях Урала. На железнодорожном вокзале Челябинска – словно предвидя распад Австро-Венгрии – произошел конфликт на этнической почве между чехословаками и венграми. JÓZSA ANTAL, MILEI GYÖRGY, *A rendíthetetlen százezer. Magyarok a nagy októberi forradalomban és a polgárháborúban* (Budapest: Kossuth Kiadó, 1968), 96.

24 Н. Росс (сост.), *Гибель царской семьи. Материалы следствия по делу об убийстве Царской семьи (Август 1918 – февраль 1920)*. (Frankfurt am-Main: Посев, 1987), 7. КОКОЛОВ Н. А., *Убийство царской семьи* (Москва: Алгоритм, 2017), 11.

хаил Летемин, который служил в гвардии ДОН и после казни украл драгоценности и принес домой уцелевшую собаку царской семьи (пес «Юу», побывавший в подвале дома Ипатьевых, позже был перевезен в Англию, а после того, как умер, был похоронен в саду Виндзорского замка).

Летемин был допрошен в августе и октябре. Он утверждал, что непосредственно не видел казни, а некий автоматчик Стрекотин рассказал ему, что и как произошло. По словам Летемина, в казни участвовали десять незнакомцев, «латышей», которых он лично не знал.²⁵

11 августа в камине дома Ипатьева были обнаружены две несгоревшие бумаги. Был найден список членов охраны ДОН, а в нем имена русских рабочих Верхнеисетского завода.²⁶ А сам дом Ипатьева стал штаб-квартирой Радолы Гайды, командующего Сибирской армией, хотя три комнаты были опечатаны для проведения расследования (включая и место казни в подвале).²⁷

С 9 августа большевистская газета «Правда» начала публиковать выдержки из дневника бывшего царя, «доказывая» таким образом ликвидацию. В то же время в российской и иностранной прессе появлялось множество недостоверных сведений и слухов о судьбе царской семьи. Эти измышления стали «питательной средой» для легенд о чудесном спасении царской семьи. Очевидно, с целью запутать интересующихся судьбой бывшего императора и его семьи, эти фальшивые новости появлялись и в советской прессе (особенно в правительственных «Известиях».²⁸

6 декабря сестра очевидца казни, одного из охранников ДОН, Анатолия Якимова дала следственной комиссии довольно точные показания о произошедшем, основанные на рассказе брата.²⁹ Таким образом, к декабрю 1918 года уже три свидетеля – Летемин, Якимова и жена одного из командиров ДОН Павла Медведева, – подтвердили, что не только бывший император, но и вся его семья была уничтожена.³⁰

25 Н. Росс, *Гибель царской семьи*. 75.

26 Н. Росс, *Гибель царской семьи*. 8.

27 М. К. Дитерихс, *Убийство царской семьи*, 217.

28 Например, 8 сентября было опубликовано письмо, якобы написанное Николаем, в котором бывший царь умолял Ленина о пощаде и просил больше продовольственного пособия. А в 22-ого сентября появилась «новость», что тело Николая было перевезено в Омск.

29 Н. Росс, *Гибель царской семьи* 121., 172.

30 Тем не менее уже тогда появились такие рассказы, по которым можно было предположить, что убили не всех членов царской семьи. Работники екатеринбургского железнодорожного вокзала так знали, что царская семья в июле была увезена в

В январе 1919 года адмирал Александр Колчак, который к тому времени провозгласил себя «верховным правителем России», запросил материалы расследования, которые Сергеев передал доверенному лицу Колчака генералу Михаилу Дитерихсу. Сергеев пришел к выводу, что вся семья была убита. Кроме того, он смог приблизительно правильно определить место, где были захоронены останки (Ганина яма).³¹ Однако Дитерихс не был удовлетворен материалами расследования, по крайней мере, это видно из его более поздней книги, в которой он резко критикует деятельность Сергеева, обвиняя его в халатности, а также осыпая своего коллегу антисемитскими упреками.³²

Расследование продолжил омский детектив Николай Соколов, работавший под руководством Дитерихса.³³

В начале 1919 года, еще под руководством Сергеева, расследование добилось большого успеха. В Перми, которая с конца 1918 года находилась под контролем белых, был пойман Павел Медведев, начальник внешней охраны ДОН. Таким образом, отныне следователи могли полагаться не только на косвенные свидетельства, но и на прямые. Медведев дал показания в феврале 1919 года. Он рассказал, что в казни участвовали командир ДОН Яков Юровский, его помощник Григорий Никулин, Петр Ермаков³⁴, его помощник и семеро незнакомых «латышей», и таким образом на каждую жертву приходилось по одному палачу. Эти латыши были членами «латышской» бригады из десяти человек, которая прибыла в ДОН вместе с Юровским в начале июля. Они жили в самом здании в составе внутренней охраны.³⁵ Допрос П. Медведева был первым прямым свидетельством о казни, в котором очевидец – отрицавший свое активное участие в убийстве – утверж-

Пермь. Пермский врач, Павел Уткин в феврале 1919 г. утверждал, что он лично лечил изнасилованную Анастасию Романову с сентября предыдущего года. М. К. Дитерихс, *Убийство царской семьи*, 118.; М. Ферро, *Николай II* (Москва: Международные отношения 1991), 304–305.

31 Н. Росс, *Гибель царской семьи* 10.; В. Н. Соловьёв, *Постановление о прекращении уголовного дела № 18/123666-93* Пункт 4.

32 М. К. Дитерихс, *Убийство царской семьи*, 137–140., 146.

33 Н. А. Соколов, *Убийство царской семьи* 12–13.

34 Петр Ермаков родился в 1884 г., возле Екатеринбургe, на Верх-Исетском заводе. Член РСДРП с 1906 г. Летом 1917 г. организовал красногвардейцев. С мая 1918 г. военный комиссар. Летом 1918 г. под его руководством были подавлены антибольшевистские рабочие восстания в Верх-Исетске и Невьянске. В этих карательных акциях принимали участие и венгерские красноармейцы; Ю. А. Жук, *Маузер Ермакова. Царевубийца Пётр Ермаков*, 29.

35 Н. Росс, *Гибель царской семьи*, 152., 161–162.

дал, что расстрельная команда состояла частично из семи нерусских «латышей», которые прибыли в дом в начале июля, когда Юровский принял командование ДОН.

В ходе работы белой следственной комиссии появились и другие данные, подтверждающие участие венгров в трагедии царской семьи. В апреле и мае удалось допросить и Анатолия Якимова. По его словам, внешнюю охрану ДОН обеспечивали русские рабочие, но во времена первого коменданта Авдеева во внешней охране также служили венгры (но они не имели никакого отношения к расстрелу).

Якимов тоже подтвердил, что после назначения Юровского новая внутренняя охрана состояла из десяти человек, пяти «русских» (Якимов имеет в виду тех, кто знал русский язык), и пяти «латышей» (свидетель считал «латышами» тех, кто не говорил по-русски), они жили в ДОН, были чекисты и приехали из гостиницы «Америка», в которой в то время располагалась штаб-квартира уральской ЧК. Одного из русских звали Кабанов. Казнь была произведена внутренней охраной, покинувшей дом 17 июля. Якимов предполагал, что члены этой внутренней охраны были не латышами, а скорее венграми. Согласно его показаниям, «всех этих прибывших из Американской гостиницы людей мы безразлично называли почему-то латышами. Нерусских мы называли потому латышами, что они были нерусские. Но действительно были ли они латыши, никто из нас этого не знал. Вполне возможно, что они были не латыши, а например мадьяры.»³⁶

Определенные вещественные доказательства также подтверждают предположение о том, что под «латышами» в данном случае следует понимать венгров. В саду дома была найдена записка на венгерском языке, фрагмент письма, адресованного некой Терезе.³⁷ 15 июля некто Андраш Вергас оставил на стене надпись, своей рукой. Она была наполовину на венгерском языке и гласила, что он стоит на страже.³⁸ Дата, указанная на найденной в доме надписи, позволяет предположить, что её автор был членом внутренней охраны, которая прибыла после 4 июля. Согласно показаниям, этот человек участвовал в казни. Очевидно, что он был венгром. Таким образом, материальные доказательства и воспоминания хорошо дополняют друг друга. Действительно, в лагере для военнопленных в Екатеринбурге в это время находилось

36 Н. Росс, *Гибель царской семьи* 285., 340-341., 344.

37 Н. А. Соколов, *Убийство царской семьи*, 226.

38 Н. А. Соколов, *Убийство царской семьи*, 226.

много венгров.³⁹ Во время гражданской войны многие венгерские военнопленные в Екатеринбурге, как и в других городах России, присоединились к красным, создав собственную коммунистическую группу и начав издание собственной газеты под названием «Urali Forradalmar» (Уральский революционер). Именно благодаря венграм, находившимся в Екатеринбурге в 1918 году, в венгерскую прессу просочилась и уникальная информация о судьбе царской семьи.⁴⁰

Пермь была взята красными 1 июля 1919 года. Через две недели они вновь овладели Екатеринбургом. Поражение белых затормозило начатое ими расследование. Но картина казни, разворачивающаяся на основе расследования белых, всё-таки получила широкую огласку в международной прессе. Чтобы противодействовать этому, советы также пытались придумать свой собственный нарратив, явно рассчитанный на западную аудиторию. В конце 1919 года они начали распространять слухи о том, что осенью 1919 года в Перми были осуждены 28 левых революционеров за расстрел царской семьи. Главным виновником был назван некий Яхонтов, который, как утверждалось, был членом Екатеринбургского совета и по собственной инициативе отдал приказ о казни царя. По сообщению прессы, «Яхонтов» и его «товарищи» были приговорены к смертной казни.⁴¹ По-видимому, целью этой информационной спецоперации было переложение ответственности на «Яхонтова и его сообщников». При этом любопытен тот факт, что в фейковых новостях о пермском процессе, представленных западной общественности, уже говорилось о казни всей семьи.

В 1920 году на английском языке вышла первая книга о расстреле царской семьи. Ее автором был журналист Роберт Уилтон⁴², опиравшийся на материалы расследования. При этом книга имеет резко анти-семитский и антигерманский оттенок.⁴³ Также опираясь на материалы расследования составил свой труд Пьер Жильяр, швейцарский учитель царских детей, который находился в окружении царской семьи до мая 1918 года.⁴⁴ Его книга о расстреле царской семьи была опубликована в 1921 году в Ревеле, сначала на французском, а затем на русском

39 Государственный Архив Свердловской области (далее: ГАСО) Ф. 102. Оп. 3. Дело 1., Ф. 102. Оп. 3. Дело 5., Ф. 102. Оп. 3. Дело 17.

40 „Egy honvédzászlós a volt cárról” *Pesti Hírlap* 1 августа 1918 г.

41 Н. Росс, *Гибель царской семьи*, 18. Ю. А. Буранов, В. М. Хрусталёв, *Убийцы царя. Уничтожение династии* (Москва: Терра, 1997), 324–325.

42 ROBERT WILTON, *The Last Days of Romanovs* (London: Thorthon Butterworth, 1920)

43 Н. Росс, *Гибель царской семьи*, 17.

44 П. Жильяр, *Трагическая судьба русской императорской фамилии* (Ревель, 1921), 3.

языке. Жильяр также упоминает, что в казни участвовали иностранцы, которые, по его мнению, были «немецкими военнопленными». Жильяр сам посетил дом Ипатьева, где сфотографировал место казни.⁴⁵

В 1922 году во Владивостоке, столице Дальневосточной республики, была опубликована книга под авторством Дитерихса, которая так же была посвящена расстрелу царской семьи.⁴⁶ Книга содержала богатый фактический материал, но ее ценность снижается из-за резко выраженных антисемитских взглядов автора.⁴⁷ Она трудно читается, мысли автора зачастую поверхностные, неглубокие (обычно наталкивающиеся на какие-нибудь антисемитские тезисы). Но для нас важно, что и Дитерихс подтверждает, что в расстрельной команде были нерусские, среди которых известны имена венгра «Вархата» (это очевидно «Андраш Вергас») и «Лазера Рудольфа», а также латыша «Льякса».⁴⁸

В 1924 году в Париже вышла книга детектива Соколова «Убийство царской семьи». Она была написана почти как приключенческий роман, но, возможно, автор слишком увлекался элементами конспирации.⁴⁹

В начале 1920-х годов вышеупомянутые показания Медведева и Якимова были опубликованы в эмигрантской прессе.⁵⁰ В 1920-х годах информация о расстреле царской семьи стала известна международной общественности в основном от представителей белоэмигрантов.

В 1920 году в России Михаил Покровский, известный историк раннего советского периода, взял интервью у Юровского. Однако этот текст так и не был опубликован для широкой публики. В этом самом первом, еще «свежем» воспоминании Юровский сказал, что 16 июля из Перми была получена телеграмма «о расстреле Романовых». В 18 часов вечера Голощёкин отдал приказ привести приговор в исполнение. Казнь состоялась ранним утром 17 июля. Как ранее Павел Медведев, Юровский точно так же заявил, что в казни участвовали семь «латышей». Двое из них отказались участвовать в убийстве. Странно, что Юровский в этом рассказе почему-то упоминает не одиннадцать, а двенадцать жертв. В нем подробно описывается ледящий холод, который шел от казни, которая дли-

45 П. Жильяр, *Трагическая судьба*, 11–12.

46 М. К. Дитерихс, *Убийство царской семьи*, 14.

47 М. К. Дитерихс, *Убийство царской семьи*, 330., 380.

48 М. К. Дитерихс, *Убийство царской семьи*, 298.

49 Например, он допускает существование масштабной, глубоко замаскированной конспирации с целью освобождения царской семьи.

50 „Стенограмма допросов следователем Е. С. Кобылинского в качестве свидетеля, П. Медведева Ф. Проскурякова и А. Акимова в качестве обвиняемых по делу убийства Императора Николая II” *Историк и современник* 5 (1924): 168–239.

лась дольше, чем предполагалось. В центре повествования — тема сокрытия тел. Можно предположить, что оно было написано с целью в будущем обнаружить «место захоронения».⁵¹

Можно сказать, что в Советской России только в 1921 году состоялось официальное признание убийства *всей* царской семьи. Именно тогда в Екатеринбурге вышла в свет книга «Рабочая революция на Урале», в которой местный партийный лидер Павел Быков, основываясь на рассказах очевидцев, писал о расстреле царской семьи. Тональность повествования знаменует начало новой эры в памяти ликвидации царской семьи: в 1921 г. уральцы уже очень гордятся тем, что именно здесь и именно они казнили «кровавого тирана». Статья Быкова была написана на основе воспоминаний непосредственных участников событий, и в ней можно отчетливо обнаружить элементы, которые позже будут заметно проявляться в рассказах Петра Ермакова (предполагаемая трусость бывшего царя, ведущая роль Ермакова). Нет никаких сомнений в том, что источником этого рассказа был сам Ермаков. Согласно этому тексту, в первых числах июля было принято «принципиальное решение» казнить царя «и его родственников». При этом, в тексте содержится намек на то, что это была местная инициатива, которую Москва лишь приняла к сведению. Согласно этой версии, Ермакову было поручено провести казнь и избавиться от тел. В тексте упоминаются только четыре члена расстрельной команды.⁵² Имя Юровского, ровно как и участие иностранцев, не упоминается. Вся «слава» здесь принадлежит исключительно Ермакову.⁵³

Весной 1922 года Юровский опубликовал ещё одни мемуары под названием «Последний царь нашёл своё место». Однако эта работа также не была предназначена для широкого круга читателей. Эти воспоминания были гораздо более обширными, чем те, о которых он уже рассказывал Покровскому. Что касается расстрельной команды, то Юровский утверждал, что он не был знаком с людьми из внутренней охраны, за исключением одного, который на самом деле был латышом

51 Ф. Ргаспи, 588. Оп. 3с. Д. 9. Л. 1–6 (с об.), 7–12; <https://statearchive.ru/docs.html#9> (Дата обращения 02 ноября 2024 г.)

52 Н. И. Николаев (ред.), *Рабочая революция на Урале*, 20.

53 Несмотря на эту книжку, Москва и в дальнейшем не разъяснила четко для иностранных партнеров судьбу членов царской семьи. 25 апреля в журнале Times было опубликовано интервью с наркомом иностранных дел Чичериным. Здесь Чичерин сказал, что не знает, что стало с царскими дочерьми, и добавил, что бывший император был расстрелян по инициативе местных властей, а на убийство детей не было дано никаких санкций.

по национальности и которого звали Цалмс. Члены внутренней охраны были сотрудниками секретной службы. Интересно, что Юровский в этом тексте с определенным уважением характеризует поведение заключенных (они были просто одеты, дружелюбны). Приказ о казни бывшего монарха он получил 16 июля от местного партийного руководителя. В этом тексте он повторяет, что некоторые «латыши» не хотели стрелять в девочек-детей. Среди участников казни по имени он упоминает только Ермакова, что неудивительно, поскольку автор хочет подчеркнуть, что казнь была исторической справедливостью, осуществленной русским народом. Я думаю, это важное «ментальное» обстоятельство не учитывается теми авторами, которые исключают участие иностранцев в этой расправе.⁵⁴ Юровский приписывает себе главную роль в расстреле царских детей.⁵⁵ (Этот отчет был впервые опубликован в России только в 1993 году.)⁵⁶

В 1920–е годы в России появилось много воспоминаний о казни бывшего монарха и его семьи, которая в то время была предметом открытой гордости.

В 1926 году Павел Быков опубликовал книгу «Последние дни Романовых», ставшую первым в России «монографическим» изданием по данной теме. По сравнению с версией 1921 года, ставшей теперь официальной, в ней нет существенной новизны. Основной акцент в тексте делается на том, что решение о казни было принято на месте. О ходе же казни ничего не сообщается.⁵⁷

В 1927 году в бывшем Екатеринбурге, ставшим к тому моменту Свердловском, был открыт Уральский музей революции, где попытались воссоздать интерьер комнаты казни в духе той роковой ночи, изобразив казнь как героический поступок. 13 марта 1927 г. Юровский передал московскому музею революции свой пистолет, из которого, как он утверждал, был расстрелян последний русский император. Юровский приложил к своему подарку письмо, в котором написал, что именно из этого пистолета были произведены выстрелы в голову царским дочерям, которые вшили в свою одежду бриллианты, поэтому их пришлось застрелить дополнительно, а также наследнику престола,

54 И. Ф. Плотников, *Правда истории. Гибель царской семьи* (Екатеринбург-Москва: За духовность и нравственность, 2003), 221–241.

55 Администрация Президента Российской Федерации (далее: АП РФ). Ф. 3. Оп. 58. Д. 280. Л. 2–22. <https://statearchive.ru/docs.html#9> (Дата обращения 02 ноября 2024 г.)

56 «Исповедь палача» *Источник 00* (1993): 107–117.

57 П. М. Быков, *Последние дни Романовых* (Свердловск: Уралкнига, 1926)

который оказался «удивительно живучим». Пистолет Юровского был конфискован НКВД летом 1935 года – в те времена, когда хвастаться убийством первого лица государства было нежелательно.

10 декабря 1927 г. Петр Ермаков также передал свой пистолет в свердловский музей революции. Он утверждал, что сам застрелил из этого пистолета царя, царицу, наследника и одну из девушек (после ликвидации музея революции в 1946 году пистолет был выставлен на краеведческой выставке и до сих пор находится там).⁵⁸

К десятой годовщине события Уральский институт истории партии запросил воспоминания участников и свидетелей расстрела. П. З. Ермаков, В. Н. Нетребин, А. А. Стрекотин, Г. И. Сухоруков подготовили свои рассказы, но собранные материалы в итоге не были опубликованы.⁵⁹ Примечательно, что сам Сталин приостановил издание, наверное посчитав неприятным прославление казни бывшего первого человека государства.⁶⁰

В 1934 г. Александр Стрекотин вновь опубликовал мемуары, в которых выразил радость, что своими глазами успел видеть казнь. При этом об участии иностранцев в казни он умалчивает.⁶¹ А мемуары Ермакова, подготовленные для свердловского музея, в основном содержали оскорбления в адрес Романовых.⁶²

В первой половине 1930-х годов американский журналист Ричард Халлибертон расследовал трагедию царской семьи. Он посетил Свердловск и взял интервью у Петра Ермакова, которое было опубликовано в 1935 году. Здесь Ермаков, рассказывая о казни, снова сосредотачивается на себе.⁶³

В Венгрии в репрезентативном издании «История венгерских военнопленных» (1930 г.) относительно подробно описывалось то, что было известно в то время, в основном по книге Пьера Жильяра, о расстреле царской семьи. Авторы русского раздела (Аладар Шимонффи и Бенедек Байа), пишут, что в охране бывшего царя действительно были венгры, однако Шимонффи и Байа пытались опровергнуть, что в самом

58 Ю. А. Жук, *Маузер Ермакова. Цареубийца Пётр Ермаков*, 15-16., 50-51.

59 Ю. А. Жук, *Исповедь цареубийцы*, 19-20.

60 Ю. А. Жук, *Маузер Ермакова. Цареубийца Пётр Ермаков*, 58.

61 Ю. А. Жук, *Исповедь цареубийцы*, 549.; Центр Документации Общественных Организаций свердловской Области (далее: ЦДООСО) Ф. 221 Оп. 2 Д. 849. Л. 2-17. <https://statearchive.ru/docs.html#9> (Дата обращения 02 ноября 2024 г.)

62 ЦДООСО Ф. 41 Оп. 2 Д. 434. 1-149. <https://statearchive.ru/docs.html#9> (Дата обращения 02 ноября 2024 г.)

63 RICHARD HALLIBURTON, *Seven League Boots*, 79-86.

расстреле принимали участие наши соотечественники. Здесь они ссылаются на слова генерала Константина Сахарова, одного из бывших командиров белых в Сибири, который побывал в Венгрии и относительно возможного участия венгров в расстреле заявил: «Венгры не способны участвовать в подобном акте».⁶⁴

В период между двумя мировыми войнами в венгерской прессе появлялись различные сообщения о казни, но, как правило, они были лишь осадками волн международной прессы. Например, Григорий Седовский, советский дипломат, который эмигрировал во Францию в 1929 году, был ближайшим сотрудником Петра Лазаревича Войкова — бывшего посла в Варшаве, убитого в 1927 году. Войков с 1917 года возглавлял Екатеринбургский совет. В своих интервью Григорий Седовский рассказал историю казни так, как её слышал от Войкова. Войков на одном праздничном ужине, уже находясь в довольно приподнятом настроении, начал болтать несмотря на то, что ему пришлось дать подписку о неразглашении. Согласно его рассказу, Уральский совет был полон решимости казнить царя, но уральцы всё-таки попросили разрешение центральной власти. А далее следует довольно правдоподобное описание казни.⁶⁵

Однако следует отметить, что в это время в венгерской прессе распространялось множество недостоверных сообщений и слухов о расстреле царской семьи и о возможных выживших.⁶⁶

В 1931 году в Будапеште были опубликованы воспоминания военного врача из Суботицы Артура Мунка о гражданской войне в России. Весной и летом 1918 года Мунк провел долгое время в Екатеринбурге и дал подробное, интересное описание уральского города и жизни тамошней, тогда довольно значительной венгерской общины. Приведенная им информация, например о том, что охрану железнодорожного вокзала Екатеринбурга несли в основном венгерские красноармейцы, подтверждается и другими источниками.⁶⁷ В своих воспоминаниях Ар-

64 BAJA BENEDEK, SIMONFFY ALADÁR, „1918” in *Hadifogoly magyarok története. Második kötet. Az oroszországi hadifogság és a magyar hadifoglyok hazaszállításának története* Szerk. BAJA BENEDEK, LUKINICH IMRE, ZILAHY LAJOS (Budapest: Athenaeum, 1930), 307–436., 373–374.

65 „Új adatok a cári család meggyilkolásáról” *Pesti Hírlap* 16 февраля 1930 г.

66 Только один пример из моря фейков. Французский генерал Жанин рассказывал, что в его распоряжении находится прах царской семьи. „Hogyan irtották ki az orosz cári családot?” *Pesti Hírlap* 30 декабря 1928 г.

67 MUNK ARTUR, *A nagy káder. Egy pleni feljegyzései a forradalmi Oroszországról* (Pantheon), 113.; HAMMERSTEIN JUDIT, *Oroszok és magyarok. Magyar írók Oroszország- /Szovjetunió-*

тур Мунк подтверждает, что охрана ДОН также состояла из венгров. Одного из охранников, с которым он разговаривал, звали Лёринц Барна.⁶⁸

Правда, к работе Мунка тоже следует отнестись критически, поскольку он называет Лёринца Барна человеком Юровского, а это могло быть только после 4 июля. Однако Барна сказал Мунку, что наследник и три его сестры «только сегодня» прибыли в дом (23 мая). Можно предположить, что Мунк впоследствии услышал о Юровском и связал его личность с венгерской гвардией ДОН, в том числе и с внешней охраной (хотя она никакого отношения не имела к Юровскому).

В СССР, начиная с 1930-х годов произошли заметные изменения в памяти о расстреле царской семьи. В знак перемен в конце 1933 года иностранцам было запрещено посещать музей революции в Свердловске.⁶⁹

И именно там 1 февраля 1934 г. Юровский выступил с лекцией на мероприятии, организованном ветеранами-большевиками по вопросу пребывания Романовых на Урале. Интересно, что и в этом рассказе Юровского наблюдаются признаки сочувствия к членам царской семьи.⁷⁰

А Ермаков продолжал писать⁷¹ о произошедшем в духе старых революционных времен. Он с гордостью приписывает себе идею казни *всей семьи*, которая изначально не обсуждалась и которая удивила и Юровского. (Образ Юровского в произведениях Ермакова сильно отличается от того, каким Юровский пытается представить себя сам. И, возможно, Ермаков не без оснований обвинял Юровского в «сентиментальности». По свидетельству (июль 1919 г.) священника Григория, посетившего царскую семью в ДОН, Юровский доброжелательно разговаривал с царской семьей и даже бывало, что крестился в их присутствии.⁷² А Ермаков не колеблясь, продолжает называть Николая II и его жену примитивными и безумными из-за их религиозности.⁷³

Учитывая все это, интересно, что партийные документы Ермакова и официальные автобиографические материалы 1920-х и 1930-х годов не включают в себя упоминания об его участии в расстреле (только его

tapasztalata az 1920–1930-as években (Budapest: Örökség Kulturpolitikai Intézet, 2022), 210.; РГАФД Ф. 1. Ед. уч. 12126, 64 минута записи. <https://statearchive.ru/docs.html#9> (Дата обращения 02 ноября 2024 г.); RÁKOSI MÁTYÁS, *Visszaemlékezések 1892-1925. 2. kötet*, (Budapest: Napvilág, 2002), 249., 511., 622.

68 Мунк А., *A nagy káder*, 188-189.

69 Ю. А. Жук, *Маузер Ермакова. Цареубийца Пётр Ермаков*, 100.

70 Ю. А. Жук, *Маузер Ермакова. Цареубийца Пётр Ермаков*, 99.

71 Ю. А. Жук, *Исповедь цареубийца*, 34.

72 Н. Росс, *Гибель царской семьи*, 388.

73 Ю. А. Жук, *Маузер Ермакова. Цареубийца Пётр Ермаков*, 229.

прежнее членство в партии, тюремное заключение и организацию вооруженных формирований во время гражданской войны). Хотя это событие в его биографии должно было быть хорошо известно, поскольку в феврале 1939 года студенты Свердловского университета обратились к нему с просьбой провести экскурсию в музей.⁷⁴

В мае 1946 года Музей революции в Свердловске был окончательно закрыт. И в том же году Ермакова в сопровождении сотрудников госбезопасности перевезли из Свердловска в Москву, заперли в отеле и приказали ему написать воспоминания о расстреле бывшего императора. После того как это было сделано, его предупредили на Лубянке, чтобы он больше не болтал и не рассказывал о расстреле царской семьи.⁷⁵ В этих мемуарах Ермаков утверждал, что Свердлов по просьбе уральских руководителей санкционировал казнь царя, «но о семье, насколько я помню, не было и речи». Ермаков в очередной раз утверждает, что предложение убить царских детей было его личное. При этом не упоминает, кто был в расстрельной команде (как он писал, у него был соратник - «латыш», но он не знал его имени).⁷⁶

В немецком журнале *7 Tage* 25 августа 1956 г. была опубликована статья бывшего австрийского военнопленного, а затем коммунистического агитатора и члена большевистской партии Иоганна Мейера о расстреле царской семьи. Весной 1918 года Мейер вел агитационную деятельность среди австро-венгерских военнопленных в Уральском военном округе. В ночь с 16 на 17 июля 1918 года он находился в доме Ипатьева. Он жил в Екатеринбурге до 1922 года, после чего переехал в Германию, а затем жил в ФРГ (умер в 1964 году).

В документах Мейера находится лист, датированный 18 июля 1918 г., в Екатеринбурге, в котором указаны имена группы «особого назначения» из Дома Ипатьева, вероятно членов расстрельной команды. Рассказ Мейера и список расстрельной команды часто оценивались в литературе как в целом ненадежный источник (как часть какого-то заговора, или как «манипуляция КГБ»).⁷⁷ Однако с 2007 года, когда были

74 Ю. А. Жук, *Маузер Ермакова. Цареубийца Пётр Ермаков*, 165–170., 173., 183–184., 189–193.

75 Ю. А. Жук, *Маузер Ермакова. Цареубийца Пётр Ермаков*, 92–93.

76 Ю. А. Жук, *Маузер Ермакова. Цареубийца Пётр Ермаков*, 273–274.

77 *Как погибла царская семья. Свидетельство очевидца И. П. Мейера* (Москва: Возрождение, 1990). Подробный анализ Козлова обращает внимание на противоречия текста Мейера. Но по этому же критерию практически любой рассказ о расстреле царской семьи можно исключить из источников, ведь в них тоже масса противоречий (не только сравнивая тексты отдельных рассказчиков, но даже разные рассказы одного и то же человека). В. П. Козлов, *Обманутая, но торжествующая Клио. Поло-*

обнаружены останки царевича Алексея и Марии Романовой, появились новые данные, которые не оставляют сомнений в том, что Мейер был достоверным свидетелем екатеринбургской трагедии. Дело не только в том, что, как видно из текста, повествование свидетельствует о довольно хорошем знании местности. Он говорит о подробностях, которые мог знать только непосредственный свидетель: интерьер дома, быт заключенных, например, то, что бывшая царица называла Алексея *babu*, разговаривала со своими детьми по-английски, что Мария кокетничала с охранниками (что также упоминается в рассказах Ермакова). Местом захоронения останков упоминает «Лес четырех братьев», о котором в то время мог знать только посвященный. Он сообщил достоверные подробности и об уничтожении останков, о которых в то время, в 1956 году, не знал никто, кроме немногих посвященных, и которые могли исходить только от реального очевидца. В описании Мейера говорится, что, когда останки были извлечены из шахт, куда первоначально их бросили, все тела были раздеты, кроме Алексея. И действительно, в 2007 году, когда были обнаружены останки царевича Алексея, там – и только у него – был найден кусок ткани, предположительно тельняшки наследника.⁷⁸

Таким образом, эти элементы доказывают, что воспоминания Мейера, несмотря на их напыщенность, достоверны. Он утверждает, что узнал подробности казни от членов расстрельной команды.

Вот список бойцов «команды особого назначения». По слухам, они были солдатами I Камышловского стрелкового полка, в котором действительно служило много красных венгров. Однако, согласно другим источникам, этот полк не был известен до августа 1918 года⁷⁹: Горват Лаоис, Фишер Анзелм, Эдельштейн Изидор, Фекете Эмил, Над Имре, Гринфелд Виктор, Вергази Андреас. Отдельно три русские фамилии: Вагамов Серге, Медведев Пав, Никулин. И отдельно начальник – Юровский. Всего одиннадцать человек. Примечательно, что венгерские имена написаны по-венгерски, сначала фамилия, потом имя.

Дополнительным подтверждением подлинности листа Мейера является присутствие в нём имени Вергази, который, без сомнения, иден-

ги письменных источников по российской истории в XX в. (Москва: РОССПЭН, 2001), 124–136. Другая точка зрения. Ю. И. Сенин, *Подлинная судьба Николая II или кого убили в Ипатьевском доме?* (Москва: Букинистика, 2010), 320

78 А. А. Иванов, Н. В. Соловьёв, «Заключение о возможности захоронения останков цесаревича Алексея Николаевича (Романова) и великой княжны Марии Николаевны (Романовой) в Петропавловском соборе г. Санкт-Петербурга» *Правительство России* Москва 2015 г., 9. <http://government.ru/news/19632/> (Дата обращения 02 ноября 2024 г.)

79 Плотников, *Правда истории*, 195.

тичен Андрашу Верхашу, оставившему отпечаток своей руки в доме Ипатьева 15 июля (в отличие от утверждений И. Ф. Плотникова, это редкая фамилия). В результате проведенных мною исследований в екатеринбургских архивах удалось выйти на след этого человека, который действительно жил в Екатеринбурге и был венгерским коммунистом. В реестре иностранцев за ноябрь 1920 и 1921 год его имя значится под номером 175. Он был членом партии, его партбилет № 45312. До пленения он служил в 32-м полку. В 1914 году ушел на фронт. Работал на промышленном предприятии в Екатеринбурге.⁸⁰

И следы именно этого человека удалось найти и в венгерских архивах. Его зовут Андраш Верхаш, житель Будапешта, проживал на улице Левенте, номер 10. В 1922 году он был объявлен умершим по просьбе жены Розы Вилк. Андраш Верхаш родился в Будапеште 7 мая в 1893 году, по вероисповеданию – католик, по профессии – токарь. Причиной объявления о смерти стало то, что Андраш Верхаш, зачисленный в 32 полк в декабре 1914 г., попал в плен в России, его отправили в лагерь для военнопленных под Читой (Пещанка), и «с тех пор он не подавал о себе никаких вестей», и на этом основании «вполне вероятно, что его уже нет среди живых».⁸¹ На самом же деле Верхаш в 1922 г. был еще вполне жив. Он поселился в Свердловске, где начал новую жизнь, работая бригадиром завода. Его имя всплыло во время большого террора. В 1938 году он был арестован и приговорен к десяти годам тюремного заключения, а его имя фигурирует в базе данных жертв сталинских репрессий. Там тоже указано, что Вергаш родился в Будапеште в 1893 году. Так что он и есть «наш» Андраш Верхаш.⁸²

Что известно об остальных именах на листе Мейера?

80 Ф. Р. Гасо 102. Опись 3. Дело 1. После 1921 г. приблизительно 150-200 венгров остались жить в Екатеринбурге, Свердловске. Многие из них были коммунистами, членами партии. Известны случаи, когда жены и родственники из Венгрии переселились на Урал за мужами. Известно, что некоторые венгры работали на железной дороге, в милиции, у пожарников, но среди первых студентов открытого в 1921 г. Уральского Университета тоже были венгры. Большинство свердловских венгров в 1937 г. стали жертвами Большого террора. В. П. Мотревич, А. С. Смькалин, «Репрессии в отношении венгров в Свердловской области в 1930-е гг.» *Российский юридический журнал* 6. (2020), 96-102.

81 Budapest Főváros Levéltára VII. 12. B. 1922-192060

82 *Открытый список* [https://ru.openlist.wiki/%D0%92%D0%B5%D1%80%D1%85%D0%B0%D1%88_%D0%90%D0%BD%D0%B4%D1%80%D0%B5%D0%B9_%D0%9C%D0%B8%D1%85%D0%B0%D0%B9%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87_\(1893_\(Дата_обращения_02_ноября_2024_г.\)\)](https://ru.openlist.wiki/%D0%92%D0%B5%D1%80%D1%85%D0%B0%D1%88_%D0%90%D0%BD%D0%B4%D1%80%D0%B5%D0%B9_%D0%9C%D0%B8%D1%85%D0%B0%D0%B9%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87_(1893_(Дата_обращения_02_ноября_2024_г.)))

Имя человека с фамилией Надь фигурирует на партийном собрании военнопленных в Екатеринбурге в июне 1918 года, но это довольно распространенная фамилия.⁸³

Мейер утверждает, что одним из главных источников его повествования был Лайош Хорват. Это имя также фигурирует в других российских документах, например, на губернском собрании чекистов-партийцев в феврале 1920 года, вместе с Мейером, что подтверждает, что между ними действительно были личные отношения и что Хорват (Горват) был чекистом.⁸⁴ В екатеринбургском реестре упоминается под номером 129 (1921 г.). Родился в Шамшоне (Шамшонхаза?), венгр по национальности, крестьянин по происхождению, попал в плен в марте 1915 года. Вероятно, уборщица Валентина Горват, упомянутая под этим же номером, была его женой.⁸⁵ В 1918 году некий Хорват регулярно появлялся в среде пробольшевистских организаций военнопленных в Екатеринбурге, но это имя также является относительно распространенным среди венгров.⁸⁶

В своих воспоминаниях Матяш Ракоши неоднократно упоминал, что именно венгры составили расстрельную команду ДОН. Это было связано с тем, что в 1918 году многие венгры поступили на службу в ЧК. По утверждениям Ракоши, в начале 1920-х годов он лично беседовал с участниками казни, рассказавшими ему все в деталях.⁸⁷

Что касается более поздних источников, здесь следует упомянуть следующие. В 1918 году Михаил Медведев (Кудрин) был сотрудником Уральской ЧК. В 1957 году он закончил свои мемуары «Сквозь враждебные бури». Он хотел опубликовать их с помощью КГБ, но получил отказ. Интересно, что в этих воспоминаниях подчеркиваются почти полностью те же сюжеты, которые встречаются и в дневнике царя (подробности плана дома, замазка окон известью, время прогулок), как будто они были основаны на них.⁸⁸ По словам Медведева-Кудрина, 16 июля

83 G. D. OвИСКИИ (szerk.), *Magyar internacionalisták a Nagy Októberi Szocialista forradalomban és polgárháborúban. Dokumentumgyűjtemény* (Budapest: Kossuth Kiadó, 1967), 146.

84 В. Корн, «А ларчик просто открывался...» Из архива Свердловского истпарта» Фонд 42, опись 2, дело 477 (начато 26 января 1919 г., окончено 2 февраля 1920 г.) *Ruskline.ru* https://ruskline.ru/analitika/2013/02/22/a_larchik_prosto_otkryvalsya/?ysclid=m30isilp61190465591 (Дата обращения 02 ноября 2024 г.)

85 Ф. Р. Гасо 102. Опись 3. Дело 1. 129.

86 G. D. OвИСКИИ (szerk.), *Magyar internacionalisták*, 146., 161.

87 RÁKOSI, *Visszaemlékezések*, 249., 511., 622.

88 РГАСПИ. Ф. 588. Оп. 3с. Д. 12. Л. 1–36 <https://statearchive.ru/docs.html> (Дата обращения 02 ноября 2024 г.)

1918 г. в здании Американской гостиницы произошла встреча, на которой прибывший из Москвы Голощёкин сообщил местным партийным руководителям, что ВЦИК не давал согласия на расстрел царской семьи. Местные уральские рабочие и партийные лидеры требовали казни всей семьи. В казни принимали участие семь «латышей».⁸⁹

В 1963 году, незадолго до своей смерти, Медведев-Кудрин подготовил еще одни мемуары («Расстрел царской семьи Романовых в ночь на 17 июля 1918 г.»). Один из главных «месседжей» этого воспоминания заключается в том, что казнь состоялась вопреки воле Ленина, и Голощёкин сообщил 16-го июля, что советское правительство официально не отдаст приказ о казни. В этом отчете уже подробно описывается ход казни. Он подтверждает, что трое из «латышей» отказались участвовать в казни, и в конце концов именно «латыши», взявшие на себя выполнение задания, закололи служанку Демидовой штыками (члены семьи, пережившие первую партию выстрелов, были убиты Юровским и Ермаковым выстрелами в голову).⁹⁰

Алексей Кабанов был одним из руководителей Уральской ЧК в 1918 году. Его мемуары («Личные записки чекиста Кабанова») были составлены в конце 1950-х годов. Его второе воспоминание – текст, записанный на пленку в 1965 году. Он изображает себя главным действующим лицом казни, который контролировал ход ликвидации, включая устранение «контрольными выстрелами» тех, кто выжил после первых залпов.⁹¹

В 1964 году Никита Хрущев приказал отделу агитации и пропаганды КПСС собрать все материалы о расстреле царской семьи (эту чувствительную работу выполнил небезызвестный Александр Яковлев). Хрущева в первую очередь интересовал вопрос о том, отдал ли Ленин приказ о казни. В соответствии с приказом Хрущева 15 мая 1964 г. были записаны показания бывшего помощника Юровского Григория Никулина и Исаея Родзинского, который тоже был сотрудником уральского ЧК в 1918 г. Никулин бесстрастно рассказывал о казни, в его голосе не было и следа сочувствия, сожаления. Он упоминал, что «латыши» тоже участвовали в убийстве, но презрительно отзывался о тех «слабаках», которые отказались участвовать в расстреле.⁹²

89 Ю. А. Жук, *Исповедь цареубийц*, 229–230.

90 Ю. А. Жук, *Исповедь цареубийц*, 245.

91 Ю. А. Жук, *Исповедь цареубийц*, 137–138., 820.

92 РГАФД Ф. 1. Ед. уч. 12126 <https://statearchive.ru/docs.html> (Дата обращения 02 ноября 2024 г.); А. Н. Яковлев, *Сумерки* (Москва: Материк, 2003), 297.

Родзинский казался более интеллектуальным по натуре, чем Никулин. Шокирует, что в интервью с ним он смеется, бодро рассказывает о ходе казни. Он утверждает, что не знал исполнителей, которые были людьми Юровского.⁹³

Итак, это самые важные известные источники, воспоминания о казни царской семьи, и возможных венгерских исполнителей расстрела. Но не исключено, что некоторые документы еще скрываются. Например, в вышеупомянутом разговоре Родзинский сообщил, что Юровский должен был подготовить подробный письменный отчет о казни лично для Ленина, но этот документ до сих пор неизвестен.⁹⁴ Екатеринбургский академик Вениамин Алексеев отмечает, что имеются документы по этому делу, которые до сих пор закрыты. Например, в 1940-х годах в Свердловске было проведено расследование под контролем Л. П. Берии относительно гибели царской семьи (вероятно, с этим связан выше упомянутый допрос Ермакова в Москве), но результаты этого расследования до сих пор неизвестны.⁹⁵ А Яковлев упоминал, что документы Уральской ЧК, доставленные в Москву в 1918 году, просто исчезли.⁹⁶

Что касается Венгрии, после 1945 года наша историография активно занималась венгерскими военнопленными, принимавшими участие в гражданской войне в России, и в то время появились ценные работы по рассматриваемой теме.⁹⁷ Впрочем, тема расстрела царской семьи, в связи с аналогичными тенденциями в советской историографии, и здесь осталась в тени, лишь на уровне сноски мелким шрифтом было упомянуто, что в охране ДОН были и венгры.⁹⁸

93 РГАФД Ф. 1. Ед. уч. 12125 <https://statearchive.ru/docs.html> 75–76 минута записи (Дата обращения 02 ноября 2024 г.)

94 РГАФД Ф. 1. Ед. уч. 12125 <https://statearchive.ru/docs.html> 75–76 минута записи (Дата обращения 02 ноября 2024 г.)

95 В. В. Алексеев, «Без исторических документов подлинность царских останков не определить» *Pravoslavie.ru* <https://www.pravoslavie.ru/88154.html> (Дата обращения 02 ноября 2024 г.)

96 А. Н. Яковлев, *Сумерки*, 303.

97 Пожалуй, самые главные: GYÖRKEI JENŐ, JÓZSA ANTAL (össz.), *Magyar internacionalisták a Nagy Októberi Szocialista Forradalomban* (Kossuth Könyvkiadó, 1957); G. D. OBICSKIN (szerk.), *Magyar internacionalisták; Tanúságtevők. Visszaemlékezések a magyarországi munkásmozgalom történetéből. Magyarok a Nagy Október győzelméért 1917–1921* (Kossuth Könyvkiadó, 1977)

98 MÜNNICH FERENC, „A tomszki internacionalisták” in GYÖRKEI JENŐ, JÓZSA ANTAL (össz.), *Magyar internacionalisták*, 169–173.; G. D. OBICSKIN (szerk.), *Magyar internacionalisták II. kötet*, 143.; MILEI GYÖRGY, JÓZSA ANTAL, „A magyarok részvételéről a Nagy Októberi Szocialista Forradalomban és a polgárháborúban” *Századok* 5. (1967), 950–985.

Я сам получил от своих читателей письма, которые, возможно, будут интересными. Еще в 2013 г. написал мне некто (который настоятельно просил меня не раскрывать его имя), утверждая, что его дедушка был венгерским красноармейцем на Урале и его товарищи участвовали в расчленении тел царской семьи. А в 2023 г. написал мне некий Армин Федлвари, который сообщил, что его дед, Флейшман Изидор (род. в 1894 г., умер в 1961 г.), сам рассказал, что он во время Первой мировой войны попал в плен, оказался в России, там стал большевиком и якобы лично участвовал в охране и расстреле царской семьи. К сожалению, этот человек после короткой переписки отказался от дальнейшего общения. Но здесь есть два обстоятельства, заставляющих задуматься. Во-первых, это не обычная «солдатская история», такую во время семейного обеда не расскажешь. Во-вторых, имя Изидор действительно довольно редкое. И, согласно листу Мейера, именно так звали одного из расстрельной команды.

References

- „II. Miklós cárt Jekaterinburgban meggyilkolták” [Tsar Nicholas II Has Been Murdered in Ekaterinburg] Az est 29 июня 1918 г.
- V. V. ALEKSEEV, „Bez istoricheskikh dokumentov podlinnost’ tsarskikh ostankov ne oprdelit” [Without Historical Documents We Cannot Determine Authenticity of Tsar’s Remains] *Pravoslavie.ru* <https://www.pravoslavie.ru/88154.html>
- A. N. AVDONIN, *V zhenovakh revoliucii. Dokumentalnii ocherk o komissare V. V. Iakovleve* [In the Millstones of the Revolution: A Documentary Essay on V. V. Iakovlev] (Ekaterinburg: Sverdlovskii oblastnoi kraevedcheskii muzei, 1995)
- BAJA BENEDEK, SIMONFFY ALADÁR, „1918” in *Hadifogoly magyarok története. Második kötet. Az oroszországi hadifogság és a magyar hadifoglyok hazaszállításának története szerk.* BAJA BENEDEK, LUKINICH IMRE, ZILAHY LAJOS (Budapest: Athenaeum, 1930), 307-436.,
- IU. A. BURANOV, V. M. KHRUSTALEV, *Ubiitsa tsar’ia. Unichtozheniia dinastii* [The Tsar’s Assassins: The End of a Dynasty] (Moskva: Terra, 1997)
- P. M. ВУКОВ, *Poslednie dni Romanovykh* [The Last Days of the Romanovs] (Sverdlovsk: Uralkniga, 1926)
- Dekreti sovietskoi vlasti T. II. 17 marta – 10 iulia 1918 g.* [Soviet Government Decrees 17th March – 10th July, 1918] (Moskva: Politizdat 1959)
- Dekreti Sovietskoi vlasti T. III. 11 iulia – 9 noiabr’ia 1918 g.* [Soviet Government Decrees 11th July – 9th November, 1918] (Moskva: Politizdat 1964)
- M. K. DITERIKHS, *Ubiistvo tsarskoi sem’i chlenov doma Romanovykh na Urale* [The Murder of Family Members of the House of Romanovs in the Urals] (Vladivostok: 1922)
- „Egy honvédszászlós a volt cárról” [A Honvéd Ensign on the Former Tsar] *Pesti Hírlap* 1 августа 1918 г.
- M. FERRO, *Nikolai II* [Nicholas II] (Moskva: Mezhdunarodnie otnosheniia, 1991)
- PIERRE GILLIAR, *Tragicheskaiia sud’ba russkoi imperatorskoi familii* [The Tragic Fate of the Russian Imperial Family] (Revel’, 1921)

- GYÓNI GÁBOR, A cári család kivégzése Jekatyerinburgban [The Execution of the Tsar's Family in Yekaterinburg], *Oroszvalóság.hu* <https://oroszvalóság.hu/?t1=tortenelem&hid=64>
- GYÓNI GÁBOR, „Egy gyilkosság anatómiája” [Anatomy of a Murder] in *A pécsi ruszisztika szolgálatában. Babesi György 60 éves. szerk. BENE KRISZTIÁN, HUSZÁR MIHÁLY, KOLONTÁRI ATTILA* (Pécs: PTE BTK TTI, MOSZT Kutatócsoport, 2018), 350–363
- GYÓNI GÁBOR, A cári család kivégzésének emlékezete [Memory of the Execution of the Tsar's Family] *Interpress Magazin* 39. (2019), 50–55.
- GYÖRKEI JENŐ, JÓZSA ANTAL (össz.), *Magyar internacionalisták a Nagy Októberi Szocialista Forradalomban* [Hungarian Internationalists in the Great October Socialist Revolution] (Kossuth Könyvkiadó, 1957)
- RICHARD HALLIBURTON, *Seven League Boots* (Indianapolis: Bobbs-Merrill, 1935)
- HAMMERSTEIN JUDIT, *Oroszok és magyarok. Magyar írók Oroszország-/Szovjetunió-tapasztalata az 1920–1930-as években* [Russians and Hungarians: Hungarian Writers on Russia and Soviet Union in the 1920-1930s] (Budapest: Örökség Kultúrpolitikai Intézet, 2022)
- „Hogyan irtották ki az orosz cári családot?” [How was the Russian Tsar's Family Wiped Out?] *Pesti Hírlap* 30 december 1928
- A. N. IAKOVLEV, *Sumerki* [Twilight] (Moskva: Materik, 2013)
- „Ispoved' palacha” [The Confession of a Headsman] *Istochnik* 00 (1993): 107-117.
- A. A. IVANOV, N. V. SOLOVIEV, „Zakliuchenie o vozmozhnosti zakhroneniia ostankov tsesarevicha Alekseia Nikolaevicha (Romanova) velikoi kniazhni Marii Nikolaevnii Romanovoi v Petropavlovskom sobore goroda Sankt-Peterburga” [A Conclusion on the Possibility of Burying the remains of Tsarevich Alexei Nikolaevich (Romanov) and Grand Duchess Maria Nikolaevna (Romanova) in the Peter and Paul Cathedral in St. Petersburg] *Pravitel'stvo Rossii* 2015. <http://government.ru/news/19632/>
- JÓZSA ANTAL, MILEI GYÖRGY, *A rendíthetetlen százezer. Magyarok a nagy októberi szocialista forradalomban és a polgárháborúban* [The Unwavering Hundred Thousand: Hungarians in the Great October Socialist Revolution and Civil War] (Budapest: Kossuth Kiadó, 1968)
- Kak pogibla tsarkaia sem'ia. Svidetel'stvo ochevidtsa I. P. Meiera* [How Did the Tsarist Family die? An Eyewitness Testimony by I. P. Meier] (Moskva: Vozrozhdenie, 1990)
- V. KORN, „A larchik prosto otkryvalsia” Iz archiva Sverdlovskogo istparta [A Magazine Just Opened. From the Party's History Archives] *Ruskline.ru* https://ruskline.ru/analitika/2013/02/22/a_larchik_prosto_otkryvalsya/?ysclid=m30isilp61190465591
- V. P. KOZLOV, *Obmanutaia no torzhestvuiushchaia Kliio. Pologi pis'mennykh istochnikov po rossiiskoi istorii v XX v.* [Deceived but Triumphant Clío: Canopies of Written sources on the History of Russia in the 20th Century] (Moskva: ROSSPEN, 2001)
- GYÖRGY MILEI, ANTAL JÓZSA, „A magyarok részvételéről a Nagy Októberi Szocialista Forradalomban és a polgárháborúban” [On the Hungarians in the Great October Socialist Revolution and Civil War] *Századok* 5. (1967), 950–985.
- S. V. MIRONENKO (Otv. red.), *Dnevnik imperatora Nikolaia II 1894 – 1918* [The Diaries of Emperor Nicholas II 1894 – 1918] (Moskva: ROSSPEN, 2013)
- V. P. MOTRECICH, A. S. SMYKALIN, „Repressii v otnoshenii vengrov s Sverdlovskoi oblasti v 1930-e gg.” [Repressions against Hungarians in the Sverdlovsk Region in the 1930s] *Rossiiskii iuridicheskii zhurnal* 6. (2020), 96–102. <https://doi.org/10.34076/2219-6838-2020-6-96-102>
- MUNK ARTUR, *A nagy káder. Egy pleni feljegyzései a forradalmi Oroszországról* [The Great Cadre: A Prisoner's Notes about Revolutionary Russia] (Pantheon)
- MÜNNICH FERENC, „A tomszki internacionalisták” [Internationalists in Tomsk] in GYÖRKEI JENŐ, JÓZSA ANTAL (össz.), *Magyar internacionalisták a Nagy Októberi Szocialista Forradalomban* „Nikolai Romanov razstrelian” [Nikolai Romanov Has Been Shot] *Pravda* 19 July 1918
- N. I. NIKOLAEV (red.), *Rabochaia revoliutsiia na Urale. Epizody i fakty 1917–1921* [Worker Revolution in the Urals: Episodes and Facts 1917 - 1921] (Ekaterinburg: Gosudarstvennoe izdatel'stvo Ural'skogo oblastnogo upravleniia, 1921)

- G. D. ОВІСКИН (szerk.), *Magyar internacionalisták a Nagy Októberi Szocialista forradalomban és polgárháborúban. Dokumentumgyűjtemény* [Hungarian Internationalists in the Great October Socialist Revolution and the Civil War. Documents.] (Budapest: Kossuth Kiadó, 1967), „Razstreliek Nikolai II” [Nikolai II Has Been Shot] *Nash vek* 20 July 1918
- „Részletek II. Miklós cár kivégzéséről” [Details of the Execution of Tsar Nicholas II] *Az est* 26 July 1918
- РÁКОСИ МÁТЫÁS, *Visszaemlékezések 1892-1925. 2. kötet*, [Memoirs 1892–1925] (Budapest: Napvilág, 2002)
- I. F. ПЛОТНИКОВ, *Pravda istorii. Gibel' tsarkoi sem'i* [The Truth of History: The Death of the Tsar's Family] (Ekaterinburg-Moskva: Za dukhovnost' n npravstvennost', 2003)
- N. ROSS (sost.), *Gibel' tsarkoi sem'i. Materiali sledstviia po delu ubiistva Tsarskoi sem'i (Avgust 1918 – Fevral' 1920)* [The Death of the Tsar's Family: Materials of the Investigation of the Murder of Royal Family, August 1918 – February 1920] (Frankfurt am-Main: Posev, 1987)
- IU. SENIN, *Podlinnaia sud'ba of Nicholas II ili kogo ubili v Ipat'evskom dome* [The True Fate of Nicholas II, or Who Was Murdered in Ipatiev House?] (Moskva: Bukinistika, 2013)
- N. A. SOKOLOV, *Ubiistvo Tsarkoi Sem'i* [The Murder of the Tsar's Family] (Moskva: Algoritm, 2017)
- V. N. SOLOV'IOV, *Postanovlenie o prekrashchenii ugovnogo dela № 18/123666-93 „O vyiasnenii obstoiatel'stva gibeli chlenov Rossiiskogo imperatorskogo doma i lits ikh okrzheniia v period 1918-1919 godov. Punkt 6* [A Resolution on the Termination of Criminal Case No. 18/123666-93 “On Clarifying the Circumstances of the Deaths of the Members of the Russian Imperial House and Their Entourage in the Period 1918-1919”] <http://nik2.ru/documents.htm?id=266>
- „Stenogramma doprosov sledovatelem E. S. Kobylinskogo v kachestve svidetelia, P. Medvedeva F. Proskuriakova i A. Akimova v kachestve obviniaemykh po delu ubiistva Imperatora Nikolaia II” [A Transcript of Interrogations by Investigator E. S. Kobylinsky as a Witness, P. Medvedev F. Proskuriakova and A. Akimov as the Accused in the Murder of Emperor Nicholas] *Istoriik i sovremennik* 5 (1924): 168-239.
- Tanúságtevők. Visszaemlékezések a magyarországi munkásmozgalom történetéből. Magyarok a Nagy Október győzelméért 1917–1921* [Witnesses: Memoirs on the History of the Workers Movement in Hungary. Hungarians for the Great October Victory 1917-1921] (Kossuth Könyvkiadó, 1977)
- Trotsky's Diary in Exile, 1935* (Cambridge-London: Harvard University Press, 1976)
- „Új adatok a cári család meggyilkolásáról” [New Information about the Murder of the Tsar's Family] *Pesti Hírlap* 16 February 1930.
- V. N. ВОЕИКОВ, *S tsarem i bez tsaria* [With the Tsar and Without Him] (Moskva: Voenizdat, 1995)
- ROBERT WILTON, *The Last Days of the Romanovs* (London: Thornton Butterworth, 1920)
- IU. ЗНУК, *Mauzer Ermakova. Tsareubiitsa Petr Ermakov: mezdhu slavoii i zabveniem* [Mauzer of Ermakov: The Kingslayer Between Glory and Oblivion] (Moskva: Direkt-Media, 2014)
- IU. ЗНУК, *Isповед' tsareubiits. (Ubiistvo Tsarkoi Sem'i v materialakh Predvaritel'nogo Sledstviia i v vospominaniakh lits, prichastnykh k etome prestupleniiu)* [The Confessions of Kingslayers: The Murder of the Tsar's Family in the Preliminary Investigation Materials and the Memoirs of Those Involved in This Crime] (Moskva: Direkt-Media, 2014)

Д. А. РЕДИН

СОЦИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ РОССИИ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ: ЯЗЫКИ ОПИСАНИЙ¹

THE SOCIAL ORGANIZATION OF EARLY MODERN RUSSIA: LANGUAGES OF DESCRIPTION

The author of the article returns to the long-standing discussion about what society was like in Russia in the 17th–18th centuries. Is it possible to explain its structure within the class paradigm? To what extent do authentic texts of official legislative origin, such as the Conciliar Code of 1649, adequately reflect social reality in Russia in the early modern period? Is it possible to more accurately understand social stratification through texts created by ordinary residents and reflecting their ideas about self-identification? The author, in solidarity with a number of researchers, considers all options as equal languages of social description. How do they fit together? Which one is more accurate? Each of them has a right to exist because it fulfills its function in the process of our understanding and explanation of the past. None of them is capable of absolutely adequately conveying the social reality of the past. Each of them is appropriate in its own area of application. Ultimately, the author suggests accepting this as a given and not trying to find or invent some ideal and unique language of social description. This is hindered by the very essence of the social structure – plastic and changeable – and the specificity of the historical process, which is always unique in a specific place and time.

Keywords: estates (sosloviya), social structure, social stratification, social reality, languages of description, Russia, New Age.

Dmitry A. Redin – DSc in History, Chief Researcher, Center for Social History, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russia). E-mail: volot@mail.ru/ ORCID: 0000-0002-3431-1662

1 Citation: D. A. Redin, „Sotsial’naia organizatsiia Rossii rannego novogo vremeni: lazyki opisaniia [The Social Organization Of Early Modern Russia: Languages Of Description], *Russian-StudiesHU* 7, no.2 (2025): 165–184. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2025.7.18

Дискуссия о поиске адекватного языка описания социальной организации России раннего Нового времени (главным образом, периода XVII–XVIII вв.), её характеристик как системной совокупности организованных структур – явление в исторической русистике не новое. Во многом она возникла как результат кризиса советской методологии, рассматривавшей социальные процессы с позиций классовой организации общества в её марксистско-ленинской версии. В то же время, нельзя отрицать, что вопрос о том, как изучать механизмы социального структурирования российского общества, в том числе указанного периода, возник в общем русле формирования «новой социальной истории» в гуманитарном научном сообществе стран Запада, в которое, с понятным запозданием (едва ли ранее рубежа 1980-х – 1990-х гг.), включились и российские историки.

Скептицизм по отношению к продуктивности классового анализа в исторических исследованиях (причем, не только в области «Russian Studies»²) поставил в центр обсуждений проблему возможности применения сословной парадигмы к социальной истории России «предымперского» и имперского периодов. Полемическую заостренность вопросу придала статья американского историка-русиста Грегори Фриза, опубликованная в 1986 г. в журнале «The American Historical Review» и в 2000 г. увидевшая свет в русском переводе³. Проведя тщательное изучение истории понятия «сословие» в сопоставлении с понятиями «класс», «чин», «звание» и «состояние» в свете их бытования в русском языке XVII–XIX вв., Г. Фриз пришел к выводу о том, что о сословиях в России можно говорить только применительно к ситуации XIX в. Историк отметил многосложность российской социальной структуры, её крайнюю дробность, терпимую, а порой и поощряемую государством на протяжении всего изучаемого периода, а также «подчиненность» понятия «сословие» понятию «состояние» как составной части последнего. Статья Фриза вызвала широкий резонанс и среди западных историков-русистов, и среди российских специалистов. Вопросы, обозначенные на её страницах, равно как и размышления

2 См., например, на этот счет крайне интересный сборник. M. L. Bush (ed.), *Social Orders and Social Classes in Europe since 1500: Studies in Social Stratification* (L.; N.Y., 1992).

3 G. FREEZE, «The Estate (Soslovie) Paradigm and Russian Social History», *The American Historical Review*, Vol. 91, no 1 (1986): 11–36; Г. Фриз, «Сословная парадигма и социальная история России», *Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период: антология*, сост. М. Дэвид-Фокс (Самара, 2000): 121–162.

о применимости сословной парадигмы к анализу социальной структуры имперской России, изложенные несколько ранее другим американским историком – Альфредом Рибером⁴, стали обсуждаемы рядом авторов, опубликовавших свои статьи в номерах журнала «Cahiers du Monde russe» 2008–2010 гг. Учитывая ограниченный объем статьи и её сосредоточенность на определенном хронологическом периоде, очень коротко остановлюсь на выводах трех участников дискуссии, опубликовавших свои работы в этом парижском журнале. Один из них, Михаэль Конфино, не отрицая наличия сословной градации российского общества и даже признавая, что она являлась важной частью его жизни (также, как и в западных странах), отметил, что при этом в России имелись большие группы населения, существовавшие вне сословной системы, а сами сословия не были гомогенными и всегда оказывались «оболочкой» разнообразных, включенных в них, групп. В связи с этим российское общество оказывалось внутренне рыхлым и настолько своеобразным, что, возможно, его описание требует разработки какой-то иной классификации и терминологии⁵. Это продуктивное наблюдение нашло развитие в статье Элис Виртшафтер. Категории и понятия, появившиеся в рамках концептуального аппарата европейской истории (такие, как «сословие» и «класс»), никогда не будут абсолютно адекватными в применении к российской действительности – писала Э. Виртшафтер – впрочем, они не будут универсальны и для разных государств Европы. Пытаясь разобраться с социальной стратификацией России имперского и более раннего периодов, историки обращаются к законодательно закрепленным социальным схемам, которые были результатом правительственного творчества. Но для выработки адекватных социальных категорий необходимы учет и понимание разнообразных проявлений групповой идентичности, которые отражали реальный жизненный опыт общества, плотная работа с источниками, демонстрирующими различные индивидуальные и групповые практики людей, которые создавали иные, отличные от официально-юриди-

4 A. J. RIEBER, *Merchants and Entrepreneurs in Imperial Russia* (Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1982). Если Г. Фриз не отрицает в принципе наличие в России сословного деления, то по мнению А. Рибера в России «подлинных сословий» не было вообще, а, соответственно, не сложилось условий для последующего формирования классов. Российское общество на протяжении всего имперского периода было фрагментировано и существовало в качестве совокупности изолированных социальных групп (A. J. Rieber, *Merchants and Entrepreneurs*, 416, 426).

5 M. CONFINO, «Soslovie (estate) Paradigm: Reflections in some open questions», *Cahiers du Monde russe*, vol. 49, no 4 (oct. – dec.) (2008): 681–704.

ческих, типы социальных классификаций. При всей стройности концепции социальных структур, представленных в официальных документах эпохи, необходимо понимать самопрезентации людей и сообществ и механизмы взаимодействия этих самопрезентаций (с учетом места и времени) с официальными классификационными схемами⁶. Наконец, Дэвид Ранселл предложил не зацикливаться на концептах «сословие» и «класс» как структуралистских по своей природе и не отражающих всей сложности социальной организации и социальных отношений, что заметно при их изучении на микроисторическом уровне. Понять их характер возможно лишь отказавшись от предубеждений, почерпнутых из обобщенной макрокартины, сосредоточившись на исследованиях повседневной жизни и системе патрон-клиентских отношений⁷.

Разумеется, сказанное не исчерпывает всего богатства содержания цитированных статей, равно как и не претендует на полноценный историографический анализ всей проблемы, но показывает основное направление (и, как представляется, весьма продуктивное), взятое в дискуссиях зарубежных коллег-русистов. Итак, прежде всего следует отметить, что все они сходились во мнении о том, что даже если, анализируя социальное устройство Российской империи, возможно говорить о наличии сословий как крупных общественных категорий, то только преимущественно к XIX в. Во-вторых, признавая наличие сословий в зрелой и поздней империи, необходимо также учитывать, что сословное деление не отражало и не исчерпывало всей сложности российского социума. В-третьих, в связи со своеобразной социальной стратификацией России Нового времени, отличной от западных аналогов, целесообразней начать поиск иных, более подходящих, чем «сословия», социальных категорий (в том числе ориентируясь на исторически бытовавшие в России, будь то «чины», «чины и звания» XVII–XVIII вв. или «состояния» XIX в.). Наконец, исходя из предыдущего, признавалось продуктивным, что разработка социальной классификации и терминологии, соответствующей организации российского общества Нового времени, должна опираться не только на таксономию официальных правительственных текстов (например, различных нормативных законодательных источников или данных официальной

6 E. K. WIRTSCHTER, «Social Categories in Russian Imperial History», *Cahiers du Monde russe*, vol. 50, no 1 (jan. – mars) (2009): 231–250. <https://doi.org/10.4000/monderusse.9164>

7 D. L. RANSER, «Implicit questions in Michael Confino's essay», *Cahiers du Monde russe*, vol. 51, no 2–3 (avr. – sept.) (2010): 195–210. <https://doi.org/10.4000/monderusse.9181>

статистики), но строиться с учетом разнообразных самоидентификаций социальных групп и индивидов.

Из сказанного видно, что вопрос о том, существовали ли сословия в России Нового (и тем более раннего Нового) времени и возможно ли научное описание российского социума указанной эпохи в понятиях сословной парадигмы, является вопросом многозначным. Это и вопрос о том, как представляла и описывала социальное устройство на том или ином этапе центральная власть (законодатель), и о том, как представляли и выражали общественное устройство российские подданные разных категорий (вопрос самоидентификаций и самопрезентаций социальных групп), и о том, как всё это возможно представить в научных категориях, достаточно точных, чтобы отражать социальную реальность изучаемого времени и, одновременно, удобных и понятных в историографическом плане. Иными словами, разбираясь с вопросом о том, как было устроено российское общество, мы должны ясно понимать, что нам придется иметь дело с *несколькими языками описаний*, или несколькими системами классификаций, большая часть которых имеет ретроспективный характер, открывается нам через исторические источники, а потому фрагментарна (поскольку даже большое количество источников не способно передать абсолютно полную картину прошлого) и требует квалифицированных «усилий перевода», адаптации к нашим представлениям и к нашему языку.

Очевидно, что в данном случае наиболее «искусственным», «кабинетным» является язык научных таксономий социального деления. И хотя понятие «сословие» есть не только продукт историографической традиции, но и производное исторических источников, отражающих ранее существовавшие общественные представления о социальной иерархии, трудно не согласиться с одним из крупнейших специалистов в области социальной истории Борисом Н. Мироновым, отметившим его «виртуальный» характер, а социальные группы, которые мы исследуем под этим названием, есть «группы людей на бумаге», которые, тем не менее историк вынужден анализировать так, как будто они реально существовали⁸. Проще говоря, термин «сословие» оказывается подобен «идеальному чиновнику» Макса Вебера – набором критериев, которые скомпонованы исследователями; понятием, удобным для *объяснения* тех или иных исторических явлений, но мало дающим нам для их по-

8 Б. Н. Миронов, *Российская империя: от традиции к модерну*, т. 1 (СПб, 2014), 326, 333–334.

нимания; инструментом, пригодным для макроописаний, неизбежно «спрямляющих» исторические процессы, и ломающимся при соприкосновении с эмпирической реальностью. В этом отношении мы имеем дело с более глобальной проблемой научного исторического познания: конфликтом социологических схем и исторических фактов, макро- и микроуровней историописания. Эта проблема тоже не нова: многолетний спор о том, «кто более матери-истории ценен» – «практикующие» или «эпистемологизирующие» историки (термины, не без иронии изобретенные Павлом Ю. Уваровым), очень заметный, по крайней мере в российском научном сообществе 1990-х – 2000-х гг., безусловно, имел своим основанием дискуссию о примате обобщений над «эмпирикой» и, наоборот; преимуществ генерализаций над всяческими «историями в осколках», и являлся российским «изводом» аналогичных дискуссий в международном формате. Итогом этой полемики стало понимание необходимости поиска некоего среднего пути, примиряющего широкие обобщения (в том числе изобретения обобщающих социальных категорий) и изменчивые множества социальной реальности, предстающие нам в разнообразных исторических источниках.

Применительно к теме моих размышлений осознание того, что *нормативный* язык социальных понятий (создание «кабинетного» тезауруса, набора модельных понятий по принципу «так должно быть») и *позитивный* язык источников (апеллирование к исторически существовавшему словарю, который, вроде бы, должен показать нам, «как было на самом деле») сочетаемы и выполняют свои когнитивные функции, есть спасительный выход, отказ от бинарно-оппозиционного восприятия генерализации/специализации (индивидуализации), признание их взаимной дополнительности⁹.

Притягательность применения конструкта «сословие» к научному описанию российского общества Нового времени можно объяснить

9 Отталкиваясь от открытого Нильсом Бором метода сочетания некоторых форм получения информации в квантовой механике, названного им «принципом дополнительности», Ю. Л. Бессмертный сформулировал общие принципы осмысления прошлого посредством параллельного использования разных по своей сути способов: исследования больших структур и исследования микромира (как индивидуализированного воплощения стереотипов и уникальных поведенческих феноменов). Этот принцип дополнительности, примененный к изучению социальной материи, историк образно сравнил с биноклярным восприятием мира зрительным центром человеческого мозга. Ю. Л. Бессмертный, «Многоликая история (Проблема интеграции микро- и макроподходов)» в Казус: *Индивидуальное и уникальное в истории*, ред. Ю. Л. Бессмертный, М. А. Бойцов, (М., 2000. Вып. 3): 58.

несколькими обстоятельствами. Во-первых, потому, что он, несмотря на позднее время возникновения (как слова – со второй половины – конца XVIII в., как термина официального словаря – с XIX в.) действительно бытовал в историческом русском языке – в каких контекстах и смыслах – вопрос отдельного рассуждения. Во-вторых, потому что в нем отчетливо «прочитывается» смысловое ядро, вокруг которого строятся критерии конструкта: *юридическая составляющая*. И, наконец, именно поэтому он более, чем понятие «класс» (понятие узкого исторического бытования, причем семантически донельзя размытое), пригоден для роли аналитической категории. Уже цитировавшийся Б. Н. Миронов, полностью отдавая отчет в том, что категория «сословие» является привычным и удобным аналитическим инструментом для исследования российского общества периода империи, предложил сопоставить его различные группы с «классическими» для средневековой Европы сословиями. Для этого историк предложил 7 критериев, формирующих понятие «настоящего» сословия: «...1) каждое сословие имеет специфические права и социальные функции, которые закреплены юридически в обычае или законе; 2) сословные права передаются по наследству, следовательно, приобретаются по рождению; 3) представители сословий объединяются в сословные организации или корпорации; 4) сословия обладают специфическим менталитетом и сознанием; 5) сословия имеют право на самоуправление и участие в местном управлении или центральном государственном управлении... 6) существуют внешние признаки сословной принадлежности – одежда, прическа, особые украшения и т.п.; 7) межсословные переходы и браки допускаются, но строго контролируются»¹⁰.

Несколько лет назад я с коллективом коллег, отталкиваясь от понимания того, что сословие – это, прежде всего, *социально-правовая* категория, предложили сократить или обобщить некоторые из критериев, предложенных Б. Н. Мироновым, сфокусировавшись на тех из них, которые имеют, на наш взгляд, ключевое – юридическое – значение. В результате в качестве принципиально значимых критериев у нас остались: 1) набор прав и обязанностей, юридически закрепленных за сословием; 2) возможность передавать и получать их по наследству; 3) наличие сословной организации, прав самоуправления и возможность участвовать в местном или центральном управлении. На основании этих критериев сословие можно определить как упорядочен-

10 Б. Н. Миронов, *Российская империя*, 332–333.

ную социальную группу, у которой в совокупность правомочий (круга прав и обязанностей) входят право на передачу этих правомочий по наследству и право на самоорганизацию и (само)управление. Такое определение можно, как мы полагаем, считать сословием в узком смысле слова. В широком же смысле сословием возможно считать социальную группу, включающую в себя лиц, находящихся в одинаковом правовом статусе, обладающих юридически определенным специфическим набором прав и обязанностей, отличающих их как группу от других¹¹. В таком широком прочтении понятие «сословие» становится тождественным и понятию «состояние» русского законодательства XIX в., и понятию «люди», бытовавшему в юридических нормах XVII в.

При этом, разумеется, надо понимать, что нормативно российское общество XVII – XVIII и даже XIX в. так и не стало полностью и исключительно сословным в узком смысле. Считать его таковым не позволяет наличие слишком большого количества социальных групп, которые даже в позднеимперский период не стали обладателями всех признаков сословности. Наверное, оно и не могло стать таким: узкосословное деление было идеальной моделью, недостижимой в силу сложного и динамичного состояния социальной реальности. Собственно, сама трансформация *понятия* сословия в русской традиции¹² показывает, как под влиянием многочисленных социальных практик деформировалась нормативная модель, которую, начиная с XVIII в., пыталось утвердить государство¹³. И «государственные чины/роды» уложенных комиссий XVIII столетия, и «состояния» последующего времени демонстрировали то, что к «сословиям в узком смысле слова» и законодатель, и социальная практика относили лишь меньшую (в абсолютном и в относительном измерениях) часть общества. В то же время, даже для XVII в. возможно выделение групп, которые, в той или иной степени, *de jure* или *de facto* были близки к сословиям в «узком смысле» (в первую очередь, это служилые люди европейской части России, ставшие ядром российского имперского дворянства, духовенство, посадские, черносошные крестьяне русского Севера и т.п. категории, которые, если угодно, можно именовать формирующимися сословиями). Таким образом, спор о том, являлось ли российское общество сословным или не являлось таковым – вопрос научной конвенции. Если из всего набо-

11 См.: Д. А. Редин (ред.), *Границы и маркеры социальной стратификации в России XVII–XX вв.: векторы исследования* (СПб, 2018), 663–664.

12 Д. А. Редин. (ред.), *Границы и маркеры*, 127–154, 198–264.

13 Там же, 318–441.

ра критериев сословности делать акцент на его юридической составляющей, на идее правовой, нормативно закрепленной совокупности прав и обязанностей, нормативно закрепленной иерархичности, т.е. юридически закрепленном неравенстве, российское общество XVII–XIX вв. можно с оговорками признать сословным.

Впрочем, нужно ли это? Что нам дает это признание или не признание? Где, в каких исторических условиях реально существовало общество, строго организованное по принципу сословности? На некоем Западе? В абстрактной Европе Средневековья или Нового времени, на деле представлявшей собой совокупность крайне разнообразных регионов и субрегионов со своей ярко выраженной спецификой Пиреней, Аппенин, Скандинавии, Балкан, «до абсурда разнообразной» (Ф. Бродель) Франции, островной Британии и т.д., и т.п.? Было ли французское общество эпохи Старого порядка более сословным – с его тремя-четырьмя *etats*, но и *orders*, число которых «было намного большим» и критерии выделения которых были более сложными¹⁴ – чем российское того же времени, с его «людьми» и «чинами», или «сословиями» и «состояниями»? Можно ли характеризовать однозначно сословными сообщества германских земель и городов позднего Средневековья, исследования которых показывают «насколько мала была (в относительном выражении) общая численность тех жителей города, которые принадлежали к какой-нибудь из групп, обладавшей своим легитимным местом в сословной структуре, и насколько велика была доля тех, кто не входили никуда...»¹⁵? Такое общество не отличалось существенно от русского, где система социальной стратификации также была довольно рыхлой.

Тем не менее, представляется, что и вовсе отказываться от понятия «сословие» при изучении социальной истории России, где регулятивная роль государства – одна из доминант развития, а государственные предписания, в том числе и в сфере социального конструирования, являлись не пустым звуком, где общество во многом оставалось аскриптивным, состоящим из лиц и групп с нормативно предписанным статусом, не следует. Не следует при одной существенной оговорке: если помнить, что подобно и другим европейским странам, примени-

14 П. Ю. УВАРОВ, «Ролан Мунье – историк с репутацией консерватора» (Предисловие к книге Ролана Мунье «Убийство Генриха IV» (СПб., 2008)), *Между «ежами» и «лисами». Заметки об историках* (М., 2015), 119.

15 Ю. АРНАУТОВ (ред.), Ю. ЗАРЕЦКИЙ, К. ЛЕВИНСОН, И. ШИРЛЕ (сост.), К. ЛЕВИНСОН (пер.), *Словарь основных исторических понятий: Избранные статьи в 2-х т. Т. 2* (М., 2014): 512–513.

мо к России Нового времени сословная классификация общественного устройства *есть лишь одна из возможных*.

Другая классификационная модель предстает в законодательстве изучаемой эпохи. Она представляется, вроде бы, предпочтительней, поскольку, при хорошей структурированности, является максимально аутентичной. Для российской ситуации нормативным текстом, в котором ярче и полнее иных памятников раннего Нового времени раскрывается «механика» гармонизации создаваемой социальной структуры и социальной стратификации и дается описание социальной иерархии, является Уложение 1649 г.¹⁶

Регулируя права и обязанности подданных, власть уже в самой общей структуре кодекса выделяет укрупненные социальные группы, определяя (впрочем, предельно широко) их рамочные параметры с помощью целых глав: служилых людей (гл. VII «О службе всяких ратных людей Московского государства»; гл. XVI «О поместных землях»; гл. XVII «О вотчинах»; гл. XXIII «О стрелцах»); посадских (гл. XIX «О посадских людех»); крестьян (гл. XI «Суд о крестьянех») и даже не правосубъектных, но столь заметных в общественных реалиях повседневности *холопов* (гл. XX «Суд о холопех»). Можно сколь угодно долго спорить о наличии или отсутствии в допетровской России функционалистских или каких-либо иных представлений об общественном устройстве; сетовать (и не без основания) на скудость социального дискурса; искать и не находить следов глубокой концептуализации представлений о социальном¹⁷ и т.п., но факт остается фактом: перед нами законодательно зафиксированная и отрегулированная общая картина социального устройства России XVII в., его фундамент, база. А где же духовенство? В гл. I («О богохулниках и церковных мятежниках») мы можем увидеть Церковь как сакральную институцию, но не как социальную общность; духовенство в качестве иерархии чинов священно-церковнослужителей и иночества подробно представлено в совокупности статей, распределенных по различным главам, особенно в гл. X «О суде». От-

16 В. АБРАМОВИЧ, А. Г. МАНЬКОВ, Б. Н. МИРОНОВ, В. М. ПАНЕЯХ (сост.), *Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарий* (Л., 1987).

17 Существовало ли в России середины XVII в., хотя бы на элитарном уровне, абстрактное социальное мышление, позволявшее «привести к согласию опыт социального теоретизирования (видение мира) и опыт повседневности (делание мира)», та самая «великая мутация, породившая современность», о чем писали А. Ю. Согомонов и П. Ю. Уваров – вопрос, заслуживающий отдельного исследования. См.: А. Ю. Согомонов, П. Ю. УВАРОВ, «Открытие социального (парадокс XVI века)», *Одиссей: человек в истории* (М., 2011): 211–212.

существование специальной главы, посвященной лицам духовного звания, разумеется, не следует считать признаком, понижающим последних в общей конфигурации социальной иерархии; наличие целой системы канонического права избавило прагматичных составителей Уложения от необходимости подробной регламентации жизнедеятельности духовенства как социальной категории, оно проявляется в кодексе лишь в связи с теми аспектами, которые интегрировали его с функционированием государства и общества в целом.

Таким же образом законодатель поступил с различными группами служилых «инородцев», чье социальное бытие определялось другими правовыми системами, традициями и обычаями, и с казаками¹⁸: для русского законодательства их социальная маркировка, проявленная через набор отдельных правомочий, так же оказывалась актуальной постольку, поскольку названные категории соприкасались с государством (через службу и ее вознаграждение) и с основными категориями русского населения (через судебные тяжбы).

Наряду с общей картиной общественной организации Уложение демонстрирует «крупный план»: детализированную иерархию «всех чинов людей» Русского государства, представленную в известных статьях «о бесчестье» уже упоминавшейся гл. X «О суде» (стт. 27–99), неизменно производящих глубокое впечатление на исследователей социальной истории России. Совокупность отмеченных глав и статей позволяет говорить о том, что Уложение 1649 г. предлагает нам *социальную структуру* в том смысле, в котором её понимают в современной социологии: как относительно постоянную модель социальной классификации в определенном обществе¹⁹.

Моделирующая роль власти в данном случае проявилась в том, что, как известно, пойдя на компромисс с наиболее влиятельными социальными группами, правящая элита постаралась по возможности ясно определить и зафиксировать границы последних. Вспомним, например, попытку составителей Уложения связать право на владения поместьями по преимуществу с несением службы по «московскому» или «городовым» спискам. Вспомним, как столь же целенаправленно кодекс

18 Первые проявляются как своеобразная социальная категория в ряде статей в различных главах (в частности, связанных с правовой регламентацией служилого землевладения), вторым посвящена очень лаконичная (в три статьи) гл. XXIV («Указ о атаманех и о казаках»).

19 Д. Джери, Дж. Джери, *Большой толковый социологический словарь. В 2 т. Т. 2* (М., 2001), 242–243.

структурирует, маркирует посадских людей, присваивая именно им право на регулируемую городскую торговлю, на содержание постоянных торговых мест и т.п. в противоположность торгующим крестьянам. Разумеется, за всеми этими и подобными нормами – интерес и выгода властной элиты, но не только; законодательная фиксация сложившейся социальной стратификации – но и её корректировка; некоторая перспектива общественного развития, но при этом полное отсутствие искусственно выстроенной идеальной модели общества, под которую подгоняется или к которой подвигается социальная реальность. Может быть и в силу такого своеобразного, «реактивного» и компромиссного конструирования социального власть не добила абсолютного социального мира (компромисс был достигнут за счет ухудшения статусных позиций большинства – крестьянства, этой вечной жертвы модернизационных процессов), но достигла относительной общественной устойчивости. При всех социальных потрясениях столетия России удалось избежать второй Смуты и краха государственности; в этом смысле трудно не согласиться с О. Н. Новохатко, охарактеризовавшей XVII век как период «редкого равновесия», период «единства столичной и провинциальной жизни»²⁰.

Методам социального конструирования и юридической технике соответствовал язык социальной классификации эпохи. Как и в Средние века, Уложение 1649 г. описывает социальную структуру общества через дробное перечисление, в трогательном стремлении учесть если не всё, то большую часть в той или иной мере значимых групп. Но социальный словарь кодекса знает уже и абстрактные понятия: «люди» и «чин» («чины»). Пожалуй, именно термин «люди» являлся наиболее общим генерализирующим понятием, означавшим принадлежность к некоему множеству людей, обладавших единым определяющим признаком (признаками). В свою очередь понятие «чин» могло являться уточняющим по отношению к «людям», но в определенных случаях могло иметь самостоятельное значение. Соотношение этих двух понятий в применении к тому или иному индивидууму или группе задавало дифференцированность классификационных иерархий, могло варьироваться в зависимости от ситуации.²¹ В этом отношении прочитанная таким образом клас-

20 И. Н. Кузнецов, О. В. Новохатко, А. Д. Шахова, *Светское устройство и архитектурное благоустройство Переславля-Залесского в XVII веке* (М., 2014), 67.

21 Более подробную аргументацию этому дал М. А. Киселев в книге: Д. А. Редин. (ред.), *Границы и маркеры*, 127 – 136». Но если от такой вставки возникнет проблема перевёрстки, то тогда делать вставку не обязательно.

сификационная схема, предлагаемая Уложением 1649 г., оказывалась *не единственно допустимой*; задавая в качестве основного классификационного критерия наличие обязанностей человека или группы перед государем и определяя их привилегии, даруемые государем, она допускает непротиворечивое существование других классификационных критериев, которые, в иных ситуациях, выстраивали иные схемы и иерархии (например, местническую иерархию для «родословных людей»).

Так является ли социальная таксономия Уложения умозрительной, отражающей лишь «взгляды самих классификаторов, создававших схемы, исходя из неких собственных установок и целеполаганий», подобно трактатам Шарля Луазо или «Тарифу капитации» во Франции XVII в.^{22?}

И да, и нет. Да, поскольку явно не охватывает всего многообразия социальной реальности, оставляя вне своих рамок сообщества, не входящие в ядро Русского государства (по сути, всю периферию от «немецких» и «литовских» «украин» до «дальних государевых вотчин Сибирские земли»). Да, поскольку дает нам социальную статику, не учитывающую в своей рубрикации целую массу подвижных, изменчивых маргинальных и переходных социальных групп, как упомянутых в самом тексте Уложения (задворные люди, бобыли, вольные люди), так и известных нам по частным актам, делопроизводству и судебным делам. Нет, поскольку в соответствии с юридической техникой времени, цепкой прагматической хваткой ухватывает наиболее важные (для власти) и характерные реалии современной социальной стратификации. Нет, поскольку составлялась в диалоге с представителями наиболее активных и крупных социальных групп, постаравшихся донести до законодателя собственные представления о справедливом наборе прав и обязанностей, маркирующих их статусные (самоидентификационные) позиции.

Подобного рода тексты, представляющие официальный взгляд на социальную иерархию и придающую ей нормативно предписанный вид (пусть и не в таком объемном виде, как это сделано в Уложении 1649 г.), можно найти и в последующем (Табель о рангах 1722 г., указ о проведении подушной подати от 22 января 1719 г., Регламент Главного магистрата 1721 г. для первой четверти XVIII в. или комплекс законодательных актов Екатерины II, вроде Жалованных грамот дворянству и городам для второй половины столетия). Эти тексты, демонстрирующие, между прочим, изменения в подходах правящей элиты к структу-

22 П. Ю. Уваров, «Социальные именованья парижан в эпоху Старого порядка», *Социальная идентичность средневекового человека* (М., 2007): 183.

рированию общества (от, по преимуществу, фиксации существовавших структур к их конструированию под некую идеальную модель), дающие нам, по крайней мере, возможность понять, как законодатель воспринимал текущую социальную реальность, не могут быть игнорированы.

И вновь, при изучении текстов такого рода, на их страницах перед нами возникает что-то вроде сословной градации, даже если сам термин в этих текстах не используется. Какие бы собственные представления о своем положении в обществе ни имели подданные короны, они вынуждены были, так или иначе, учитывать существовавшую, определенную законодателем и выстроенную *на основе юридического критерия* классификацию. Так, например, стремление обеспечить свою жизнь через доходные виды деятельности, не связанные со службой и тяглом или просто полноценно воспользоваться плодами такой деятельности, требовали приспособления к официально предписанной юридической (по сути, сословной) структуре, позиционирования себя через сословные маркеры. Купец или мещанин мог завести фабрику, но достигнув дворянского состояния был способен через сословные привилегии получить более комфортные условия ведения дела. Крепостной-приказчик, вхожий в самые высокие губернские присутствия или тот же крепостной, достигший через торговые операции значительных капиталов, оставались всего лишь крепостными; закрепление их социального успеха было невозможно без перехода в свободное состояние и «натурализации» в одном из свободных сословий. Никакое богатство не могло само по себе гарантировать повышения статусных позиций вне заданной решетки сословной иерархии.

Но понимание социальной организации невозможно без учета представлений о таковой массы современников, которые были лишены возможности построения каких-либо общих классификационных схем, но, тем не менее, имели индивидуальные и/или коллективные взгляды на собственный статус, свои критерии социальной самоидентификации и презентации, позволявшие отличаться от других. Сложность изучения социальности через оптику такого рода, понимание этого «третьего языка» социальных описаний заключается в том, «что у современников, судя по всему, вообще не было единого скрытого ментального образа социальной иерархии – этих образов было великое множество и зависели они от многих факторов»²³. Если

23 П. Ю. УВАРОВ, «Социальные именованья», 183–184. Мысль, высказанная по поводу французского общества XVII в. абсолютно уместна в отношении российского.

даже официальные тексты эпохи дают нам весьма дробную картину общественного устройства, то фиксация наименований социальной идентификации индивидов и групп становится делом не только крайне трудоемким, но и почти недостижимым, особенно, если учесть хорошо известную историкам практику, в результате которой одно и то же лицо могло в течение жизни и в зависимости от обстоятельств манипулировать своими статусными характеристиками (статусными наборами), используя их в разных комбинациях. Для исследований конкретных ситуаций в режиме заданных пространства и времени (исследования регионального и локального формата) такое положение дел не создает непреодолимых трудностей историку. Наоборот, именно такие изыскания позволяют нам максимально близко подойти к пониманию всего богатства оттенков и нюансов социальных отношений, характеристик изучаемого общества. «Если общество реально фрагментировано на очень большое число слишком мелких категорий, – писал Ролан Мунье, – то в этом и может состоять его определяющая черта, сущностный характер этого общества; следовательно, нужно с уважением относиться к этим категориям, даже если они и затрудняют статистическую обработку...»²⁴. С этим не поспоришь, но проблема заключается в том, что время от времени всё же возникает потребность создания обобщающих научных, справочных и учебных текстов, а значит потребность создания обобщающих категорий, очередного перехода к иному языку описания²⁵! И исследователи снова стоят перед вопросом корректного (коррелирующего с источниками) конструирования «кабинетных» терминов и групп «людей на бумаге».

Мне представляется, что такого рода корректное конструирование, хотя и очень непростое и трудозатратное, возможно при внимательной проработке содержания широкого круга источников вроде челобитных, прошений, частных актов, судебных дел, материалов переписей и т.п. материалов. Их массовое прочтение дает возможность вычленивать из широкого круга содержащихся там коллективных и индивидуальных статусных характеристик какие-то константы, которые всегда или чаще всего использовались авторами этих текстов. Так, например, для

24 R. MOUNIER, *La plume, la faucille et le marteau: institutions et société en France du Moyen âge à la Révolution*, (P., 1976), 15–16. Цит. по: П. Ю. УВАРОВ, «Ролан Мунье», 121–122.

25 При этом сам Р. Мунье вовсе не чуждался обобщений, «охотно конструировал генерализирующие теории», но при этом справедливо настаивал на том, что «подсчетам должны предшествовать кропотливые монографические изыскания в рамках отдельных семей, кварталов, приходо-». П. Ю. УВАРОВ, «Ролан Мунье», 120, 122.

XVII в. и для значительной части XVIII в. (особенно для податных групп населения) такими статусными характеристиками, или социальными маркерами являлись указания на территориальную привязку (место жительства), юридический статус (отнесение себя к той или иной юридически конституированной категории: дети боярские, посадские, купцы, крестьяне того или иного статуса и т.п.), функциональную/профессиональную принадлежность и семейный статус. Продуктивность для понимания групповой социальной идентичности имеет формула «своя братия», часто использовавшаяся индивидами для получения каких-либо преимуществ, которыми обладали социальные группы, по отношению к которым индивид имел равный статус²⁶. Для этих же целей большое значение имеют нарративные источники XVIII в., раскрывавшие взгляды на социальную иерархию и социальные именования представителей элитных слоев русского общества: церковные проповеди высшего духовенства и разножанровые сочинения представителей дворянства – двух страт, наиболее интенсивно прошедших путь внутренней социальной консолидации²⁷. Вычленение из множества самоидентификационных признаков нескольких констант, даст, как полагаю, возможность создания некоторых не столь многочисленных укрупненных социальных категорий, с которыми будет удобнее оперировать в научных описаниях, но которые при этом не будут выглядеть слишком отдаленными от той социальной картины, которая предстает перед нами при изучении аутентичных текстов. При этом, конечно, следует помнить и о неравномерности процессов социальной консолидации в разных современных друг другу слоях населения. Известно, что такая консолидация интенсивнее и результативнее происходит в элитных, нежели в профанных сообществах. Внутренняя консолидация русского дворянства, например, в целом завершается в Екатерининскую эпоху, в то время как самая многочисленная часть подданных российской короны – крестьянство (даже в наиболее эмансипированной своей части – в категории государственных крестьян) едва ли начинает себя осознавать единой общностью и в пореформенный период. И это еще без учета специфики социальной стратификации в регионах по-

26 См., например: М. Т. Накишова, «Социальная самоидентификация служилых людей в России во второй половине XVII в.: практики и стратегии социального взаимодействия», *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*, no 5 (2017): 40–45.

27 Обстоятельный и целостный анализ этому дал Константин Д. Бугров в одной из глав коллективной монографии: Д. А. Редин (ред.), *Границы и маркеры*, 155–197.

лиэтнических или с преобладанием нерусского населения! Там динамика социальных процессов и социальное ранжирование (или ранжирования?) могут показывать совершенно другие конфигурации.

В качестве примера такого аналитического укрупнения социальных групп приведу предварительные результаты исследования социальной стратификации Екатеринбурга 1720-х – 1780-х гг.²⁸ Источниковым материалом, на основе которого стала возможность предельно широкого выявления всех социальных групп этого уральского города-завода, стали результаты подворных переписей 1728 и 1788 гг. Ожидаемо, что они дали очень подробную картину социальной иерархии екатеринбургских обывателей. Едва ли не ведущим критерием социальной идентификации, которым руководствовались переписчики, служил критерий функциональной/профессиональной принадлежности; осуществлявшие учет канцелярские служители не видели особой разницы между тем, что принято именовать сословным, с одной стороны, и профессиональным статусом, родом занятий, с другой. При этом сословная принадлежность людей, обозначенная в переписи, могла не совпадать, но род занятий при этом был одинаков (*посадский человек* «торг имеет разными харчевыми припасы», но и *купец* «торг имеет салом говяжьим сырым и хлебом»); служебный ранг человека мог полностью совпадать с родом занятий (*маркшейдер* одновременно и *звание* по табели горных чинов, или рангов, и *род занятий* – специалист в области разведки месторождений и добычи полезных ископаемых); род занятий и профессиональная принадлежность не всегда позволяют установить юридический статус (кузнец мог быть «вольным человеком» и работать на себя, а мог быть казенным мастеровым, трудившимся за окладное жалованье в заводских цехах) и т.п. Все эти тонкости, фиксировавшиеся в переписях, отражали не только и не столько представления переписчиков, сколько были важны для тех, кого переписывали, поскольку учет велся с их слов. Несомненно, для точного понимания всего многообразия социальных маркеров историк не может их игнорировать. В то же время для удобства обработки и анализа материала неизбежно приходится прибегать к каким-то обобщениям, сводить некоторые категории населения в укрупненные группы, объединять, например, каменщиков, кузнецов, плотников, бочкарей и про-

28 Е. В. Бородина, С. И. Цеменкова, «Структура и численность населения раннего Екатеринбурга (1723–1744 гг.)», *Научный диалог*, т. 12, no 9 (2023): 339–371; Они же, «Численность и социальный состав жителей Екатеринбурга по переписям 1728 и 1788 годов», *Quaestio Rossica*, т. 12, no 3 (2024): 836–851.

чих в единую группу мастеровых людей, наряду с заводскими мастерами, подмастерьями, учениками и работными людьми, а специалистов горного дела (маркшейдеров, бергауэров, шихтмейстеров, пробирщиков) с геодезистами и учениками пробирного, механического, лесного дела в категорию инженерно-технического и контрольно-вспомогательного персонала. И подобные примеры разности языков описаний социальной ситуации, разности – подчеркну еще раз – проявлявшейся как в источниках различного происхождения, так и той, которая неизбежно возникает в процессе научного анализа и передачи содержания источников, можно продолжать бесконечно долго. Поэтому, полагаю, следует подвести итоги.

Все из возможных языков описаний социальной организации России раннего Нового времени имеют право на существование. Вопрос заключается лишь в том, *для чего* мы используем тот или иной язык? Если речь идет об общем обзоре состояния русского общества XVII–XVIII вв., например, в учебном курсе или в обобщающем труде, не будет, наверное, большим грехом назвать его сословным, сделав соответствующие оговорки: общество формирующихся сословий; общество, состоявшее из неконсолидированных сословий и внесословных групп или что-то в этом роде. Это упрощенный, удобный для текстов такого рода объяснительный язык, при этом не слишком оторванный от изучаемой социальной реальности, не полная абстракция, рожденная исключительно в результате кабинетных умозаключений.

Если нам интересна история эволюции представлений властных элит о себе и управляемом ими обществе; история законодателя, имевшего возможность влиять на социальность посредством нормативно закрепленных иерархий, то мы неизбежно должны учитывать и использовать язык официальных текстов эпохи. Если мы хотим разобраться в деталях сложного и динамичного процесса социальных взаимодействий, то к языку официальных аутентичных таксономий мы должны добавить многоголосый язык самоидентификаций различных социальных групп, чьё многообразие, всё-таки, возможно свести к какому-то обозримому множеству, используя наборы константных характеристик, всегда или зачастую значимых для этих групп.

Вероятно, к ужасу сторонников раз работки строгих дефиниций, следует признать, что в исторической науке таковые попросту недостижимы. Каждое историческое явление познаваемо в конкретике места и времени, а значит, при всех типовых сходствах обладает уникальностью. Не потому ли любое абстрактное понятие: «государство»,

«общество», «закон», «абсолютизм», «гражданство» и т.д., и т.п., более или менее цельно и определенно смотрящее на нас со страниц социологических и политологических словарей, обрастает массой коннотаций, оттенков и оговорок, дополнений и толкований, превращаясь из относительно короткого определения в пространные нарративы? Так не пора ли принять это как данность и, не стремясь изобретать очередную «социальную физику», признать, что порой контекстная ясность слов может быть результативней жестких дефиниций?

References

- IU. L. BESSMERTNYI, «Mnogolikaia istoriia (Problema integratsii mikro- i makropodkhodov)» [Many-Sided History (The Problem of Integrating Micro- and Macro-Approaches)], Kazus: *Individual'noe i unikal'noe v istorii*, IU. L. BESSMERTNYI, M. A. BOITSOV, eds., Vol. 3 (Moskva, 2000): 52–61.
- E. V. BORODINA, S. I. Tsemenkova, «Struktura i chislennost' naseleniia rannego Ekaterinburga (1723–1744 gg.)» [The Structure and Population Size of Early Yekaterinburg (1723–1744)], *Nauchnyi dialog*, vol. 12, no. 9 (2023): 339–371. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-9-339-371>
- E. V. BORODINA, S. I. Tsemenkova, «Chislennost' i sotsial'nyi sostav zhitelei Ekaterinburga po perepisiam 1728 i 1788 godov» [The Number and Social Composition of Ekaterinburg Residents According to the Censuses of 1728 and 1788], *Quaestio Rossica*, vol. 12, no. 3 (2024): 836–851. <https://doi.org/10.15826/qr.2024.3.911>
- M. L. BUSH (ed.) *Social Orders and Social Classes in Europe since 1500: Studies in Social Stratification* (Harlow: Longman, 1992).
- MICHAEL CONFINO, “Soslovie (estate) Paradigm: Reflections in some open questions”, *Cahiers du Monde russe*, vol. 49, no. 4 (oct. – dec.) (2008): 681–704.
- D. DZHERI, DZH. DZHERI, *Bol'shoi tolkovyi sotsiologicheskii slovar'* [Big Explanatory Sociological Dictionary]. V 2 t. T. 2 (Moskva: Veche; AST, 2001).
- GREGORY L. FREEZE, “The Estate (Soslovie) Paradigm and Russian Social History”, *The American Historical Review*, Vol. 91, no. 1 (1986): 11–36.
- G. FRIZ, «Soslovnaia paradigma i sotsial'naia istoriia Rossii» [The Estate Paradigm and Russian Social History], *Amerikanskaia rusistika: Vekhi istoriografii poslednikh let. Imperatorskii period: antologiiia* [American Russian Studies: Milestones in Historiography in Recent Years. The Imperial Period: An Anthology] (Samara: Izd-vo “Samarskii universitet”): 121–162.
- I. N. KUZNETSOV, O. V. NOVOKHATKO, A. D. SHAKHOVA, *Svetskoe ustroistvo i arkhitekturnoe blagoustroistvo Pereslavlja-Zalesskogo v XVII veke* [The Secular Structure and Architectural Improvement of Pereslavl-Zalessky in the 17th Century] (Moskva: Pamytniki istoricheskoy mysli, 2014).
- B. N. MIRONOV, *Rossiiskaia imperiia: ot traditsii k modern* [The Russian Empire: From Tradition to Modernity], t. 1 (Sankt-Peterburg: Dmitry Bulanin, 2014).
- ROLAND MOUSNIER, *La plume, la faucille et le marteau: institutions et société en France du Moyen âge à la Révolution*, (Paris: Presses Universitaires de France, 1976).
- M. T. NAKISHOVA, «Sotsial'naia samoidentifikatsiia sluzhilykh liudei v Rossii vo vtoroi polovine XVII v.: praktiki i strategii sotsial'nogo vzaimodeistviia?» [The Social Self-Identification of

Service People in Russia in the Second Half of the 17th Century: Practices and Strategies of Social Interaction], *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*, no. 5 (2017): 40–45.

DAVID L. RANSEL, “Implicit Questions in Michael Confino’s Essay”, *Cahiers du Monde russe*, vol. 51, no. 2–3 (avr. – sept.) (2010): 195–210. <https://doi.org/10.4000/monderusse.9181>

D. A. REDIN (red.), *Granitsy i markery sotsial'noi stratifikatsii v Rossii XVII–XX vv.: vektory issledovaniia* [Boundaries and Markers of Social Stratification in Russia in the 17th–20th Centuries: research vectors] (Sankt-Peterburg: Aleteja, 2018).

ALFRED J. RIEBER, *Merchants and Entrepreneurs in Imperial Russia* (Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1982).

Slovar' osnovnykh istoricheskikh poniatii: Izbrannye stat'i [Dictionary of Basic Historical Concepts: Selected Articles], Vol. 2 / per. s nemeckogo K. Levinson; sost. IU. Zaretskii, K. Levinson, I. Shirle; nauchn. red. perevoda IU. ARNAUTOV (Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014).

Sobornoe ulozhenie 1649 goda. Tekst. Kommentarii [Conciliar Code 1649. Text. Comments] / podgot. teksta L. I. IVINOJ, kom. G. V. V. ABRAMOVICHA, A. G. MAN'KOVA, B. N. MIRONOVA, V. M. M. PANEIAKHA (Leningrad: Nauka, 1987).

A. IU. SOGOMONOV, P. IU. UVAROV, « Otkrytie sotsial'nogo (paradoks XVI veka) [The Discovery of the Social (16th Century Paradox)] », *Odissei: chelovek v istorii* (Moskva: Nauka, 2011): 199–215.

P. IU. UVAROV, «Sotsial'nye imenovaniia parizhan v epokhu Starogo poriadka» [The Social Naming of Parisians during the Old Regime], *Sotsial'naia identichnost' srednevekovogo cheloveka* (Moskva: Nauka, 2007): 180–192.

P. IU. UVAROV, «Rolan Mun'e – istorik s reputatsiei konservatora» (Predislovie k knige Rolana Mun'e «Ubiistvo Genrikha IV» (SPb., 2008) [Roland Mousnier is a Historian with a Conservative Reputation (Preface to Roland Mousnier’s book “The Assassination of Henry IV” (Sankt-Petersberg, 2008)), *Mezhdru «ezhami» i «lisami». Zametki ob istorikakh* [Between the “Hedgehogs” and the “Foxes”. Notes on Historians] (Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2015): 242–260.

E. K. WIRTSCHAFTER, “Social Categories in Russian Imperial History”, *Cahiers du Monde russe*, vol. 50, no. 1 (jan. – mars) (2009): 231–250. <https://doi.org/10.4000/monderusse.9164>

И. О. ТЮМЕНЦЕВ, Н. Е. ТЮМЕНЦЕВА

**НОВАЯ И НОВЕЙШАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ЗЕМСКОГО
ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ 1608–1612 ГОДОВ.
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ¹**

**NEW AND RECENT HISTORIOGRAPHY OF THE ZEMSTVO
LIBERATION MOVEMENT OF 1608–1612. PART ONE.**

A critical analysis of the new and recent domestic and foreign historiography of the zemstvo militias in Years 1608–1612 showed that this topic, paradoxically, remains the least studied. Narrative sources have been well researched. The correspondence, diaries and notes of foreigners are less developed but this is another main source on the history of the zemstvo militias. Significant progress has been achieved in the prosopographical study, written about the Time of Troubles. Individual events in the history of the militias have been well analyzed, curious observations have been made, and very productive ideas and thoughts have been expressed. However, the first steps are being taken in the study of the few archival complexes that have come down to us. Comparing the data of these complexes of opposite political orientation opens up the opportunity to critically evaluate the data of narrative sources, both Russian and foreign, and to make significant clarifications to the prevailing ideas about the Time of Troubles. The history of the movement of the zemstvo militias as a united movement of Russian people for the salvation of the country in 1608–1612 requires a special investigation.

Keywords: The Time of Troubles, XVII Century, Novgorod and Pskov lands, Cossacks, Foreigners, Cossack army

Igor' Olegovich Tiumentsev – DSc in History. Chief Researcher at the Laboratory of Cossacks at the Federal Research Centre the Southern Scientific Centre Of The Russian Academy Of Sciences. Email: tijumencev@mail.ru. ORCID: 0000-0002-8762-9308

Nina Egorovna Tiumentseva – CSc in History. Associate professor at Volgograd State University (VolGU). Email: tyumenceva.nina@mail.ru. ORCID: 0000-0002-0545-658

The article was prepared on the research topic «Cossacks in the Civilizational Development of the Russian Southern Frontier» in accordance with the State Assignment of the UNC RAS for 2024 (00-234-15, No. 124012200178-4, PFNI direction 6.1.2.8).

- 1 *Citation: I. O. TIUMENTSEV, N. E. TIUMENTSEVA, „Novaia i noveishaia istoriografiia zemskogo osvoboditel'nogo dvizheniia 1608–1612 godov. Chast' pervaiia.” [New and Recent Historiography of the Zemstvo Liberation Movement of 1608–1612. Part One.], *RussianStudiesHu* 7, no. 2 (2025): 185–200. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2025.7.19*

DOI: 10.38210/RUSTUDH.2025.7.19

В дореволюционной российской, польской и шведской историографии земское движение против Лжедмитрия II и его русских приспешников, против польского короля Сигизмунда III, попытавшегося захватить Россию вместо избранного земским собором королевича Владислава, никогда не рассматривалось как единый комплекс событий. Наиболее разработанной была история Второго ополчения, тогда как Первое ополчение неизменно оставалось в тени.²

Революция 1917 г. и гражданская война открыли новый этап в изучении Смуты в отечественной историографии. Первые историки – марксисты в 20-х годах XX в. попытались с позиций исторического материализма переосмыслить знания, накопленные предшественниками, и выработать новую концепцию событий Смутного времени. Здесь как никогда кстати пришла концепция К. Валишевского «анархического», «революционного» восстания крестьян и пашенных холопов. М. Н. Покровский, критикуя «буржуазную» концепцию В. О. Ключевского – С. Ф. Платонова, указывал, что Смута развивалась не сверху, а снизу. Он считал, что в начале XVII в. в стране имел место классовый конфликт – «казачья или крестьянская революция», аналогичная «Великой крестьянской войне» в Германии. Полемизируя с С. Ф. Платоновым, М. Н. Покровский сделал важное наблюдение, отметив, что источники 1606–1608 гг. содержат прямые свидетельства о превращении казаков, холопов и крестьян в вотчинников и помещиков, поэтому нельзя признать, что конечной целью повстанцев являлся «общественный переворот». Далее он пришел к парадоксальному заключению, что это было только начало «социального движения», которое в полной мере развернулось в 1608–1610 гг. В этой трактовке абсолютно несамостоятельный как политический деятель Лжедмитрий II оказался «подлинным вождем социальных низов», который выступил с программой «общественного переворота». Народное антицаринское движение в Замосковье и Поморье, движение земских ополчений под пером историка-марксиста превратилось в дворянскую контрреволюцию, а кн. Д. М. Пожарский и К. Минин превратились в маховых

2 П. Г. Любомиров, *Очерки истории нижегородского ополчения 1611–1613 гг.* (Москва: Госполитиздат, 1939.) и С. Ф. Платонов, *Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. (опыт изучения общественного строя и словесных отношений в Смутное время)* (СПб.: склад изд. у Я. Башмакова и К^о, 1899. 665 с.; М.: Соцэкгиз, 1937. 499 с.; М.: Памятн. ист. мысли, 1994. 469 с.)

реакционеров³ Построения М. Н. Покровского приняли и развили его ученики.⁴

Иной взгляд на Смуту развивал другой историк-марксист Н.А. Рожков. Переосмысляя концепцию С. Ф. Платонова, он увидел в событиях начала XVII в. «второй момент дворянской революции в России», направленной против боярства. Посадские, крестьяне, холопы и казаки, по его мнению, в этом противоборстве не выступали в качестве самостоятельной политической силы и не имели собственной программы. Они, в целом, поддерживали более прогрессивное дворянство, но иногда конфликтовали с ним по вопросу о крепостном праве и переходили на сторону бояр. В свою очередь дворяне, вступив в конфликт с низами города и деревни, иногда были вынуждены объединяться с боярами, что заставляло социальные низы «дружить с иноземцами» и вместе с ними бороться с дворянами. В конечном счете, по мнению историка, дворяне перед лицом внешней опасности смогли восстановить союз с посадскими и крестьянами и под руководством кн. Д. М. Пожарского и К. Минина вышли из Смуты победителями.⁵

Построения первых историков-марксистов страдали социологическим схематизмом и склонностью к модернизации событий прошлого, поэтому, как только их ученики перешли к углубленному анализу источников, в историографии наметился отход от первоначальных оценок всей Смуты как «крестьянской или казацкой революции». С. Г. Томсинский вплотную подошел к пониманию Смуты как гражданской войны эпохи феодализма. С. М. Дубровский пришел к выводу, что крестьянской войной была не вся смута, а только восстание И. И. Болотникова.⁶ В 30–40-х годах XX в. в литературе, под влиянием трудов Б. Д. Грекова, утвердились взгляды на Россию IX–XIX вв. как феодальное государство, а народные выступления XVII–XVIII вв. стали рассматриваться как крестьянские войны – «проявления высшей формы классовой борьбы при феодализме». Оценки событий начала XVII в. как «крестьянской»

3 М. Н. Покровский, *Русская история с древнейших времен. В 4-х тт.* М., 1923. Т. 1., с. 50–51.; М. Н. Покровский, «Смутное время» в *Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат. Том 39.*, ред. В. Я. Железнов, М. М. Коваленский (и др.) (Москва: Братья А. И. Гранат и К°, 1934), с. 646.

4 Н. Н. Фирсов, *Крестьянская революция на Руси.* (Москва-Ленинград: Госиздат, 1927), 126 с.

5 Н. А. Рожков, *Русская история в сравнительно-историческом освещении.* (Петроград: Книга, 1922. Т. 4, ч. 2.), С. 5-6, 14-15, 177, 183–186.

6 С. М. Дубровский, «Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв.» в *Крестьянские войны в России.* ред. С. М. Дубровский, Н. Л. Мещеряков, Н. М. Лукин (Москва: Новая деревня, 1925) с. 43–54.

или «казачьей» революции, вождями которых являлись самозванцы, были признаны ошибочными. А. А. Саввич, А. И. Козаченко, Л. Б. Генкин, И. П. Шаскольский подвергли уничтожающей критике взгляды на Лжедмитрия II как народного царя и постарались доказать, что движение самозванца было скрытой формой интервенции Речи Посполитой против России. Правящие круги Речи Посполитой, по мнению историков, воспользовались ослаблением Русского государства и с помощью своих ставленников попытались захватить страну. Народ, как считали исследователи, не разобрался в происходящем. Когда же правящие круги Речи Посполитой и Швеции сбросили маски и перешли к открытой интервенции в Россию, народ объединился в движении земских ополчений и после обретения единства, которого достиг методом проб и ошибок в первом земском ополчении, во главе с кн. Д. М. Пожарским и К. Мининым, спас страну и народ от гибели.⁷ Положительным в построениях историков был отказ рассматривать движение земских ополчений против поляков и борьбу против шведов в 1611–1612 гг. как реакционную дворянскую контрреволюцию, что нашло подтверждение в основанных на обширных документальных материалах, статьях и монографиях Г.Н. Бибикова, В. П. Мальцева, Н. И. Покровского, Н. Л. Рубинштейна. В этих трудах впервые была высказана продуктивная мысль, что истоки движения ополчений 1611–1612 гг. следует искать в земском движении против тушинцев 1608–1609 гг.⁸

Историки независимой Польши в 1918–1939 гг. развивали взгляды А. Гиршберга, А. Прохазки, К. Валишевского, дополняя и уточняя их своими наблюдениями. Они сильно идеализировали С. Жолкевского, полагая, что проводимый им курс подчинения России, в отличие от

7 Л. Б. Генкин, *Ярославский край и разгром польской интервенции в Московском государстве в начале XVII в.* (Ярославль: Областное издательство, 1939), 172 с.; А. И. Козаченко, *Борьба русского народа с польско-шведской интервенцией в начале XVII в.* (Москва: Госполитиздат, 1939), 121 с.; А. И. Козаченко, *Разгром польской интервенции в начале XVII века.* (Москва: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1939), 174 с.; А. А. Саввич, *Борьба русского народа с польской интервенцией начала XVII в.* (Москва: Государственное социально-экономическое издательство, 1939), 56 с.; И. П. Шаскольский, *Шведская интервенция в Карелии в начале XVII в.* (Петрозаводск: Госиз-во Карело-Финской АССР, 1950), 168 с.

8 Г. Бибиков, «Опыт военной реформы 1609–1610 гг.», *Исторические записки.* 19. (1946): 3–16.; В. П. Мальцев, *Борьба за Смоленск.* (Смоленск: Смоленское областное государственное издательство, 1950, 346 с.; Н. И. Покровский «Начало народной войны в Московском государстве в 1608–1609 гг.», *Ученые записки Ростовского-на-Дону государственного университета.* Т. 6. (1945) Вып. 3.: с. 3–45. и Н. Л. Рубинштейн, «Возникновение народного ополчения в России в начале XVII в.» *Труды Государственного исторического музея.* Вып. 20. *Военно-исторической сборник.* ред. Н. Л. Рубинштейн (Москва: Советская Россия, 1948), с. 47, 58.

авантюристических планов Сигизмунда III и его окружения, был более дальновидным и сокрушались по упущенной возможности подчинения России Речи Посполитой.⁹

В 40–50-е годы XX в. И. И. Смирнов выполнил фундаментальное исследование, посвященное восстанию И. И. Болотникова и пришел к выводу, что в 1606–1607 гг. в России имела место первая в истории страны крестьянская война, «основными движущими силами» которой были крестьяне, холопы, казаки и мелкие служилые люди по прибору и которая шла под лозунгами уничтожения крепостнических отношений и ликвидации «крепостнического гнета». Службу в повстанческом лагере городских дворян юга и юго-востока России историк объяснял их стремлением использовать движение социальных низов в своих корыстных интересах. Причины разгрома восставших он видел в стихийности выступлений, неорганизованности и низкой сознательности крестьянских масс. Движения Лжедмитриев И. И. Смирнов оценивал, как скрытую иностранную интервенцию.¹⁰ Концепция И. И. Смирнова стала господствующей в советской историографии, а он сам был удостоен Сталинской премии.

Особый интерес представляют труды ученика И. И. Смирнова И. С. Шепелева, который в 1941 г. защитил кандидатскую диссертацию по истории первого земского ополчения. Вернувшись с фронта, историк опубликовал в 40–50 гг. ряд статей по теме своего исследования и взялся за изучение истории «освободительной и классовой борьбы» в России 1607–1610 гг. Выступления повстанцев и народа под знаменами Лжедмитрия II, по его мнению, являлись прямым продолжением Крестьянской войны. Грабежами и насилиями посадских и крестьян самозванец и воевавшие под его знаменами иноземцы и их приспешники разоблачили себя, народ поднялся на освободительную борьбу, помог М. В. Скопину-Шуйскому возродить правительственную армию и разгромить тушинцев в Замосковье. Первое ополчение, как считал ученый вслед за своими предшественниками, собралось, когда стали ясны захватнические планы короля Сигизмунда III и его окружения. Исследователь полагал, что роль Гермогена в созыве ополчения в литературе сильно преувеличена и сделал важное наблюдение, что у истоков всенародного движения наряду с П. П. Ляпуновым стоял кн. Д. М. По-

9 W. SOBIESKI, *Żótkiewski na Kremlu*. (Kraków: Nakład Gebethnera i Wolfa, 1920), 217; K. TYSZKOWSKI, *Wojna o Smoleńsk 1613–1615*. (Lwów, Kraków: Towarzystwo Naukowe, 1932), 176.

10 И. И. Смирнов, *Восстание И. И. Болотникова 1606–1607 гг.* (Москва, Ленинград: Госполитиздат, 1951), 583 с.

жарский. Переговоры ополченцев со шведами историк оценивал, как дипломатическую игру, направленную на временную нейтрализацию опасного врага на севере страны. К сожалению, кандидатская диссертация, защищенная накануне Великой Отечественной войны и статьи, вышедшие в провинциальных сборниках статей, остались незамеченными в историографии Смуты и ныне сильно устарели.¹¹

После войны историю первого земского ополчения исследовал еще один фронтовик, ученик С. В. Бвхрушина Н. П. Долинин в докторской диссертации «Классовая и национально национально-освободительная борьба в Русском государстве в конце 1610–1614 гг.». Судя по названию, это исследование должно было стать прямым продолжением исследования И. С. Шепелева. В 1958–1968 г. историк опубликовал монографию, в которой исследовал участие подмосковных полков кн. Д. Т. Трубецкого и И. М. Заруцкого в движениях первого и второго земских ополчений. Подобно другим советским историкам он считал, что роль патриарха Гермогена в создании первого земского ополчения сильно преувеличена дореволюционными историками. Подлинными организаторами и вождями ополчений являлись П. П. Ляпунов и И. М. Заруцкий, возглавлявшие две основные социальные группы в ополчении: служилых людей и казаков. Служилые люди, по его мнению, боролись за восстановление прежних самодержавно-крепостнических порядков, тогда как казаки-ополченцы, будто бы, мечтали о создании на территории страны некоей вольной казачьей республики во главе с казачьим кругом. Эти противоречия привели к конфликтам между служилыми людьми и казаками, которые привели к гибели П. П. Ляпунова, отъезду из-под Москвы большинства дворян и резкому сужению территории, контролируемой кн. Д. Т. Трубецким и И. М. Заруцким. Только кн. Д. М. Пожарскому «на платформе народного ополчения» удалось объединить все патриотические силы из обеих этих социальных групп в Объединенном ополчении и освободить Москву от иноземцев. В 1968 г. исследователь вышел на защиту докторской диссертации по заявленной теме, но неожиданно умер буквально накануне ее защиты.¹²

11 И. С. ШЕПЕЛЕВ, *Освободительная и классовая борьба в Русском государстве в 1608–1610 гг.* Дисс. докт. Ист. наук. (Ленинград: ЛОИИ, 1959); И. С. ШЕПЕЛЕВ *Первое земское ополчение.* Дисс. канд. Ист. наук. (Ленинград: ЛГУ, 1941); И. С. ШЕПЕЛЕВ, *Труды по истории Смуты в России в начале XVII столетия В 2-х т.* ред. И. О. Тюменцев. (Волгоград: Изд. ВГСПУ« Перемена», 2012.) 408, 508 с.

12 Н. П. Долинин, *Классовая и национально-освободительная борьба в Русском государстве в конце 1610–1614 гг.* Дис. д-ра ист. наук, 1968. – РГБ ОР. – Ф. 218. – Д. 1355.;

Исследования советских историков 30-х – начала 50-х годов XX в. существенно продвинули вперед изучение событий Смуты, но в их трудах Лихолетье начала XVII ст. оказалась расчлененным на крестьянскую войну и иностранную. При этом термин «Смута» был объявлен «буржуазным». После смерти И. В. Сталина в 1953 г. в СССР руководство КПСС провозгласило возвращение к ленинским принципам руководства страной и народом и допустила послабления в контроле над научными исследованиями историков. Исследования И. С. Шепелева, Н. П. Долинина вызвали бурную дискуссию по, казалось бы, забытым в 30-г. XX в. проблемам истории крестьянских войн, которая развернулась во второй половине 50-х – 60-х годов на страницах журналов «Вопросы истории» и «История СССР». В ходе споров А. А. Зимин предложил рассматривать всю Смуту как крестьянскую войну, которая началась в 1603 г., достигла высшей стадии в 1606–1607 гг., затем переросла из классовой в национально-освободительную и закончилась в 1614–1618 гг.¹³ Многие исследователи согласились с предложениями А. А. Зимина, но первая же попытка обосновать новую концепцию на конкретном материале, предпринятая Д. П. Маковским, привела к возрождению старых марксистских социологических схем 20–30-х годов XX в. и не была принята историками.¹⁴

Развернутое обоснование гипотезы А. А. Зимина о многоэтапной крестьянской войне 1603–1618 гг. на обширном архивном материале попытался обосновать В. И. Корецкий. Историк пришел к выводу, что основными причинами крестьянской войны в России явилось утверждение крепостничества в русской деревне, которое произошло в результате отмены Юрьева дня в 90-х годах XVI в., и резкое понижение статуса холопов. Непосредственной причиной к народному бунту стал голод 1601–1603 гг. Первая волна крестьянской войны, по мнению ис-

Н. П. Долинин, *Подмосковные полки («казацкие таборы») в национальноосвободительном движении 1611–1612 гг.* (Харьков: Харьковский гос. ун-т, 1958), 130 с.

- 13 А. А. Зимин, «Вопросы истории крестьянской войны в России в начале XVII в.» *Вопросы истории* № 3 (1958): 97–113; А. А. Зимин, «О некоторых спорных вопросах классовой борьбы в Русском государстве XVII века», *Вопросы истории*. № 12 (1958) С. 204–208.; Р. В. Овчинников, «Некоторые вопросы крестьянской войны начала XVII в. России», *Вопросы истории* № 7. (1959) С. 69–83.; А. П. Пронштейн, Н. А. Мининков, *Крестьянские войны в России XVII–XVIII в.* (Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 1983); И. И. Смирнов, «О некоторых вопросах борьбы классов в Русском государстве начала XVII в.» *Вопросы истории*. № 12 (1958) С. 116–131.
- 14 Д. П. Маковский, *Первая крестьянская война в России* (Смоленск: Смоленское областное государственное издательство, 1950), 346 с.

следователя, поднялась в 1603 г. – с восстанием Хлопка, вторая, более мощная – вынесла на московский престол Лжедмитрия I, который, столкнувшись с боярской оппозицией и надвигающимся народным бунтом, будто бы, решил отменить крепостное право и обратился за помощью к народу. Его гибель дала мощный импульс крестьянскому восстанию И. И. Болотникова, в ходе которого крестьянская война достигла апогея. Ограниченность классового самосознания крестьянства, полагал В. И. Корецкий, не позволили ему победить. После разгрома повстанцев в Туле, пошел спад крестьянской войны, продолжавшийся до ее завершения в 1618 г. В это время произошло перерастание классовой борьбы в национально-освободительную. Ученый считал, что историческое значение крестьянской войны заключается в том, что она являлась первым в истории России массовым выступлением крестьянства против угнетателей, которое на несколько десятилетий задержало утверждение крепостного права в стране.¹⁵ Важно отметить, что события Смуты после 1608–1610 гг. в построениях В. И. Корецкого остались не исследованными. Он лишь «переосмыслил» наработки предшественников.

Концепция А. А. Зимина – В. И. Корецкого была принята многими советскими историками. В. Д. Назаров, проанализировав движущие силы повстанческих движений начала XVII в., пришел к выводу, что особенность Крестьянской войны заключалась в том, что объективно роль активного начала и «идеолога» в классовой борьбе взяло на себя казачество, которое «оказалось неспособным на более или менее длительное объединение угнетенных слоев города и деревни». К сходным выводам пришли А. П. Пронштейн и Н. А. Мининков, исследовавшие роль донского казачества в событиях начала XVII в. Б. Н. Флоря и В. Д. Назаров полагали, что правящие круги Речи Посполитой сыграли определенную роль в подготовке Лжедмитрия I, но позиция, занятая сеймом Речи Посполитой, настаивавшим на развитии мирных отношений с восточным соседом, заставила их отказаться даже от тайного вмешательства во внутренние дела России. К подготовке Лжедмитрия II Сигизмунд III и его окружение, по мнению историков, вообще не имели никакого отношения и о вмешательстве их в русские дела нельзя говорить ранее появления в стане самозванца Я. Сапеги.¹⁶ В. И. Буга-

15 В. И. Корецкий, *Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России*. (Москва: Омега, 2007), 528 с.

16 В. Д. Назаров, «О некоторых особенностях крестьянской войны начала XVII в.» в *Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе* ред. В. Т. Пашуто (Москва: Наука, 1972), с. 330–366.; В. Д. Назаров, Б. Н. Флоря, «Крестьянское восстание под предводительством

нов высказал мысль, что после восстания И. И. Болотникова классовая борьба зачастую сливалась с национально-освободительной и борьба против попытки иностранных феодалов утвердиться в России приобретала ярко выраженный антифеодальный характер.¹⁷ В. К. Чистов, исследовавший феномен самозванчества в России в XVII-XIX вв. пришел к заключению, что «авантюристы», создавая свои истории о чудесных спасениях, использовали бытовавшие в народе «социально-утопические легенды», что делало их агитацию действенной и им удавалось поднимать народные массы на борьбу с угнетателями.¹⁸ В. М. Панеях исследовал историю холопства в конце XVI – начале XVII вв.¹⁹

Дискуссия о крестьянских войнах, хотя и закончилась ничем, позволила в анализируемых работах историков вернуться к рассмотрению событий начала XVII в., как единого комплекса событий, и актуализировала широкий спектр теоретических и практических проблем изучения социальных конфликтов XV–XVIII вв.

В польской литературе 60-х годов XX в. наибольший интерес представляет монография Я. Мацшевского. Проанализировав польские публицистические и литературные произведения начала XVII в., сохранившуюся переписку между государственными деятелями и частными лицами, историк выяснил, как строилась агитация различных политических сил и как менялись настроения в польском обществе. Он пришел к выводу, что в конце XVI – начале XVII вв. между Россией и Речью Посполитой наметилось сближение, которое, однако, из-за смут в обоих государствах не реализовалось в прочный союз. Ни Лжедмитрий I, ни Лжедмитрий II, по мнению историка, не были ставленниками правящих кругов Речи Посполитой. Общественное мнение Речи Посполитой было настроено против вмешательства во внутренние дела России. Наемники, по его мнению, действовали исключительно в своих корыстных интересах, вопреки запретам короля и сейма. О начале «скрытой интервенции» в Россию, как полагает Я. Мацшевский,

И. И. Болотникова и Речь Посполитая» в *Крестьянские войны в России в XVI–XVII вв.: проблемы, поиски, решения*. ред. Л. В. Черепнин (Москва: Наука, 1974), С. 325–352.; А. П. Пронштейн, Н. А. Мининков, *Крестьянские войны в России XVII–XVIII в. и донское казачество* (Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 1983)

17 В. И. Буганов, *Крестьянская война в России начала XVII в.* (Москва: Издательство Наука, 1976), 144 с.

18 К. В. Чистов, *Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв.* (Москва: Издательство Наука, 1967), 342 с.

19 В. М. Панеях, *Холопство в XVI – начале XVII вв.* (Ленинград: Наука, 1975), 266 с.; В. М. Панеях, *Холопство в первой половине XVII в.* (Ленинград: Наука, 1984), 261 с.

можно говорить только после отправки на службу к Лжедмитрию II отряда Я.П. Сапеги, с помощью которого король и его окружение начали вмешиваться в русские дела. Недальновидная политика Сигизмунда III вызвала мощное движение земских ополчений, которое изгнало войска интервентов – поляков и литовцев из России, чем сильно ослабила Речь Посполитую накануне тяжелых испытаний, которые ей пришлось пережить в XVII в.²⁰ Взгляды Я. Мацшевского получили дальнейшее развитие в трудах польских историков.²¹

Накопленный к 80-90 гг. XX в. в исследованиях о Смуте фактический материал обнаружил парадокс: в источниках содержалось очень мало данных об участии крестьян в Крестьянской войне, зато имелся обширный материал о выступлениях дворян, казаков и беглых холопов. Пытаясь разрешить это противоречие, Л. В. Черепнин и В. Т. Пашуто, исходя из сложившейся в литературе ситуации, предложили вернуться к рассмотрению событий начала XVII в., как первой в истории России «гражданской войне», под которой понималась, прежде всего, крестьянская война, осложненная династическим кризисом, борьбой феодалов за власть, политической активностью горожан и иностранной интервенцией.²² Р. Г. Скрынников в серии монографических исследований и научно-популярных книг, посвященных событиям начала XVII в., сформулировал и обосновал новую концепцию Смуты. Опираясь на данные русских и иностранных документальных источников, исследователь критически проанализировал показания русских нарративных сочинений и установил, что в южных степных уездах – главной базе повстанческого движения – крестьян почти не было вообще, за исключением дворцовых сел в Комарицкой волости. Беглые холопы, принявшие широкое участие в повстанческом движении, в прошлом были «боевыми», а не «пашеными» холопами, как считал И. И. Смирнов, т. е. разорившимися служилыми людьми. Казачество, по мнению исследователя, в XVI – начале XVII вв. пополнялась

20 J. MACISZEWSKI, *Polska a Moskwa 1603–1618. Opinie i stanowiska szlachty polskiej*. (Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1968), 326 s.

21 A. ANDRUSIEWICZ, *Dzieje wielkiej smuty* (Katowice: Wydawnictwo Naukowe „Śląsk”, 1999), 497 s.; Т. ВОЛУН, *Moskwa. 1612* (Warszawa: Bellona, 2005), 280 s.; P. FLOREK, “Historia pułku Jana Piotra Sapiehy - starosty Uświackiego”, *Echa przeszłości* IV. (2003): 31–49.; W. POLAK, *O Kreml i Smoleńszczyznę: Polityka Rzeczypospolitej wobec Moskwy w latach 1607–1612*. (Toruń: Uniwersytet Mikołaja Kopernika, 1995), 351 s.; H. WISNER, *Lisowczycy*. (Warszawa: Bellona, 2004), 190 s.; H. WISNER, *Zygmunt III Waza*. (Wrocław: Ossolineum, 2006), 296 s.

22 Л. В. ЧЕРЕПНИН, *Вопросы методологии исторического исследования*. (Москва: Наука, 1981), 280 с.

в основном за счет разорившихся служилых людей, беглых боевых холопов, а не крестьян, т.к. без боевого опыта выжить в Диком Поле было невозможно. Все эти факты, как полагает историк, свидетельствуют, что главными движущими силами повстанческого движения 1604–1607 гг. являлись мелкие служилые люди южных окраин, беглые холопы и казаки, а не крестьяне. Р. Г. Скрынников, как и многие его предшественники, считал, что Смута явилась следствием утверждения крепостнических порядков в экономике России конца XVI – начала XVII вв., которые, по его мнению, обострили глубокий кризис феодального землевладения в России, вылившийся в вооруженную борьбу за землю и рабочие руки (закрепление за владельцами крестьян). Конфликт между крестьянами, которые воспринимали запрет на крестьянские переходы как временную меру, по мнению историка, разразится позднее. Тысячи мелких и средних дворян, служилых людей по прибору, утратив возможность привлекать в свое хозяйство крестьян, были разорены и оказались перед выбором: поступить в боевые холопы или стать вольными казаками. Попытка правительства Бориса Годунова решить проблему за счет освоения вольных окраин усугубила кризис. На новые территории тотчас начали проникать крупные землевладельцы и теснить пожалованную служилую мелкоту. Изъятия земель затронули интересы вольного казачества, которое, в результате правительственной колонизации, потеряло значительные охотничьи и рыболовные угодья. Служилая мелкота, поднявшись на борьбу с правительственными силами под знаменами самозванцев, не ставила перед собой цели «ниспровержения феодального строя». Неслучайно поэтому, при появлении любого самозванца, его движение сразу же обнаруживало тенденцию к перерождению. Р. Г. Скрынников поддержал мнение историков, что движения Лжедмитрия I и Лжедмитрия II не являлись «скрытой интервенцией» Речи Посполитой против России. Интервенция, по его мнению, началась сразу в открытом виде. Земщина, осознав, что теряет все: имущество, веру, отечество, поднялась против интервентов. Р. Г. Скрынников полагал, что патриарх Гермоген сыграл ключевую роль в организации земского движения и поддержал наблюдение И. С. Шепелева, что у истоков Первого ополчения наряду с П. П. Ляпуновым стоял кн. Д. М. Пожарский, который вплоть до тяжелого ранения в мартовских событиях в Москве играл видную роль в борьбе ополченцев с оккупантами. К сожалению, возраст и здоровье не позволили Руслану Григорьевичу завершить его студии по истории Смуты. События 1608–1618 гг. он специально не исследовал, а стремил-

ся критически осмыслить исследования предшественников. Историк решительно высказался за правомерность применения термина «Смута» к событиям начала XVII в., как это делали современники и русские дореволюционные историки.²³

Независимо от Р. Г. Скрынникова, к сходным выводам пришел А. Л. Станиславский. Исследовав участие казачества в событиях Смуты 1610–1618 гг., он пришел к выводу, что вольные казаки Дона отошли от повстанческого движения после свержения Лжедмитрия I, получив значительное «государево жалование» от Василия Шуйского. Казачьи отряды, воевавшие под знаменами И. И. Болотникова, Лжедмитрия II и ополчений, по мнению ученого, образовались в результате «показачения» «непривилегированных» слоев населения России. К 1611–1612 гг. они объединились в самостоятельную организацию – Войско, отличное от существовавшего на Дону. Порвав со средой, из которой вышли, новоявленные казаки утратили прежние сословные интересы и приобрели новые. Приняв участие в земском освободительном движении, они одновременно активно боролись за привилегии и право получать у государства стабильное денежное жалование и корма и тем самым затронули интересы земцев: дворян, посадских и крестьян. Русские крестьяне, как заметил А. Л. Станиславский, в то время выступали в качестве самостоятельной силы только тогда, когда оказывались в безвыходном положении и были вынуждены спасать себя, семьи и имущество. В 1608–1612 г. они оказались перед выбором – продолжить как прежде тянуть тягло на царя, бояр, дворян и церковных феодалов или согласиться на собственную эксплуатацию через учрежденную наемниками и казаками систему приставств. Русские мужики предпочли крепостнические порядки безудержному грабежу, что привело к столкновениям между крестьянами и казаками. Только разгром правительством М. Ф. Романова образовавшегося на территории России вольного казачьего войска в 1614–1618 гг. и изгнание остатков их отрядов на Дон, по мнению А. Л. Станиславского, помогли разрешить конфликт между казаками и земщиной и вывести страну из Смуты. Исходя из сделанных наблюдений, историк пришел к выводу, что представление о Смуте, как крестьянской войне, «нуждается, по-видимому, в решительном пересмотре». Термин «гражданская война» в заголо-

23 Р. Г. Скрынников, *1612 год*. (Москва: Хранитель, 2007), 800 с.; Р. Г. Скрынников, *Минин и Пожарский*. (Москва: Молодая гвардия, 1981); Р. Г. Скрынников, *Смутное время. Крушение царства*. (Москва: Хранитель, 2007), 544 с.; Р. Г. Скрынников, *Три Лжедмитрия* (Москва: АСТ, 2003).

вок его книги поставили издатели. Сам историк, вопреки популярному историографическому мифу, этот термин не использовал.²⁴

Английская исследовательница М. Перри опровергла гипотезу К.В. Чистова, что российские самозванцы начала XVII в., поднимая народ на борьбу, эксплуатировали бытовавшие в народе «социально-утопические легенды о царях-избавителях». Она показала, что, в действительности, самозванцы и их окружение являлись авторами своих легенд и через агитацию вносили их в сознание народа, играя на его монархических иллюзиях. Никаких антикрепостнических лозунгов в их агитации не было.²⁵ Американский историк Ч. Данинг высказал предположение, что предпосылки Смуты следует искать в общеевропейском кризисе конца XVI–XVII в., а причины – не в социальной, а в политической и культурно-исторической плоскостях. Он полагает, что гражданской войны могло бы и не быть, если бы не убийство Лжедмитрия I.²⁶ Ученик Р. Г. Скрынникова, украинский исследователь В. И. Ульяновский, опубликовал несколько книг, посвященных Лжедмитрию I и его времени. Он пришел к выводу, что, придя к власти, решив «править лаской», Лжедмитрий I был вынужден строго следовать традициям российской православной монархии. Он, действительно, много говорил и даже пытался искать возможности реализовать преобразования, во многом аналогичные преобразованиям Петра I, но реакционными силами, во главе которых стал В.И. Шуйский, довольно быстро удалось расправиться с самозванцем и похоронить все его планы на будущее. Вспыхнувшая затем война между приверженцами самозванца и реакционерами привела к поражению реформаторов и до предела ослабила Россию, чем не преминули воспользоваться враги.²⁷

24 А. Л. Станиславский, *Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории*. (Москва: Мысль, 1990), 270 с.

25 M. PERRIE, *Pretenders and Popular Monarchism in Early Modern Russia: The False the Time of Troubles*. (Cambridge: Cambridge University Press, 1995), 270 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511523465>

26 CHESTER S.L. DUNNING, *Russia's First Civil War: The Time of Troubles and the Founding of Romanov Dynasty*. (Pennsylvania: Pennsylvania State University Press, 2001), 657 p.

27 В. И. Ульяновский, *Смутное время* (Москва: Европа, 2006), 477 с.; В. И. Ульяновский, «Священство» и «Царство» в начале Смуты. *Московские патриархи, российские монастыри, духовенство Востока*. (Москва, Санкт-Петербург: Нестор-История, 2021), 808 с.; В. И. Ульяновский, *Российские самозванцы: Лжедмитрий I* (Киев: Либідь, 1993), 292 с.

References

- A. ANDRUSIEWICZ, *Dzieje wielkiej smuty*. [The History of the Great Smuta] (Katowice: Wydawnictwo Naukowe „Śląsk”, 1999), 497.
- G. BIBIKOV, „Opyt voenoi reformy 1609-1610 gg.” [The Experience of Military Reform in Years 1609-1610], *Istoricheskoe zapiski* 19 (1946): 3–16.
- T. BOHUN, *Moskwa. 1612*. [Moscow. 1612.] (Warszawa: Bellona, 2005), 280.
- V. I. BUGANOV, *Krest’ianskaia voina v Rossii nachala XVII v.* [Peasant War in Russia in the Early 17th Century] (Moskva: Izdatel’stvo „Nauka”, 1976.), 144.
- L. V. CHEREPNIN, *Voprosy metodologii istoricheskogo issledovaniia* [Issues of Methodology of Historical Research] (Moskva: Nauka, 1981), 280.
- K. V. CHISTOV, *Russkie narodnye sotsial’no-utopicheskie legendy XVII – XIX vv.* [Russian Folk Socio-Utopian Legends of the XVII-XIX Centuries] (Moskva: Nauka, 1967), 342.
- N. P. DOLININ, *Klassovaia i natsional’no-osvoboditel’naia bor’ba v Russkom gosudarstve v konce 1610–1614 gg.* [Class and National Liberation Struggle in the Russian State at the end of 1610–1614.] *Dissertatsiia doktora istoricheskikh nauk*, 1968– PRG OR. – F. 218. – D. 1355.
- N. P. DOLININ, *Podmoskovskie polki („kazatskie tabory”) v natsional’noosvoboditel’nom dvizhenii 1611–1612 gg.* [Regiments near Moscow (‘Cossack Tabor’) in the National Liberation Movement of 1611–1612.] (Khar’kov: Khar’kovskii gosudarstvennyi universitet, 1958), 130.
- S. M. DUBROVSKII, „Krest’ianskie voiny v Rossii XVII–XVIII vv.” [Peasant War in Russia in 17–18th Centuries] v *Krest’ianskie voiny v Rossii*, red. S. M. DUBROVSKII, N. L. MESHCHERIAKOV, N. M. LUKIN (Moskva: Novaia Derevnia, 1925), 43–54.
- CHESTER S.L. DUNNING, *Russia’s First Civil War: The Time of Troubles and the Founding of Romanov Dynasty*. (Pennsylvania: Pennsylvania State University Press, 2001), 657
- N. N. FIRSOV, *Krest’ianskaia revoliutsiia na Rusi* [The Peasant Wars in the Rus] (Moskva: Gosizdat, 1927), 126.
- P. FLOREK, “Historia pułku Jana Piotra Sapiehy - starosty Uświackiego” [The History of the Regiment of John Peter Sapieha, the Starosta of Uswiaty], *Echa przeszłości* IV (2003): 31–49.
- L. B. GENKIN, *Iaroslavskii kraj i razgrom pol’skoi interventsii v Moskovskom gosudarstve v nachale XVII v.* [The Iaroslavl’ Region and the Defeat of Polish Intervention in the Early 17th Century] (Iaroslavl’: Oblastnoe Izdatel’stvo, 1939), 172.
- V. I. KORETSKII, *Formirovanie krepostnogo prava i pervaiia krest’ianskaia voina v Rossii* [Formation of Serfdom and the First Peasant War in Russia] (Moskva: Omega, 2007), 528.
- A. I. KOZACHENKO, *Bor’ba russkogo naroda s pol’sko-shvedskoi interventsiei v nachale XVII v* [The Struggle of the Russian Nation with the Polish-Swedish Intervention in Early 17th Century] (Moskva: Gospolitizdat, 1939), 121.
- A. I. KOZACHENKO, *Razgrom pol’skoi interventsii v nachale XVII veka* [The Defeat of the Polish Intervention in the Early 17th Century] (Moskva: Gosudarstvennoe izdatel’stvo politicheskoi literatury, 1939), 174.
- P. G. LIUBOMIROV, *Ocherki istorii nizhegorodskogo opolcheniia 1611–1613 gg.* [Sketches of the History of the Nizhny Novgorod Militia 1611–1613] (Moskva: Gospolitizdat, 1939) 342.
- J. MACISZEWSKI, *Polaska a Moskwa 1603–1618. Opinie i stanowiska szlachty polskiej*. [Poland and Moscow 1603-1618. Opinions and Position of the Polish Nobility] (Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1968), 326.
- D. P. MAKOVSKII, *Pervaiia krest’ianskaia voina v Rossii* [The First Peasant War in Russia] (Smolensk: Smolenskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institut imeni Karla Marksa, 1967), 525.
- MAL’TSEV V. P., *Bor’ba za Smolensk* [The Battle for Smolensk] (Smolensk: Smolenskoe oblastnoe gosudarstvennoe izdatel’stvo, 1950), 346.

- V. D. NAZAROV, „O nekotorykh osobennostiakh krest'ianskoi voiny nachala XVII v.” [On Some Peculiarities of the Peasant War of the Early 17th century.] v *Feodal'naiia Rossiia vo vseмирno-istoricheskom protsesse*, red. V. T. PASHUTO (Moskva: Nauka, 1972), 330–366.
- V. D. NAZAROV, B. N. FLORIA, „Krest'ianskoe vosstanie pod predvoditel'stvom I. I. Bolotnikova i Rech' Pospolitaia” [The Peasant Uprising led by I. I. Bolotnikov and the Polish-Lithuanian Commonwealth] v *Krest'ianskie voiny v Rossii v XVI-XVII vv.: problemy, poiski, resheniia*, red. L. V. CHEREPNIN (Moskva: Nauka, 1974), 325–352.
- R. V. OVCHINNIKOV, „Nekotorye voprosy krest'ianskoi voiny nachala XVII v. Rossii” [Some Questions of the Peasant War in Russia in the 17th Century], *Voprosy istorii* 7 (1959): 69–83.
- V. M. PANEIAKH, *Kholopstvo v XVI – nachale XVII vv.* [Serfdom in 16th and the Begging of 17th Century] (Leningrad: Nauka, 1975) 266.
- V. M. PANEIAKH, *Kholopstvo v pervoi polovine XVII v.* [Serfdom in the First Half of 17th Century] (Leningrad: Nauka, 1984), 261.
- M. PERRIE, *Pretenders and Popular Monarchism in Early Modern Russia: The False Tsars of the Times of Troubles*. (Cambridge: Cambridge University Press, 1995), 270. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511523465>
- S. F. PLATONOV, *Ocherki po istorii smuty v Moskovskom gosudarstve XVI–XVII vv. (opyt izuchenii obshchestvennogo stroia i soslovnnykh otnoshenii v Smutnoe vremia)* [Essays on the History of the Time of Troubles in the Moscow State XVI–XVII Centuries (Experience of Studying the Social Order and Class Relations in the Time of Troubles).] (Sankt-Peterburg: Sklad izdatel'stva u Ia. Bashmakova i K°, 1899), 665.; (Moskva, Sotsekgiz, 1937), 499.; (Moskva, Pamiatniki istoricheskoi mysli, 1994), 469.
- M. N. POKROVSKII, „Smutnoe vremia” [The Time of Troubles] v *Entsiklopedicheskii slovar' Russkogo bibliograficheskogo instituta Granat. Tom 39.*, red. V. IA. ZHELEZNOV, M. M. KOVALENSKII (i dr.) (Moskva: Brat'ia A. I. Granat i K°, 1934), 646.
- M. N. POKROVSKII, *Russkaia istoriia s drevneishikh vremen. V 4-kh tt.* [Russian History from the Earliest Times. In 4 Volumes.] (Moskva: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1923), T.1. 236–304.
- N. I. POKROVSKII, „Nachalo narodnoi voiny v Moskovskom gosudarstve v 1608–1609 gg.” [The Beginning of the People's War in the Moscow State in Years 1608–1609.], *Uchenye zapiski Rostovskogo-na-Donu gosudarstvennogo universiteta*. T.6 (1945), Vypusk 3.:3–45.
- A. P. PRONSHEIN, N. A. MINIKOV, *Krest'ianskie voiny v Rossii XVII–XVIII vekov i Donskoe kazachestvo* [The Peasant Wars in Russia in 17th and 18th Centuries and the Cossaks of the Don] (Rostov-na-Donu: Izdatel'stvo Rostovskogo universiteta, 1983)
- N. A. ROZHKOV, *Russkaia istoriia v sravnitel'no-istoricheskom osveshchenii*. [Russian History in Comparative-Historical Illumination.] (Petrograd: Kniga, 1923), 5–6; 14–15; 177; 183–186.
- N. L. RUBINSHEIN, „Vozniknovenie narodnogo opolcheniia v Rossii v nachale XVII v.” [The Emergence of the People's Militia in Russia in the Early 17th Century.], v *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia. Vypusk 20. Voienno-istoricheskoi sbornik*, red. N. L. RUBINSHEIN (Moskva: Sovietskaiia Rossiia, 1948), 47–58.
- A. A. SAVICH, *Bor'ba russkogo naroda s pol'skoi interventsiei nachala XVII v.* [The Struggle of the Russian People with the Polish Intervention of the Early XVII Century.] (Moskva: Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo, 1939), 56.
- I. P. SHASKOL'SKII, *Shvedskaia interventsiiia v Karelii v nachale XVII v.* [Swedish Intervention in Karelia in the Early 17th Century] (Petrozavodsk: Gosizdatel'stvo Karelo-Finskoi ASSR, 1950), 168.
- I. S. SHEPELEV, *Osvoboditel'naiia i klassovaia bor'ba v Russkom gosudarstve v 1608-1610 gg. Dissertatsiia doktora Istoricheskikh nauk* [Liberation and Class Struggle in the Russian State in 1608-1610. Dissertation of PhD in History.] (Leningrad: LOII, 1959)
- I. S. SHEPELEV, *Pervoe zemskoe opolchenie. Dissertatsiia kandidata istoricheskikh nauk.* [The First Zemstvo Militia. Dissertation of Candidate in History] (Leningrad: LGU, 1941)

- I. S. SHEPELEV, *Trudy po istorii Smuty v Rossii v nachale XVII stoletii. V 2-kh t.* [Works on the History of the Time of Troubles in Russia in the Early 17th Century. In 2 Volumes.], red. I. O. TIUMENTSEV (Volgograd: Izdatel'stvo VGSPU« Peremena», 2012), 408; 508.
- R. G. SKRYNNIKOV, *1612 god* [Year 1612] (Moskva: Khranitel', 2007), 800.
- R. G. SKRYNNIKOV, *Minin i Pozharskii* [Minin and Pozharskii] (Moskva: Molodaia gvardiia, 1981)
- R. G. SKRYNNIKOV, *Smutnoe vremiia. Krushenie tsarstva.* [The Time of Troubles. The Collapse of the Tsardom] (Moskva: Khranitel', 2007), 544.
- R. G. SKRYNNIKOV, *Tri Lzhedmitriia* [The Three False Dmitriis] (Moskva: AST, 2003)
- I. I. SMIRNOV, „O nekotorykh voprosakh bor'by klassov v Russkom gosudarstve nachala XVII v.” [On Some Issues of Class Struggle in the Russian State of the Early 17th Century] *Voprosy istorii* 12 (1958): 116–131.
- I. I. SMIRNOV, *Vosstanie I. I. Bolotnikova 1606-1607 gg.* [The Uprising of I. I. Bolotnikov in Years 1606-1607] (Moskva-Leningrad: Gospolitizdat, 1951), 583.
- W. SOBIESKI, *Żótkiewski na Kremlu.* [Żótkiewski in the Kremlin] (Kraków: Nakład Gebethnera i Wolfa, 1920), 217.
- A. L. STANISLAVSKII, *Grazhdanskaia voina v Rossii XVII v.: Kazachestvo na perelome istorii* [Civil War in Russia XVII Century: Cossacks on the Cusp of History] (Moskva: Mysl', 1990), 270.
- K. TYSZKOWSKI, *Wojna o Smoleńsk 1613–1615.* [The War for Smolensk in 1613–1615] (Lwów, Kraków: Towarzystwo Naukowe, 1932), 176.
- V. I. UL'IANOVSKII, „Sviashchenstvo” i „Tsarstvo” v nachale Smuty. *Moskovskie patriarkhi, rossiiskie monastyri, dukhovenstvo Vostoka* [“Priesthood” and “Tsardom” at the Beginning of the Time of Troubles. Moscow Patriarchs, Russian Monasteries, Clergy of the East.] (Moskva – Sankt-Peterburg: Nestor-Istoriia, 2021), 808.
- V. I. UL'IANOVSKII, *Rossiiskie samozvantsy: Lzhedmitrii I.* [Russian Impostors: False Dmitrii I] (Kiev: Lybid', 1993), 292.
- V. I. UL'IANOVSKII, *Smutnoe vremia* [The Time of Troubles] (Moskva: Evropa, 2006), 477.
- H. WISNER, *Lisowczycy.* [The Lisowczyks] (Warszawa: Bellona, 2004), 190.
- H. WISNER, *Zygmunt III Waza.* [Sigismund III Vasa] (Wrocław: Ossolineum, 2006) 296.
- A. A. ZIMIN, „O nekotorykh spornykh voprosakh klassovoi bor'by v Russkom gosudarstve XVII veka” [On Some Controversial Issues of Class Struggle in the Russian State of the XVII Century], *Voprosy istorii* 12 (1958): 204–208.
- A. A. ZIMIN, „Voprosy istorii krest'ianskoi voiny v Rossii v nachale XVII v.” [The Questions on Peasant Wars in Russia in Early 17th Century], *Voprosy istorii* 3 (1958): 97-113.

ANN M. KLEIMOLA

**PLUS ÇA CHANGE: THE SHAPING OF EARLY MUSCOVITE
DIPLOMATIC RITUALS¹**

This study examines the diplomatic rituals and ceremonies employed in formal exchanges of envoys between Muscovy and the Grand Principality of Lithuania in the late fifteenth century and first decades of the sixteenth and also analyzes the application of parallel procedures in the reception of messengers conveying “private” letters between Lithuanian lords (*pany*) and Moscow boiars. The concerns for honor, precedence, and control of information, as well as the manner of negotiating, all so evident in the seventeenth century, were well established by the 1530s, if not earlier. At the same time the “private” contacts, orchestrated behind the scenes by the sovereigns and their official representatives, offered more flexibility and provided a “back channel” for keeping communications open without loss of face.

keywords: early Muscovite diplomacy, Grand Principality of Lithuania, Radziwill, Fedorov Cheliadnin, Ovchina Telepnev Obolenskii

Ann M. Kleimola—PhD, Professor Emerita of History at the University of Nebraska. Email: rintintin996@yahoo.com. ORCID: 0009-0008-8931-0561

1 Citation: A. M. KLEIMOLA, “Plus ça change: The Shaping of Early Muscovite Diplomatic Rituals”, *RussianStudiesHu* 7, no. 2 (2025): 201–211. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2025.7.20

A major focus of the “new diplomatic history” is analysis of the forms that came to govern how envoys conducted their activities in the Early Modern period. As Hennings and Sowerby point out in introducing an anthology on the topic, the essays “build on the premise that sociocultural practices constituted political relationships, that they were not the consequence of foreign policy, international law, and political thought but their basis, and that a study of these practices reveals more about the nature of early modern diplomacy than the assumptions that underlie the traditional state-focused, Eurocentric paradigm.”² In the conduct of negotiations, the actions and responses of the actors had immediate impact, as each party attempted to press its arguments while simultaneously safeguarding the honor of the sovereign. Each stage of an embassy’s progress (arrival, lodging, initial reception with presentation of credentials and gifts, ceremonial banquet, negotiations, resolution (or not) of issues, departure) offered its own context of symbolic communication. Location, rank of participants, and gestures all mattered.³

The “new diplomatic history” has “shifted the perspective away from the study of great—essentially European—affairs, and the modern state-focused notion of international relations, to a broader appreciation of cross-cultural exchange, individual actors, and the complexity of early modern polities in the evolution of diplomatic practice.”⁴ Most studies of Early Modern Russian diplomatic practice have examined the slow transition toward more modern “state”-centered approaches and integration with European norms from the late 17th century on. In contrast to the 19th c., diplomacy in 17th-18th c. Europe was not yet conducted “between states” but between ‘sovereigns or people with status equal to that of a sovereign’; not within an abstract international system, but “within the society of princes.”⁵ Russia was a courtly society that shared in many of the same concepts of honor and precedence as the European community. At the same time we

2 JAN HENNINGS, TRACEY A. SOWERBY (eds.), “Introduction: Practices of Diplomacy,” in *Practices of Diplomacy in the Early Modern World c. 1410–1800* (London and New York: Routledge, 2017), 2.

3 HENNINGS, SOWERBY, “Introduction,” 4.

4 JAN HENNINGS, *Russia and Courtly Europe: Ritual and the Culture of Diplomacy, 1648–1725* (Cambridge: Cambridge University Press, 2016), 4. On Russian practice, see MARIA A. PETROVA, “The Diplomatic Service in Early Modern Russia,” in *Early Modern European Diplomacy: A Handbook*, ed. DOROTHÉE GOETZE, LENA OETZEL (Oldenbourg: De Gruyter, 2024), 271–90. <https://doi.org/10.1515/9783110672008-014>

5 CHRISTIAN WINDLER, “Afterword: From Social Status to Sovereignty—Practices of Foreign Relations from the Renaissance to the *Sattelzeit*,” in *Practices*, 256.

must note that the essential structural elements of these courtly practices were already clearly in place in the Muscovy of the early sixteenth century, so had deeper roots than has often been acknowledged.

For the first decades of the sixteenth century the question of relations with the Grand Duchy of Lithuania was one of the dominant preoccupations of Muscovite military and diplomatic policy. The two states had conflicting claims to the West Russian borderlands but were very different polities. Lithuania was a multi-ethnic and multi-confessional state bound to Poland through a dynastic union, with strong West European cultural influences, entrenched regional interests, and political power increasingly flowing into the hands of the aristocrats in the Sejm. Moscow, in contrast, was completing the process of “gathering the Russian lands” under its control, dealing with the successors of the Golden Horde as the Tatar Yoke ended, subordinating the elite as part of laying the foundations of autocracy, and championing its role as leader and defender of the Orthodox world in the wake of the Turkish conquest of Byzantium. From the 1490s on, open military hostilities on the Russian-Lithuanian front were tempered by periods of relative peace, punctuated by border raids and repeated rounds of diplomatic negotiations aimed at working out a peace treaty or at least a truce.

An examination of their diplomatic interactions during this period reveals that well before the mid-century establishment of the Posol’skii prikaz (Ambassadorial Chancellery) the functions that it later supervised were already deeply embedded in the fabric of the emerging bureaucratic culture. Local officials notified Moscow when an embassy arrived at the border; assigned escorts (*pristavy*) then accompanied the diplomats to Moscow, where they most often were housed “across the river” in Dorogomilovo. Both on the road and in the capital their “minders” provided protection but also ensured that the foreigners would remain in their quarters and have no contact with outside society. When summoned to the Kremlin, the envoys were greeted by *pristavy* of increasingly higher rank at each stage of their procession to their audience with the Grand Prince, where they presented their credentials (*veriushchie gramoty*), exchanged salutations, presented their gifts, and read their prepared introductory remarks (*nakaznye rechi*) on behalf of their overlord. A ceremonial banquet, with seating by precedence, ended with their being dispatched to quarters accompanied by courtiers bearing drink. Subsequent negotiations between the envoys and boiars took place without the presence of the ruler. Whatever the outcome, after being dismissed by the sovereign, the

envoys headed to the border under the guard of their escort. From arrival to departure, the Lithuanian representatives and their party enjoyed food, lodging, and transport courtesies of the Moscow government.

Notions of hospitality, reciprocal bonds, and honor were already built into the rituals of formal Muscovite diplomacy by the early sixteenth century, many already attested in Ivan III's reign. And relationships of another sort reflect even more clearly that these ritual procedures were regarded as the normal way of "doing business." The surviving chancellery records preserve several sets of what appear on the surface to be "private letters" between highly placed courtiers on each side, written on their own initiative⁶: Lord Ian Zaberezhskii of Polotsk and Iakov Zakhar'ich, boyar and namestnik of Novgorod, later in Moscow, 1492-1493⁷, 1501;⁸ boyar Ivan Iur'evich Patrikeev and Nikolai Nikolaevich Radziwill in Vilnius, 1492-1494;⁹ Patrikeev and Zaberezhskii, 1492-1493;¹⁰ boiar Grigorii Fedorovich Davydyov-Cheliadnin and the Lithuanian chancellor, Nikolai Radziwill, 1520-1521;¹¹ and boiar Ivan Fedorovich Ovchina Telepnev Obolenskii and Radziwill's son Iurii Nikolaevich in 1535-1536.¹² In cases where official negotiations broke down or the sides were at war and the ruler considered it "unseemly" (*neprigozhe*) to be the first to reach out, the situation allegedly prompted the supposed author of the letter to contact a counterpart on the other side to join in urging the sovereigns to work toward peace, brotherhood, and an end to the shedding of innocent Christian blood. While such missives have been seen as examples of a presumed traditional right of leading boyars to communicate independently,¹³ in the cases of correspondence cited here the sovereign was clearly the wizard behind the

6 The idea possibly originated in Lithuania; see ROBERT M. CROSKEY, *Muscovite Diplomatic Practices in the Reign of Ivan III* (New York and London: Garland Publishing, Inc., 1987), 143-45, and MARIUS SIRUTAVIČIUS, "Between the East and the West: The Evolution of Diplomacy in the Grand Duchy of Lithuania and Poland," in *Early Modern European Diplomacy*, 382-83. Unfortunately, we do not have correspondingly early Russian documentation.

7 *Сборник императорского русского исторического общества* [далее СИРИО] 35 (Санкт-Петербург, 1882), Nos. 17, 20.

8 СИРИО 35, Nos. 67, 68, 69.

9 СИРИО 35, Nos. 17, 22, 23, 24.

10 СИРИО 35, Nos. 18, 19.

11 СИРИО 35, Nos. 86-89.

12 СИРИО 59 (Санкт-Петербург, 1887), Nos. 3-5; *Акты, относящиеся к истории Западной России, Собранные и изданные Археографической комиссией II* [далее АЗР] (Ст. Петербург, 1846), No. 175.

13 М. М. Кром, «Вдовствующее царство»: *Политический кризис в России 30-40-х годов XVI века* (Москва: Новое литературное обозрение, 2010), 159.

curtain, and the ensuing exchanges became part of the diplomatic record. Employing this strategy, Ivan III not only timed Iakov Zakhar'ich's reply to Zaberezhskii but sent the text of the reply to be copied by Iakov's *d'iak*.¹⁴ Similarly, in 1519 after inconclusive military operations Vasilii III wanted to restart negotiations and instructed boiar Davydov to write a personal letter and send his "man" (*chelovek*) Boris Kamenskii to deliver it to Nikolai Radziwill in Vilnius.¹⁵ Davydov was clearly acting under orders. Yet both polities maintained the pretence that this was merely a personal contact.

These "private" letters offer little specific about the issues to be negotiated, tending instead to focus on the nuts-and-bolts arrangements that had to be made, such as the issuing and transfer of safe-conduct passes for envoys and the dates at which the next diplomatic mission would arrive. The authors were intermediaries charged with keeping communication open, not formulators of policy. As Radziwill put it in the spring of 1520 when trying to obtain safe-conduct passes so that negotiations could proceed, "You ask your sovereign and I will ask mine."¹⁶ These practical matters were embedded in seemingly endless repetitions of hopes for peace or at least a truce, expressions of good will on the part of their sovereigns, the desire that no more Christian blood be spilled, and the need for both states to live in peace and quiet so as to protect Christendom from the forces of Islam (*besermenstvo*).¹⁷

In the absence of an established postal system, the authors entrusted the delivery of their letters to their "men,"¹⁸ who travelled with diplomatic delegations when possible, but on occasion took to the road together, when one was returning home and the other was conveying a response. Some internal references in the documentation suggest that they were literate. There are copies of memoranda (*pamiati*) addressed to the messengers, giving them instructions, texts of the speeches they are to present upon arrival, or what response to give if asked various questions.¹⁹

14 СИРИО 35, No. 17

15 СИРИО 35, No. 86, 548.

16 СИРИО 35, No. 86.6.

17 The language in the letters from both sides is remarkably similar. See, for example, the draft of a letter from a Lithuanian lord to a Moscow boiar, tentatively attributed to Iurii Nikolaevich Radziwill; «1535 (?) Ян. 6. Отрывок черного наброска послания одного из панов-рады некоему московскому боарину,» in М. М. Кром, *Радзивилловские акты из собрания Российской национальной библиотеки: первая половина XVI века* (Москва, Варшава: Древлехранилище, 2002), No. 53.

18 Usually identified as a *chelovek* or *sluga*.

19 СИРИО 35, No. 6; AZR II, No. 175.XVI, XVIII.

Boris Kamenskii himself sent a letter to Davydov explaining why he had been delayed in Lithuania and reporting that Radziwill had asked him to write Davydov so he would not worry.²⁰

From the frontier check point on the messengers were subject to procedures, rituals and ceremonies that paralleled those accorded to diplomats. The authorities on both sides recognized the intelligence-collecting possibilities inherent in these exchanges and took steps to preclude any opportunities for such activity. Escorts accompanied the messengers to Moscow, making sure that they had no contact with local inhabitants.²¹ They were provided with “minders” at their lodging, usually at Dorogomilovo. The Lithuanians took similar precautions. When Davydov’s man had to wait for Radziwill’s return, he was lodged in one of the chancellor’s villages nine miles from Vilnius.²² Such concern was well-founded. In a memorandum to his man, Davydov instructed him to find out who the envoys to Moscow would be and when they would arrive, along with gathering what information he could about Lithuanian dealings with the Crimean Tatars and the Teutonic Knights.²³ Memoranda (*pamiati*) addressed to other messengers outline what they should attempt to find out about the other country’s plans or diplomatic maneuvering with other states, what to say in response to questions, or how they should behave so as to overhear as much as possible without calling attention to themselves.²⁴

The messengers, as “unofficial” contacts, were not summoned to the Kremlin, but to a meeting with the addressee of the letter they carried. Accompanied each step of the way by a series of escorts, they were announced, exchanged salutations, presented *pominki* (gifts) from their masters and themselves, delivered the letter, and attended a banquet after the audience. At a farewell reception the host usually announced that his man would be carrying his reply, departing with the returning messenger.

The same series of activities was expected in Vilnius. In February 1536 Ovchina gave his man Iakov Snozin a memorandum on how to handle his mission to Radziwill. He was to exchange salutations, give the prepared speech, ask about Ovchina’s cousin Fedor Vasil’evich (then a prisoner of war

20 СИРИО 35, No. 86.

21 СИРИО 35, No. 86.IV.

22 СИРИО 35, No. 86.X.

23 СИРИО 35, No. 86.IX.

24 СИРИО 35, Nos. 17, 20.

in Lithuania), present *pominki* from Ovchina and himself, use the following answers to any questions about Kazan', the Mordva and Cheremis, Crimea, the Nogai, and Wallachia. If not asked about those matters, "don't talk."²⁵

As was the case with reception of diplomats, the Grand Prince had his representatives present at these meetings.²⁶ When Davydov was ordered to meet with Radziwill's messenger in March 1520, the sovereign dispatched his courtier I. Iu. Shigona Podzhogin and two secretaries (*d'iaki*), Men'shoi Putiatin and Trufan Il'in, to attend. Davydov ordered the court secretary (*dvortsovyi d'iak*) Iurii Lelechin to take the letter.²⁷ He thus had witnesses that he had not received anything in secret or altered the content of the message while simultaneously preserving his status as one who delegated paperwork to functionaries. Shigona Podzhogin and the secretaries Men'shoi Putiatin and Fedor Mishurin appeared in the same roles at the audience of Iurii Radziwill's messenger Gaiko/Ganko in 1536.²⁸ Bureaucratic officials were generally present for audiences and reception banquets both official and unofficial, and thus provided a link of institutional memory.

The "combination of gift and hospitality" that Arel finds "at the very heart of the ambassadorial ritual" in the seventeenth century²⁹ was already evident in Muscovite-Lithuanian relations at least as early as 1492, when Ivan III ordered Iakov Zakhar'ich to send his man to Ian Zaberezhskii with *pominki*, "you know what would be appropriate."³⁰ Gifts were most often precious items (gold and silver objects, expensive cloth, arms)³¹ and animals, especially, as was the case in the early modern period generally, those "suitable for riding, the hunting field, and racing remained central to royal gifting throughout most of the early modern period."³² The Davydov-Radzi-

25 СИРИО 59, No. 3.VII.

26 And they had other duties—in 1501 Sumorok Putiatin and undersecretary Olekseiko Malyi were part of the group that brought Ian Zaberezhskii's man Ondreika Lozka to Dorogomilova and remained with him; СИРИО 35, no. 68.

27 СИРИО 35, No. 86.V.

28 СИРИО 59, No. 3; AZR II, No. 175.

29 MARIA SALOMON AREL, "Hospitality at the Hands of the Muscovite Tsar: The Welcoming of Foreign Envoys in Early Modern Russia," *The Court Historian* 21 (2016): 24.

30 СИРИО 35, No. 17.

31 E.g., СИРИО, 35, Nos. 20, 86.V, 88.IX; AZR II, No. 17. In 1535 Gaiko brought a length of scarlet (luxury woolen broadcloth) from Radziwill and crimson patterned Venetian silk from himself; СИРИО 59, 3.II.

32 FELICITY HEAL, "Presenting Noble Beasts: Gifts of animals in Tudor and Stuart diplomacy," in *Practices*, 190.

will exchanges in 1520–1521 offer a tantalizing glimpse of private interests. Davydov sent his man Kost'ia back with Lithuanian envoys in September 1520, conveying a letter and falcons.³³ While there Kost'ia had passed on to Radziwill Davydov's interest in acquiring breeding stock.³⁴ Radziwill's man Gaiko, arriving with Nikolai Shestov's embassy that winter, delivered a letter with a notation that Radziwill had filled Davydov's "shopping list." Gaiko brought with him the requested ambler colt, ungelded, some fine woolen cloth (*sharlata*) and a pair of the Polish scenthounds noted for rabbit hunting (*ogar' i ogaritsa*).³⁵ The request for rabbit hunters makes sense in the context of the court, given Vasilii III's enthusiasm for the sport and delight in the success of his hounds as described in Herberstein's account.³⁶ Gaiko in turn took home items Radziwill had requested, a male sighthound (*pes borzoi*), a dog used for falconry (*sobaka podsokol'ia*), and a gyrfalcon.³⁷ Fifteen years later, when Gaiko returned to Moscow as Iurii Radzivil's messenger, his party on the trip home included one of Ovchina's men entrusted with delivering a gift of falcons to Radzivil.³⁸

The ceremonial banquets provided a setting where honor and hospitality met. Foreign envoys, and their counterpart private messengers, sat in the place of honor at the table opposite the sovereign or host. When such a reception could not be offered, there was a proxy alternative, for example, in the case of the very young Grand Prince Ivan IV, who in August 1536 apologized to the Lithuanian envoys that it would not be seemly for him to be at the table, since he was "still a minor (*da eshche esmia lety nesovershenny*)," but he would send food from his own table to them at their lodgings.³⁹ Fine dishes and drink, carried through the streets under the direction of a courtier who made them wait to dine until he had conveyed the Grand Prince's best wishes and then joined them, demonstrated

33 СИРИО 35, No. 88

34 СИРИО 35, No. 88.IX.

35 СИРИО 35, No. 89.VIb.

36 СИГИЗМУНД ГЕРБЕРШТЕЙН, *Записки о Московии* (Москва: Издательство Московского университета, 1988), 220–22. Vasilii's rabbit hounds are also featured in the only sixteenth-century hunting scenes depicted in the *Illustrated Chronicle Compilation*; for the facsimile edition, see *Лицевой летописный свод XVI века. Русская летописная история*, Е. Н. КАЗАКОВА и др. (ред.), 24 vols. (Москва: Актеон, 2009–2010), available online at <https://runivers.ru/lib/book19785>, here 19:242, 244–45.

37 СИРИО 35, No. 89.VIb. The few later references we have to breeding stock tend to use *kobel'* and *suka* to designate breeding stock; see *Словарь русского языка XI–XVII вв.*, вып. 7 (Москва: Наука, 1980), 208.

38 СИРИО 59, Nos. 3, 4.I.

39 AZR II, No. 175.

the majesty of the ruler. As Herberstein had commented, crowds of spectators were valuable “to show foreigners the prince’s power.”⁴⁰

Denial of such rituals was a response to injured honor. In general the Russians wanted to have the conclusion of serious negotiations happen in Moscow, with the other side represented by a high-level embassy headed by a ranking aristocrat connected to the court.⁴¹ In the winter of 1521, for example, Vasilii III summarily sent a formal delegation home. The diplomats had been trying to arrange safe-conduct passes for envoys, and the Grand Prince declared that instead of the proposed envoys the king should send “great people” from the Olel’kovich clan, and from the Radziwills and the Zaberezh’skiis. The diplomats were not invited to a royal banquet or given *pominki*. They were transferred from Dorogomilovo to Semchinskoe sel’tso (current area of Khamovniki), where they were guarded by four officials and 30 grooms (*koniukhi*) to make sure they spoke to no one before being sent back.⁴² To agree completely with the proposals of the other side was dishonorable; thus in the 1522 truce negotiations the original Lithuanian proposal for ten years was bargained down to five.⁴³ In 1532 there was a dispute over Lithuanian envoys attaching their seals to a document because it was “unseemly” for their seals to be opposite that of the Grand Prince.⁴⁴

Arel also notes that it would have been “dishonorable and insulting” to the ruler if a foreign envoy refused to “accept the Tsar’s generosity.”⁴⁵ We find a striking example in 1537, when the king’s envoys came to Moscow for the first time since Vasilii III died. Lords Ian Iur’evich Glebovich, Matei Voitekhovich, and secretary Ventslav Nikolaev, all Catholics, and two courtiers came in a party of 415 Lithuanians and 611 horses. They were housed in Dorogomilovo, guarded by 60 *deti boiarskie* per shift. After the usual formalities negotiations began, and by the end of January an “eternal peace” agreement was out of sight but a truce perhaps possible. Following another week of fractious discussion, the Grand Prince ordered that their *pominki* be returned. The envoys declared to their court *pristav* that they had come in good faith, bringing gifts appropriate to the honor of both rulers: “Not taking our gifts is an insult . . . Take your sovereign’s largesse

40 ГЕРБЕРШТЕЙН, *Записки*, 212.

41 On Muscovite diplomatic practices, see DANIEL C. WAUGH, INGRID MAIER, *Cross-Cultural Communications in Early Modern Russia: Foreign News in Context* (Seattle and Uppsala: Research Works, University of Washington Libraries, 2023), Ch 4.

42 *SIRIO* 35, no. 89; for Gaiko’s 1535 reminiscence about this, see *SIRIO* 59, No. 3.IV.

43 *SIRIO* 35, No. 93.

44 *SIRIO* 35, No. 111.

45 AREL, “Hospitality,” 32.

(*zhalovan'e*) and cart it away! We came not to get maintenance but to negotiate." Their *pristav* replied that it would it be unseemly for him to do so. And the Grand Prince sent his own response: "Take care of business or don't, the sovereign grants his largesse: that upholds the honor of the sovereigns." (*podelaetsia li delo, ne podelaetsia li, i gosudar' pozhaluet svoim zhalovan'em: to gosudarei chin derzhat*). They finally reached a deal, but only after another ten days of furious argument and a Lithuanian threat to depart immediately.⁴⁶ More questions of honor and precedence, of course, arose in connection with sealing the agreement.

As Hennings points out, whether in Europe or in Russia, upholding honor was "more than an expression of vain formality, personal pride, or self-worth." In his view it was a "constitutive component" of the Early Modern state's "sovereignty and legitimacy."⁴⁷ And for Muscovy this was true before the *gosudarstvo* became a state. Each step in the requisite rituals and ceremonies was well choreographed at an early date. The "private" letters had a separate but parallel choreography. They offered a flexible tool for keeping negotiations open under conditions that made it impossible for sovereigns to compromise their honor by direct contact. They served as a back channel of communication, conveying requests or proposals without either sovereign having to take direct responsibility. By the time of its establishment in the mid-sixteenth century the *Posol'skii prikaz* inherited an entrenched set of rules and notions governing the conduct of diplomacy which had worked well for decades and would continue to operate in the following centuries.

References

Akty, otnosiashchiesia k istorii Zapadnoi Rossii. Tom Pervyi, 1340–1506. [Acts Relating to the History of Western Russia. Volume I. 1340–1506.] (Sankt-Peterburg: Arkheograficheskaia Kommissiia, 1846)

MARIA SALOMON AREL, "Hospitality at the Hands of the Muscovite Tsar: The Welcoming of Foreign Envoys in Early List of Modern Russia," *The Court Historian* 21 (2016): 23–43. <https://doi.org/10.1080/14629712.2016.1170539>

ROBERT M. CROSKY, *Muscovite Diplomatic Practices in the Reign of Ivan III* (New York and London: Garland Publishing, Inc., 1987).

S. GERBERSTEIN, *Zapiski o Moskovii* (Moskva: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1988)

FELICITY HEAL, "Presenting Noble Beasts: Gifts of Animals in Tudor and Stuart diplomacy," in *Practices of Diplomacy in the Early Modern World c. 1410–1800*, JAN HENNINGS,

46 AZR II, No. 175.XIV-XXXVIII. Reminiscent of the British ambassador Carlisle's refusing departure gifts from the tsar and the tsar returning the gifts he brought; HENNINGS, *Russia*, 152–53.

47 HENNINGS, *Russia*, 3.

TRACEY A. SOWERBY (eds.) (London and New York: Routledge, 2017), 187–203. <https://doi.org/10.4324/9781315186375-11>

JAN HENNINGS, TRACEY A. SOWERBY, “Introduction,” in *Practices of Diplomacy in the Early Modern World c. 1410–1800*, JAN HENNINGS, TRACEY A. SOWERBY (eds.) (London and New York: Routledge, 2017), 1–22.

JAN HENNINGS, *Russia and Courtly Europe: Ritual and the Culture of Diplomacy, 1648–1725* (Cambridge: Cambridge University Press, 2016).

M. M. KROM, *Radzivillovskie akty iz sobraniia Rossiiskoi natsional’noi biblioteki: pervaiia polovina XVI veka* [Radziwill Acts from the Collection of the Russian National Library: The First Half of the 16th Century] (Moskva – Varshava: Drevlekhranilishche, 2002)

M. M. KROM, «Vdovstvuiushchee tsarstvo»: *Politicheskii krizis v Rossii 30 – 40-kh godov XVI veka* [“The Widowing Tsardom”: Political Crisis in Russia in the 30s-40s of the 16th Century] (Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010)

E. N. KAZAKOVA i dr. (red.), *Litsevoi letopisnyi svod XVI veka. Russkaia letopisnaia istoriia* [Illustrated Chronicle of the XVI Century. Russian Annalistic History] (Moskva: Akteon, 2009–2010)

M. A. PETROVA, “The Diplomatic Service in Early Modern Russia,” in *Early Modern European Diplomacy: A Handbook*, DOROTHÉE GOETZE, LENA OETZEL (eds.) (Oldenbourg: De Gruyter, 2024), 271–90. <https://doi.org/10.1515/9783110672008-014>

Sbornik imperatorskago russkago istoricheskago obshchestva. Tom 35. [Collection of the Imperial Russian Historical Society. Vol. 35] (Sankt-Peterburg: Tipografia F. Eleonskogo i K^o, 1882)

Sbornik imperatorskago russkago istoricheskago obshchestva. Tom 59. [Collection of the Imperial Russian Historical Society. Vol. 59] (Sankt-Peterburg: pod redaktsiei G. F. Karpova, 1887)

MARIUS SIRUTAVIČIUS, (2024): “Between the East and the West: The Evolution of Diplomacy in the Grand Duchy of Lithuania and Poland,” in *Early Modern European Diplomacy: A Handbook*, DOROTHÉE GOETZE, LENA OETZEL (eds.) (Oldenbourg: De Gruyter, 2024), 373–402. <https://doi.org/10.1515/9783110672008-019>

DANIEL C. WAUGH, INGRID MAIER, *Cross-cultural Communications in Early Modern Russia: Foreign News in Context* (Seattle – Uppsala: Research Works, University of Washington Libraries, 2023).

CHRISTIAN WINDLER, “Afterword: From Social Status to Sovereignty—Practices of Foreign Relations from the Renaissance to the *Sattelzeit*,” in *Practices of Diplomacy in the Early Modern World c. 1410–1800*, ed. JAN HENNINGS, TRACEY A. SOWERBY (London and New York: Routledge, 2017), 254–266.

МАРТА ФОНТ

**ГАЛИЦКО-ВОЛЫНСКАЯ РУСЬ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIII В.:
МЕЖДУ ЗОЛОТОЙ ОРДОЙ, ПОЛЬШЕЙ И ЛИТВОЙ¹**

**GALICIA–VOLHYNIA IN THE LAST THIRD OF THE THIRTEENTH
CENTURY: BETWEEN THE GOLDEN HORDE, POLAND, AND
LITHUANIA**

The Mongols played a decisive role in the history of the Rus' principalities, but the extent of this role varied from place to place. While in the Vladimir–Suzdal region the Mongol influence was very strong, for the Galician–Volhynian princes an alternative was provided by the Polish, Hungarian and Lithuanian neighbourhoods. The western alternative seemed to be a successful option under Daniil and his brother Vasilko, but the members of the next generation (e.g. Lev Danilovich) relied on only one of the three neighbours in their struggles. In the second half of thirteenth century, Galicia–Volhynia became a buffer zone at the frontier regions of the three power centres.

Keywords: Galicia–Volhynia, Mongol invasion, Lithuanian expansion, dependence, campaigns

Prof. Dr. Márta Font – DSc, professor emerita in History, University of Pécs, Faculty of Humanities, Institute of Historical Sciences, Department of Medieval and Early Modern History. Corresponding member of Academy of Sciences and Literature (Akademie der Wissenschaften und Literatur, Mainz). email: font.marta@pte.hu. ORCID: 0000-0001-5612-0261

1 *Citation: MÁRTA FONT: „Galitsko-volynskaia Rus' v poslednei treti XIII v.: Mezhdou Zolotoi Ordoi, Pol'shei i Litvoi” [Galicia–Volhynia in the last Third of the Thirteenth Century: Between Golden Horde, Poland, And Lithuania], RussianStudiesHu 7, no. 2 (2025): 213–226. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2025.7.21*

ПОСЛЕДСТВИЯ НАШЕСТВИЯ МОНГОЛОВ

Нашествие монголов в 1237–1242 гг. на Русь повлекло за собой коренные изменения в области политической структуры. Часть Южной Руси оказалась полностью под властью Золотой Орды,² но монгольские ханы не хотели управлять всей уже подвластной им территорией. Хань приняли князей, которые были готовы подчиняться новым хозяевам за ярлык, обеспечивающий им власть над своим бывшим княжеством.

В 1240–1241 гг. Даниил Романович (1218–1264) спасался от монголов бегством в Венгрию и польскую Мазовию. Там он встретил жену с детьми и брата с семьей. Скоро за ним последовал сын Лев со своей свитой, которого он оставил в Венгрии. Даниил и брат Василько пользовались поддержкой мазовецкого князя Конрада I (1202–1247).³ После того, как монголы оставили и западные части Руси, братья вернулись в Галич и Волынь. Волынь менее пострадала от нашествия монголов и вскоре там восстановили бывшую структуру. Но этого не удалось черниговским князьям.⁴ Ростислав Михайлович, зять венгерского короля Белы IV (1235–1270), с венгерской помощью пытался укрепиться на Галичине, и 17-го августа 1245 г. под Ярославлем столкнулся с отрядами Даниила.⁵ Даниил одержал победу, а Ростиславу пришлось вернуться в Венгрию, где он оставался до самой смерти. Ростислав как член королевской

2 VÁSÁRY ISTVÁN, *Az Aranyhorda* (Budapest: Kossuth Kiadó, 1986), 52–54.

3 STANISŁAW SZCZUR, *Historia Polski: Średniowiecze* (Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2002), 308.; HENRYK SAMSONOWICZ, *Konrad Mazowiecki (1187/88 – 31 VIII 1247)* (Kraków: Avalon, 2014), 84.

4 Ипатьевская летопись, in ПСРЛ II, (изд.) БОРИС М. КЛОСС, (Москва: Языки славянской культуры, 2001?), (reprint: 1962), стб. 795.; JOHN FENNEL, *The Crisis of Medieval Russia 1200–1304* (London–New York: Longman, 1983), 99.; MARTIN DIMNIK, *Mikhail, Prince of Chernigov and Grand Prince of Kiev* (Toronto: Pontifical Institut of Medieval Studies, 1981), 130–139.

5 Ипатьевская летопись, in ПСРЛ т. II, стб. 800–805.; *Kronika Halicko-Wołyńska (Kronika Romanowiczów)*. / *Chronica Galiciano-Voliniana (Chronica Romanoviciana)*, (eds.) prefazione notisque instruxerunt DARIUS DĄBROWSKI, HADRIANUS JUSUPOVIĆ, adiuvantibus IRINA JURIEWA, ALEXANDRO MAJOROW, TATIANA WIĘKUCZ (Kraków–Warszawa: Institut Historii PAN, 2017), (MPH nova series t. XVI), 270–286.; MARIUSZ BARTNICKI, *Polityka zagraniczna księstwa Daniela Halickiego w latach 1217–1264* (Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2005), 97–98.; WITALIJ NAGIRNYJ, *Polityka zagraniczna księstw ziem Halickiej i Wołyńskiej w latach 1198 (1199)–1264* (Kraków: Polska Akademia Umiejętności, 2011), 234–235.; DARIUSZ DĄBROWSKI, *Daniel Romanowicz, król Rusi (ok. 1201–1264): Biografia polityczna* (Kraków: Avalon, 2012), 253–260.; АНДРІЙ ФЕДУРУК, „Ярославська битва 1245 року: реконструкція вирішального зіткнення у боротьбі за «галицьку спадщину»”, in WITALIJ NAGIRNYJ, TOMASZ RUDŁOSKI (red.), *Przemysł i ziemia przemyska w strefie wpływów ruskich (X–połowa XIV w.)* (Kraków: Historia Iagellonica, 2013), 125–143.

семьи играл роль в восстановлении южной, разоренной монголами части Венгрии.⁶ После битвы под Ярославлем король Бела IV и Даниил заключили мир. Нам известны некоторые его этапы. Летом 1246 г. послы короля отправились в Галич, вследствие чего сам Даниил, его сын Лев и митрополит Кирилл появились в Зойоме (совр. Зволен). Мир был подтвержден браком Льва Даниловича и венгерской герцогини Констанции.⁷

Соседство с монголами наложило отпечаток на поступки Даниила. Несмотря на его западные связи, он был вынужден посетить Сарай. События следующих лет показывают, что вероятно и галицко-волынские князья платили дань монголам, а Даниил получил ярлык. У Даниила была иная идея о *modus vivendi*.⁸ В конце 1250-х гг. галицко-волынские войска под руководством Льва Даниловича и Василько присоединились к монголам в походе против Малой Польши (Кракова).⁹ При этом Даниил сохранял дружеские отношения с Мазовией и после смерти Конрада I. Сын Конрада, Шемовит I (1247–1262), женился на дочери Даниила.¹⁰ Краковский князь Болеслав V (Стыдливый) (1243–1279) и князь Великой Польши в Калисе Болеслав (Набожный) (1247–1273) оба были женаты на дочерях венгерского короля. Даниил стремился закончить вражду и с Литвой. Его старший сын, Шварн, женился на дочери Миндовга и даже владел волостью в Литве. Все это можно считать как подготовку к выступлению против монголов. Для помощи в борьбе с монголами Даниил был готов принять унию с латинской церковью. Об этом свидетельствует его переписка с римским папой Иннокентием IV (1246–1248). У папы появилась идея вовлечь немецких рыцарей в поход против монголов, но она не осуществилась. По итогам переговоров

6 DIMNIK, *Mikhail, Prince of Chernigov*, 130–139.; FONT MÁRTA, „Rosztyszlav herceg IV. Béla udvarában”, in ZSOLDOS ATTILA (szerk.), *Hercegek és hercegnők a középkori Magyarországon* (Székesfehérvár: Városi Levéltár és Kutatóintézet, 2016), 59–79., здесь 74–77.

7 Ипатьевская летопись, in ПСРЛ т. II, стб. 809.; Павол Малиняк, „Свадьба в королевской крепости Зволен: к вопросу о региональном взаимодействии в венгерско-галицких отношениях”, in JITKA KOMENDOVÁ (ed.), *Письменность Галицко-Волинского княжества: историко-филологические исследования* (Olomouc: Univerzita Palackého, 2016), 107–116., здесь 115.

8 FONT MÁRTA, „Gesta Danielis regis”, in Piti Ferenc (szerk.), *Magyaroknak eleiről: Ünnepi tanulmányok a hatvan esztendősk Makl Ferenc tiszteletére* (Szeged: Szegedi Középkorász Műhely, 2000), 149–163.

9 Даниил отправился хану в конце 1245 г., см. Владимир Т. Пашуто, *Очерки по истории Галицко-Волинской Руси* (Москва: Академия наук СССР, 1950), 236.; NAGIRNYJ, *Politika zagraniczna*, 228.; DĄBROWSKI, *Daniel Romanowicz*, 260.

10 Ипатьевская летопись, in ПСРЛ т. II, стб. 810.

со Святейшим Престолом папский легат Опизо де Медзано короновал Даниила в Дрогичине в 1253 г.¹¹ Одновременно и брат Даниила, Василько, и литовский князь Миндовг получили папское разрешение носить корону, но о коронации не было и речи. К антимонгольскому союзу присоединился владими́ро-суздальский князь Андрей (1247–1252), женатый на дочери Даниила. В 1252 г. Андрей вступил в бой с монголами, потерпел поражение, и ему пришлось бежать. Нападение Даниила на монголов в 1254 г. под Кременецем также окончилось безуспешно.¹² В следующем 1255 г., когда монголы вторглись в волынские земли, войска Даниила также потерпели поражение. На Галичине появились баскаки и Даниил был вынужден отдать пограничные крепости (Ущица, Бакота и Кучельмин) монголам, а также принимать участие в их походах. В 1258–1259 гг.¹³ Лев Данилович и Василько со своими отрядами впервые присоединились к монгольским войскам. Даниил – наверно считая мезью монголов – спрятался в Венгрии, что опять произошло в 1260/61 гг. Это было последнее побывание Даниила в Венгрии, в Трансильвании, недалеко от Бестерце (совр. Бистрица) в месте Тельч.¹⁴ Очевидно, что после того, как пограничные крепости были разрушены, Даниил не мог избежать монгольского влияния,¹⁵ хотя и стремился к этому. Он перенес свою резиденцию из беззащитного Галича в Холм, где в 1237 г. им был основан собор, который в 1264 стал местом его захоронения.¹⁶

11 *Rocznik Krasieńskich do 1351*, in *Monumenta Poloniae Historica*, vol. III, (eds.) AUGUST BIEŁOWSKI, WOJCIECH KRĘTRZYŃSKI (Lwów–Kraków: Akademia Umiejętności, 1878), (reprint: Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1960), 127–133, здесь 132. (1253); в другом месте дается более точно: 24-го ноября, но с ошибочным названием года. О разных мнениях см. DĄBROWSKI, *Daniel Romanowicz, król Rusi*, 348–366.

12 Ипатьевская летопись, in ПСРЛ т. II, стб. 830.

13 О потери южных крепостей см. Ипатьевская летопись, ПСРЛ т. II, стб. 840–842.; В 1259 г. послы монгольского предводителя Берке, появились у чешского короля Отакар с предложением совместного выступления против Венгрии. В. Рудольф предполагает в этом роль Льва Даниловича. См. RUDOLF VERONIKA, *Közép-Európa a hosszú 13. században* (Budapest: HUN–REN Bölcsészettudományi Központ, 2023) (Argadiana XV), 350.

14 Ипатьевская летопись, in ПСРЛ т. II, стб. 850.; О месте побывания имеются разные мнения. Нпр. Н. Ф. Котляр упоминает окрестность реки Сана (Галицко–Волынская летопись, Текст, комментарий, исследование, (сост.) НИКОЛАЙ Ф. КОТЛЯР (Санкт-Петербург: Алетейя, 2005), 309.), Домбровски Спишь (DĄBROWSKI, *Daniel Romanowicz, król Rusi*, 436, сноска 1172.)

15 Новейшая литература о союзе монголов с Южной Русью см. ПЕТР СТЕФАНОВИЧ, „Политическое развитие Галицко–Волынской Руси в 1240–1340 гг. и отношения с Ордой”, *Российская история* no. 4 (2019): 116–134.

16 GÜNTHER STÖKL, „Das Fürstentum Galizien–Wolhynien”, in MANFRED HELLMANN, KLAUS ZERNACK, GOTTFRIED SCHRAMM (Hrsg.), *Handbuch der Geschichte Russlands*, Bd. I, (Stuttgart: Hiersemann, 1981), 484–533, здесь 526–532.

НОВОЕ ПОКОЛЕНИЕ 1260-Х ГГ.

Хотя братья Даниил и Василько часто упоминались в летописях вместе, Даниил, будучи старшим, играл более заметную политическую роль, в то время как Василько выступал в роли подчиненного соправителя. От двух браков у Даниила осталось десять детей. Первая жена, Анна Мстиславовна, умерла в начале 1240-х гг. Во второй половине 1240-х гг. Даниил снова женился на дочери литовского князя Миндовга. От второго брака остался единственный сын, Мстислав Младший. В 1264 г. из сыновей Даниила лишь трое были в живых: Лев, Шварн и Мстислав Младший. Остальные сыновья Даниила умерли ок. 1240 г.: Ираклий, Мстислав Старший и сын, неизвестный по имени. Можно предположить, что смерть детей была связана с бегством от монголов. Роман, игравший важную роль в борьбе венгерского короля за Бабенбергское наследие, умер в 1258/59 г.¹⁷ Жена Льва была венгерка (Констанция), жена Шварна литовка (ее имя неизвестно), Мстислав был еще холост. Из дочерей Даниила Предслава была замужем за мазовецким князем Шемовитом, Анастасия за суздальским Андреем, а Софья за тюрингским герцогом Генрихом V из рода Шварцбург-Бланкенбург.

Василько также был дважды женат. Первая жена была дочерью владимиро-суздальского князя Юрия Всеволодовича (1219–1238), она умерла ок. 1241 г. Вторая жена была дочерью мазовецкого князя Конрада, на ней он женился ок. 1246/47 г. От первого брака не осталось потомства, а от второго — только двое детей: Владимир и Ольга. Владимир Василькович женился на дочери брянского князя Романа Всеволодовича, а Ольга вышла замуж за черниговского князя Андрея Всеволодовича. С 1239/1241 гг. Чернигов попал под власть монголов, и нет сведений о том, чтобы кто-то из бывших князей получил ярлык. Вероятно, упомянутые члены черниговского княжеского рода путем бракосочетаний могли осесть на Волыни.¹⁸

Потомство Даниила и Василько разделило между собой сохранившуюся часть Галицко-Волынской Руси. Перемышль, Дрогичин и Мельник оказались в руках Льва; Холм, Бельз и Червень в руках Шварна; Мстислав получил волынский Луцк. Лев устроил свою резиденцию во Львове, основанном им самим. Название города сохранило имя сво-

17 Dariusz Dąbrowski, *Genealogia Mścistawowiczów: Pierwsze pokolenia (do początku XIV wieku)* (Kraków: Avalon, 2008), 343–344.

18 Олег М. Рапов, *Княжеские владения на Руси в X – первой половине XIII вв.* (Москва: Московский университет, 1977), 124, 130, 134.

его основателя: Львов (укр. Львів) – «город Льва».¹⁹ Между 1264 – 1269 гг. во главе Галицко-Волынской Руси стоял Василько, чье старшинство признали все младшие члены княжеского рода, это совпало – по всей вероятности – с завещанием Даниила.²⁰ В 1269 г. умерли Василько и Шварн, что позволило Льву Даниловичу овладеть волостями Шварна. Владимир Василькович до конца жизни (1288) сохранил за собой отчину – Владимир Волынский. У нас нет сведений о потомстве ни Шварна, ни Владимира Васильковича. В 1288 г. Владимир перед смертью заключил соглашение с Мстиславом о наследстве Владимира Волынского,²¹ наверно, они хотели препятствовать стремлениям Льва к дальнейшим территориальным приобретениям. На этом месте Галицко-Волынская летопись обрывается, и о дальнейшей судьбе Мстислава нет никаких сведений.

ЛЕВ ДАНИЛОВИЧ (1264 – ОК. 1300)

С 1270 г. Лев Данилович становился старшим в роду. Несмотря на родственные связи с Венгерским Королевством и Литвой, он порвал с политикой отца, и все больше склонялся к сотрудничеству с монголами. По мнению польского историка Домбровского, Лев заключил своеобразный мир (*paх Mongolica*),²² поскольку у него не было ни одного поступка против монгольского превосходства. Наоборот, он регулярно принимал участие в монгольских походах против польских и литовских князей.²³

19 Первое упоминание Львова в летописи: 1256, а княжеским центром стал с 1270 г. См. Леонтий Войтович, Князь Лев Данилович (Лвів: Інститут Українознавства ім. Крип'якевича НАН, 2014), 60, 151.

20 Ипатьевская летопись, ПСРЛ т. II, стб. 863–869; Войтович, Князь Лев Данилович, 127; DARIUSZ DĄBROWSKI, „Danylo Romanovich Versus the Civil War in Hungary in the Years 1261–1264 and the Specificity of Information Contained in the Galician–Volhynian Chronicle (The Romanovichi Chronicle) on Hungarian Matters”, in DÁNIEL BAGI, GÁBOR BARABÁS, MÁRTA FONT, ENDRE SASHALMI (eds.), *Hungary and Hungarians in Central and East European Narrative Sources (10th–17th Centuries)* (Pécs: University of Pécs, 2019), 77–89, здесь 88.

21 Ипатьевская летопись, in ПСРЛ т. II, стб. 925–927.

22 DĄBROWSKI, „Danylo Romanovich Versus the Civil War in Hungary”, 88.

23 FEDINEC CSILLA, FONT MÁRTA, SZAKÁL IMRE, VARGA BEÁTA, *Ukrajna története: régiók, identitás, államiság* (Budapest: Gondolat, 2021), 80. (Цитированная часть написана Мартой Фонт.)

Походы Льва

год	против Польши	против Литвы	против Венгрии
1260 / 1262	Плоцк, Мазовия		
1273	Люблин		
1275		пограничные конфликты	
1277	Ленчица		
1278			битва на р. Мораве
1280	Малая Польша		
1282	Люблин		
1285			Трансильвания ²⁴
1286	Гостытин		
1291			помощь Андрашу III (?)
1294	Ленчица		
1295	Гнойно (Кельце)		
1299 / 1300	Добржинь		

Благодаря своему браку Лев оказался вовлечён в венгерскую дипломатию. По приказу отца в 1250-е гг. он участвовал в борьбе за Бабенбергское наследие. Из-за этого возникло предположение об его присутствии на церемонии бракосочетания герцога Белы (сына короля Белы) в 1264 г. в Пожони (совр. Братислава). По этой гипотезе на него указывают сообщения *kunic von Râzen / kunic von Ruizen* Штирийской хроники.²⁵ Однако, более вероятно мнение А. Жольдоша,²⁶ предполагавшего за упомянутой персоной кого-то из двух сыновей Ростислава, поскольку они жили в Венгрии и регулярно присутствовали на событиях королевского двора. Даниил умер в июне 1264 г., а свадьба состоялась 15-го октября – именно в этот период произошли изменения в Галицкой земле.

24 KORDÉ ZOLTÁN, „Székelyek és tatárok a XIII. században” (манускрипт); Выражаю благодарность автору за возможность читать его манускрипт, стоящий перед публикацией.

25 *Vita et miracula sanctae Kyngae*, in *Monumenta Poloniae Historica*, vol. IV, AUGUST BIEŁOWSKI, WOJCIECH KĘTRZYŃSKI (eds.), (Lwów: Akademia Umiejętności, 1884, reprint: Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1960), 682–774.; Войтович, *Князь Лев Данилович*, 132.; RUDOLF, *Közép-Európa a hosszú 13. században*, 229.

26 ZSOLDOS ATTILA, *Családi ügy: IV. Béla és István ifjabb király viszálya az 1260-as években* (Budapest: MTA TTI, 2007), 43.; FONT, „Rosztyszlav herceg IV. Béla udvarában”, 78.

Войтивич в своей аргументации ссылается на королевский титул, как будто это подтверждает присутствие Льва. Но при этом титул король (*kunic*) не имеет значения: ни Лев, ни Бела и Михаил Ростиславичи не были королями. С точки зрения хрониста королевский титул указывает лишь на могущественного члена королевской семьи. Это больше похоже на успешного человека, который руководил регионом Мачо на юге Венгрии и даже пытался расширить границы региона.

В украинской историографии исходя из факта коронации Даниила называются королями и его потомки. Однако это мнение не имеет под собой никаких оснований. У нас нет сведений ни о коронации, ни о том, что кто-то из потомства стремился бы получить королевский титул. На наш взгляд, коронация Даниила была действительна лишь для него самого (*ad personam*). В средние века можно найти ряд похожих случаев. К сожалению, в украинской историографии не уделяется должного внимания ни юридическим аспектам коронационного процесса, ни их сравнительному изучению.

Однако, нелегко уловить, какую позицию занял Лев в конфликте тестя и шурина, т.е. короля Белы IV и сына Иштвана, будущего короля Иштвана V (1270–1272). Ключевым событием является пребывание трех дочерей Белы со своими супругами при венгерском королевском дворе в 1268 г.: *Eadem eiam hora domina Constancia ducissa Gallicie et Lodomerie, domina Kyngve ducissa Cracovie et Sandomirie, nec non et domina Jolen ducissa de Calis, karissime filie nostre, cum principibus earundem ad visitandum nos convenissent.*²⁷ Домбровски считает, что герцогини выступили в интересах отца и против брата. В результате тонкого анализа сложной дипломатии Вероника Рудольф пришла к тому, что присутствие широкого семейного круга способствовало компромиссу двух сторон.²⁸

После смерти короля Белы IV (1270) герцогиня Анна и некоторые члены элиты, которые раньше поддерживали умершего короля, бежали в Чехию. Неслучайно, как только Иштван вступил на престол, разгорелась борьба между чешским и венгерским королями. 3-го июля 1271 г.

27 *Codex diplomaticus patrius Hungaricus*, vols. I–VIII, (ed.) NAGY IMRE (Győr–Budapest: Typis Alexandri Kocsi, 1865–1891), VIII. 96–97.; коррекцию в датировке грамоты см. *Regesta regum stirpis Arpadianae critico-diplomatica*, vols. I–II, (eds.) SZENTPÉTERY IMRE, BORSA IVÁN (Budapest: Academia Litterarum Hungarica, 1923–1943), здесь I, 488–489, no. 1604.

28 DĄBROWSKI, „Danylo Romanovich Versus the Civil War in Hungary”, 89; RUDOLF, *Közép-Európa a hosszú 13. században*, 242–244.

был заключен мир. Его значение было подчеркнуто подтверждением документа королем Отакаром 14-го июля того же года. В следующем году 5-го мая в том же духе выступил и римский папа Григорий X. Документ составлен от имени двух правителей, в нем упоминаются родственники с обеих сторон. Среди родственников венгерского короля перечисляются Лев, его брат Мстислав и двоюродной брат Владимир Василькович.²⁹ Перечень родственников не обозначает их присутствие в Пожони, но безусловно подчеркивает их важность. Кажется, для чешского короля было важно имя Льва Даниловича, что подтверждается некоторыми более поздними событиями. В 1278 г. в битве на реке Мораве под Дюрнкрутом Лев поддерживал чешского короля против венгерского Ласло IV (1272–1290) и Рудольфа Габсбургского.³⁰ Таким образом, в эпоху правления Ласло родство с венгерским королевством уже не было для Льва Даниловича важным стимулом. Причины, по которым Лев потерял интерес к венгерским делам и стал больше внимания уделять чешским, можно объяснить либо отсутствием контактов с молодым Ласло, либо тем, что Констанции уже не было в живых, хотя время ее смерти неизвестно. В жизнеописании сестры Кинги говорится, что она жила в городе Львовe („in civitate Lwovensium”). В другом месте упоминается её визит к сестре в монастырь, где они вместе слушали песни в день Святой Клариссы.³¹ Визит можно датировать периодом между 1279 годом, когда Кинга потеряла своего мужа, и 1292 годом, когда она умерла. Домбровски датирует встречу на время монгольского нападения на Краков в 1287/88 гг. Политику Льва видно и из событий 1285 г. во время нападения монголов на Венгрию: без прежнего сообщения – может быть без поддержки Льва – они не могли бы вторгнуться в Венгрию.³²

С 1280-х гг. можно установить интенсивные контакты Льва с чехами. Он несколько раз появился в свите короля Вацлава II (1278–1305), поддерживая его. Нпр. в 1289 Лев принимал участие на встрече в Троппау,

29 *Codex diplomaticus et epistolarius Bohemiae*, t. V, fasc. 2, JINDŘICH ŠEBANEK, SÁŠA DUŠKOVÁ, (ed.) (Prague: Sumptibus Comitiorum Regni Bohemiae, 1981), 247–260, здесь 258.; DĄBROWSKI, „Danylo Romanovich Versus the Civil War in Hungary”, 89.; RUDOLF, *Közép-Európa a hosszú 13. században*, 278.

30 *Ottokar aus der Gaal: Stájer rímes krónika*, BAGI DÁNIEL (ford. bev. komment.) (Budapest: ELKH Bölcsészettudományi Kutatóközpont, 2023), (Arpadiana XI), 148.

31 *Vita et miracula Sanctae Kyngae*, 684, 716.; DARIUSZ DĄBROWSKI, *Rodowód Romanowiczów ksząt halicko-wołyńskich* (Poznań–Wrocław: Wydawnictwo Historyczne, 2002) 114.

32 Ипатьевская летопись, in ПСРЛ т. II, стб. 888, 892; SZŐCS TIBOR, „Mongol-magyar konfliktusok 1242 és 1292 között: Az 1285. évi „második tatárjárás””, in B. SZABÓ JÁNOS, UHRIN DOROTTYA (szerk.), *Mongol invázió Európa ellen (1236–1242)* (Budapest: Corvina, 2022), 403–430, здесь 415–421.

был свидетелем коронации Вацлава в 1297 г., а в 1299 г. он прибыл с визитом в Брно. За укреплением чешского союза стояла связь с Владиславом Локетком.³³ Нам известно, что летом 1291 г. среди сторонников венгерского Андраша III (1290–1301) появились древнерусские войска, но кто стоял во главе – это не указано: *habuit Tartaros et Ruthenos et alias barbaras nationes*.³⁴ Цитируя грамоту, Войтович считает фактом, что здесь идет речь о Льве.³⁵

В украинской историографии говорится, что Лев Данилович владел в Венгрии комитатом (*comitatus*) Берег, а даже считается фактом, что не только комитат Берег, но и все сегодняшнее Подкарпатье было частью «королевства Льва».³⁶ Войтович изучал только устаревшие издания источников, не учитывая, что в XVIII–XIX веках ещё не было принято критически подходить к информации. Он упоминает о научных дискуссиях, но поддерживает мнение о том, что Лев Данилович получил Берег во время бракосочетания.³⁷ Также говорится о том, что городок Лампертсаса от «короля» Льва получил привилегию. Войтович цитирует грамоту, в котором об ишпане комитата (*comes* переводится как граф!!!) передается, что он на службе у Льва (*familiaris*). Среди аргументов Войтовича упоминается и Польско-венгерская хроника, но в главе о Галиче нет ни слова о Данииле и Льве.³⁸ Войтович упоминает и другого зятя Белы IV, Ростислава, кого он также считает владельцем комитата Берег. У нас не так много информации, и её нужно критически сопоставить, но Войтович цитирует текст без учета контекста, хотя это и необходимо. Конечно, нельзя исключать, что у Льва Даниловича было какое-то имение в Венгрии, как, например, у галицкого боярина Судислава при короле Андраше II (предположительно), или у сербского деспота при Сигизмунде Люксембурге (несомненно). Владение имением

33 RUDOLF, *Közép-Európa a hosszú 13. században*, 442–443, 518.

34 см. RUDOLF, *Közép-Európa a hosszú 13. században*, 461.

35 Войтович, *Князь Лев Данилович*, 216.

36 См. главу „Приєднання земель у Закарпатті” в книге Войтович, *Князь Лев Данилович*, 191–196.

37 См. ЛЕОНТІЙ Войтович, *Княжа доба на Русі: портрети еліти* (Біла Церква: Пшонківський, 2006), 499–500.; Войтович, *Князь Лев Данилович*, 195–196.

38 *Chronicon Hungaro-Polonicum*, in *Scriptores rerum Hungaricarum tempore ducum regumque stirpis Arpadianae gestarum*, vols. I–II, edendo operi praefuit EMERICUS SZENTPÉTERY, reprint: SZOVÁK KORNÉL, VESZPRÉMY LÁSZLÓ (eds.), (Budapest: Nap Kiadó, 1999), II, 299–320.; *Chronica Hungaro-Polonica*, (ed.) BÉLA KARÁCSONYI (Szeged: JATE Történettudományi Intézet, 1969), (Acta Historica 26); ЛЕОНТІЙ Войтович, *Княжа доба на Русі: портрети еліти*; *Uhorsko-pol'ska kronika*, (ed.) MARTIN HOMZA (Bratislava: Libri Historae Slovaciae, 2009), 180.

указывает на королевское жалование, тем самым выражается иерархия общества. Однако, земельное владение не сопровождается титулом ишпана и управлением комитатом. У богатейших могли быть некоторые «служилые» (*familiaris*). К сожалению, в украинской историографии не проводится различие между землевладением (имение) и титулом ишпана (место в королевской администрации). У Ростислава, жившего в Венгрии, на самом деле было земельное владение в комитатах Берег и Абауй,³⁹ но это было абсолютно независимым от его территориальной власти на юге Венгрии (Мачва),⁴⁰ где он был управителем областью (*dominus de Macho*) и конечно подданным короля.

Проблемой является интерпретация привилегии города Лампертсаса. Привилегия — это документ, который был издан на основании решения короля и в котором перечислены права и льготы, предоставляемые городу. Привилегия была дана месту Лампертсаса в 1247 г.,⁴¹ т.е. раньше, чем Лев оказался у власти в своем княжестве. Все эти недоразумения происходят из-за недостатка информации о внутренних отношениях в Венгрии и о юридических понятиях и нормах, которые там действовали. В упомянутых работах украинской историографии даже не упоминается специфика венгерской правовой системы. А ведь это важно, потому что она значительно отличалась от восточнославянской среды, и такой анализ был бы необходим.

ИТОГИ

Лев Данилович умер около 1300 г. В польских источниках, датированных началом XIV века, содержатся сведения о его потомстве.⁴² Его сын Юрий Львович (1301–1308) женился на Евфимии, сестре Владислава Локетка.⁴³ Сыновья Юрия, внуки Льва, Андрей и Лев называются князь-

39 Нам известно из более позднего распоряжения его вдовы. См. Zsoldos, *Családi ügy*, 85.

40 ФОНТ, „Rosztizsylv herceg IV. Béla udvarában”, 70–75; Интерпретация Войтовича ошибочно см. Войтович, Князь Лев Данилович, 194.

41 GYÖRFFY GYÖRGY (szerk.), *Az Árpád-kori Magyarország történeti földrajza*, I, (Budapest: Akadémiai Kiadó, 1987), 532–533.

42 WŁODARSKI, BRONISŁAW, *Polska i Ruś: 1194–1340* (Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1966), 221–241.

43 SZCZUR, *Historia Polski*, 313.; OSKAR BALZER (ed.), *Genealogia Piastów* (Kraków: Avalon, 2005), (reprint Lwów, 1895), 606–613.; WŁODARSKI, *Polska i Ruś*, 255.; DĄBROWSKI, *Rodowód Romanowiczów*, 206–207.

ями галицкими: *duces totius terrae Russiae, Galliciae et Lodomeriae*.⁴⁴ У Юрия было две дочери — Мария и Анастасия. Мария вышла замуж за польского князя Тройдена, у которого были литовские корни по матери. В 1324 г. Владислав Локетек поставил на галицкое княжение сына Марии, ставшего последним членом династии. Болеслав-Юрий (или Юрий Тройденович, или Юрий II) воспитывался в Польше и был чужим на Галичине. В 1340 г. он стал жертвом убийства.⁴⁵ В результате Галич перешёл под власть Польского королевства, а за Волынь между Польшей и Литвой в течение десяти лет велись напряжённые бои.

References

Источники / Sources

Codex diplomaticus et epistolariis Bohemiae, t. V, fasc. 2, JINDŘICH ŠEBANEK, SÁŠA DUŠKOVÁ (eds.) (Prague: Sumpitibus Comitiorum Regni Bohemiae, 1981)

Codex diplomaticus patrius Hungaricus, vols. I–VIII, NAGY IMRE (ed.) (Győr–Budapest: Typis Alexandri Kocsi, 1865–1891)

Chronicon Hungaro–Polonicum, (praefatus est, textum recensuit, annotationibus instruxit) IOSEPHUS DEÉR, in *Scriptores rerum Hungaricarum tempore ducum regumque stirpis Arpadianae gestarum*, vols. I–II, edendo operi praefuit, EMERICUS SZENTPÉTERY (ed.), reprint: SZOVÁK KORNÉL, VESZPRÉMY LÁSZLÓ (eds.) (Budapest: Nap Kiadó, 1999), vol. II, 299–320.

Chronica Hungaro–Polonica, BÉLA KARÁCSONYI (ed.) (Szeged: JATE Történettudományi Intézet, 1969), (Acta Historica 26)

Kronika Halicko–Wołyńska (Kronika Romanowiczów), Chronica Galiciano–Voliniana (Chronica Romanoviciana), (eds.) prefacione notisque instruxerunt DARIUS DĄBROWSKI, HADRIANUS JUSUPOVIĆ, adiuvantibus IRINA JURIEWA, ALEXANDRO MAJOROW, TATIANA WŁĘKŁĘ (Kraków–Warszawa: Institut Historii PAN, 2017), (MPH nova series t. XVI)

Monumenta Poloniae Vaticana, vol. I: 1207–1344, (ed.) JOHANNES PŁAŚNIK (Kraków: Polska Akademia Umiejętności, 1913)

OTTOKAR AUS DER GAAL: *Stájer rímes krónika*, BAGI DÁNIEL (ford. bev. komment.) (Budapest: ELKH Bölcsészettudományi Kutatóközpont, 2023), (Arpadiana XI)

Regesta regum stirpis Arpadianae critico-diplomatica, vols. I–II, (eds.) SZENTPÉTERY IMRE, BORSA IVÁN (Budapest: Academia Litterarum Hungarica, 1923–1943)

„Rocznik Krasińskich do 1351”, in *Monumenta Poloniae Historica*, vol. III, (eds.) AUGUST BIEŁOWSKI, WOJCIECH KĘTRZYŃSKI (Lwów–Kraków: Akademia Umiejętności, 1878), (reprint: Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1960), 127–133.

Uhorsko–pol’ska kronika, (ed.) MARTIN HOMZA (Bratislava: Libri Historae Slovaciae, 2009)

Vita et miracula Sanctae Kyngae, in *Monumenta Poloniae Historica*, vol. IV, (eds.) AUGUST BIEŁOWSKI, WOJCIECH KĘTRZYŃSKI (Lwów: Akademia Umiejętności, 1884), (reprint: Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1960), 682–774.

Galitsko–Volynskaia letopis’, Tekst, kommentarii, issledovanie, N. F. KOTLIAR (sost.) (Sankt-Peterburg: Aleteiia, 2005)

44 DĄBROWSKI, *Rodowód Romanowiczów*, 249–255.; *Monumenta Poloniae Vaticana*, vol. I: 1207–1344, (ed.) JOHANNES PŁAŚNIK, (Kraków: Polska Akademia Umiejętności, 1913) No. 83.

45 WŁODARSKI, *Polska i Ruś*, 266.

Ipat'evskaia letopis', PSRL t. II, (izd.) V. M. KLOSS (Moskva: Iazyki slavianskoj kultury, 2001²), (reprint: Moskva: 1962)

Lumeperamupa / Literatura

OSKAR BALZER (ed.), *Genealogia Piastów* [The Genealogy of the Piasts] (Kraków: Avalon, 2005), (reprint from: Lwów, 1895)

MARIUSZ BARTNICKI, *Polityka zagraniczna księcia Daniela Halickiego w latach 1217–1264* [The Foreign Policy of Prince Daniel of Halich in the Years 1217–1264] (Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2005)

DARIUSZ DĄBROWSKI, *Rodowód Romanowiczów książąt halicko-wotyńskich* [The Genealogy of the Romanoviches, the Galician-Volhynian Princes] (Poznań–Wrocław: Wydawnictwo Historyczne, 2002)

DARIUSZ DĄBROWSKI, *Genealogia Mścislawowiczów: Pierwsze pokolenia (do początku XIV wieku)* [The Genealogy of the Mstislavoviches: The First Generations (to the Beginning of the 14th Century)] (Kraków: Avalon, 2008)

DARIUSZ DĄBROWSKI, *Daniel Romanowicz, król Rusi (ok. 1201–1264): Biografia polityczna* [Daniel Romanovich, the King of the Rus' (cca. 1201–1264): Political Biography] (Kraków: Avalon, 2012)

DARIUSZ DĄBROWSKI, “Danylo Romanovich Versus the Civil War in Hungary in the Years 1261–1264 and the Specificity of Information Contained in the Galician–Volhynian Chronicle (The Romanovich Chronicle) on Hungarian Matters”, in *Hungary and Hungarians in Central and East European Narrative Sources (10th–17th Centuries)* ed. DÁNIEL BAGI, GÁBOR BARABÁS, MÁRTA FONT, ENDRE SASHALMI (Pécs: University of Pécs, 2019), 77–89.

MARTIN DIMNIK, *Mikhail, Prince of Chernigov and Grand Prince of Kiev* (Toronto: Pontifical Institut of Medieval Studies, 1981)

FEDINEC CSILLA, FONT MÁRTA, SZAKÁL IMRE, VARGA BEÁTA, *Ukrajna története: régiók, identitás, államiság* [The History of Ukraine: Regions, Identity, Statehood] (Budapest: Gondolat, 2021)

JOHN FENNELL, *The Crisis of Medieval Russia 1200–1304* (London–NewYork: Longman, 1983)

FONT MÁRTA, „Gesta Danielis regis” [The Gesta of King Daniel], in PITI FERENC (szerk.), *Magyaroknak eleiről: Ünnepi tanulmányok a hatvan esztendőss Makk Ferenc tiszteletére* (Szeged: Szegedi Középkorász Műhely, 2000), 149–163.

FONT MÁRTA, „Rosztjyislav herceg IV. Béla udvarában” [Prince Rostislav at the Court of Béla IV], in *Hercegek és hercegnők a középkori Magyarországon* szerk. ZSOLDOS ATTILA (Székesfehérvár: Városi Levéltár és Kutatóintézet, 2016), 59–79.

FONT MÁRTA, *Árpád-házi királyok és Rurikida fejedelmek: Érdekek találkozása és ütközése* [The Kings of the House of Árpád and the Rurikid Princes] (Budapest: Balassi, 2022)

GYÖRFFY GYÖRGY (szerk.), *Az Árpád-kori Magyarország történeti földrajza*, I, [The Historical Geography of Hungary in the Arpadian Era] (Budapest: Akadémiai Kiadó, 1987)

KORDÉ ZOLTÁN, „Székelyek és tatárok a XIII. században”, (kézirat) [Szeklers and Tatars in the 13th Century] (manuscript)

WITALIJ NAGIRNYJ, *Polityka zagraniczna księstw ziem Halickiej i Wotyńskiej w latach 1198 (1199) – 1264* [The Foreign Policy of the Principalities of the Galician and Volhynian Lands in the Years 1198 (1199)–1264] (Kraków: Polska Akademia Umiejętności, 2011)

RUDOLF VERONIKA, *Közép-Európa a hosszú 13. században* [Central Europe in the Long 13th Century] (Budapest: HUN–REN Bölcsészettudományi Központ, 2023) (Arpadiana XV)

HENRYK SAMSONOWICZ, *Konrad Mazowiecki (1187/88 – 31 VIII 1247)* [Konrad of Mazovia (1187/88 – 31 August 1247)] (Kraków: Avalon, 2014)

STANISŁAW SZCZUR, *Historia Polski: Średniowiecze* [The History of Poland: The Middle Ages] (Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2002)

SZÓCS TIBOR, „Mongol–magyar konfliktusok 1242 és 1292 között: Az 1285. évi „második tatárjárás”” [Mongol-Hungarian Conflicts between 1242 and 1292: The „Second Tatar

Invasion" in 1285], in *Mongol invázió Európa ellen (1236–1242)* szerk. B. SZABÓ JÁNOS, UHRIN DOROTTYA, (Budapest: Corvina, 2022), 403–430.

GÜNTHER STÖKL, "DAS Fürstentum Galizien–Volhynien" [The Principality of Galicia–Volhynia], in *Handbuch der Geschichte Russlands*, hrsg. MANFRED HELLMANN, KLAUS ZERNACK, GOTTFRIED SCHRAMM, Bd. I, (Stuttgart: Hiersemann, 1981), 484–533.

VÁSÁRY ISTVÁN, *Az Aranyhorda [The Golden Horde]* (Budapest: Kossuth Kiadó, 1986)

BRONISŁAW WŁODARSKI, *Polska i Ruś: 1194–1340 [Poland and the Rus: 1194–1340]* (Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1966)

ZSOLDOS ATTILA, *Családi ügy: IV. Béla és István ifjabb király viszálya az 1260-as években [A Family Affair: The Feud between King Béla IV and Stephen the Younger King in the 1260s]* (Budapest: MTA TTI, 2007)

LEONTII VOITOVYCH, *Kniazha doba na Rusi: portrety ielity [The Princely Era in the Rus' to Russia: Portraits of the Elite]* (Bila Tserkva: Pshonkivs'kyi, 2006)

LEONTII VOITOVYCH, *Kniaz' Lev Danylovych [Prince Lev Danylovych]* (Lviv: Instytut Ukrainoznavstva im. Kryp'iakevycha NAN, 2014)

PAVOL MALINIAK, „Svad'ba v korolevskei kreposti Zvolen: k voprosu o regional'nom vzaimodeistvii v vengersko-galitskikh otnosheniakh" [A Wedding in the Royal Fortress of Zvolen: Towards a Question of Regional Interaction in Hungarian-Galician Relations], v *Pismennost' Galitsko-Volynskogo kniazhestva: istoriko-filologicheskie issledovaniia* JITKA KOMENDOVÁ (ed.) (Olomouc: Univerzita Palackého, 2016), 107–116.

VLADIMIR T. PASHUTO, *Ocherki po istorii Galitsko-Volynskoi Rusi [Essays on the History of Galician–Volhynian Rus']* (Moskva: Akademiia nauk SSSR, 1950)

OLEG M. RAPOV, *Kniazheskie vladenii na Rusi v X – pervoi polovine XIII vv. [Princely Possessions in the Rus in the 10th – First Half of the 13th Centuries.]* (Moskva: Moskovskii universitet, 1977)

PETR STEFANOVICH, „Politicheskoe razvitie Galitsko-Volynskoi Rusi v 1240–1340 gg. i otnosheniia s Ordo" [The Political Development of Galician–Volynian Rus' in 1240–1340 and Relations with the Horde], *Rossiiskaia istoriia* no. 4 (2019): 116–134. <https://doi.org/10.31857/s086956870005909-0>

ANDRII FEDORCHUK, „Iarovslavs'ka bytva 1245 roku: rekonstruktsiia vyrishal'noho zitzkennia u borot'bi za«halits'ku spadshchynu »" [The Battle of Iaroslavl in 1245: Reconstructing the Decisive Clash in the Struggle for 'Galician Heritage'], in *Przemyśl i ziemia przemyska w strefie wpływów ruskich (X–połowa XIV w.)* red. WITALIJ NAGIRNYJ, TOMASZ PUŁOCKI (Kraków: Historia Iagellonica, 2013), 125–143.

GUEST PAGE
ГОСТЕВАЯ СТРАНИЦА
VENDÉGROVAT

А. Л. ЮРГАНОВ

**КАТЕГОРИЯ «КАК БЫЛО НА САМОМ ДЕЛЕ»
В ТЕОРЕТИЧЕСКОМ РАССМОТРЕНИИ (К МЕТОДОЛОГИИ
ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)¹**

**THE CATEGORY OF “WHAT REALLY WAS”
IN THEORETICAL CONSIDERATION (TOWARDS
A METHODOLOGY OF HISTORICAL RESEARCH)**

This article examines the category of modern (including academic) consciousness from a theoretical point of view, reflecting an interest in understanding what and how “it really was.” It is essential to understand what reality is, whether we assert that consciousness is “secondary” in relation to being, or whether, on the contrary, we say that being is human self-consciousness. An appeal to the classic work of Alfred Schutz shows that any consciousness is real. The hierarchy of the real is only in the degree of activity of consciousness: and it can be both passive and therefore seemingly unnoticed, and active, e.g., in planning “work plans” and in other forms of “wakefulness.” Schutz, in anatomizing the life process and revealing all possible modes of reality in human consciousness, does not touch upon the question of how to study everyday historical life if its existence is not subject to direct observation, but is presented indirectly. i.e., exclusively by historical sources. The author of the article draws attention to the fact that in the historical context the law of semantic translation of empirical content into non-empirical is in effect. It is made a law by the nature of any culture that maintains itself in the historical context thanks to conventional models – typical explanations that have the property of both creating stability of meaning and modifying it. The empirical state of many realities of human experience cannot be preserved in its previous form and is transformed by the main function of the cultural text – to complete the world of primary experiences in accordance with the self-evident dominants of conventional models. No “living” into the historical era, based on knowledge familiar to the researcher is possible because the historical context always requires the experience of reconstructing the semantic content of the text.

Key words: Intersubjectivity, phenomenology, Alfred Schutz, lifeworld, historical context, objectivism.

Andrei L. Yurganov – DSc in History, professor, Russian State University for the Humanities.
E-mail: lurganov@yandex.ru ORCID: 0000-0001-5409-2578

1 Citation: A. L. Iurganov, «Kategoriia «kak bylo na samom dele» v teoreticheskom rassmotrenii» [«The category of “how it really was” in theoretical consideration (Towards the methodology of historical research)], *RussianStudiesHu* 7, no. 2 (2025): 229–238. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2025.7.g.1

Стремление узнавать «как было на самом деле» можно отнести к категориальному восприятию прошлого. Эта установка современного сознания относится ко всему, что становится предметом внимания воспринимающего и потому допустимо рассмотреть теоретически процесс узнавания того, что и как было на самом деле в жизни людей, в их повседневности. Однако прежде следует определить отношение к реальности, ибо она всегда присутствует в своих собственных рамках осознаний чего бы ни было.

В статье Альфреда Щюца «О множественности реальностей», ставшей классической для феноменологии², подчеркивается, что «исток реальности субъективен»³. Реальна любая субъективность и потому, писал А. Щюц, «бесконечно много различных порядков реальностей, каждый из которых предполагает свой особый и отдельный стиль существования». Первый раздел его статьи так и назван: «Реальность мира повседневной жизни».

Щюц раскрывает смысл «повседневной жизни» не через хаос мнений, а через «интерсубъективный мир», существующий до всякого личного мнения о нем, ибо любая интерпретация мира основана на актуализации предыдущих переживаний, мыслей, чувств. Они так или иначе группируются вокруг естественной установки, и в ней нет хаоса, – напротив: естественная установка определяет собой взаимодействие индивидуального и *само собой разумеющегося* общего мнения.

В этом взаимодействии философа интересует прежде всего «спонтанная жизнь» человека, в которой обнаруживаются самые простые и не осознаваемые элементы: это «простые физиологические рефлексy например, коленный рефлекс, хватательный рефлекс у детей, моргание, покраснение; более того – определенные пассивные реакции, вызванные тем, что Лейбниц называет проскальзыванием неразличимых и смешанных малых восприятий; далее – моя походка, выражения моего лица, мое настроение, те проявления моей спонтанной жизни, из которых следуют некоторые характеристики моего почерка, доступные графологическому толкованию, и т. д. Все эти формы произвольной спонтанности переживаются в процессе своего появления, но не оставляют никакого следа в памяти; как опыт, они, если снова воспользоваться термином Лейбница, лучше всего подходящим в данном

2 А. Щюц, «О множественности реальностей», *Социологическое обозрение*. Т. 3. №2. 2003. С. 3-34.

3 Щюц, «О множественности реальностей», 1.

случае, воспринимаемы, но не апперцептивны»⁴. Пассивные элементы спонтанной жизни соседствуют с «активностью», такой категорией спонтанной жизни, которую Щюц определял через любой субъективно осмысленный опыт спонтанности, «будь то опыт внутренней жизни или опыт, вторгающийся во внешний мир»⁵.

Если пассивная сторона спонтанности – это «простое делание» (*mere doing*), то активная сторона – это «простое думание» (*mere thinking*). Понятием «рабочая операция» Щюц определял всякое действие в спонтанности, которое основано на *проекте* своего отношения к внешнему миру. Он отмечал: «Все формы так называемой автоматической деятельности во внутренней или внешней жизни – привычные, традиционные, аффективные – попадают в этот класс, называемый Лейбницем «классом эмпирического поведения»»⁶. Согласно центральному пункту философии А. Бергсона, о котором упоминает Щюц, сознательная жизнь человека обнаруживает «бесконечное число планов». И каждый план характеризуется своим «напряжением сознания»: в активном действии – это наивысший интерес к жизни, в сновидении – самая низкая степень напряжения. Щюц ввел свой термин для обозначения наивысшего напряжения сознания, когда возникает полное внимание к жизни – это состояние «бодрствования». Отсюда: «пассивное внимание противоположно полному бодрствованию». Именно в «состоянии полного бодрствования работающего Я прослеживается тот сегмент мира, который прагматически значим, и это значение определяет форму и содержание нашего потока мышления»⁷.

Он писал: «Мы синхронно переживаем рабочее действие как серию событий во внешнем и во внутреннем времени, соединяя оба измерения в единый поток, который следует назвать живым настоящим. Живое настоящее рождается, тем самым, на взаимопересечении *durée* и космического времени.

Проживая в живом настоящем текущие рабочие акты, направленные на объекты и объективности, которые нужно вызвать, работающее Я ощущает себя инициатором текущих действий и, тем самым, – нераздельным тотальным Я»⁸.

4 Щюц, «О множественности реальностей», 3.

5 Щюц, «О множественности реальностей», 3.

6 Щюц, «О множественности реальностей», 5.

7 Щюц, «О множественности реальностей», 5.

8 Щюц, «О множественности реальностей», 8.

Однако когда речь идет о рефлексии своего опыта, неизбежно возникает редукция этого «нераздельного тотального Я», которое *не может быть* представлено во всех своих проявлениях: «Исходя из нашей цели то соображение, что внутренний опыт наших телодвижений, сущностно актуальный опыт и открытые предвосхищения не поддаются схватыванию при помощи рефлексивной установки, вполне ясно показывает, что прошлое Я никогда не может быть более, чем *частичным аспектом тотального Я* (курсив мой – А. Ю.), которое осознает себя в опыте своих текущих рабочих операций»⁹. Иными словами, мы не в состоянии выразить в рефлексии все многообразие реальностей, создаваемых нашим многоуровневым сознанием.

А. Щюц буквально анатомирует жизненный процесс, выявляя все возможные модусы реальности в сознании человека. Но остается совершенно не затронутым вопрос, который, наверное, и не должен волновать философа, но не может не беспокоить историка, – а как же изучать повседневность историческую, если ее существование не подлежит прямому наблюдению, а представлено опосредовано – исключительно историческими источниками? Между исследователем и чужой одушевленностью прошлого – граница времени, зафиксированная пространственной и смысловой границей документа. Это замечание несколько не колеблет тех наблюдений, которые высказал А. Щюц в отношении «множества реальностей». Они по-прежнему актуальны как атрибуты жизненного мира – всякой осмысленной повседневности. Вопрос в другом – *что мы видим в тексте* – какая часть этих многообразных реальностей в нем представлена?

В новейшем исследовании фундаментальных основ мыслительной деятельности европейской и арабской культур, в книге А. В. Смирнова «Слово и смысл», обсуждается вопрос о разных логических механизмах производства смысла – этот вопрос не был специально рассмотрен А. Щюцем, хотя общие выводы этих исследований во многом совпадают.

А. В. Смирнов различает две логические процедуры: логику процессуальную (П) и логику субстанциональную (С). «Процесс в П-логике – это не изменение субстанции во времени и пространстве; это не становление, не переход из потенции в акт. Все эти и им подобные понимания процесса выстроены средствами С-логики. Необходимо отвлечься от них, чтобы адекватно понять в П-логике. П-парадигма

9 Щюц, «О множественности реальностей», 9.

– это не субъект-объектная парадигма. Такая подстановка (объекта действия на место претерпевающего) – также стандартная ошибка С-мышления. Из всего сказанного вытекает, что процесс в П-логике – это не связь, и не отношение, и уже тем более не атрибут. Процесс в П-логике и есть *первичная действительность*. Вот почему процесс (протекание действия между действователем и претерпевающим) ни к чему не сводим, вот почему он неделим и не имеет меры. В П-логике процесс онтологически первичен»¹⁰. Между двумя логическими процедурами существует обратимость. Смирнов находит свое словесное определение этой ситуации: «Если С- и П-логики – *то же иначе* друг для друга, и если наше сознание всегда может быть выстроено в С- и П-парадигмах, значит, оно всегда – *то же иначе*»¹¹.

Казалось, бы анализ двух логических процедур, по-разному присущих европейской и арабской культурам, подводит нас к мысли о сущности текста в передаче смысла той первичной повседневности, которую Щюц представил во множестве реальностей. Однако в отличие от философа историк ищет не умопостигаемый смысл, а смысл исторического контекста – и такой, который обременен культурно-значимыми высказываниями актуальными *здесь-и-сейчас*.

Процесс в П-логике для историка культуры, если пользоваться терминологией Смирнова, – это неотрефлексированная область, обладающая изначальной неопределенностью. Эта неопределенность равнозначна «множеству реальностей» (по Щюцу), которые входят как переживания в осмысленную повседневность. Можно сказать, что «первичная действительность» является действительностью настолько эмпирической, что переход ее в *текстуальное русло* не может не быть редукцией культуры по созданию *нового* и более устойчивого смысла. Связь с эмпирическим миром прерывается навсегда.

Так своеобразно действует закон семантического *перевода* эмпирического содержания в неэмпирическое. Законом его делает природа любой культуры, которая удерживает себя в историческом контексте благодаря конвенциональным моделям – типичным объяснениям, имеющим свойство как создавать устойчивость смысла, так и видоизменять его.

Итак, эмпирическое состояние многих реальностей переживания человека не может сохраниться в прежнем виде и преобразуется глав-

10 А. В. Смирнов, *Слово и смысл*. (Москва: ООО «Садра», 2024), 132.

11 Смирнов, *Слово и смысл*, 132.

ной функцией культурного текста – достраивать мир первичных переживаний в соответствии с само-собой-разумеющимися доминантами конвенциональных моделей.

Переживаемую повседневность мы можем описывать в живом воплощении здесь-и-сейчас (при всех оговорках Щюца), но мы не можем почувствовать и уловить ту историческую повседневность, которая дана нам только в преобразованном виде и де факто уже не является ею. Вот – с моей точки зрения – где и кроется тяга исследователей к модернизации, которая нередко прикрывается словами – узнать «как было на самом деле». Границей «как было» становится природа самого сознания человека. Во многообразии сиюминутных ощущений себя в настоящем человек находит возможным представить по аналогии и чужую одушевленность прошлого. Между тем, мы узнаем ее только через текстуальный мир типичных объяснений другой культуры – только через конвенциональные модели, которые необратимо стирают эмпирические ощущения во «множестве реальностей».

Теория, основной принцип которой заключен в словах Ф. Анкерсмита о «непосредственном историческом опыте»¹², определяет собой драматургию современного состояния гуманитарной науки, ищущей выход из кризиса объективизма. Если прибавить к словам Анкерсмита слова Х. Гумбрехта о «производстве присутствия», то окажется, что гуманитарий может и даже должен доверять себе, личным впечатлениям и чувствам, уходя от предпосылочного знания, всяких готовых интерпретационных схем, чтобы обнаружить связь времен путем своеобразного «вживания» в исторический контекст. Утверждается мысль, что при всей инаковости, чуждости «прошлого» сам этот очищенный контакт (похожий на медитацию) возможен. В конце концов с этим можно было бы и согласиться, но как доказать, что беспредпосылочное «вживание» гарантирует адекватное понимание исторического контекста. И как это проверить?

Анкерсмит подчеркивал: «...переживание прошлого является переживанием не там, где оно точь-в-точь соответствует воспоминаниям, ожиданиям и практическим убеждениям историка, но именно там, где оно бросает вызов всем нашим интуициям о мире. Только здесь мы можем встретиться с прошлым как таковым в его бескомпромиссной и радикальной чуждости, то есть в его «возвышенности» <...> Только здесь мы действительно открываем прошлое и текст, который броса-

12 Ф. АНКЕРСМИТ, *Возвышенный исторический опыт*. (Москва: Европа, 2007), 140.

ет вызов всем нашим категориям, делающим мир осмысленным. И это может превратить прошлое в чуждый и волшебный мир, каким оно в сущности и является...»¹³. Анкерсмит отмечал, что гуманитарий, вовлекаясь в возвышенный мир прошлого открывает для себя чуждый мир, чуждую информационную среду через вхождение во внутренний мир чужой ему метафизики («возвышенности») и таким образом – уже оказавшись в ней как бы соучастником и непосредственным наблюдателем – он постигает логику исторического контекста.

Гумбрехт с неменьшей радикальностью, чем Анкерсмит, говорил о необходимости выхода за пределы, очерченные жизненным миром познающего. Он настаивал на том, что опыт трансцендирования не только возможен, но изначально присущ человеку¹⁴.

Анкерсмит и Гумбрехт – противники герменевтики, потому что ее теоретическим эпицентром является интерпретация, позволяющая исследователю оставаться самим собой в контактах с прошлым, что неизбежно влечет за собой модернизацию исторического контекста.

Анкерсмит отмечал: «...герменевтика, семантика, семиотика и т. д. ненамеренно пытаются не столько показать нам путь к значению текста, сколько разъяснить, почему мы всегда и неизбежно обречены упустить это значение»¹⁵.

Но идеальная модель Анкерсмита становится сложнейшей проблемой, ибо адекватность наблюдателя, отказавшегося от обыденных установок своего жизненного мира, практически выходит за пределы всякой верификации. Такая модель отрицает прежнюю, – в самом деле устаревшую модель «диалога» в духе исторической антропологии, – но не дает оснований для того, чтобы судить о качестве диалога «непосредственного наблюдателя». Не желая познавать прошлое при помощи метаязыка интерпретационной науки, Анкерсмит предлагает вживание в «возвышенный опыт» нетекстовой реальности, например, при анализе венецианского пейзажа Гварди. Но как бы он не пересказывал свои впечатления от контакта с этим произведением искусства, Анкерсмит вынужден обращаться к историческим текстам эпохи, чтобы верифицировать собственные впечатления.

Как заметил в свое время М. Л. Гаспаров, в познавательном процессе разграничиваются две процедуры: одна апеллирует к убедитель-

13 АНКЕРСМИТ, *Возвышенный исторический опыт*, 109.

14 Х. ГУМБРЕХТ, *Производство присутствия. Чего не может передать значение*. (Москва: Новое литературное обозрение, 2006).

15 АНКЕРСМИТ, *Возвышенный исторический опыт*, 138.

тельности (это искусство), а другая апеллирует к доказательности (это наука)¹⁶. Убедительность порождает само-суггестию, доказательность требует аргументов.

Мне думается, что одна из причин двойственности концепции Анкерсмита заключается в том, что он не обсуждает теоретически – что есть исторический контекст. Современная научная литература тоже равнодушна к этой проблеме.

Сложность понятия «исторический контекст» заключается в том, что обсуждать его природу можно только тогда, когда правильно выбрана система координат и взаимосвязь с другими понятиями, маркирующими собой картину того, что мы по привычке называем «прошлым». Нередко понятием «контекст» определяют максимальные границы изучаемого времени. Как будто контекст «один на всех».

История – это самосознание людей во времени. Такое определение максимально удаляет гуманитарную науку от объективистской парадигмы («как было на самом деле»), в которой первичен процесс сам по себе, потому что принимается как аксиома, что «сознание» вторично по отношению к «бытию». В необъективистском модусе, который, я думаю, определяет собой новейшее состояние гуманитарных и философских наук, бытие и есть сознание, и все, что было в прошлом происходило прежде всего в сознании людей. В анализе исторических текстов сталкиваются не только разные формы сознания, сталкиваются разные жизненные миры, разные установки осмысленной повседневности. Нередко понятие «исторический контекст» приобретает в научном объяснении такую устойчивость, как если бы речь шла о неподвижном предмете. Любой исторический контекст есть реальность осмысленной повседневности, которая на периферии жизненного мира постоянно видоизменяется. Но движение (как самоизменение) только тогда будет замечено, когда имеется константа, или «точка неподвижности». Попадая в любой исторический контекст, мы видим в нем не частное мнение кого бы то ни было, а *общепринятое мировосприятие (мнение)*, которое допускает внутри себя множество разных объяснений, вплоть до противоположных, и это нисколько не отрицает общий и обязательный «центр неподвижности». В эпоху русской Смуты начала XVII века общепринятым было мнение, что для утверждения законности власти не-

16 М. Л. ГАСПАРОВ, «Научность и художественность в творчестве Тынянова» в *Достоверность и доказательность в исследованиях по истории и теории культуры*. ред. Г. С. КНАБЕ (Москва: РГГУ, 2002), 290.

обходимы основания, свидетельствующие о близости к угасшему роду Калитичей. Ибо само государство было наследственной монархией с наследственной корпорацией служилых людей. Вокруг этого смыслового эпицентра кружилось много разных и порой противоположных объяснений, которые исключали друг друга во всем, кроме того аргумента, о котором сказано выше.

Таким образом «исторический контекст» – это континуум, содержащий множество конвенциональных моделей, типичных объяснений того, что происходит «здесь-и-сейчас», но в рамках генерального тезиса – установки видеть причинно-следственную связь такой именно, а не другой.

В исследовательском опыте существенно видеть, что любая контекстуальная данность раскрывается как явление само-собой-разумеющегося. В этом и заключен основной парадокс прошлого, – в необъективистском модусе труднее всего понять чужую очевидность. Исследователю неочевидна мировоззренческая установка другой исторической эпохи – и попасть в нее путем «вживания» не получится, потому что для этого требуется опыт реконструкции. Требуются аналитические процедуры, доказывающие, что выявленные факты самосознания – действительно история со своими границами объяснения, а не картина мира исследователя.

В идеальной модели Анкерсмита «история» создается (в конечном счете) интерпретатором, который воспроизводит свой *опыт*, будучи уверенным, что адекватная передача чужого смысла невозможна.

Факты самосознания людей во времени даны нам прежде всего в словах – в сферах понятий. Не зная словесных aberrаций значений слов, постоянно меняющихся, вживание не состоится еще и потому, что «вживаться» надо не в свои эмоции от увиденного, а в сложные процессы словесных изменений сознания человека – что тоже требует аналитических процедур, а не личных впечатлений.

Понятие «повседневность» используется чаще всего как некая единая, неделимая категория. Между тем, нет никакой одной и неделимой повседневности, которая покрывала бы собой «жизнь людей». Мы имеем дело с модусами повседневности¹⁷, которые выражают собой

17 А. Юрганов, «Жизненный мир и модусы повседневности», *Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология»*, 2022. №9, 1–14; А. Юрганов, «Логика допущения в модусах повседневности», *Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология»*. 2023. №9, 12–16.

огромное разнообразие жизненного мира, не лишенного своего культурно-исторического единства.

«Контекст» осуществляется во множестве конвенциональных моделей; «повседневность» – это разнообразные модусы осмысленной ежедневности. Словом, любая абстракция, превращенная в историческую реальность, лишает нас возможности понять человеческое самосознание во времени. Идея «вживания» выглядит абстрактной категорией, которая игнорирует всю сложность аналитической работы исследователя.

References

- F. ANKERSMIT, *Vozvyshennyi istoricheskii opyt* [Sublime Historical Experience] (Moskva: Evropa, 2007).
- M. GASPAROV, “Nauchnost’ i hudozhestvennost’ v tvorchestve Tynianova” [Scientificity and Artistry in the Works of Tynianov] v *Dostovernost’ i dokazatel’nost’ v issledovaniakh po istorii i teorii kul’tury* red. G. S. KNABE (Moskva: RGGU, 2002).
- H. GUMBRECHT, *Proizvodstvo prisutstviia. Chego ne mozhnet peredat’ znachenie* [The Production of Presence: What Meaning Cannot Convey] (Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie), 2024).
- A. IURGANOV, “Zhiznennyi mir i modusy povsednevnosti” [Lifeworld and Modes of Everyday Life] *Vestnik RGGU. Seria “Literaturovedenie”. “Iazykoznanie”. “Kulturologiia”*, (2022. №9).
- A. IURGANOV, “Logika dopushcheniia v modusakh povsednevnosti” [The Logic of Assumption in the Modes of Everyday Life], *Vestnik RGGU. Seria “Literaturovedenie. Iazykoznanie. Kul’turologiia”*. 2023. №9, 12–16.
- A. SCHUTZ, “O mnozhestve real’nostei” [On the Plurality of Realities], *Sotsiologicheskoe obozrenie* T. 3, №2 (2003), 3–34.
- A. SMIRNOV, “Slovo i smysl” [Word and Meaning] (Moskva: «Sadra», 2024).

M. S. PETROVA

ARISTOTELIAN FEATURES IN MEDIEVAL ONEIROCRITICISM¹

This paper is dedicated to the problem of perception of Greek knowledge in the Middle Ages. It considers how elements of Aristotle's theories began to appear in texts by European medieval authors on dreams, visions and the occurrence of sleep, the extent to which these elements appeared and in what form. It analyzes the theories of William of Conches (*De phil. mundi XXI - XXII*), including his glosses on Macrobius' *Commentary on the 'Dream of Scipio'* and also those of Pseudo-Augustine (*De sp. et an. XXV*). It is shown that their texts contain a synthesis of different, non-direct Greek ideas about psychology and physiology in which can be seen not only the influence of Platonic and Neoplatonic doctrines but also features of Aristotelian theories. The texts of William and Ps.-Augustine demonstrate a synthesis of Platonism, Neoplatonism and Aristotelianism incorporated into the Christian religion and culture. In creating their oneirocritical concepts, these authors have built an Aristotelian component into the Platonic theories already known to them about dreams and dreaming. This might have prompted later encyclopaedists (17th century) to use more materials drawn from Aristotle, Galen (and also Avicenna) that met the requirements of the Modern Era.

Key words: Aristotle, Aristotelianism, concept, dream, conception, physiology.

Maya S. PETROVA, DSc in History, Chief Researcher, Head of the Department of Historical and Theoretical Research, Institute of World History of the Russian Academy of Science (Moscow, Russian Federation), beionyt@mail.ru

1 This article is based on the material of our paper given in 2017 in University of Leeds (Institute for Medieval Studies) at the International Medieval Congress.

Citation: M. S. PETROVA: "Aristotelian Features in Medieval Oneirocriticism", *Russian-StudiesHU* 7, no.2 (2025): 239–250. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2025.7.g.2

The purpose of this paper is to answer questions related to the problem of the perception of Greek knowledge in the Middle Ages. Namely: how early, to what extent and in what form elements of natural science concepts that emanated from Aristotle begin to manifest themselves in the texts of European medieval authors with regard to these authors' ideas relating to the psychological and physiological nature of dreams, visions, and sleep. While considering this problem, it should be kept in mind that no rational doctrine of dreams/visions existed in medieval Europe. However, attempts to explain their appearance had already been made in the earliest period of the Middle Ages. In fact, all of the authors of that time based their theories on a very influential argument in St. Augustine's *On Genesis*, which covered not only dreams appearing in various sort of visions,² but also Gregory the Great's description of the causes of dreams in his *Dialogues*.³ Thus, Augustine distinguished three types of visions (*De Genesi ad lit.* XII, 2-12; 13; 18; 30; XII, 7; 10): corporeal (*visio corporalis*), spiritual (*visio spiritualis*) and rational (*visio intellectualis*). He assumed the last of these to be more authoritative and pointed out that all visions can be equated to dreams, because they may both be false (*falsa*), true (*vera*), disturbing (*perturbata*) or calm (*tranquilla*). Gregory (*Dial.* II; IV; IV, 48), meanwhile, put dreams into two categories: "true dreams" which foretold the future (or were "divine revelation"), and "illusions" (or "temptations"), which had their source in the Devil (*ab occulto hoste*). Furthermore, he identified six reasons that dreams appear, namely: from the empty or crowded stomach; from illusions (*illusionem*); from a combination of cogitation (*cogitationem*) and illusions; from revelation (*revelationem*); from a combination of reflection and revelation.⁴ As a result, he identified three agents of dreams: man

2 JACQUELINE AMAT, *Songes et visions. L'au-delà dans la littérature latine tardive* (Paris: Etudes Augustiniennes, 1985), 489 p.; MARTINE DULAËY, *La rêve dans la vie et la pensée de Saint Augustin* (Paris: Etudes Augustiniennes, 1973), 264. Note, that in the early Middle Ages visions were mainly distributed through literature, not dreams.

3 See, e.g.: ALC., *Comm. in Ap.*, PL 100, 1089AB; SED. SCOT., *Collect. misc. diuisio* 40, 1. See in details: М.С. ПЕТРОВА, Макробий Феодосий и представления о душе и о мироздании в Поздней Античности (Москва: Кругъ, 2007): 155–172.

4 It is interesting to pay attention to the examples Gregory takes from Scripture to refer to four sorts of dreams (these examples would be used by many medieval authors, among them e.g. Honorius Augustodunensis [*Eluc* III, 9: *Unde somnia*, PL 172, 1163A]). Pointing to the illusory nature of dreams, Gregory cites lines from the Old Testament (Sirach 34:7; Lev 19: 26). For the dreams of dual origin, he also cites a verse from Eccles 5:2 (*thinking* and *illusions*). He also mentions the story in Daniel that explains the dream of Nebuchadnezzar (Daniel 2:29–31) (*thinking* and *revelation*). To denote dreams sent by God, originating from arcane revelations, Gregory cites the dreams of Joseph from the Old Testament (Genesis 37:6–7 and 9), and

himself (his body or thoughts), God (as testimony), and the Devil (like a hallucination).

Later, in the 9th–11th centuries, medieval authors traditionally inserted their arguments not only into the “schemas” of Augustine and Gregory, but also into other ancient theories about dreams and their classification, in particular, those perceived by Macrobius (5th century).⁵ Only at the beginning of the 12th century, did mediation by Arab writers acquainted with the theories of Aristotle⁶ and Greek medicine stimulate the development of a theory of dreams which appeared to be associated with the emergence of a stable interest in the physiology of sleep and the causes of proper sleep.

One of the first scholars to put forward a new scientific theory on this matter was William of Conches (1080–1154), who knew the works of Galen

Joseph, Mary's husband, from the New Testament (Matthew 2:13). See: GREG. *Dial* (ad loc.). Also see: Ж. ЛЕ ГОФФ, *Средневековый мир воображаемого*, пер. Е.В. Морозовой, под ред. С.К. ЦАТУРОВОЙ (Москва: Прогресс, 2001): 355–357; 366–368.

5 See: ПЕТРОВА (2007): 135–172.

6 On the popularity of some treatises from Aristotle's *Parva Naturalia* in the Arab world, including: *De sensu*, *De memoria*, *De somno*, *De insomniis*, *De divinatione*, *De longitudine*, see: SILVIA DONATI, “The Critical Edition of Albert the Great's Commentaries on *De sensu et sensato* and *De memoria et reminscientia*: Its Significance for the Study of the 13th Century Reception of Aristotle's *Parva Naturalia* and Its Problems”, in *The Letter before the Spirit: The Importance of Text Editions for the Study of the Reception of Aristotle*, ed. AAFKE M.I. VAN OPPENRAAY (Leiden – Boston: Brill, 2012), 346. On the Arabic translations of *Parva Naturalia*, as well as a hypothesis of the existence of different versions of this Aristotelian texts, and their perception in the Arab world, see: CARLA DI MARTINO, “*Parva Naturalia*, tradition arabe”, in *Dictionnaire des philosophes antiques* (Supplément), ed. RICHARD GOULET (Paris: CNRS Éditions, 2003), 375–378. For more on the platonic Aristotle, see ROTRAUD HANSBERGER: *The Transmission of Aristotle's 'Parva Naturalia' in Arabic*, unpubl. doctoral thesis (University of Oxford, 2006/7); EADEM, “How Aristotle Came to Believe in God-given Dreams: The Arabic Version of *De divinatione per somnum*”, in *Dreaming across Boundaries: the Interpretation of Dreams in Islamic Lands*, ed. LOUISE MARLOW (Cambridge: Harvard University Press, 2008), 50–77; EADEM, “Kitāb al-Hiss wa-l-mahsūs: Aristotle's *Parva Naturalia* in Arabic guise”, in *Les 'Parva naturalia' d'Aristote: fortune antique et médiévale*, sous la direction de PIERRE-MARIE MOREL et CHRISTOPHE GRELLARD (Paris: Éditions de la Sorbonne, 2010), 143–162; and EADEM, “Plotinus Arabus Rides Again”, *Arabic Sciences and Philosophy* 21 (2011), 57–84.; GERHARD ENDRESS, “Platonizing Aristotle: The Concept of 'Spiritual' (rūḥānī) as a Keyword of the Neoplatonic Strand in Early Arabic Aristotelianism”, *Studia graeco-arabica* 2 (2012): 274–275. On Aristotle's short natural scientific writings *On Sleep and Wakefulness*, *On Dreams*, *On the Predictions in a Dream*, see О.А. Чулков, [«К переводу О сновидениях Аристотеля»], в: *Akademeia*. Материалы и исследования по истории платонизма, вып. 6, отв. ред. А.В. Цыб (Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2005): 420–422; АРИСТОТЕЛЬ, О сновидениях, пер. О.А. Чулкова, Там же: 423–432; М.А. Солопова, «Аристотель о природе сновидений: физика против мантики (на основании трактата О предсказаниях во сне)», в: *Историко-философский ежегодник 2011*, под ред. Н. В. Мотрошиловой (Москва: Канон+, 2012): 40–58.

(3rd century),⁷ Nemesius of Emesa (the end of the 4th century), Macrobius⁸, as well as Arabic writers translated by Constantine Africanus (11th century). In his *De philosophia mundi* (cap. XXI–XXII)⁹, as well as in his glosses on Macrobius' *Commentary on the 'Dream of Scipio'*,¹⁰ William synthesized acquired knowledge and described other "teaching" on dreams, which was as follows: sleep is a falling asleep of 'mental strength', i. e., of sensory perception, the intellect and mind, while it increases "natural forces" such as the digestion.

Cold, wet vapour (*fumus*)¹¹ rises through the veins, blocking feelings, and arrives at the head, hindering the ability to reason and think.¹² The vapour cannot go any further, and turning back, begins to dissipate and disappear; the body becomes dry and warm; the spirit which governs mental powers fills the veins again, causing the person to wake up. William says that dreams can be caused by internal corporal and psychological factors: the quality of food eaten, the balance of the body's fluids, the body's po-

- 7 On Galen's knowledge of Aristotle's theories, see: Д.А. Балалыкин, «Микроструктура живой материи в натурфилософской системе Галена. Часть 1», *Философия науки. Научное издание по философии, методологии и логике естественных наук* 2/65 (2015): 119–134; ИДЕМ, «Микроструктура живой материи в натурфилософской системе Галена. Часть 2», *Философия науки. Научное издание по философии, методологии и логике естественных наук* 3/66 (2015): 95–112; ИДЕМ, «Первая книга трактата Галена О доктринах Гиппократ и Галена», *Вопросы философии* 8 (2015): 124–143.
- 8 On William of Conches' reading of Macrobius' *Commentary on the 'Dream of Scipio'*, see ÉDOUARD JEANNEAU "Gloses de Guillaume de Conches sur Macrobe. Note sur les Manuscrits", *Archives d'histoire doctrinale et littéraire du Moyen Age* 27 (1960): 17–23; ИДЕМ, "La lecture des auteurs classiques à l'école de Chartres Durant la première moitié du XIIe siècle. Un témoin privilégié: Les 'Glosae super Macrobius' de Guillaume de Conches", in *Classical Influences on European Culture A.D. 5000–1500*, ed. ROBERT RALPH BOLGAR (Cambridge, 1971): 95–102; PETER DRONKE, *Fabula: Explorations into the Uses of Myth in Medieval Platonism* (Leiden - Köln, 1974): 13–78.
- 9 See also: *De phil. mundi* I, 21 (PL 172, col. 50AB); I, 23 (Ib. 58A); II, 11 (Ib. 60C); II, 32 (Ib. 74A); IV, 15 (Ib. 90B).
- 10 William's *Commentary* on the text of Macrobius has not yet been edited. Here we follow Alison M. Peden (see: ALISON M. PEDEN, "Macrobius and Medieval Dream Literature", *Medium Aevum* 54/1 [1985]: 64), who used the manuscripts: MS. GL. Kgl. S. 1910, 4°, ff. 11^v–14^r (Copenhagen Rjngelige Bibliothek). See also GUL., *Glos. sup. Plat. CXL – CXLI* (ÉDOUARD JEAUNEAU, ed. 1965: 241–243).
- 11 The Latin word "*fumus*" (vapour, mist) corresponds to the Greek ἀτμός, ἴδος (=ἀτμός). Cf.: ARIST., *Met.* I, 3 (340a 34–35, 340b 3, 340b 28); *Ibidem* I, 9 (346b 29 and 32); *Ibidem* I, 10 (347a 17, 19 and 24); *Ibidem* I, 11 (347b 24); *Ibidem* II, 4 (359b 30, 360a 23, 360b 35); *Ibidem* III, 3 (372b 32); *Ibidem* IV, 7 (384a 6); *Ibidem* IV, 9 (387a 25). See also: ИДЕМ, *De gener. animal.* 784b 15, 17–18 and 22; ИДЕМ, *De gener. et corr.* 330b 4; ИДЕМ, *Probl.* 906b 21, 907a 29, 924a 38, 927b 11, 935b 33, 937a 7, 939b 22, 941a 39, 947a 23; ИДЕМ, *De sensu* 443a 26 and 30.
- 12 Cf. Aristotle's treatise *On Dreams* (esp. Ch. 3) in which there is a speech about the "mechanism" and psychophysiology of dreams. See also: Чулков (2005): 421–422.

sition during sleep, the thoughts and concerns that occupy a person before sleep, and so on. Dreams due to physiology have no significance, but dreams caused by external factors, for example, a revelation sent down from God about the future, do, of course, have significance. By itself, the dream is a state in which the soul, freed from the service of the body, sees images imprinted in the brain.¹³

William's other glosses, which were footnoted in the 12th century, also begin to show new ideas. These glosses are more scientifically oriented. Sometimes these notes explain dreams in terms of the activity of "spiritual" and "natural" forces,¹⁴ as well as the movements of vapour (vapour was associated mainly with nightmares).¹⁵ William's understanding of the "incubus" (male demon) as either the pressure of the front of the brain on the rear of it when the sleeper is lying on his back, or the pressure of the liver, the gall bladder and the stomach on the heart when the sleeper is lying on

13 See *De philos. mundi* IV, cap. XXI–XXII, PL 172, col. 94AC: [cap. XXI. *De somno*]: Somnus ergo est quies animalium virtutum cum intensione naturalium. Contingit autem, fumo humido ad superiora ascendente, implentur nervi quibus animalis virtus solet descendere. Desinit ergo videre animal, et audire, etc., donec naturali calore illo desiccato, animalis spiritus incipiat ascendere, et ad aliquem sensum animale excitare; [cap. XXII. *Unde somnia, et de animali et spiritali virtute*]: Somnium vero ex reliquiis cogitationum, ex cibo et potu, et ex temperie, et ex complexione, ex qualitate jacendi, habet existere, et hoc nihil significat. Alia ex ministracione angelorum, alia ex mundi causa, alia ex virtute et libertate animae, quorum omnium probationes in promptu habemus. Sed quoniam nostro proposito hoc multum non attinet, et ad finem voluminis tendimus, illo praetermisso ad spiritualem virtutem transeamus. Praedictus ergo fumes per diversa foramina transeundo subtiliatus ad cor perveniens, ad attrahendum aera illud dilatat, ut interior calor temperetur: ad expellendas vero superfluitates idem constringit, et tunc dicitur spiritalis virtus, cui arteriae deserviunt. Sed ad animale virtutem veniamus. Praedictus vero fumes per nervos ascendens colando, ita subtilis efficitur: qui, perveniens ad cerebrum, spiritus dicitur; descendensque per diversa instrumenta, diversas operatur animales virtutes, ut ostendemus: quae quia e cerebro prodeunt, de ipso ante dicamus, deinde qualiter sensus inde prodeant, et quoniam in capite continentur, ab illo exordiamur. Cf. ARIST., *On Dreams* 461a, 462ab; АРИСТОТЕЛЬ, *О сновидениях* 3 (461a – 462b), пер. О. А. Чулкова (2005): 428–432.

14 E.g. see MS Plut. 77. f. 6. 8^r (Biblioteca Laurenziana, Florence); MS Hamilton. 11, f. 4ra (University Library, Glasgow). Cf. IOAN. SARESB., *Polycr.* II, 14 [428ad] (C.I. WEBB, ed. 1909: 87–88). Here and below the references to manuscripts are cited by Alison M. Peden. See: PEDEN, "Macrobius" (1985), 72.

15 E.g. see: MS Hamilton. 11, f. 4ra (Glasgow); MS Bibl. Pub. Lat. 168, f. 4^r and MS Voss. Lat. Q. 44, f. 3^v (Leiden, Bibliotheek der Rijksuniversiteit); MS Canon. Class. 257 (s. XIV), f. 5vb (Oxford, Bodleian Library). Note, that J. Le Goff points out that there is no word in Latin meaning a "nightmare." He refers to Macrobius, who does not give the Latin equivalent of the Greek word ἐπίπλητης. See: Ж. ЛЕ ГОФФ, *Другое средневековье: время, труд и культура Запада*, пер. С. В. Чистяковой, Н. Ф. Шевченко, под ред. В. А. Бабинцева (Екатеринбург: Издательство Уральского государственного университета, 2000): 313.

his left side¹⁶ is found in these glosses. In addition, there are glosses interpreting the incubus as a narrowing of the blood vessels and thickening of the vapour around the heart,¹⁷ or blood around the heart,¹⁸ as a disorder of the brain caused by vapours, or as a general overabundance of blood.¹⁹

Note that William applies his theory of vapour to the passage of the *Commentary* of Macrobius which refers to the ability of the soul to anticipate future events (I, 3, 17-18). Here Macrobius quotes Porphyry, who believed that even though the truth is hidden, the soul can reach it when sleep releases it from the body. But even then, the soul sees truth as if through a veil.

William explains that this veil is a vapour which fills the body. When the vapour thins, the soul is able to see the truth more clearly, and this is what is meant by “the gate of horn.” He believes “hiding the truth” is meant for uncertain future events which the soul is not able to know about, being in the body. Here the soul sees the truth only through images.²⁰ Some glossators repeated William’s opinion, saying that the soul had full knowledge before it was clothed in body mass (*molem corporis*);²¹ accordingly, they treat thick vapour as “ivory” and more sparse vapour as “horn.”²²

The term “*somnium*,” which refers to an enigmatic dream, encouraged commentators to understand the obscure visions which were revealed in dreams as symbols and images. William himself cites examples of visions which reveal the truth through *images* (for example, Pharaoh’s dream about seven thin ears of corn, which augur seven years of famine) and through *dissimilar* images (for example, dreams of tears, which foreshadow laugh-

16 E.g. see: MS Hamilton. 11, f, 4ra (Glasgow); MS K. 506, f. 6^r (Karlsruhe, Badische Landesbibliothek); MS Pal. Lat. 274, f. 39^r (Biblioteca Apostolica Vaticana).

17 MS K. 506, f. 6^r (Karlsruhe).

18 MS Voss. Lat. Q. 44, f. 3^v (Leiden).

19 See: MS Hamilton. 11, f, 4ra (Glasgow).

20 See: MS Gl. Kgl. S. 1910, f. 13^{rv} (Copenhagen), which reproduces the glosses on Macrobius, according to MS R. 69, f. 15^r (Wrocław. Biblioteka Uniwersytecka), and there is a continuation of the commentary, according to MS 199, f. 27vb (Cologne, Dombibliothek).

21 E.g. see: MS Voss. Lat. Q.44, f. 4^v (Leiden); MS Clm. 407, f. 10^r (Munich); MS Pal. Lat. 274, f. 40^r (Vatican).

22 MS Hamilton. 11, f, 4rb (Glasgow).

ter). The glosses repeat these examples and add other ones: e.g. Pompey's dream, in which he dreams of his own glorification before his death.^{23/24}

Theories about dreams continued to spread not only throughout the 12th century,²⁵ but also in the 13th. In this period, they were characterized by the synthesis of theories and doctrines in various works. An example is available in Paschal's *Book of the Mystery Treasures*, written in Latin in

23 E.g. see Pharaoh's dream: MS Hamilton. 11, f. 4ra (Glasgow); MS Lat. 6622, f. 9^v (Paris, Bibliothèque Nationale); tears of joy: MS 199, f. 27vb (Cologne); MS Plut. 77. 6, f. 7^v (Florence); MS Lat. 27, f. 95^v (Oxford, Lincoln College); MS C. 54, f. 156^r (Rome, Biblioteca Vallicelliana); Pompeius: Clm. 14619, f. 6^v; BN Lat. 6622, f. 9^v. It is noteworthy that these glosses are not associated with William's theory. Thus, in one of the manuscripts from Welsh the origin of "incubus" is explained by reference to the three shepherds of King Latinus, who were sleeping with their flocks and gave birth to fauns, satyrs and incubi. See ALISON M. PEDEN, "Science and Philosophy in Wales at the Time of the Norman Conquest: a Macrobius Manuscript from Llanbadarn", *Cambridge Medieval Celtic studies*, vol. 2 (1981): 35.

24 Compare also Aristotle's conceptions of sleep physiology, which are as follows: sleep is associated with alimentation as well as the impact of alimentation on the growth of the [human] being going to sleep more [intensely] than in the waking state. Food comes from the outside into a designated space for it – the stomach and intestines – and this is the path through which that food passes. There are some changes – good gets into the blood, poor is banished – but also a certain sort of substance passes into the blood through evaporation. These substances enter the center of the body – the heart, the primary source of life. From the fumes, which originate from food, sleep comes. Vapourable substance is warmth (so its trend is upward, just as warm air always rises up), then it turns and sinks. Therefore, eating and drinking, and especially the use of wine, containing a lot of warm substances, have a soporific effect. Aristotle, who understood that there is so much that is obscure in this area, also asked the question, whether or not dreams come because the spaces and processes inside the head are cooled as a result of the movement when the evaporation gets there. He asserted that this movement causes cooling of the stomach and intestines, which, when they are empty, are located in the warm condition, while the filling of food sets them in motion and thus causes cooling. See Гуго Глязер, Исследователи человеческого тела от Гиппократов до Павлова, пер. Ю. А. Федосюка, под ред. Б. Д. Петрова (Москва: МедГиз, 1956): 24–25; М. А. Солопова, «Возникновение науки о снах и сновидениях в Древней Греции», в: Интеллектуальные традиции Античности и Средних веков (исследования и переводы), под ред. М. С. Петровой (Москва: Кругъ, 2010): 156–168; Аристотель, *О предсказаниях во сне*, пер. М. А. Солоповой, Там же: 169–175.

25 John of Salisbury (1115/20–1180) in his discussion of dreams in *Policraticus* uses these glossators' ideas, although his classification reproduced that which was stated by Macrobius in his *Commentary*. Following on from Macrobius, John of Salisbury distinguishes the sorts of dreams ("*insomnium*", "*phantasma*", "*somnium*", "*oraculum*", and "*visio*"), indicating their causes and significances and also writes about the *epialtus*. Moreover, he quotes the same line of Virgil (see: VERG., *Aen.* IV, 3) which is in the text of Macrobius (see: *Comm.* I, 3, 6). Next, John draws on Augustine's theory of visions. See JOAN. SARESB., *Polycr.* II, 15: De speciebus somniorum, et causis, figuris et significationibus; *Ibidem* 16: Generalia quaedam de significationibus, tam somniorum, quam aliorum figurantium (PL 199, cols 429A – 433B).

Constantinople in the year 1135. In his work, Paschal combines Macrobius' theory and a part of Artemidorus' *Oneirocritica* with the "new science" of William of Conches' *Philosophia mundi*. He expands Macrobius' definitions (citing them) for each sort of dream, using physiological explanations which were characteristic of the glosses of the 12th century. For example, he talks a lot about the causes of nightmares. These are "the passions of the body," such as illness and unbalanced character; "incubi," in fact, represent blood that has accumulated near the heart or has put pressure on parts of the brain.²⁶

Moreover, in the 13th century, familiarity with the psychological texts of Aristotle²⁷ continued to stimulate the appearance of treatises in which dreams are ascribed to the influence of various spiritual forces. Among the many examples²⁸ there is one, a statement summary of where dreams come from, that we consider most striking – the treatise *De spiritu et anima* (cap. XXV), attributed to Ps.-Augustine. In this work the author uses Macrobius' terminology and classification, which is known about through intermediaries and which he interprets according to the "new science."²⁹ He supposes that

26 See PASH., *Lib. thes. occulti* I, iv, x (SIMONE COLLIN-ROSET, ed. 1963: 157–159).

27 See ENDRESS, "Platonizing Aristotle" (2012), 274.

28 Here we can specify the texts of Aelred of Rievaulx (1110–1167) (*De an.* III, C.H. TALBOT, ed. 1988: 133–142), of Albertus Magnus (born 1193 or 1206 / 07–1280) (*De somn. et vig.*, P. JAMMY, ed. 1651: 64–109), and of Arnold of Villanova (1235–1313) (*Exp. visionum* [1585]: 623–40).

29 See *De spiritu et anima* XXV (*Somnia unde diversa*), PL 40, cols. 795–798: **Omnia quae sibi videre videntur dormientes, quinque sunt genera; videlicet, oraculum, visio, somnium, insomnium, et phantasma** (cf. MACR., *Comm.* I, 3, 2). Oraculum est, cum in somnis parens vel aliqua sancta gravisque persona, seu sacerdos, vel etiam Deus eventurum aliquid aperte vel non eventurum, faciendum vel devitandum denuntiat. **Visio est, cum id quis videt quod eodem modo quo apparuerat eveniet** (cf. MACR., *Comm.* I, 3, 9). Somnium est figuris tectum, et sine interpretatione intelligi non potest. Insomnium est, quando id quod **fatigaverat vigilantem, ingerit se dormienti** (cf. MACR., *Comm.* I, 3, 4); sicut est cibi cura vel potus, vel aliqua studia, vel artes, vel infirmitates. Secundum namque studia quae quisque exercuit, somniat; et solitarum artium simulacra in praesentia mentis impressa apparent in somnis. Juxta etiam infirmitatum diversitates diversa accidunt somnia. Etiam secundum morum et humorum varietates variantur somnia. Alia namque vident sanguinei, alia cholericis, alia phlegmaticis, alia melancholicis. Illi vident rubea et varia; isti, nigra et alba. Phantasma est, quando **qui vix dormire coepit, et adhuc se vigilare aestimat, aspiceret videntur irruentes in se, vel passim vagantes formas discrepantes et varias, laetas vel turbulentas** (cf. MACR., *Comm.* I, 3, 7). **In hoc genere est ephialtes, quem publica persuasio quiescentes opinatur invadere, et pondere suo pressos ac sentientes gravare** (cf. MACR., *Comm.* I, 3, 7). Quod non est aliud nisi quaedam fumositas a stomacho vel a corde ad cerebrum ascendens, et ibi vim animalem comprimens). These words have combinations of words and phrases, highlighted by me in **bold**, borrowed by Ps.-Augustine (exactly or with minor changes of endings or order of words) from

“there are five species that relate to sleep, namely, ‘divination,’ ‘providence,’ ‘dream,’ ‘instigation’ and ‘phantasma.’ ‘Divination’ is when in a dream a parent or one of the saints and greatest men, or a priest, or even God openly proclaims what happens or does not happen, what should be done or what should be avoided. ‘Providence’ is when that which someone or other sees then happens in reality the same way as it was seen by the sleeper. A ‘dream’ is something that is hidden in symbols and without interpretation cannot be understood. ‘Instigation’ is something that has worried the person and now appears to him like it would to a sleeper: his concern [may be] about food or drink, any kind of activity, or occupation, or ailment. Consequently, people dream about the kinds of activities in which they have been engaged, and images of their usual activities, which were etched on the mind, appear in their dreams. In addition, different dreams can result in an unlimited variety.

The character of dreams also varies depending on which of the four humors is involved. Some are sanguine [from blood], others are choleric [from bile], a third type are phlegmatic [from mucus], and a fourth melancholic [from black bile]. Some people have red and multi-colored dreams, while others have black and white ones. *Fantasma* occurs when someone begins to fall asleep, but he feels more wakeful; it seems to him that he sees images rushing towards him and wandering everywhere; these images are vague and different, pleasant or disturbing. To the same genus of dreams belongs the *epialtus*, which, it is widely presumed, masters sleepers, so that they are crushed by its weight and feel heavy. What is this, if not a kind of evaporation, rising from the stomach, or from the heart to the brain, and overwhelming the power of his soul?”

It can be seen that the oneirocritical theories of William of Conches and Ps.-Augustine considered here combine a variety of psychological and physiological conceptions which were rising to the level of Greek knowledge. On the one hand, there can be seen the influence of Platonic and Neoplatonic doctrines learned directly from the Late Latin intellectual tradition (in particular through Macrobius). On the other hand, these theories contain elements of Aristotelian natural concepts, which, clearly, were perceived by the Arab world. At the same time, Arabic Aristotelianism underwent the influence of Platonism and Neoplatonism.

Macrobius' text. See also: МАКРОБИЙ, *Комментарий на 'Сон Сципиона'* 1, 3, пер. М.С. ПЕТРОВОЙ, в: ПЕТРОВА (2007): 191–199.

Thus, it is a synthesis of Platonism, Neoplatonism and Aristotelianism, included in Christian religion and culture, that is presented in the texts of William and Ps.-Augustine. As they created their oneirocritical concepts, these two authors built an Aristotelian component into the Platonic theories about dreams and dreaming that were already known to them. This may have prompted the later encyclopaedists (17th century) to use more material from Aristotle,³⁰ Galen (and also Avicenna) that met the requirements of the Modern Era.

References

- For original texts not listed below, see in Electronic Databases: BTL (Bibliotheca Teubneriana Latina, 2002), PHI 5 (Packard Humanities Institute, version 5, 1991), PL (Patrologia Latina, 1993–1995), TLG (Thesaurus Linguae Graecae, 1999)
- AELRED OF RIEVAULX, *De anima* [On the Soul], ed. CHARLES H. TALBOT (London: Warburg Institute, University of London, 1952), 164 p. [Medieval and Renaissance Studies. Suppl. I].
- ALBERTUS MAGNUS, *De somno et vigilia* [On Sleep and Wakefulness], in *Albertus Magnus. Opera omnia*, ed. PIERRE JAMMY, vol. 5 (Lyon, 1651), 109–131.
- JACQUELINE AMAT, *Songes et visions. L'au-delà dans la littérature latine tardive*. [Songs and Visions. The Afterlife in late Latin Literature] (Paris: Etudes Augustiniennes, 1985), 489 p.
- Ambrosii Theodosii Macrobiani Commentarii in Somnium Scipionis* [Commentaries of Ambrose Theodosius Macrobius on the Dream of Scipio], ed. JAMES WILLIS (Leipzig, 1963).
- ARNALDUS DE VILLA NOVA, *Expositiones visionum, quae fiunt in somnis, ad utilitatem medicorum non modicum* [Explanations of Visions that occur in Dreams, for the no small Benefit of Physicians], in: *Arnaldi Villanovani... Opera omnia* (Basilea: Conrad Waldkirch, 1585), 623–640.
- De philosophia mundi* [On the Philosophy of the World] [under the name *Honorius Augustodunensis*], PL, ed. JEAN-PAUL MIGNE, vol. 172 (Paris, 1895), cols. 39v102.
- CARLA DI MARTINO, “*Parva Naturalia*, tradition arabe” [“*Parva Naturalia*”, Arabic Tradition], in *Dictionnaire des philosophes antiques* (Supplément), ed. RICHARD GOULET (Paris: CNRS Éditions, 2003), 375–378.
- SILVIA DONATI, “The Critical Edition of Albert the Great’s Commentaries on *De sensu et sensato* and *De memoria et reminiscentia*: Its Significance for the Study of the 13th Century Reception of Aristotle’s *Parva Naturalia* and Its Problems”, in *The Letter before the Spirit: The Importance of Text Editions for the Study of the Reception of Aristotle*, ed. by AAFKE M.I. VAN OPENRAAY (Leiden - Boston: Brill, 2012): 345–400. https://doi.org/10.1163/9789004235083_018
- PETER DRONKE, *Fabula: Explorations into the Uses of Myth in Medieval Platonism* (Leiden – Köln, 1974), 200 p.
- MARTINE DULAËY, *La rêve dans la vie et la pensée de Saint Augustin* [The Dream in the Life and Thought of Saint Augustine] (Paris: Etudes Augustiniennes, 1973), 264 p.
- GERHARD ENDRESS, “Platonizing Aristotle: The Concept of ‘Spiritual’ (rūḥānī) as a Keyword of the Neoplatonic Strand in Early Arabic Aristotelianism”, *Studia graeco-arabica* 2 (2012): 265–279.

30 E.g. see: А.Ю. СЕРЕГИНА, «Аристотелевская традиция в медицине и “спор о женщинах” в XVII веке: Книга повитух Джейн Шарп», Адам и Ева 23 (2015): 197–207; ДЖЕЙН ШАРП, Книга повитух, пер. А.Ю. СЕРЕГИНОЙ, Там же: 208–249.

GUILLAUME DE CONCHES. *Glosae super Platonem* [Glosses on Plato], in *Glosae super Platonem: Texte critique, avec introd., notes et tables par Édouard Jeauneau* ÉDOUARD JEAUNEAU (Paris: J. Vrin, 1965), 358 p.

Guillelmi de Conchis Glosae super Platonem, editionem novam trium codicum nuper repperorum testimonio suffultam [William of Conchis' Glosses on Plato, a new edition supported by the evidence of three recently discovered codices], cur. ÉDOUARD JEAUNEAU, in *Guillelmi de Conchis opera omnia*, t. 3 (Turnhout: Brepols, 2006), cxlvi + 402 p. and plates (4) [Corpus Christianorum, Continuatio Mediaevalis, t. 203].

ROTRAUD HANSBERGER, *The Transmission of Aristotle's 'Parva Naturalia' in Arabic*, unpubl. doctoral thesis (University of Oxford, 2006/7).

ROTRAUD HANSBERGER, "How Aristotle Came to Believe in God-given Dreams: The Arabic Version of *De divinatione per somnum*", in *Dreaming across Boundaries: The Interpretation of Dreams in Islamic Lands*, ed. by LOUISE MARLOW (Cambridge: Harvard University Press, 2008), 50–77.

ROTRAUD HANSBERGER, "Kitāb al-Hiss wa-l-mahsūs: Aristotle's *Parva Naturalia* in Arabic guise", in *Les 'Parva naturalia' d'Aristote: fortune antique et médiévale*, Sous la direction de PIERRE-MARIE MOREL et CHRISTOPHE GRELLARD (Paris: Éditions de la Sorbonne, 2010), 143–162. <https://doi.org/10.4000/books.psorbonne.17667>

ROTRAUD HANSBERGER, "Plotinus Arabus Rides Again", *Arabic Sciences and Philosophy* 21 (2011): 67–84. <https://doi.org/10.1017/S0957423910000123>

Ioannis Saresberiensis episcopi Carnotensis Policratici sive De nugis curialium et vestigiis philosophorum libri 8 [John of Saresbury, Bishop of Carnot, Policraticus, or On the Courty Trifles and Traces of Philosophers, Book 8], rec. C.I. WEBB, 2 v. (Oxonii E Typographeo Clarendoniano, 1909).

ÉDOUARD JEAUNEAU, "Gloses de Guillaume de Conches sur Macrobe. Note sur les Manuscrits" [Glosses by Guillaume de Conches on Macrobius. Note on the Manuscripts], *Archives d'histoire doctrinale et littéraire du Moyen Age* 27 (1960): 17–23.

ÉDOUARD JEAUNEAU, "La lecture des auteurs classiques à l'école de Chartres Durant la première moitié du XIIe siècle. Un témoin privilégié: Les 'Glosae super Macrobius' de Guillaume de Conches" [The Reading of Classical Authors at the Chartres School in the First Half of the Twelfth Century: A Privileged Witness: Guillaume de Conches's 'Glosae super Macrobius'], in *Classical Influences on European Culture A.D. 500–1500*, ed. ROBERT RALPH BOLGAR (Cambridge, 1971): 95–102.

Le Liber thesauri occulti de Paschalis Romanus [The Book of Hidden Treasures by Paschal Romanus], ed. SIMONE COLLIN-ROSET, *Archives d'Histoire Doctrinale et Littéraire du Moyen Age* 30 (1963), 111–198.

ALISON M. PEDEN "Macrobius and Medieval Dream Literature", *Medium Aevum* 54/1 (1985): 59–73.

ALISON M. PEDEN "Science and Philosophy in Wales at the Time of the Norman Conquest: a Macrobius Manuscript from Llanbadarn", *Cambridge Medieval Celtic Studies*, vol. 2 (1981): 21–45.

Sedulii Scotti Collectaneum miscellaneum diuisio, ed. DEAN SIMPSON (Turnhout: Brepols, 1988): xxxix + 409 p. [Corpus Christianorum. Continuatio Mediaevalis, t. 67+suppl.].

ARISTOTEL', *O predskazaniakh vo sne* [On Predictions in Dreams], per. M.A. SOLOPOVOI, *Intellektual'nye traditsii Antichnosti i Srednikh vekov (issledovaniia i perevody)*, pod red. M.S. PETROVOI (Moskva: Krug", 2010): 169–175.

ARISTOTEL', *O snovideniakh* [On Dreams], per. O.A. CHULKOVA, v: *Akademeia. Materialy i issledovaniia po istorii platonizma*, vyp. 6., otv. red. A.V. TSYB (Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2005): 423–432.

D.A. BALALYKIN, «Микроструктура живои материи в натурфилософской системе Галена. Chast' 1» [The Microstructure of Living Matter in Galen's Natural Philosophical System. Part 1], *Filo-*

sofiya nauki. Nauchnoe izdanie po filosofii, metodologii i logike estestvennykh nauk 2/65 (2015): 119–134.

D.A. BALALYKIN, «Mikrostruktura zhivoi materii v naturfilosofskoi sisteme Galena. Chast' 2» [The Microstructure of Living Matter in Galen's Natural Philosophical System. Part 2], *Filosofiya nauki. Nauchnoe izdanie po filosofii, metodologii i logike estestvennykh nauk* 3/66 (2015): 95–112.

D.A. BALALYKIN, «Pervaya kniga traktata Galena *O doktrinach Gippokrata i Galena*» [The First Book of Galen's Treatise on the Doctrines of Hippocrates and Galen], *Voprosy filosofii* 8 (2015): 124–143.

O.A. CHULKOV, «K perevodu *O snovideniyakh* Aristotelya» [To the Translation of Aristotle's *On Dreams*], v: *Akademeia. Materialy i issledovaniia po istorii platonizma*, vyp. 6, otv. red. A.V. TSYB (Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2005): 420–422.

GUGO GLIAZER, *Issledovateli chelovecheskogo tela ot Gippokrata do Pavlova* [Researchers of the Human Body from Hippocrates to Pavlov], per. Iu. A. FEDOSIUKA, pod red. B.D. PETROVA (Moskva: MedGiz, 1956), 244 s.

DZHEIN SHARP, *Kniga povitukh* [The Midwives' Book], per. A. Iu. SEREGINOI, *Adam i Eva* 23 (2015): 208–242.

ZH. LE GOFF, *Drugoe srednevekov'e: vremia, trud i kul'tura Zapada* [The Other Middle Ages: Time, Labor, and Culture in the West], per. S.V. CHISTIAKOVOI, N.F. SHEVCHENKO, pod red. V.A. BABINTSEVA (Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta, 2000), 328 s.

ZH. LE GOFF, *Srednevekovyi mir vobrazhaemogo* [The Medieval World of the Imaginary], per. E.V. MOROZOVOI, pod red. S.K. TSATU-ROVOI (Moskva: Progress, 2001), 440 s.

MAKROBII, *Komentarii na 'Son Stsipiona'*, kn. I, gl. 1 – 4; 8 – 14 i 17; kn. II, gl. 12 – 13 i 17 [MACROBIUS, *Commentary on 'The Dream of Scipio'*, book I, ch. 1 – 4; 8 – 14 and 17; book II, ch. 12 – 13 and 17], per. M.S. PETROVOI, v: M.S. PETROVA, *Makrobii Feodosii i predstavleniia o dushe i o mirozdanii v Pozdnei Antichnosti* (Moskva: Krug", 2007): 176–321.

M.S. PETROVA, *Makrobii Feodosii i predstavleniia o dushe i o mirozdanii v Pozdnei Antichnosti* [Macrobius Theodosius and Ideas about the Soul and the Universe in Late Antiquity] (Moskva: Krug", 2007), 464 s.

A. Iu. SEREGINA, «Aristotelevskaia traditsiia v meditsine i "spor o zhenshchinakh" v XVII veke: *Kniga povitukh* Dzhein Sharp» [The Aristotelian Tradition in Medicine and the "Woman Controversy" in the 17th Century: Jane Sharp's *Book of Midwives*], *Adam i Eva* 23 (2015): 197–207.

M.A. SOLOPOVA, «Aristotel' o prirode snovidenii: fizika protiv mantiki (na osnovanii traktata *O predskazaniiah vo sne*)» [Aristotle on the Nature of Dreams: Physics Versus Mantics (based on the Treatise *On Predictions in Dreams*)], v: *Istoriko-filosofskii ezhegodnik* 2011, pod red. N.V. MOTROSHILOVOI (Moskva: Kanon+, 2012): 40–58

M.A. SOLOPOVA, «Voznikovenie nauki o snakh i snovideniiakh v Drevnei Gretsii» [The Emergence of a Science of Dreams in Ancient Greece], v: *Intellektual'nye traditsii Antichnosti i Srednikh vekov (issledovaniia i perevody)*, pod red. M.S. PETROVOI (Moskva: Krug", 2010): 156–168.

ELTE
EÖTVÖS LORÁND
TUDOMÁNYEGYETEM

ELTE | BTK
BÖLCÉSZEZETTUDOMÁNYI KARRAL

A folyóirat az Eötvös Loránd Tudományegyetem Bölcsészettudományi Kara
és az ELTE Folyóiratfejlesztési Alap támogatásával jelenik meg

The journal is published with the support of the Eötvös Loránd University
Faculty of Humanities and the ELTE Fund for Journal Development

GYULA SZVÁK

THREE “HISTORIES OF RUSSIA”

TAMÁS KRAUSZ

REMARKS ON THE HISTORY OF
A HISTORICAL ANALOGY – IN OTHER
WORDS, WHAT IS THE STALIN–HITLER
ANALOGY ABOUT?

BEÁTA VARGA

UKRAINE: THE “STATE TO NATION”
COUNTRY?

KATALIN SCHREK

THE BALKANS AS A SPHERE OF RUSSIA’S
IMPERIAL POWER – THOUGHTS ON
NEW PERSPECTIVES AND APPROACHES
IN MODERN HISTORICAL RESEARCH

ELENA V. ALEKSEEVA,

TATIANA IU. BYSTROVA

HISTORY OF THE INDUSTRIAL CITY
IN THE CULTURAL MEMORY AND MODERN
CULTURAL SPACE OF YEKATERINBURG

VIKTORIJA S. GRUZDINSKAIA,

MIKHAIL V. KOVALEV

A HUNGARIAN HISTORIAN WITHIN
SOVIET HISTORIOGRAPHY: THE CASE
OF PROFESSOR JÓZSEF PERÉNYI

GÁBOR GYÓNI

THE EXECUTION OF THE ROYAL FAMILY:
THE HUNGARIAN TRAIL

DMITRY A. REDIN

THE SOCIAL ORGANIZATION OF EARLY
MODERN RUSSIA: LANGUAGES
OF DESCRIPTION

IGOR’ O. TIUMENTSEV,

NINA E. TIUMENTSEVA

NEW AND RECENT HISTORIOGRAPHY
OF THE ZEMSTVO LIBERATION
MOVEMENT OF 1608–1612. PART ONE.

ANN M. KLEIMOLA

PLUS ÇA CHANGE: THE SHAPING OF
EARLY MUSCOVITE DIPLOMATIC RITUALS

MÁRTA FONT

GALICIA–VOLHYNIA IN THE LAST
THIRD OF THE THIRTEENTH CENTURY:
BETWEEN THE GOLDEN HORDE, POLAND,
AND LITHUANIA

ANDREI L. YURGANOV

THE CATEGORY OF “WHAT REALLY WAS”
IN THEORETICAL CONSIDERATION

MAYA S. PETROVA

ARISTOTELIAN FEATURES
IN MEDIEVAL ONEIROCRITICISM

